3 1761 03640 1958

345-Т
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛІОТЕКА
IX отдѣлъ.
РУССКОЕ КУПЕЧЕСКОЕ СОБРАНІЕ.
1389
4/135
Б... ЕКА
... УНЫ
... ева
Отдѣл
Шк. V
Полка 3-16.
№ 672
3

LR
R8937pr

Rozanov, Vasily Vasil'evich

В. В. Розановъ

ПРИРОДА И ИСТОРІЯ

Priroda i istoriya

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Изданіе П. Перцова

519807
22. 3. 81

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., № 8
1900

Статьи, собранныя въ настоящей книгѣ, были напечатаны между 1889—1898 гг. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Русскомъ Обозрѣніи“, „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ и „Новомъ Времени“.

Оглавленіе

	стр.
Вопросъ о происхожденіи организмовъ	1
Теорія Чарльза Дарвина, объясняемая изъ личности ея автора.	25
Красота въ природѣ и ея смыслъ	38
Часть и цѣлое	106
О чудесномъ въ мірѣ	115
Что иногда значитъ «научно объяснить» явленіе?	120
Философскія вліянія въ русскомъ обществѣ	126
Смѣна міровоззрѣній	149
Двѣ философіи (критическая замѣтка)	161
Замѣтки объ исторіи:	
1. О государствѣ въ древнемъ и новомъ мірѣ	164
2. Объ эпохахъ русской исторіи	182
Книга особенно замѣчательной судьбы	193

Я только что провелъ нѣсколько часовъ, приводя въ порядокъ ту стриженную лапшу, которая остается отъ «оригинала», когда онъ возвращается автору обратно изъ рукъ типографскаго наборщика, «творца» книги. Кой-гдѣ сердце мое сжалось, увидя синіе огромные, «редакторскіе», кресты надъ дорогими когда-то страницами. Но я вѣрю и хочу вѣрить, что являюсь не просто въ «критическомъ» изданіи, но въ «критическомъ и улучшенномъ». Я много и сильно увлекался въ своей литературной дѣятельности. Въ особенности прежде, въ «консервативный» періодъ моего развитія, я имѣлъ свободу печатать рѣшительно все, что—порой минутно и пламенно—увлекало мое воображеніе и мысль. Нужна была критическая, *читательская* работа надъ написаннымъ. Говорятъ, какой-то авторъ сказалъ, что онъ не хочетъ имѣть толпы читателей, но хочетъ имѣть *интимнаго* читателя. Кто-же этого не желаетъ; но я имѣлъ радость *видѣть, ощущать* около себя такихъ читателей. Что значитъ «интимный читатель»? Такой, который слышитъ *музыку души* автора, а не только слышитъ его слова; и имѣя этотъ ключъ отъ его произведеній, достаточно властно умѣетъ и хочетъ поправлять его.

Мнѣ думается, сочиненія мои все-таки «смотрятъ впередъ». Не забуду, что сочиненія мои никогда не производили впечатлѣнія на Н. Н. Страхова. «Боже, какъ вы хорошо пишете: какая точность языка и мысли»; или: «какая чистота стремленій и чувствъ». И я смѣялся, конечно радостно, слишкомъ компетентной похвалѣ. Но

если были люди *не* близнецы (не сросшіеся, дисгармоничные), то— этотъ почившій дѣдъ нашего критическаго, философскаго и публицистическаго сознанія, и я. Общеніе со Страховымъ доставляло мнѣ величайшее наслажденіе. Вотъ старый сѣдой дубъ, корни котораго, ноги котораго такъ хочется омыть; но, омывъ, бѣжать въ безвѣстную даль... Всѣ, чувствующіе «музыку души» моей, суть внуки того дѣда (по возрасту, по поколѣнію). Итакъ, я думаю, что, какъ писатель, я—«крайне современенъ», и это можетъ дать утѣшеніе тѣмъ читателямъ, которые, случайно купивъ книгу, пожалѣютъ о тратѣ на нее.

Говорятъ, литература есть «талантъ»; Толстой опредѣлилъ ее какъ «вниманіе». Но теперь, когда я убираю листки своихъ «opera omnia», я думаю прежде всего, что литература есть безконечный трудъ и упорная, нѣсколько фанатичная настойчивость. Въ самомъ дѣлѣ, такую *гибель бумаги* я ни за какую плату не переписалъ-бы; написать это, т. е. *составить* (скомпилировать)—ужасно, но я еще всю ее *сочинилъ*. Откуда у человѣка, скорѣй изнѣженнаго и вообще сибарита (ничего не могу дѣлать безъ желанія), эта бездна труда? Богъ велѣлъ и указалъ. Почему, будучи рѣшительно лѣнивымъ, я не уставалъ только писать, какъ въ годы, когда сидѣлъ за книгой «О пониманіи», такъ и потомъ, «среди газетъ и журналовъ»? Теперь жизнь моя течетъ спокойно и счастливо, но когда я писалъ «О пониманіи», я былъ лично измученный человѣкъ. И вотъ перейдешь къ главѣ «О существованіи». «Есть *несуществованіе* или его *нѣтъ*»? Помню надъ этимъ вопросомъ я съ ума сошелъ; это былъ истинно восхитительный для меня вопросъ (онъ, въ сущности, не разрѣшимъ). Въ скорби, въ унынiи я бралъ перо, душа расправлялась, высыхали внутреннія слезы, а строки бѣгутъ, бѣгутъ... «Да нѣтъ, «несуществованія» *нѣтъ*, есть *только* существованіе, ибо если-бы «несуществованіе» *было*, то уже тѣмъ однимъ, что оно *есть*, оно *заключало-бы въ себѣ существованіе*, и слѣдовательно было-бы «существованіемъ». Поэзія! младые дни!

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Мы любимъ мысли свои, какъ друзей; и если *умираютъ* друзья, умираютъ и *мысли*.

Въ концѣ концовъ всякій писатель есть могила умершаго. Можетъ быть, отъ этого многіе писатели дѣлаются угрюмы подъ старость. «Какъ мало живетъ во мнѣ, но сколько умерло!..» Есть однако благоуханіе и у могилъ, есть смыслъ около могилъ! Подъ старость вырабатывается какая-то жестокая опытность. Просматривая листки свои, я думалъ надъ многими: «Боже, я могъ это написать, я могъ этому вѣрить . И разочарованіе

За жаръ души растраченный въ пустынѣ

есть непремѣнно удѣлъ стараго или старѣющаго писателя. Много этихъ разочарованій и въ моемъ сердцѣ. Къ счастью, они не очаровали, кажется, и моего издателя. Sit iis terra levis.

И все таки хочется завтра писать, послѣ-завтра писать.—«Папа, да о чемъ ты все думаешь? —знакомый вопросъ, и милый.—«Я, милая, думаю о той сказкѣ, которую разсказываю». Такъ, между дѣтскими играми и «отдаленными историческими заботами», текутъ мои дни,—и не знаю, въ чемъ больше свѣжести. Карамзинъ когда-то спрашивалъ: «кто истинно счастливый человѣкъ?» —Истинно счастливый есть тотъ человѣкъ, которому Богъ удѣлилъ вѣчно трудиться, но надъ тѣмъ трудиться, что онъ и любитъ, и во что вѣритъ.

Вспомнимъ о тѣхъ, кто не имѣетъ и отдаленно этого счастья: а это—*всѣ*, почти всѣ...

Томъ этотъ наполненъ почти исключительно философіей, и такъ или иначе, онъ весь или вытекаетъ, или идетъ параллельно главамъ и страницамъ «О пониманіи». Если-бы какое-нибудь вниманіе къ этой книгѣ показало мнѣ, что есть возможность въ Россіи трудиться и жить для философіи,—вѣроятно, я никогда не сталъ-бы публицистомъ. Созерцательность, само-погруженность, экстазъ къ вопросу о «несуществованіи» есть, кажется, первичная матерія моей души. «И сотворилъ Богъ человѣка и вдунулъ въ лицо его... душу безсмертную». Моею «безсмертною душою», «вдунутою Богомъ», были въ сущности всегда совершенно *теоретическіе* вопросы: «како міръ», «како Богъ?», «како жизнь?» Гораздо позже, и въ

сущности всегда подъ конкретнымъ раздраженіемъ, являлось движеніе: «*не такъ* въ мірѣ», «*не такъ* (мыслимъ) о Богѣ», «*не такъ* устроено въ жизни». Эта книга почти исключительно отвѣчаетъ на вопросы: «какъ». Первыя три, ранѣе изданныя, большей частью полны волненіемъ: «не такъ».

Vale, читатель. И дай Богъ, чтобы ты испыталъ за чтеніемъ этихъ страницъ хоть долю той отрады и истиннаго счастья, какія я испыталъ, когда писалъ ихъ.

В. Р.

Вопросъ о происхожденіи организмовъ.

«Дарвинизмъ». Критическое изслѣдованіе Н. Я. Данилевскаго. Томъ II (одна посмертная глава). Съ портретомъ и указателями ко всему сочиненію. С.-Петербургъ, 1889 г.

Второй томъ критическаго изслѣдованія Н. Я. Данилевскаго долженъ былъ содержать разборъ ученія Ч. Дарвина о происхожденіи человѣка. Смерть неожиданно прервала работу автора, и теперь являющаяся глава есть единственное, что онъ успѣлъ приготовить для этого второго тома. Она посвящена разбору ученія объ экспрессіи, которая во многихъ случаяхъ является общею у человѣка и животныхъ и указываетъ, по мнѣнію Дарвина, на происхожденіе перваго отъ какой-то формы вторыхъ. Въ свое время глава эта была напечатана на страницахъ «Русскаго Вѣстника» (1887 г., май), и потому мы не будемъ ничего говорить о ней. Въ настоящемъ изданіи она сопровождается обширнымъ введеніемъ, написаннымъ Н. Н. Страховымъ, и нѣсколькими указателями. Введеніе относится не къ изданной теперь главѣ, но ко всему критическому изслѣдованію Н. Я. Данилевскаго и можетъ служить руководящею нитью при изученіи этого обширнаго труда; указатели предназначены облегчать всевозможныя справки въ немъ.

I.

Высокій интересъ, который связанъ съ теоріею Дарвина и ея критикою, обусловливается тѣмъ, что она явилась косвеннымъ разрѣшеніемъ вопроса, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ тревожившаго человѣческое сознаніе,—вопроса о причинности и цѣлесообразности. Въ философскихъ школахъ древней Греціи и въ средневѣковыхъ университетахъ, среди послѣдователей картезіанизма и между учениками Кювье,—всякій разъ, когда поднимался этотъ вопросъ, человѣческая мысль глубоко волновалась, и люди раздѣля-

лись на враждующія стороны. Лежитъ-ли въ основѣ міростроенія и мірозвитія одинъ который-нибудь изъ двухъ называемыхъ принциповъ, или, по недостаточности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, они должны быть признаны оба—вотъ сомнѣніе, разрѣшеніе котораго, всякій чувствовалъ, должно не только повліять на весь кругъ наукъ, но и опредѣлить судьбу многихъ глубокихъ вѣрованій человѣка, на которыхъ, сознательно или безсознательно, до сихъ поръ всегда покоилась его жизнь. Въ разгадкѣ этого вопроса содержится не только указаніе, какъ единственно можетъ человѣкъ понимать природу и объяснять ея явленія, но и отвѣтъ на то, слѣдуетъ-ли ему видѣть въ себѣ самомъ и въ своей мысли фактъ одиночный въ мірозданіи, безъ аналогій, безъ какихъ-либо связей съ нимъ, болѣе интимныхъ и глубокихъ, нежели какія существуютъ между зрителемъ и наблюдаемымъ предметомъ.

Правда, самъ Дарвинъ ничего не говорилъ объ этомъ вопросѣ; но едва появилась его теорія—всѣ почувствовали, что она служитъ именно отвѣтомъ на него. Какъ натуралистъ, онъ взялъ свою задачу гораздо у́же, но и вмѣстѣ—съ самой трудной ея стороны. Ничего не говоря о мірозданіи и строго воздерживаясь отъ философскихъ соображеній, онъ объяснилъ одну часть въ немъ и выполнилъ это съ помощью простыхъ и ясныхъ пріемовъ, установившихся въ естествознаніи. Онъ подмѣтилъ нѣкоторые процессы, имѣющіе мѣсто въ природѣ, создалъ нѣкоторыя предположенія, не имѣющія въ себѣ ничего невѣроятнаго, и искусно дополнивъ первые вторыми—далъ объясненіе происхожденію и устройству органическаго міра, исключающее цѣлесообразность. И такъ какъ органическій міръ яснѣе, чѣмъ все другое въ природѣ, обнаруживалъ въ своемъ строеніи и развитіи присутствіе цѣлесообразности, то, разъ показана была мнимость этой послѣдней, не оставалось никакихъ причинъ удерживать ее, въ качествѣ объясняющаго принципа, и для остальныхъ частей космоса.

Здѣсь мы должны остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ ученія, созданнаго Дарвинымъ. Несомнѣнно устранивъ цѣлесообразность, какъ объясняющее начало, онъ не назвалъ однако своего объясненія и причиннымъ. И чѣмъ внимательнѣе послѣдователи и антагонисты этой теоріи вдумывались въ ея смыслъ, тѣмъ болѣе затруднялись они въ опредѣленіи ея значенія: одни не видѣли въ ней причиннаго объясненія; другіе утверждали, что она носитъ причинный характеръ, и что только объясняющія причины должны быть отнесены въ глубь временъ. Ясно, что и для тѣхъ, и для другихъ причинный характеръ объясненія не былъ отчетливъ, твердо убѣдителенъ. И вотъ на ряду съ двумя единственными объясненіями, которыя возможно было бы ожидать для всякаго происхожденія и устройства, очень упорно называется третье—объясненіе черезъ *случайное*.

Въ теоріи Дарвина есть одна особенная странность, которая и породила это недоразумѣніе, но она почему-то никѣмъ не почувствована съ достаточною живостью и яркостью. Будучи (по задачѣ своей) теоріею *происхожденія* органическихъ формъ, она въ дѣйствительности говоритъ только объ ихъ *сохраненіи*; или точнѣе и строже: о несохраненіи формъ, за исчезновеніемъ которыхъ остались тѣ, которыя наблюдаются. Всѣ процессы, указываемые въ природѣ, имѣютъ лишь это послѣднее значеніе, но лишены какой бы то ни было созидающей, производящей силы. Наслѣдственность передаетъ потомству измѣненія, возникшія у предковъ; размноженіе организмовъ въ геометрической прогрессіи и вытекающая отсюда борьба за существованіе, уничтожая неизмѣненныя благопріятно особи, способствуетъ сохраненію тѣхъ, которыя измѣнены благопріятно. И здѣсь и тамъ *измѣненія разсматриваются, какъ уже данное;* а то, что объясняется теоріею, есть лишь процессъ сохраненія. И это необыкновенно странно для ученія, которое и само себя понимаетъ, и принимается другими, какъ ученіе о происхожденіи, о генезисѣ,—о томъ, въ чемъ есть движеніе и варіированіе: способъ возникновенія измѣненій, а не ихъ сохраненія, есть основная задача, разрѣшенія которой мы ожидали бы отъ подобнаго ученія. Естественный или искусственный подборъ, даже если онъ дѣйствуетъ вѣчность, только присоединяетъ, «суммируетъ», по выраженію Дарвина, одну новую черту въ организмѣ съ другою, уже ранѣе возникшею. *Но и то, что онъ присоединяетъ, и то, къ чему присоединяетъ, возникло помимо его и ранѣе, чѣмъ онъ началъ свое дѣйствіе.* Онъ же не созидаетъ ни одной новой черты въ организмѣ; къ тому, что есть въ природѣ, не присоединяетъ даже іоты. Такимъ образомъ, въ теоріи этой являются страннымъ образомъ смѣшанными понятіе возникновенія, появленія, и понятіе сохраненія, не исчезанія только. Отсюда вытекаетъ то, что ея причинный характеръ такъ не ясенъ. Никакое возникновеніе не можетъ происходить иначе, чѣмъ которымъ-нибудь изъ этихъ двухъ способовъ: причиннымъ или цѣлесообразнымъ; но разрушеніе или сохраненіе возникшаго можетъ быть результатомъ случайности, и вотъ почему это послѣднее понятіе—столь несовмѣстимое съ представленіемъ возникающаго, образующагося—такъ упорно прилагается къ дарвинизму и дѣйствительно совмѣщается съ нимъ, какъ теоріею и не имѣющею объяснить какое-либо происхожденіе.

Здѣсь мы дадимъ кстати опредѣленіе *случайнаго*—понятія, отъ котораго не въ силахъ ни освободиться наука, такъ какъ оно, очевидно, имѣетъ мѣсто въ жизни природы и человѣка, ни какъ-нибудь овладѣть имъ, признать его, потому что оно, повидимому, ускользаетъ отъ опредѣленія причинности—совершенія по основаніямъ, чему все должно быть подчинено. Есть масса явленій, относительно которыхъ всѣ живо чувствуютъ, что они не находятся къ окру-

жающему въ отношеніи толчка и движенія, причины и слѣдствія: что тутъ замѣшано что-то иное, чему и принадлежитъ все ихъ значеніе,—и ихъ отдѣлили въ особую область, которой дали имя случайнаго. Въ дѣйствительности *явленіе, которое мы называемъ случайнымъ, есть синтезъ двухъ простыхъ, изъ которыхъ каждое причинно, но не въ томъ ряду, въ которомъ причинно другое, и оба не согласованы ни въ чемъ третьемъ.* Такимъ образомъ, случайное относится къ положенію, а не къ существованію,—и не къ элементамъ предмета или явленія, но къ ихъ синтезу, который въ возможности, потенціально, всегда существовалъ, и только поэтому получилъ реальныя формы, когда эти элементы соприкоснулись. Такъ, смерть человѣка отъ паденія обломка скалы, подъ которою онъ шелъ (типичный примѣръ случайнаго) есть сложеніе двухъ простыхъ явленій: 1) того, что онъ шелъ въ данномъ мѣстѣ, 2) того, что въ это время сюда упалъ обломокъ скалы; и оба эти явленія въ отдѣльности причинны, но только каждое въ особомъ ряду, для котораго не существуетъ другаго ряда, ни какого-либо звена его. И самый синтезъ ихъ,—смерть человѣка происшедшимъ способомъ, всегда существовалъ, но лишь въ сферѣ неопредѣленной возможности (въ ряду другихъ безчисленныхъ способовъ умиранія) и теперь выдѣлился изъ нея, сталъ дѣйствительностью, какъ выдѣляется звукъ отъ удара двухъ цѣпей, въ которыхъ (явно) его не было, и въ которыхъ (въ возможности) онъ былъ. Такимъ образомъ, случайное не нарушаетъ причинности; но только эта послѣдняя проявляется здѣсь особымъ характернымъ способомъ: фактъ случайный есть тотъ, который происходитъ какъ бы не отъ своей причины, а отъ того, что есть слѣдствіе въ иномъ причинномъ ряду—съ этимъ фактомъ, однако, не согласованномъ (что было бы цѣлесообразностью). Онъ порождается пересѣченіемъ двухъ или болѣе процессовъ независимаго происхожденія; впаденіемъ звена одного процесса въ рядъ звеньевъ другаго, что на моментъ разрываетъ ихъ и производитъ третье явленіе (случайное), которое въ цѣлости своей не содержалось ни въ которомъ изъ встрѣтившихся процессовъ (видимая безпричинность случайнаго), но *какъ часть, ожидающая лишь дополненія остальныхъ частей до цѣлаго,* содержалось въ каждомъ процессѣ порознь (дѣйствительная причина случайнаго). Въ сферѣ-скрыто предустановленнаго, что мы называемъ потенціальностью, находятъ свое примиреніе и объясненіе случайное и причинное.

Это опредѣленіе случайнаго охватываетъ, какъ кажется, всѣ явленія, которымъ мы могли бы дать это имя. И подъ него подходитъ также естественный подборъ, какъ синтезъ нѣсколькихъ процессовъ независимаго происхожденія, между собою не согласованныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, вотъ его факторы: 1) индивидуальныя измѣненія, появляющіяся въ особяхъ случайно и во всевоз-

можныхъ направленіяхъ, 2) условія внѣшняго существованія, которыя могли бы болѣе согласоваться съ одними изъ появляющихся измѣненій, нежели съ другими, которыя также появляются, 3) геометрическая прогрессія размноженія, 4) недостаточность средствъ существованія для всѣхъ особей, сколько бы ихъ ни произошло, и 5) случайное спариваніе особей благопріятно измѣненныхъ съ особями получившими такія же измѣненія (теперь или въ далекомъ потомствѣ). Всѣ эти пять факторовъ случайны по отношенію другъ къ другу, ихъ отношеніе чисто внѣшнее, ни который изъ нихъ не содержитъ въ себѣ остальныхъ и самъ въ нихъ не содержится. Но изъ нихъ два: индивидуальныя измѣненія и спариваніе одинаково измѣненныхъ индивидуумовъ—случайные не только въ отношеніи къ остальнымъ факторамъ, но и каждый внутри себя, во всякомъ отдѣльномъ звенѣ своемъ. И въ самомъ дѣлѣ: каждое измѣненіе случайно (по Дарвину), такъ какъ оно не находится ни въ какомъ отношеніи къ предъидущимъ измѣненіямъ, отъ нихъ нисколько не зависитъ, и не подчинено вмѣстѣ съ тѣмъ какому-либо закону. Здѣсь случайное достигаетъ той степени своей—той высоты, гдѣ она теряетъ всякое отношеніе къ причинному, и мы отказываемся допустить, чтобы она имѣла мѣсто въ природѣ. Второй факторъ—спариванье, случайно также въ каждомъ своемъ элементѣ порознь, но лишь въ строгомъ и ограниченномъ смыслѣ того опредѣленія, которое мы дали выше для случайнаго: въ отдѣльности каждое спариванье обусловливается не цѣпью предыдущихъ спариваній, а (случайною) встрѣчею особей, которыя одинаково измѣнены. И между тѣмъ, эти два фактора суть самые важные въ естественномъ подборѣ: имъ однимъ принадлежитъ охраняющее значеніе въ природѣ, прочіе же всѣ объясняютъ только, какъ погибло, почему не сохранилось то, что и не наблюдается, чего нѣтъ въ формахъ органическаго міра (уничтоженіе неблагопріятно измѣненныхъ особей въ борьбѣ за существованіе).

Построивъ теорію естественнаго подбора, Дарвинъ описалъ только то, что происходитъ на поверхности природы—различныя комбинаціи уже возникшаго; но онъ не объяснилъ самаго возникновенія, не заглянулъ внутрь природы—туда, гдѣ совершаются ея глубокіе и скрытые процессы. Этотъ недостатокъ теоріи: то, что, имѣя объяснить, какъ *происходитъ*, она объясняетъ лишь, какъ *сохраняется*,—есть основной въ ней, за которымъ мы не хотимъ даже разсматривать остальныхъ недостатковъ. Въ сущности все, о чемъ идетъ споръ между дарвинистами и ихъ противниками, т.-е. нивеллирующее вліяніе скрещиванія или возможность подбора и при немъ—все это вовсе не касается органическихъ новообразованій. Споръ идетъ только о томъ, что дѣлается съ первоначальнымъ индивидуальнымъ измѣненіемъ: онъ *не переступаетъ за границу этого вопроса и не можетъ этого сдѣлать*, потому что лишь одно это измѣ-

неніе, его дальнѣйшая судьба, разъ оно случайно возникло, составляетъ весь предметъ теоріи—то, о чемъ она написана. Пусть говорятъ, что существованіе этихъ индивидуальныхъ измѣненій общеизвѣстно, что они бываютъ всевозможнаго характера; это нисколько не дѣлаетъ ихъ понятными для насъ, а ихъ разнообразіе не свидѣтельствуетъ объ ихъ безпорядочности, объ отсутствіи какого-либо закона при ихъ возниканіи. Именно эти измѣненія, открытіе порядка въ ихъ появленіи и изслѣдованіе причинъ послѣдняго—и есть задача науки о происхожденіи органическаго міра; и то, что мы окружены ими, что мы всѣ знаемъ, что онѣ есть,—говоритъ только о томъ, что мы живемъ въ морѣ органической жизни, не замѣчая его, какъ не замѣчаемъ воздуха, которымъ дышемъ, и не хотимъ понять, что это и есть самое интересное и самое нужное, что намъ предстоитъ изслѣдовать. Теорія же подбора этотъ именно вопросъ и обходитъ.

II.

И здѣсь, разъ вопросъ идетъ о *возникновеніи* объ органическихъ *новообразованіяхъ*, тотчасъ выступаетъ возможность и необходимость говорить о причинности и цѣлесообразности.

Причинность и цѣлесообразность суть два различные способа соединенія звеньевъ, которыя слагаютъ изъ себя процессъ, совершеніе; то, что́ варіируетъ въ природѣ, въ послѣдующія времена не остается тѣмъ же, чѣмъ было въ предыдущія. Присутствіе одного или другого способа налагаетъ извѣстныя опредѣленныя черты на самый процессъ, и наблюдая ихъ—мы можемъ открыть его. Какъ и повсюду въ наукѣ, здѣсь пріобрѣтаетъ опредѣленный смыслъ и становится возможною для разрѣшенія задача: по данному наблюдаемому опредѣлить скрытое, что́ съ нимъ связано нѣкоторымъ опредѣленнымъ способомъ.

Такимъ образомъ, зависимость формы процесса и того, что̀ возникаетъ по его окончаніи, отъ способа соединенія звеньевъ, изъ которыхъ слагается онъ — есть первое, что́ предстоитъ разрѣшить въ вопросѣ о причинномъ или цѣлесообразномъ происхожденіи и устройствѣ органическаго міра.

Различіе между причинностью и цѣлесообразностью состоитъ въ различномъ отношеніи наблюдаемаго измѣненія къ тому, что̀ служитъ для него основаніемъ. Всякій разъ, когда это основаніе или предшествуетъ ему во времени, или съ нимъ одновременно — мы называемъ самое измѣненіе причиннымъ; напротивъ, если это основаніе лежитъ въ томъ, что̀ слѣдуетъ за измѣненіемъ во времени—мы называемъ измѣненіе цѣлесообразнымъ. Такъ, движеніе, вызванное толчкомъ, или колебаніе различной цѣны продукта въ зависимости отъ спроса и предложенія, есть измѣненіе причинное; построеніе же зданія или установленіе какихъ-нибудь политиче-

скихъ отношеній есть измѣненіе цѣлесообразное, такъ какъ здѣсь ожидаемое въ будущемъ есть основаніе, по которому совершается и съ чѣмъ сообразуется то, что происходитъ. Ясно, что, такъ какъ предшествованіе, одновременность и послѣдованіе исчерпываютъ возможныя отношенія между собою звеньевъ и во всякомъ процессѣ, то никакого иного характера, кромѣ причиннаго или цѣлесообразнаго, между ними не можетъ существовать. Они исчерпываютъ собою сферу варіированія въ природѣ, не оставляя мѣста въ ней для чего-либо третьяго.

Эта невозможность третьяго допускаетъ при частныхъ изслѣдованіяхъ природы замѣну прямого и положительнаго доказательства (гдѣ оно почему-либо неудобно) — косвеннымъ и отрицательнымъ: всякій разъ, когда достаточно обнаружено, что данный процессъ не есть причинный,—съ равною достаточностью обнаружено, что онъ цѣлесообразенъ, и наоборотъ.

Теперь установимъ важнѣйшія соотношенія, которыя существуютъ между звеньями всякаго процесса, совершающагося по способу механически дѣйствующей причинности. Эти соотношенія вытекаютъ изъ самыхъ понятій «причины» и «дѣйствія»,—и изъ условія, что первая здѣсь или предшествуетъ второму, или съ нимъ одновременна. Вслѣдствіе того, что очевидность этихъ соотношеній очень близка къ аксіоматичности, строгое доказательство ихъ очень трудно и сложно. Мы поэтому опустимъ здѣсь эти доказательства, не отказываясь однако представить ихъ, еслибъ это потребовалось. Но, по очевидности нижеприводимыхъ положеній, требованія доказать ихъ едва ли можно ожидать. И въ механикѣ такія понятія, какъ инертность, не доказываются, но лишь разъясняются. При механически дѣйствующей причинности:

I. То, въ чемъ измѣненіе, и то, откуда оно, всегда раздѣльны. Этотъ первый и основной принципъ устанавливаетъ двойственность во всякомъ механическомъ процессѣ, отрицаетъ единство существа, въ которомъ онъ могъ бы быть замкнутъ. Какимъ бы внутреннимъ ни представлялось для насъ явленіе (напримѣръ, въ органахъ растенія или животнаго)—всякій разъ, когда мы называемъ его причиннымъ, мы ничего другого и не говоримъ о немъ, какъ только то, что оно вызвано основаніемъ, которое лежитъ внѣ его, что оно произведено или предшествующимъ, или окружающимъ. Представленіе раздѣльности причиняющаго и того, чему что-либо причиняется, не отдѣлимо отъ представленія механизма; оно тожественно съ нимъ, есть его опредѣленіе. При этомъ, когда основаніе предшествуетъ измѣненію—оно отдѣлено отъ него временемъ; когда одновременно съ нимъ — отдѣлено пространствомъ, не совмѣщается съ нимъ.

Это первое положеніе о механически дѣйствующей причинности, которое мы назвали бы принципомъ раздѣльности измѣняю-

щаго отъ измѣняемаго, влечетъ за собою нѣкоторыя слѣдствія, которыя могутъ считаться только его модификаціями; они слѣдующія:

1) Причиненіе въ механически совершающемся процессѣ всегда бываетъ наружное; отсутствіе чего-либо внутренняго есть постоянный и необходимый признакъ всякаго механическаго процесса въ его цѣломъ.

2) Измѣняемое по механически причинному способу всегда бездѣятельно по отношенію къ этому измѣненію, которое въ немъ возникаетъ. Это—извѣстное начало инертности, которое признается въ механикѣ первоначальнымъ требованіемъ для вещества и логически распространяется на все, о чемъ мы утверждаемъ, что оно подчинено только механизму. Если съ неопредѣленнаго вещества разсматриваемаго въ механикѣ, мы перенесемъ понятіе инертности на отдѣльныя существа, то можемъ разумѣть подъ нею ихъ безразличіе къ тому, чѣмъ стать.

Замѣтимъ, что принципъ инертности не есть первоначальный для вещества, какъ это устанавливается въ механикѣ: онъ вытекаетъ какъ слѣдствіе изъ наружности всякаго механическаго причиненія, которое въ свою очередь опирается на раздѣльность въ немъ измѣняющаго отъ измѣняемаго. Однако, принципъ этотъ необыкновенно важенъ. Онъ кладетъ грань, откуда расходятся два великіе порядка природы: одинъ, въ которомъ господствуетъ безжизненное подчиненіе — это мертвая природа, и другой, въ которомъ господствуетъ вѣчная дѣятельность—царство жизненнаго напряженія.

Нельзя обойти молчаніемъ, что изъ принципа инертности прямо вытекаетъ требованіе, что сила, какъ причина измѣненія, имѣетъ наружное положеніе по отношенію къ веществу, что она не есть его свойство, нисколько не истекаетъ изъ него, но напротивъ облекаетъ его собою и движетъ; по крайней мѣрѣ это такъ по отношенію ко всякой силѣ, дѣйствующей по способу механической причинности. Представленіе, что сила есть свойство вещества, какъ кажется, не имѣетъ другаго основанія, кромѣ такъ часто повторяемой мысли, что «нѣтъ силы безъ вещества». Но это основаніе таково, что на него нечего опереть: не все то, что неизмѣнно сопутствуетъ другому, что отъ него не отдѣлимо, есть поэтому и его свойство. Вогнутость не отдѣлима отъ выпуклости, и однако равнозначуща ей и противоположна по направленію. Постоянно сопутствующее другъ другу, тотчасъ исчезающее съ исчезновеніемъ другаго — не всегда относится даже къ одному порядку явленій: чувство грусти, выраженное въ нарисованномъ образѣ и волнующее насъ, не отдѣлимо отъ чертъ и красокъ, которыми нарисованъ образъ, и однако не имѣетъ съ ними ничего общаго. Замѣтимъ еще, что сила всемірнаго тяготѣнія или дѣйствуетъ не такъ, какъ

это представлялъ Ньютонъ, или, если его представленіе было справедливо—она не есть сила механическая. Единственный способъ представленія ея, совмѣстный съ механизмомъ, есть тотъ, который придуманъ былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія женевскимъ ученымъ Лесажемъ. И дѣйствительно, очень простое соображеніе можетъ убѣдить, что причина взаимнаго тяготѣнія тѣлъ другъ къ другу не можетъ лежать въ самыхъ тѣлахъ, какъ ихъ свойство, но внѣ ихъ, снаружи, какъ нѣчто облегающее ихъ и давящее на нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, если мы согласимся на первое, то спрашивается: какъ проявится это свойство въ частицѣ вещества, если она одна? и если очевидно, что въ ней не можетъ быть тяготѣнія, потому что ей не къ чему тяготѣть, то какъ можемъ мы думать, что то, чего не находится ни въ какой астицѣ, взятой отдѣльно, находится въ каждой изъ нихъ, когда онѣ собраны вмѣстѣ?

Второй принципъ механически дѣйствующей причинности основывается на одномъ изъ указанныхъ выше слѣдствій и можетъ быть выраженъ такъ:

II. Механическое причиненіе всегда происходитъ по способу прикосновенія. Это начало вытекаетъ изъ наружности всякаго механическаго причиненія—что, въ свою очередь, опирается на то, что основаніе въ этой причинности всегда лежитъ внѣ слѣдствія, или ему предшествуя во времени, или съ нимъ не совмѣщаясь въ пространствѣ. Такъ какъ прикосновеніе можетъ быть лишь между тѣмъ, что имѣетъ въ пространствѣ мѣсто, и притомъ занимаетъ его такъ, что имѣетъ границы начала и окончанія (черезъ которыя и происходитъ соприкосновеніе), то понятно становится, почему сферою механизма всегда считалась только область грубаго вещества: оно одно замѣщаетъ собою пространство и разграничиваетъ его своими частями.

Повсюду, гдѣ наука выходила изъ сферы вещества и пыталась сохранить механически-причинный способъ объясненія (напримѣръ, въ психологіи, этикѣ, политикѣ, исторіи), ея указанія по этому самому теряли ясность и опредѣленность. Мы можемъ замѣтить только, что разсматриваемый способъ объясненія въ этихъ сферахъ духовной и исторической жизни долженъ выразиться тѣмъ, что причины каждаго изучаемаго факта должны быть относимы или къ фактамъ предшествующимъ въ той же духовной или исторической жизни, или окружающимъ вліяніямъ; въ послѣднемъ же анализѣ — только къ послѣднимъ. Ибо и каждый предшествующій фактъ въ свою очередь долженъ разложиться на часть, произведенную еще ранѣе окружающими условіями и т. д., до тѣхъ поръ, пока въ началѣ не окажется духъ человѣческій, какъ tabula rasa, какъ чистая способность воспринимать вліянія, и окружающая природа, какъ источникъ этихъ вліяній. Объ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ

сказать, что они бываютъ трехъ родовъ: какъ понужденіе къ большей или меньшей степени труда, какъ способствованіе къ той или иной формѣ труда, и какъ впечатлѣніе. Два первые рода вліяній обусловливаютъ собою внѣшнюю и матеріальную сторону жизни, ея способъ; третій родъ — духовную, опредѣляя ея характеръ и содержаніе. Кромѣ отсутствія ясности и опредѣленности, въ этихъ объясненіяхъ слѣдуетъ отмѣтить еще одну сторону, и притомъ самую важную: они никогда не бываютъ объясненіями достаточными.

Изъ принципа прикосновенія вытекаютъ слѣдующія положенія:

1. Измѣненіе, возникающее по началамъ механической причинности, всегда есть перемѣщеніе. Это потому, что занимающее мѣсто въ пространствѣ и имѣющее границы въ немъ можетъ дѣйствовать на что-либо внѣшнее для себя не иначе, какъ перемѣщаясь; при немъ границы его стремятся занять мѣсто, занятое границами внѣшняго. И такъ какъ совмѣстность ихъ невозможна, иначе одно изъ нихъ стало бы внутреннимъ для другаго, что́ противорѣчитъ постоянной раздѣльности въ механизмѣ измѣняющаго отъ измѣняемаго, то и происходитъ перемѣщеніе внѣшняго. Отсюда вытекаетъ опредѣленіе сферы механизма.

2. Сфера механизма есть движеніе, его количество и направленіе. Это потому, что перемѣна мѣста и есть движеніе, которое можетъ быть разсматриваемо лишь въ двухъ отношеніяхъ: количества и направленія. Масса движущагося и скорость движенія, что́ также разсматривается въ механикѣ, суть только элементы, на которые разлагается при дальнѣйшемъ анализѣ количество движенія.

3. Измѣненіе въ механическомъ процессѣ всегда возникаетъ въ направленіи обратномъ положенію, занимаемому причиною, которая его вызвала. Это положеніе представляется намъ самымъ важнымъ изъ всѣхъ, которыя вытекаютъ изъ разсматриваемаго начала. Оно раскрываетъ истиное отношеніе, которое существуетъ между каждыми двумя смежными звеньями механическаго процесса, опредѣляя его какъ отталкиваніе. Такимъ образомъ, механическія причины всегда суть причины вымѣщенія, выхода изъ прежняго положенія (и на сколько имъ обусловлено—состоянія); ихъ дѣйствіе не простирается далѣе настоящаго, которое онѣ разрушаютъ. Реальность и ограниченность присущи имъ въ высшей степени: ихъ каждое дѣйствіе становится фактомъ, но этотъ фактъ можетъ имѣть мѣсто только здѣсь и теперь. Никакое вліяніе на отдаленное или будущее, согласованіе того и другого съ настоящимъ—не доступно для нихъ. Единственное, что предопредѣляютъ собою онѣ,—это то, что наблюдаемая реальность (предметъ ихъ воздѣйствія) не сохранится болѣе, и что имѣющее возникнуть на ея мѣстѣ—будетъ уже иное, съ нею не сходное. Далѣе этихъ отрицательныхъ представленій, которыя оставляютъ мѣсто для безграничнаго множества положитель-

ныхъ, мы не можемъ пойти, наблюдая механическія причины. Быть можетъ, имъ же—механическимъ причинамъ—будетъ принадлежать и опредѣленіе положительнаго образа того, что замѣститъ разрушаемое настоящее; но эти причины будутъ уже внѣ всякой зависимости отъ теперь и здѣсь дѣйствующихъ, явятся по отношенію къ нимъ въ высшей степени побочными и случайными.

III. Въ механической причинности слѣдствіе или не варіируетъ, или, варіируя, разсѣевается по мѣрѣ удаленія отъ причины, его вызвавшей. Если начало отталкиванія опредѣляетъ внутреннюю связь между отдѣльными звеньями всякаго механическаго процесса,—то начало, къ которому мы переходимъ теперь, опредѣляетъ форму этого процесса въ его цѣломъ. Основывается оно на необходимости тожества между содержимымъ причины и содержимымъ слѣдствія. Мы не будемъ здѣсь приводить полнаго доказательства, почему это тожество никакимъ образомъ не можетъ быть нарушено, и ограничимся лишь замѣчаніемъ, что всякое подобное нарушеніе было бы или абсолютнымъ исчезновеніемъ нѣкоторой реальности, или возникновеніемъ реальности же изъ ничего. Причина и ея слѣдствіе есть одно, но различно размѣщенное и въ послѣдующія времена съ инымъ соотносящееся, нежели съ чѣмъ соотносилось прежде, — откуда и возникаетъ кажущееся несходство между ними. Хорошимъ поясненіемъ этой истины можетъ служить простѣйшій видъ механизма—движеніе. оно ни во что не преобразуется, кромѣ движенія же, и если иногда переходитъ въ явленія, повидимому, не имѣющія ничего общаго съ перемѣщеніемъ (теплота, свѣтъ и проч.), то болѣе глубокое изученіе этихъ явленій обнаружило во всѣхъ нихъ присутствіе движенія же, но только происходящаго въ иной средѣ (напримѣръ, въ эфирѣ) и по иному способу.

Если этотъ общій законъ мы примѣнимъ къ двумъ видамъ механической причинности—сосуществованіямъ и преемствамъ, то и получимъ начало, только-что формулированное выше. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ слѣдствіе одновременно со своимъ основаніемъ, оно не варіируетъ, ему чуждъ процессъ—потому что оно не можетъ ни отойдти отъ своего основанія во времени, ни воспринять въ себя какого-либо различія сравнительно съ нимъ: послѣднее возникало бы изъ ничего. Характернымъ примѣромъ такой одновременной и неподвижной зависимости можетъ служить рыночная цѣна продукта, которая остается тою же, не варіируетъ, пока не варіируетъ соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ; или неподвижное стояніе приподнятаго груза на одной чашкѣ вѣсовъ, пока на другую ея чашку давитъ наша рука. Чтобы точнѣе опредѣлить важный здѣсь терминъ «не варіируетъ»—замѣтимъ, что онъ обозначаетъ отсутствіе количественнаго измѣненія въ слѣдствіи сравнительно съ причиною, что, отрицая въ немъ всякое умаленіе, онъ отрицаетъ и всякое возростаніе въ немъ, и притомъ не только дѣйствительное, но хотя бы и кажущееся.

Такъ происходитъ въ сосуществованіяхъ. Въ преемствахъ слѣдуетъ различать два случая: одинъ, когда къ созданному слѣдствію не привходитъ на всемъ протяженіи безконечнаго времени никакого воздѣйствія новыхъ причинъ, и другой, когда оно подвергается такому воздѣйствующему вліянію. Первый случай возможенъ въ отвлеченіи, и, быть можетъ, имѣетъ мѣсто въ обращеніи небесныхъ свѣтилъ. Его примѣръ—движеніе тѣла, получившаго ударъ, которое безъ привходящихъ воздѣйствій становится безконечнымъ и равномѣрнымъ. Собственно причина безконечности здѣсь лежитъ въ томъ, что первое слѣдствіе (перемѣщеніе тѣла на разстояніе, равное тому, которое было пройдено ударившимъ тѣломъ) безъ привходящей причины не можетъ стать ничѣмъ инымъ, какъ только своимъ повтореніемъ, то-есть, по закону тожества между причиною и слѣдствіемъ, движеніемъ такимъ же по величинѣ и скорости и такъ же направленнымъ,—это послѣднее можетъ перейти опять только въ движеніе, и т. д. до безконечности. Этотъ первый случай являетъ тоже отношеніе слѣдствія къ причинѣ, какое мы наблюдаемъ въ сосуществованіяхъ: слѣдствіе и здѣсь не варіируетъ, оно вытягивается въ процессъ, всѣ звенья котораго тожественны между собою, и рядъ ихъ безконеченъ. Омѣтимъ, что и здѣсь, на ряду съ отсутствіемъ умаленія, отсутствуетъ и какое-либо возростаніе.

Второй случай обнимаетъ собою все въ природѣ—ему подчинена она если не въ цѣломъ своемъ, то въ томъ, что̀ заключено въ ея нѣдрахъ; что̀ не она, но въ ней. Разсмотримъ и здѣсь соотношеніе между причиною и слѣдствіемъ.

Первое слѣдствіе повторяетъ собою причину,—но пусть уже во второй моментъ своего существованія оно встрѣчаетъ привходящее воздѣйствіе новой причины, отъ первой независимой. Оно тотчасъ раздѣляется: противодѣйствуя (по закону механики) второй причинѣ, оно часть себя отдаетъ на это противодѣйствіе. Пусть далѣе оставшаяся часть подвергается новому воздѣйствію третьей привходящей причины: на противодѣйствіе ей слѣдствіе опять отдаетъ часть себя, и слѣдовательно продолжаетъ существовать уже какъ часть части. Законъ тожества между причиною и слѣдствіемъ при этомъ не нарушается: первая сохраняется, но только раздѣленною, и одна часть ея существуетъ въ одномъ мѣстѣ пространства, другая — въ другомъ. Наконецъ, когда въ безконечномъ времени число воспринимаемыхъ первою причиною (собственно уже ея частями) воздѣйствій становится безграничнымъ, безграничнымъ становится и число частицъ, на которыя она раздѣляется: въ текущемъ времени она разсѣевается; нисколько не умаляясь въ дѣйствительности, она становится не наблюдаемою болѣе, не изслѣдимою. Это и производитъ то, что мы обозначаемъ словомъ «исчезновеніе»: оно относится къ полю наблюденія, къ сферѣ созерцаемаго.

Такъ какъ этотъ послѣдній случай имѣетъ очень обширное мѣсто

въ природѣ и характеренъ для соотношенія между причиною и слѣдствіемъ, то и самое начало, его включающее, мы назовемъ началомъ разсѣянія. Оно опредѣляетъ, что механическая причина, никогда не возрастая въ послѣдующихъ модификаціяхъ, обыкновенно умаляется въ нихъ черезъ разсѣяніе. Всякое возростаніе, усложненіе въ строеніи и расширеніе въ содержаніи безусловно чуждо механической причинности, никакимъ образомъ необъяснимо изъ нея.

Никогда не возростая, причины могутъ, однако, если что-либо направляетъ ихъ дѣйствіе къ одному центру, произвести возростаніе въ томъ, что̀ ими создается. Какъ на примѣръ подобнаго явленія, можно указать на возростаніе сталактитовъ и сталагмитовъ въ пещерахъ, верхніе покровы которыхъ содержатъ воду и известь. Можно замѣтить о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что 1) возростаніе въ одномъ мѣстѣ здѣсь совершается на счетъ разсѣянія во всѣхъ окружающихъ мѣстахъ (вода просачивающаяся и уносимая известь въ сталактитовыхъ пещерахъ) и 2) возростающее пріобрѣтаетъ въ послѣдующія времена различія количественныя, но никогда—качественныя; оно однородно—ему чуждо строеніе, если этого строенія уже не было въ расположеніи причинъ.

IV. Механически причинный процессъ есть всегда неопредѣленный: начало ограниченія, принудительныхъ формъ или непереступаемыхъ предѣловъ—чуждо ему.

Это свойство механическихъ процессовъ обусловливается направленіемъ въ нихъ слѣдствія, которое обратно положенію причины. Связанныя отношеніемъ отталкиванія, звенья каждаго такого процесса имѣютъ опредѣленность въ прошедшемъ, которое уже было, которое есть фактъ или явленіе, эти — опредѣленные, а не какіе-нибудь вообще; но они не имѣютъ опредѣленности въ будущемъ—ея нѣтъ для того, что̀ имѣетъ наступить. Каждое послѣдующее звено здѣсь опредѣлено (предыдущими звеньями) только для перваго момента своего существованія, но уже не опредѣлено для второго—когда воздѣйствіе ни съ чѣмъ предыдущимъ не согласованной новой причины можетъ измѣнить его внѣ всякаго соотношенія съ тѣмъ, чѣмъ оно было ранѣе. По закону тожества между содержимымъ причины и содержимымъ слѣдствія и согласно принципу, что въ механизмѣ измѣняемое бездѣятельно по отношенію къ измѣненію, которое въ немъ возникаетъ,—каждое явленіе въ механически причинномъ процессѣ, которое является послѣднимъ, или должно вѣчно оставаться тожественнымъ себѣ, или измѣняться, но лишь отъ привходящихъ причинъ. И такъ какъ дѣйствіе этихъ послѣднихъ не предопредѣлено въ рядѣ причинъ, предшествующихъ разсматриваемому послѣднему явленію; ни этотъ рядъ никакимъ образомъ не содержится въ нихъ; ни онѣ всѣ — другъ въ другѣ, такъ какъ независимы одна отъ другой, — то ясно, что во-

обще нигдѣ не предопредѣлено, чѣмъ станетъ въ послѣдующія времена данное наблюдаемое явленіе.

Это по отношенію ко всякому механическому процессу, къ каждому отдѣльному явленію въ немъ и всякой отдѣльной вещи, которая имъ создается. Но въ механизмѣ есть еще и иная неопредѣленность—именно въ соотношеніи между создающимъ и создаваемымъ. Какой бы механическій процессъ мы ни наблюдали, сравнивая его повторенія въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, мы найдемъ, что создаваемое имъ не является необходимо одно—будетъ ли то вещь, состояніе, заканчивающее явленіе; напротивъ, смотря по тому, съ чѣмъ процессъ соотносится, что̀ его окружаетъ и съ нимъ встрѣчается, онъ производитъ различное, самъ оставаясь однако тѣмъ же. Такъ движеніе производитъ и движеніе же, и теплоту, и звукъ; оно и ускоряетъ движеніе другого тѣла, и замедляетъ или останавливаетъ его. И наоборотъ: вещь или явленіе, которое создается даннымъ наблюдаемымъ процессомъ, создается не необходимо имъ однимъ, но и многими другими процессами, съ нимъ не сходными. Такъ теплота, вызванная ударомъ движущагося тѣла, въ иныхъ мѣстахъ вызывается и треніемъ, и гніеніемъ, и лучемъ солнца; или жидкость—и разрѣженіемъ твердаго, и сгущеніемъ парообразнаго. Такимъ образомъ въ механической причинности нѣтъ опредѣленнаго соотношенія между вещами (въ обширномъ смыслѣ) и процессами; въ ней каждое существуетъ для многаго и черезъ многое, но не для одного и не черезъ одно.

Съ началомъ неопредѣленности аналогиченъ послѣдній принципъ, который мы желаемъ указать въ механически дѣйствующей причинности. Этотъ принципъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ.

V. Ничто въ механически-причинномъ процессѣ не есть преимущественно передъ другимъ часть, и ничто же не есть — преимущественно цѣлое. Понятіе цѣлаго—что̀ уже замкнуто въ себѣ, закончено; что̀, отсутствуя, дѣлало бы неполнымъ существованіе остальнаго,—чуждо всякому механизму и всему, что возникаетъ черезъ него. Нѣтъ въ немъ достаточно великаго, и нѣтъ на столько малаго—о чемъ мы не могли бы сказать, что оно цѣлое. Въ немъ все продолжается, все частично и дробно, ничто и никогда не получаетъ завершенія и окончанія. И это также происходитъ отъ направленія слѣдствія, которое обратно положенію причины: въ каждомъ слѣдствіи, которое мы наблюдаемъ какъ послѣднее въ механическомъ процессѣ, онъ собственно уже законченъ,—и если въ дѣйствительности онъ безконечно продолжается, то и самое продолженіе, и всѣ качественныя различія наступающихъ варіацій находятся внѣ всякаго отношенія къ ряду причинъ, лежащихъ въ этомъ именно процессѣ, послѣднее звено котораго мы разсматриваемъ. Такимъ образомъ отсутствіе цѣльности въ механическомъ

процессѣ (и въ томъ, что создается имъ) прямо вытекаетъ изъ отсутствія цѣльности въ немъ; его вѣчная частичность — изъ всегдашней неопредѣленности.

Изъ этого начала вытекаютъ слѣдующія положенія:

1) На какой бы стадіи совершенія мы ни прервали механическій процессъ,—то, чѣмъ онъ заканчивается въ этой стадіи (будетъ ли то вещь или явленіе), не имѣетъ планомѣрнаго строенія.

2) Сколько бы мы ни взяли звеньевъ въ механическомъ процессѣ, ихъ преемство не сложится въ послѣдовательное развитіе.

Здѣсь подъ планомѣрностью строенія мы разумѣемъ такъ согласованное расположеніе частей, что наблюденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ уже открываетъ существованіе остальныхъ, какъ дополненія и завершенія ясно неполнаго и не завершеннаго Эта согласованность, являясь строеніемъ въ пространствѣ, во времени является послѣдовательностью: какъ тамъ одновременно существующія части, лишь дополняя другъ друга, возрастаютъ до цѣлости,—такъ здѣсь преемственныя явленія соотносятся такимъ образомъ другъ съ другомъ, что каждое, завершая что-либо въ предыдущемъ, все еще имѣетъ въ себѣ нѣкоторый недостатокъ, который пополнится въ послѣдующемъ—пока послѣднее явленіе, въ которомъ завершится процессъ, не представитъ собою связное и замкнутое соединеніе всѣхъ чертъ, которыя порознь и не доконченныя наблюдались уже въ предыдущихъ звеньяхъ процесса, умаляясь съ каждымъ приближеніемъ къ его началу.

3) Механически причинный процессъ можетъ быть всегда прерванъ и всячески измѣненъ, но никогда—разрушенъ. Онъ можетъ быть прерванъ—если напряженіе послѣдняго измѣненія, которое возникаетъ въ немъ, встрѣтитъ сопротивленіе равнаго напряженія, исходящее или изъ какого-нибудь другаго независимаго процесса, или изъ сознательной воли, напримѣръ, человѣка. Онъ можетъ быть всячески измѣненъ—смотря по тому, что будетъ придано къ его послѣднему звену. Но и прекращаясь, онъ не разрушается—потому что все, что въ немъ уже совершилось, останется тѣмъ же; а чѣмъ стать ему въ будущемъ (къ этому одному и относится прекращеніе или измѣненіе) — это не было предопредѣлено въ немъ. Понятіе разрушимости не отдѣлимо отъ представленія цѣлости, потому что только къ этому послѣднему и относится. И то, что есть всегда только часть, но и вмѣстѣ—всегда цѣлое,—ничего въ себѣ не утрачиваетъ, что бы мы отъ него ни отняли; равно какъ ничего не пріобрѣтаетъ, что бы мы къ нему ни присоединили.

4) Въ механически причинномъ процессѣ и въ томъ, что создается имъ, все равнозначуще: понятія главнаго и второстепеннаго, существеннаго и незначущаго—чужды ему. Это опять потому, что въ немъ нѣтъ цѣлости—смотря по отношенію къ которой мы и различаемъ во всемъ главное отъ второстепеннаго: что необхо-

димѣе для достиженія цѣлости, что́ болѣе приближаетъ къ ней — существеннѣе того, безъ чего, хотя бы и съ трудомъ, но можетъ быть достигнута эта цѣлость, или что́ не такъ приближаетъ къ ней, къ завершенію и окончанію.

Вотъ если и не всѣ, то главныя черты механической причинности—тѣ, по которымъ мы распознаемъ безжизненныя явленія и процессы, мертвую природу. Почти каждая изъ этихъ чертъ, если глубже вдуматься въ нее, представится намъ необыкновенно характерною, чрезвычайно значущею. Отсутствіе какого-либо внутренняго принципа для измѣненія, бездѣятельность къ себѣ и безразличіе къ внѣшнему, безсвязность—вотъ эти черты бездушной и холодной природы, которая вся—внѣшность, въ которой—одно стремленіе—къ вѣчному покою, къ сохраненію тожества съ прошедшимъ. Но изъ этихъ чертъ самою существенною намъ представляется одна, которая, повидимому, не столь выдѣляется, менѣе бросается въ глаза: это — отсутствіе предѣла, грани, принудительной формы. Можетъ быть найдено нѣчто третье, въ чемъ примиряются причинность и цѣлесообразность, гдѣ онѣ соединяются; но раздѣленіе между ними начинается именно съ понятія предѣла. По одну сторону его остается царство безпредѣльнаго, неограниченнаго, могущаго всѣмъ стать, но ни чѣмъ по необходимости, — это и есть царство механической причинности; по другую сторону лежитъ міръ вещей и явленій, подчиненныхъ началу предѣла — это міръ живыхъ формъ, вѣчнаго стремленія осуществить то или иное,—и то, что́ живитъ эти формы, что́ устремляетъ эти процессы, есть именно предѣлъ, или какъ осуществленный уже—и тогда онъ только сохраняетъ, или какъ ищущій осуществленія—и тогда онъ движетъ и направляетъ. Понятіе предѣла, грани, есть, быть можетъ, самое великое понятіе, которое наука и философія могутъ приложить къ объясненію природы—потому что онъ самъ, этотъ предѣлъ, есть то, что́ дѣлаетъ ее тѣмъ, что́ она есть,—есть ея сущность. Снимите это понятіе съ природы—и она обратится въ хаосъ; вложите въ хаосъ это понятіе — и онъ превратится въ космосъ, какъ въ гармонію, какъ въ красоту, какъ въ разумность.

Если же мы захотимъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что́ такое это понятіе предѣла,—мы увидимъ, что оно есть самый существенный элементъ второго начала, которое послѣ причинности господствуетъ надъ всѣмъ движущимся и варіирующимъ — начала цѣлесообразности. Къ разсмотрѣнію этой послѣдней мы и обратимся теперь.

III.

Несомнѣнные образцы цѣлесообразности даны намъ въ цѣлесообразной дѣятельности самого человѣка. Однако, выводя свои положенія о ней, мы не будемъ только дѣлать обобщенія наблюдаемаго;

путь такого изслѣдованія всего болѣе чуждъ намъ. Напротивъ, мы будемъ выводить эти положенія изъ самаго понятія о томъ, что такое цѣль и средство, замыселъ и осуществленіе — что одинаково присуще цѣлесообразности, гдѣ бы и когда она ни происходила. Это не правила антропоморфической цѣлесообразности—это правила всякой цѣлесообразности, находящія свое осуществленіе также и въ человѣческой.

Прежде всего, опредѣлимъ составъ цѣлесообразнаго процесса. Въ отличіе отъ причинности, которая всегда двучленна (причина—слѣдствіе), цѣлесообразность имѣетъ строеніе болѣе сложное; ее образуютъ: цѣль, средство (элементъ, могущій имѣть въ свою очередь весьма сложное строеніе), идея цѣли и разумъ, какъ творческій источникъ неопредѣленнаго числа цѣлесообразныхъ процессовъ. Два послѣдніе элемента цѣлесообразности суть чисто идеальные, и они не могутъ быть открыты ни для кого, кромѣ самаго субъекта, изъ котораго исходитъ цѣлесообразный процессъ; напротивъ, два первые элемента могутъ быть и матеріальны. Собственно изъ нихъ и состоитъ цѣлесообразный процессъ, на сколько онъ открывается для внѣшняго наблюденія: послѣднее, сколько бы ни анализировало этотъ процессъ, никогда не найдетъ въ немъ ничего, кромѣ отдѣльныхъ звеньевъ и послѣдняго между ними, на которомъ процессъ закончился. И, только всматриваясь въ способъ соединенія этихъ звеньевъ, и въ ихъ черты, когда онѣ взяты въ различные моменты процесса, наконецъ изучая ихъ всѣ въ соотношеніи съ послѣднимъ звеномъ, внѣшнее наблюденіе можетъ открыть, что процессъ изслѣдуемый не есть причинный, но цѣлесообразный.

Дадимъ опредѣленіе трехъ остальныхъ членовъ цѣлесообразнаго процесса: идея цѣли есть образъ или понятіе чего-либо, что можетъ быть осуществимо и что творческимъ источникомъ ея—разумомъ, признается достойнымъ осуществленія (напримѣръ, образъ статуи или понятіе о формѣ государственнаго устройства). Такимъ образомъ, по времени идея цѣли предшествуетъ всему цѣлесообразному процессу, и собственно она и есть движущее и направляющее начало въ немъ. И только потому, что она не одной природы съ процессомъ (идеальное—вещественное) и что она тожественна по соотношенію частей, по строенію своему, съ цѣлью, и эта послѣдняя — одной природы съ процессомъ и соединена съ звеньями его непрерывающимся соприкосновеніемъ,—мы говоримъ, что основаніе цѣлесообразнаго процесса лежитъ въ цѣли. Далѣе, эта послѣдняя есть осуществленная идея цѣли—то-есть образъ или понятіе, получившее объективное положеніе по отношенію къ творческому источнику черезъ соединеніе съ тѣмъ, что способно его выразить (статуя, государство). Наконецъ, средства—это совокупность всѣхъ звеньевъ цѣлесообразнаго процесса, подготовляющихъ послѣднее и заканчивающее звено—цѣль.

Замѣтимъ, что въ цѣли осуществленной значущее есть форма. строеніе—какъ соотношеніе между частями, какъ ихъ расположеніе и связь. Потому что въ этомъ одномъ она тожественна съ идеею цѣли, которая черезъ цѣлесообразный процессъ и ищетъ своего выраженія. Поэтому и связь между цѣлью и промежуточными звеньями цѣлесообразнаго процесса есть также связь по строенію, соотношенію частей.

Всякому цѣлесообразному процессу присущи слѣдующія черты:

1) Согласованныя наростанія. Первая фаза цѣлесообразнаго процесса (или то, въ чемъ онъ возникаетъ) есть всегда или однородное простое, или сложное, но внѣ соотношенія съ наступающимъ сложеніемъ; поэтому всякій разъ когда это чуждое строеніе имѣетъ мѣсто въ первоначальномъ матеріалѣ, нѣкоторая доля цѣлесообразной энергіи затрачивается на то, чтобы преодолѣть его, изгладить. Послѣдняя фаза процесса (цѣль) будетъ имѣть строеніе тожественное съ тѣмъ, которое представляетъ собою идея цѣли. Всѣ промежуточныя фазы, какъ имѣющія осуществить это строеніе, будутъ представлять собою: 1) нѣкоторое строеніе же—иначе онѣ не соотносились бы съ цѣлью, не были бы средствомъ для нея и слѣдовательно не входили бы фазами въ цѣлесообразный процессъ; 2) въ строеніи этомъ будетъ нѣкоторый недостатокъ сравнительно съ строеніемъ цѣли, потому что безъ такого недостатка данная фаза была бы уже цѣлью, и процессъ не продолжался бы; 3) въ немъ (строеніи) не будетъ ничего внѣ соотношенія съ строеніемъ цѣли: каждая его черта или сохранившись войдетъ въ сложеніе цѣли, или преобразовавшись создастъ необходимое въ этой же цѣли. Итакъ, по строенію своему цѣль всегда есть самое сложное сравнительно съ остальными фазами процесса. Что́ касается до послѣднихъ, то въ нихъ недостающее въ сравненіи съ строеніемъ цѣли всегда будетъ убывать по мѣрѣ приближенія къ этой послѣдней, т. е. сложность будетъ наростающею во времени.

Эти наростанія будутъ всѣ согласованными, и цѣль есть то, что́ согласуетъ ихъ. Потому что, сравнительно съ отдѣльными фазами процесса, цѣль не только болѣе сложна по строенію, но она, кромѣ того, есть цѣлое, въ которомъ всѣ черты этого сложенія сомкнуты. И естественно, что эти черты не только не появляются въ предыдущихъ фазахъ разомъ, но что и каждая изъ нихъ въ отдѣльности есть въ началѣ черта еще недостающая; такъ что процессъ усложненія нужно представлять не только какъ послѣдовательное появленіе чертъ сложенія, но и какъ возростаніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности до той степени, когда бы она могла быть соединена съ остальными. Это соотношеніе разрозненнаго и недостающаго, что́ въ послѣдующія времена стремится возрости до цѣльности и сомкнутости, мы и называемъ согласованностью: потому что въ этомъ процессѣ каждое появившееся или согласуется съ ранѣе возник-

шимъ, дополняя его, или согласуетъ съ собою только еще возникающее, дополняясь имъ. Это и придаетъ какъ бы мысль всему процессу; и она дѣйствительно есть въ немъ, приводя въ соотвѣтствіе всѣ его звенья и каждую черту во всякомъ изъ нихъ: существуя разновременно и не въ одномъ мѣстѣ, онѣ однако какъ бы чувствуютъ одна другую и гармонируютъ другъ другу черезъ пространство и время, безъ чего-либо промежуточнаго, безъ всякаго соприкосновенія. Но это потому, что въ цѣли есть это соприкосновеніе (между ними), что она одна, и въ ней онѣ одновременны.

2. Опредѣленность есть вторая особенность всякаго цѣлесообразнаго процесса. Она основывается на томъ, что черты каждой фазы въ немъ находятся въ соотношеніи съ чертами послѣдней, которая одна и есть опредѣленная. И, такъ какъ это соотношеніе выражается въ недостаткѣ (сравнительно съ строеніемъ цѣли), то слѣдовательно этотъ недостатокъ есть недостатокъ *до* опредѣленнаго. Цѣлесообразный процессъ, который движется между данною фазою и этою наблюдаемою, есть такимъ образомъ переходъ отъ опредѣленнаго къ опредѣленному по линіи ихъ соединенія, то-есть опредѣленный же. И сверхъ того, такъ какъ цѣль тожественна по строенію съ идеею цѣли, и эта послѣдняя предшествуетъ по времени всему цѣлесообразному процессу, то онъ является въ одно и то же время и предустановленнымъ.

3. Необходимость и принудительность, которая замѣчается въ смѣнѣ фазъ цѣлесообразнаго процесса, обусловливается особеннымъ соотношеніемъ между цѣлью и средствами: вторыя заимствуютъ все свое значеніе отъ первой, и внѣ соотношенія съ нею — не имѣютъ силы къ существованію. И такъ какъ то, что́ обусловливаетъ это существованіе ихъ, лежитъ еще въ будущемъ, что́ даетъ имъ силу быть — лишь станетъ и именно черезъ нихъ, то всею энергіею бытія своего онѣ обращены къ этому будущему. Существуя лишь на столько, на сколько (другое) станетъ, онѣ всѣ обращены къ нему; прошедшее для нихъ незначуще, есть нѣкоторое какъ бы страданіе, есть то безпокойное въ каждомъ звенѣ цѣлесообразнаго процесса, которое утихаетъ лишь съ приближеніемъ къ цѣли, къ источнику ихъ жизни, къ оправданію ихъ бытія, которое ранѣе было не оправданнымъ. Поэтому въ каждомъ отдѣльномъ звенѣ можно наблюдать, что энергія жизни его вся примыкаетъ къ послѣдующему и отходитъ отъ предыдущаго, что́ и становится почти механическою причиною возникновенія за нимъ другаго звена,—и такъ до конца, до цѣли, все съ возростающею полнотою формъ, все съ увеличивающеюся твердостью бытія.

Конечно, нельзя отвергать, что въ нѣкоторомъ особенномъ смыслѣ цѣль въ полномъ своемъ составѣ присутствуетъ уже въ каждомъ звенѣ цѣлесообразнаго процесса; но только въ существованіи ея здѣсь есть недостатокъ: она становится черезъ звенья,

она въ нихъ предшествуетъ—но лишь какъ тѣнь, по которой они взбираются до оттѣняющаго. И однако звенья имѣютъ полноту существованія, то есть избытокъ его,—въ сравненіи съ существованіемъ цѣли, которая есть ихъ причина. Это можно объяснить только тѣмъ, что въ каждомъ цѣлесообразномъ процессѣ происходитъ какъ бы преобразованіе и взаимное замѣщеніе двухъ явленій, которыя относятся къ совершенно различнымъ порядкамъ бытія. Цѣль, повидимому, и при неполнотѣ своего существованія потому даетъ силу для полнаго существованія средствамъ, что она неизмѣримо превосходитъ ихъ въ своемъ достоинствѣ, въ полнотѣ формъ и красотѣ жизни; такъ что избытокъ въ совершенствѣ здѣсь какъ бы возмѣщаетъ недостатокъ въ реальности—выполняетъ то, что́ въ обычномъ порядкѣ природы могло бы принадлежать только послѣдней. И по мѣрѣ того, какъ звенья приближаются къ цѣли и существованіе послѣдней возростаетъ до полноты, уменьшается до исчезновенія различіе въ достоинствѣ между ею и ими.

Во всякомъ случаѣ, изъ указаннаго отношенія между цѣлью и средствами вытекаетъ разрушаемость всякаго цѣлесообразнаго процесса. Каждый разъ, когда цѣль почему-либо становится неосуществима, когда или она закрывается или изъ процесса выпадаетъ необходимое звено—весь рядъ звеньевъ, который уже былъ осуществленъ, разсыпается: потому что нѣтъ основанія болѣе для ихъ существованія; нѣтъ причины, которая ранѣе имъ давала силу бытія. Прервать ихъ соотношеніе съ цѣлью—значитъ погасить въ нихъ силу жизни. И если они удерживаютъ послѣ этого перерыва на нѣкоторое время прежнюю форму и иногда прежнее расположеніе, то лишь по инерціи, вслѣдствіе отсутствія привходящей причины. Но разъ появится эта причина—они пассивно подчинятся ея вліянію, бездѣятельныя ко всякому новому измѣненію, безразличныя къ тому, чѣмъ стать.

Вотъ особенности цѣлесообразнаго процесса—и онѣ всѣ противоположны тѣмъ, которыя мы отмѣтили ранѣе для причинности. Сравнивая ихъ между собою, мы найдемъ, что нѣкоторымъ особенностямъ причинности нѣтъ соотвѣтствующихъ въ цѣлесообразности. И онѣ дѣйствительно не указаны нами, потому что являются уже не общими для всѣхъ цѣлесообразныхъ процессовъ, но различными въ каждомъ изъ двухъ видовъ, на которые эти процессы распадаются.

IV.

Господствующій членъ цѣлесообразнаго процесса, который какъ идея предшествуетъ ему во времени (идея цѣли), можетъ или *заключаться внутри его*, или имѣть по отношенію къ нему *наружное положеніе*. Въ первомъ случаѣ цѣлесообразность будетъ внутреннею, во второмъ внѣшнею. Какъ на примѣръ этой послѣдней

можно указать на всю дѣятельность человѣка, которая совершается по цѣлямъ, имъ произвольно выбраннымъ; какъ на примѣръ первой—можно указать на дѣятельность его, которая безсознательна и непроизвольна. (Это дѣятельность всегда не причинная). Такъ, построеніе зданія или установленіе формы государственной жизни въ средѣ даннаго народа есть внѣшняя цѣлесообразность—потому что замыселъ зданія и идея политической формы имѣютъ внѣшнее положеніе по отношенію къ процессамъ построенія зданія и преобразованія государства, равно и къ матеріалу, который варіируетъ въ этихъ процессахъ (дерево, люди), и къ конечной формѣ, которая ему придается (зданіе, государство). Напротивъ, зарожденіе и постепенный ростъ самаго замысла или идеи есть процессъ внутренней цѣлесообразности, потому что причина измѣненія перваго и второй лежитъ внутри ихъ самихъ: въ правильности возникшаго; въ его способности (при осуществленіи) выразить извѣстное чувство или мысль; и въ томъ, что это выраженіе станетъ полнымъ и совершеннымъ, если путемъ внутренняго развитія возникшій замыселъ или идея, которыя вначалѣ всегда просты, превратятся въ сложное представленіе или въ сложную систему понятій.

Различіе между этими двумя видами цѣлесообразнаго процесса заключается въ способѣ возникновенія каждаго послѣдующаго звена и въ степени участія при этомъ причинности.

Во внѣшней цѣлесообразности идея цѣли, отдѣленная отъ среды, въ которой она осуществляется, не можетъ привести эту послѣднюю въ соотвѣтствіе съ собою иначе, какъ черезъ причинность. Поэтому каждое послѣдующее звено здѣсь возникаетъ по строго механическимъ основаніямъ, и эти послѣднія имѣютъ значеніе производящее, созидающее. Такъ, въ построеніи зданія каждое поднятіе груза (камня, доски) обусловливается механическимъ давленіемъ снизу, всякое перемѣщеніе матеріала—причиною имѣющею положеніе обратное съ направленіемъ перемѣщенія. Цѣлесообразность привходитъ здѣсь лишь какъ направленіе, въ которомъ соединяются и примыкаютъ одно къ другому послѣдовательныя звенья, то-есть, перенося это на причины,—въ планомѣрномъ расположеніи и послѣдовательномъ возникновеніи этихъ послѣднихъ, что уже не лежитъ въ нихъ самихъ. Это привходящее направленіе, которое согласуетъ звенья процесса, и есть единственный признакъ, по которому можетъ быть узнана въ немъ цѣлесообразность. Что касается до способа возникновенія каждаго звена, то онъ заключается всегда въ сложеніи, соединеніи ранѣе разъединеннаго; и это также потому, что здѣсь идея цѣли отдѣлена отъ среды своего осуществленія: эта среда имѣетъ вообще размѣщеніе и строеніе не соотвѣтствующее тому, которое она должна принять для осуществленія идеи цѣли, и поэтому каждая часть ея, хотя иногда предварительно и отдѣляется отъ другой, но передъ моментомъ, въ который становится уже

частью цѣли, всегда и только соединяется съ какою-нибудь третьей. Такимъ образомъ, по существу своему и по виду, внѣшняя цѣлесообразность всегда представляется какъ процессъ построенія: идея цѣли построяется черезъ матеріалъ ей чуждый, дѣйствуя на него посредствомъ механическихъ причинъ, которымъ она придаетъ соотвѣтствующую съ собою планомѣрность и нужную послѣдовательность.

Во внутренней цѣлесообразности идея цѣли, заключенная въ средѣ своего осуществленія, не дѣйствуетъ на нее черезъ посредство механическихъ причинъ. Послѣднихъ и нѣтъ здѣсь, потому что (какъ было показано выше) онѣ всегда имѣютъ наружное положеніе по отношенію къ тому, на что могутъ дѣйствовать. Но, распадаясь при своемъ развитіи, идея цѣли производитъ распаденіе и среды, ее заключающей. Это распаденіе есть постоянный и единственный способъ, посредствомъ котораго идея, имѣющая первоначально всегда простое и общее выраженіе, переходитъ къ полнотѣ своего содержанія—черезъ рядъ посредствующихъ идей, при чемъ конкретность послѣднихъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается ихъ число и разнообразіе, и слѣдовательно сложность первоначальной идеи, которая ихъ выдѣлила изъ себя [1]) и продолжаетъ содержать въ себѣ. Такимъ образомъ, въ противоположность внѣшней цѣлесообразности, при внутренней каждое послѣдующее звено процесса возникаетъ черезъ распаденіе предыдущаго, и слѣдовательно единство звена при двойственности его строенія можетъ быть сохранено не далѣе второй фазы процесса: въ дальнѣйшемъ его ходѣ не звено только усложняется распадаясь, но—онъ самъ, превращаясь въ систему процессовъ, изъ которыхъ каждый движется самостоятельно, лишь согласуясь съ остальными, такъ какъ идея цѣли остается постоянно одна для всѣхъ. Идея (цѣли), осуществляясь, раскрывается въ систему низшихъ идей,—при чемъ изъ каждой предыдущей выдѣляется нѣсколько послѣдующихъ, ей въ точности равныхъ, но лишь отчетливѣе выражающихъ то, что въ ней было выражено обще и неопредѣленно. И по существу своему, и по наружному виду, который онъ представляетъ для внѣшняго наблюденія, это есть процессъ самораскрытія. Соотвѣтственно господствующему значенію, которое имѣетъ въ немъ для всякаго воз-

[1]) Этотъ процессъ всего удобнѣе было-бы назвать процессомъ самораскрытія идеи. Объяснить его ходъ и причину для того, кто никогда не испытывалъ въ себѣ формированія идей—ихъ первоначально смутное и бѣдное зарожденіе, затѣмъ постепенное уясненіе и ростъ вытѣсняющій изъ сознанія всѣ посторонніе мысли и нерѣдко подавляющій самыя естественныя чувства, наконецъ превращеніе въ сложную систему переплетающихся понятій,—объяснить все это, повторяемъ, для человѣка чуждаго идейному развитію—очень трудно. Напротивъ для того, кто испыталъ въ себѣ формированіе идей, достаточно намекнуть на это, чтобы объяснить, въ чемъ дѣло,—что за процессъ раскрытія, о которомъ говоримъ мы.

никающаго измѣненія идея цѣли, значеніе механической причинности является здѣсь слабымъ. Но оно все-таки есть: ничего не производя, эта причинность многое здѣсь обусловливаетъ. Имѣя наружное положеніе по отношенію къ процессу, она иногда задерживаетъ возникновеніе послѣдующаго звена, или стѣсняетъ и искажаетъ ту форму, которую оно приняло-бы, если-бы не было стѣснено. При чемъ если это стѣсняющее вліяніе производится на звено, необходимое для достиженія цѣли, то по общему закону всякой цѣлесообразности—процессъ разрушается.

Вотъ виды генезиса, которые исчерпываютъ собою возможныя соотношенія между его звеньями, и слѣдовательно обнимаютъ собою всю природу. Не слѣдуетъ думать, что въ живой дѣйствительности процессы совершаются въ той чистотѣ и отдѣльности, какъ мы ихъ представили здѣсь для отчетливости. Но смѣшиваясь, переплетаясь и перерывая другъ друга, они даже въ частяхъ своихъ представляютъ для насъ черты достаточно ясныя, чтобы мы могли распознать ихъ природу. Всякій разъ, когда мы имѣемъ хотя бы нѣсколько звеньевъ отъ процесса, ни о завершеніи, ни о началѣ котораго ничего не знаемъ, всматриваясь въ строеніе ихъ и взаимное отношеніе—мы можемъ съ точностью опредѣлить, какого характера причины, ихъ вызвавшія и движущія.

V.

Теперь мы можемъ возвратиться къ предмету, частное разсмотрѣніе котораго такъ надолго оставили для этихъ общихъ разсужденій. Органическій міръ, слѣды котораго сохранены для насъ въ пластахъ земли и строеніе котораго, въ его цѣломъ, изучается въ систематикѣ, предоставляетъ для насъ достаточно много звеньевъ, чтобы мы могли опредѣлить природу того процесса, черезъ который произошелъ онъ. Начавшись *съ простѣйшихъ формъ*—съ органической клѣточки, чуждой какого-либо строенія, *онъ* въ теченіе тысячелѣтій *возросъ до сложности*, которую мы въ немъ наблюдаемъ теперь. Въ теченіе этого долгаго времени онъ *никогда не упрощался*, его сложность была всегда наростающею. Какъ ни великъ и ни многообразенъ онъ, мы нигдѣ не наблюдаемъ въ его формахъ несоотвѣтствій—ничего, что взаимно препятствовало бы одно другому, или хотя находилось бы внѣ всякаго отношенія къ прочему. Его варіированіе во времени, всегда только поступательное, разлагается все на моменты подготовленія и завершенія: нѣтъ ничего, что, начавшись, не оканчивалось бы; что, уже полуразвившись, возвращалось бы къ прежнему состоянію. И въ то время, какъ онъ переходилъ отъ формъ къ формамъ,—единственное, что могло бы дѣйствовать на него, какъ внѣшняя причинность—окружающая природа—оставалось все тѣмъ же: т.-е. въ немъ мы имѣемъ

варіирующее, кругомъ котораго было постоянное. Ни законы химическихъ соединеній, ни природа физическихъ явленій, ни самая борьба за существованіе не измѣнялись съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ земля. Измѣненія температуры земнаго шара и распредѣленія суши и воды было единственное, что́ произошло въ прошедшемъ, но второе не могло создать никакихъ новообразованій въ органическихъ формахъ, а первое не могло произвести въ нихъ усложненія. Но допустимъ, что въ причинахъ, которыя извнѣ и механически давили на органическій міръ, въ отдаленныя времена происходили перемѣщенія, которыя остались скрыты отъ насъ: они могли произвести только перемѣщенія-же, то-есть безпорядочную смѣну однѣхъ формъ другими. Но чтобы породить планомѣрно устроенное (органическій міръ допускаетъ классификацію себя) и послѣдовательно усложнявшееся—онѣ сами должны были быть планомѣрно же устроены и послѣдовательно усложняться. Но тогда процессъ возникновенія органическаго міра, при строго причинномъ образованіи всякой формы его, былъ бы въ цѣломъ произведеніемъ внѣшней цѣлесообразности: онъ былъ бы процессомъ построенія.

Такимъ образомъ нѣтъ способа мысли, который могъ бы удержать причинное объясненіе для устройства и происхожденія органическаго міра. Самое согласіе на эту причинность приводитъ къ признанію одного вида цѣлесообразности же. Но это не тотъ видъ ея, по которому происходятъ наблюдаемыя явленія органическаго развитія. Мы никогда не видимъ, чтобы возникающія формы слагались, построялись черезъ внѣшнее *соединеніе* образующихъ чертъ. Напротивъ, *дѣленіе* прежде бывшаго есть постоянный способъ возникновенія здѣсь новаго. Вспомнимъ первую стадію эмбріологическаго процесса: въ замкнутой клѣткѣ съ однороднымъ содержаніемъ вдругъ появляется продольное дѣленіе, и она распадается на двѣ клѣтки. Во всей природѣ есть только одинъ способъ, которымъ можетъ произойти это простое явленіе: способъ дѣйствія внутренней цѣлесообразности. И что происходитъ въ этомъ первомъ явленіи, гдѣ зарождается органическая жизнь, то повторяется на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, одинаково въ растительномъ и животномъ царствѣ: органическія новообразованія никогда не слагаются изъ частей своихъ—они всегда развиваются черезъ распаденіе простѣйшаго на болѣе сложное. То-есть внутренняя цѣлесообразность движетъ и направляетъ органическій міръ въ каждой его части и во всемъ его цѣломъ.

1889 г.

Теорія Чарльза Дарвина,

ОБЪЯСНЯЕМАЯ ИЗЪ ЛИЧНОСТИ ЕЯ АВТОРА.

Чарльзъ Дарвинъ принадлежитъ къ числу немногихъ въ исторіи умовъ, которые печать своего мышленія успѣли наложить на цѣлую эпоху. Онъ не только сообщилъ новое и неожиданное движеніе наукамъ, которымъ спеціально посвятилъ себя, но методомъ этихъ наукъ, имъ открытымъ, заразилъ и другія отдаленнѣйшія отрасли знанія, которыхъ никогда не касался прямо—исторію, этику, эстетику. При всемъ упорствѣ сопротивленія нѣкоторыхъ свѣтилъ науки, какъ Агассисъ, какъ Бэръ, какъ Кёлликеръ, его теоріи быстро восторжествовали во всемъ образованномъ мірѣ, какъ бы не замѣчая, не чувствуя этого противодѣйствія, обходя и заливая въ своихъ тріумфахъ всякіе протесты. Что это былъ за человѣкъ, возбудившій вокругъ себя такое огромное движеніе? Какъ росъ онъ, какъ развивался? Каковы были истинные размѣры его способностей, широта влеченій? Всѣ эти вопросы были небезынтересны для цивилизованнаго міра; можно было ожидать, что они будутъ ему предложены. И они, дѣйствительно, были ему предложены и онъ далъ на нихъ отвѣтъ въ краткихъ авто-біографическихъ замѣткахъ, недавно появившихся и на русскомъ языкѣ («Сочиненія Ч. Дарвина», т. III, вып. 3-й. Автобіографія. Изданіе д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1896 г.).

I.

Въ образованной и состоятельной англійской семьѣ Чарльзъ Дарвинъ росъ живымъ, подвижнымъ мальчикомъ, но безъ излишней впечатлительности. Уже на девятомъ году потерявъ мать, онъ, однако, «ничего не могъ припомнить о ней, исключая ея смертнаго ложа, чернаго бархатнаго платья и затѣйливо сдѣланнаго рабочаго

столика». Въ тотъ же годъ онъ поступилъ въ школу и память его пріурочиваетъ къ этому же времени начало привязанности къ собиранію коллекцій, изъ которой вытекла позднѣе его любовь къ естественнымъ наукамъ: «Я пытался»,—пишетъ онъ, — «узнавать названія растеній и собирать всякаго рода вещи: раковины, печати, марки, монеты, минералы. Страсть къ коллекціонированію, дѣлающая человѣка систематикомъ-натуралистомъ, знатокомъ рѣдкостей, или, наконецъ, скрягой, была во мнѣ очень сильна и явно была врожденною». Даже въ воспоминаніи, относящемся къ болѣе позднему возрасту, онъ пишетъ, что собиралъ минералы безъ всякой серьезной мысли: «все, о чемъ я заботился — это пріобрѣсть минералъ съ новымъ названіемъ, и едва ли пытался ихъ классифицировать» (стр. 6). Любопытенъ, хоть и миніатюренъ, одинъ фактъ, одна простая шутка, сообщаемая имъ изъ этой поры своего дѣтства: однажды своему товарищу въ играхъ, Лейтону, извѣстному впослѣдствіи ботанику, онъ объявилъ открытіе, что если поливать первоцвѣтъ и Polyanthus различно окрашенными жидкостями, то листья и стебель ихъ также будутъ различно окрашены. Это была выдумка: онъ не дѣлалъ ни опытовъ, ни получалъ результатовъ. Это было игривое движеніе души—однако замѣчательно предварившее, въ направленіи своего движенія, всѣ будущія его серьезныя работы: случай апріорнаго предрасположенія, на который еслибъ онъ оглянулся въ себѣ, онъ болѣе повѣрилъ бы, что есть или можетъ быть аналогичная предрасположенность и въ цѣлой природѣ Замѣчательно, однако, что, записавъ его въ старости, онъ какъ бы вовсе не замѣтилъ его, передавъ только какъ фактъ, какъ любопытный раритетъ въ коллекціи жизненныхъ случаевъ.

Пробывъ одинъ годъ въ элементарной школѣ, онъ поступилъ въ частное училище д-ра Ботлера и провелъ въ немъ семь лѣтъ: возрастъ нашего гимназическаго ученія. «Для моего умственнаго развитія, — разсказываетъ онъ, — едва ли что-либо могло быть хуже нежели училище д-ра Ботлера, такъ какъ это была строго классическая школа, гдѣ больше ничему не обучали (т.-е. сверхъ древнихъ языковъ и математики), исключая развѣ еще скудныхъ свѣдѣній по географіи и исторіи древняго міра. Какъ воспитательное средство, школа для меня представляла лишь пустое мѣсто. Во всю свою жизнь я былъ замѣчательно неспособенъ овладѣть вполнѣ какимъ-либо языкомъ»,—т.-е. организмомъ языка, какъ нѣкоторымъ живымъ цѣлымъ. Въ англійскихъ классическихъ школахъ, между прочимъ, ученики упражняются въ сочиненіи стиховъ,—глубоко архаическій остатокъ, но онъ пріучаетъ къ гибкости языка и мысли, къ подвижности, изобрѣтательности въ словѣ и, также, напрягаетъ воображеніе. Вообще дѣти и добровольно этимъ охотно занимаются, но замѣчательно что Дарвинъ не только питалъ къ этому занятію отвращеніе, но и совершенно ничего не могъ сдѣлать съ задавае-

мыми темами. Едва онъ нашелъ выходъ изъ затрудненія: «У меня было много друзей, мы вмѣстѣ собрали хорошую коллекцію старинныхъ стихотвореній, и, кое-какъ склеивая разные стихи, иногда съ помощью другихъ мальчиковъ, мнѣ удавалось достичь чего нибудь». Примѣръ еще апріорнаго предрасположенія преодолѣвать встрѣченную трудность, которое мы позже встрѣтимъ въ его объясненіяхъ. Въ остальномъ ученіе шло успѣшно: Дарвинъ былъ прилеженъ и, имѣя хорошія способности, особенно память, онъ не только не отставалъ въ своихъ урокахъ, но и успѣвалъ приготовлять ихъ за день впередъ. «Я выучивалъ 40—50 строкъ Виргилія или Гомера, пока былъ на утренней молитвѣ въ часовнѣ». Вообще онъ «добросовѣстно работалъ надъ классиками и никогда не прибѣгалъ, какъ часто дѣлали другіе, къ подстрочникамъ». Такъ проходили годы его отрочества и первой юности—лучшіе годы всякой человѣческой жизни. Онъ, однако, не оставлялъ или предполагалъ, что не можетъ оставить хорошаго впечатлѣнія: «Когда я вышелъ изъ школы,—пишетъ онъ нѣсколько угрюмо,—я былъ по возрасту не слишкомъ великъ и не слишкомъ малъ, и думаю, что всѣ мои учителя, да и мой отецъ считали меня очень дюжиннымъ мальчикомъ, скорѣе даже нѣсколько ниже обыкновеннаго умственнаго уровня».

Итакъ, эти ученическіе годы были тѣмъ, о чемъ сказалъ и Пушкинъ, примѣнительно къ своей, по способностямъ, по плодамъ геніальной эпохѣ:

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Для Пушкина, какъ и для Дарвина, осталась здѣсь незамѣченною одна великая, благодатная, охраняющая черта: незанятость, неполощенность души извнѣ навязываемыми, въ опредѣленномъ порядкѣ, впечатлѣніями. И, между тѣмъ, дѣти, собранныя въ такую школу, учились; они были окружены книгами и учителями; они собрались сюда для образованія, безъ всякой другой нужды и заботы; атмосфера духовная, атмосфера умственнаго возбужденія, однако безъ всякой принудительности, навязчивости или, по крайней мѣрѣ, оставляющая широкій досугъ. Байронъ или Пушкинъ въ этой школѣ зрѣли свободно для версификаціи; Дарвинъ зрѣлъ для своей особенной—великой въ исторіи, если не передъ истиной—задачи. «Ты ни о чемъ не думаешь,—вскричалъ однажды на него отецъ,—какъ только объ охотѣ, о собакахъ и о ловлѣ крысъ; ты будешь позоромъ и для себя, и для всей семьи». Онъ не догадывался, что именно въ этихъ шалостяхъ, въ этомъ баловствѣ зрѣлъ будущій Дарвинъ, какъ зрѣлъ и Пушкинъ, серьезно зрѣлъ, когда онъ

Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ.

II.

Страсть къ собиранію коллекцій, связанная съ пребываніемъ на воздухѣ, въ лѣсу, въ полѣ, дѣйствительно скоро осложнилась у Ч. Дарвина страстью къ охотѣ. Когда онъ былъ у Ботлера, онъ дни цѣлые просиживалъ надъ удочкою, слѣдя терпѣливо за поплавкомъ; съ лѣтами въ немъ воспреобладала страсть къ ружью. «Не думаю,—пишетъ онъ,—чтобы кто-либо выказалъ столько рвенія къ самому священному дѣлу, сколько я обнаружилъ при стрѣльбѣ птицъ. Какъ отлично я помню день, когда убилъ перваго бекаса; мое возбужденіе было такъ сильно, что я съ величайшимъ трудомъ могъ перезарядить ружье — до того у меня дрожали руки». Онъ сталъ отличнымъ стрѣлкомъ. Уже гораздо позднѣе, въ Кембриджѣ, въ свободные часы учебныхъ мѣсяцевъ, онъ упражнялся въ мѣткости стрѣльбы, туша пистонами зажженную свѣчу, которою просилъ товарища махать; «что́ за удивительное дѣло,—замѣтилъ туторъ, — мистеръ Дарвинъ, кажется, по цѣлымъ часамъ занимается тѣмъ, что хлопаетъ въ своей комнатѣ бичемъ».

На 17-мъ году онъ перешелъ отъ Ботлера въ Эдинбургскій университетъ, гдѣ старшій братъ его оканчивалъ медицинское образованіе; повидимому, у отца его было намѣреніе и второго сына сдѣлать докторомъ. Но ученіе и здѣсь хотя текло безъ всякихъ замѣтныхъ прорѣхъ, однако, какъ и въ «строгой классической школѣ», въ Шрусбери, было безжизненно, не было внутренно напряжено, безъ «огонька» въ учащемся, и, кажется, въ самихъ учителяхъ. «Преподаваніе происходило исключительно по лекціямъ,—вспоминаетъ онъ,—которыя были невыносимо скучны, исключая лекцій Гопа по химіи; но, по моему, лекціи, по сравненію съ чтеніемъ, не представляютъ никакихъ преимуществъ, отличаясь многими невыгодными сторонами. Лекціи д-ра Донкана о Materia medica въ 8 часовъ утра зимою—это нѣчто, о чемъ страшно вспомнить. Д-ръ Монро читалъ объ анатоміи человѣка; его лекціи были такъ же вялы, какъ и онъ самъ, и самый предметъ былъ для меня противенъ». Понимая, въ старости, важность анатомическихъ знаній для своихъ послѣдующихъ трудовъ, онъ съ большою досадою отмѣчаетъ, что его своевременно не принудили работать надъ разсѣченіемъ труповъ. Этотъ пробѣлъ остался непоправимымъ, какъ и его неумѣнье рисовать: «моя неспособность къ рисованью»—отмѣчаетъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, во время экспедиціи на кораблѣ «Бигль», онъ накопилъ «ворохъ манускриптовъ, но по недостатку анатомическихъ у меня свѣдѣній и неспособности къ рисунку—онъ оказался въ научномъ отношеніи безполезнымъ». На второй годъ ему пришлось слушать лекціи Джемсона по геологіи и зоологіи, «но,—записываетъ онъ,—онѣ были невѣроятно вялы; единственный эффектъ, произве-

денный ими на меня, состоялъ въ томъ, что я рѣшился никогда въ жизни не читать ни одной книги по геологіи и ни за что не изучать этой науки».

Такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ краткимъ отмѣткамъ, мы видимъ, что естествознаніе собственно какъ наука, какъ методическое изученіе, было у него на второмъ планѣ. И тѣмъ обильнѣе, уже съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, въ немъ разросталось—если можно такъ выразиться—естествознаніе «глазъ», «созерцанія», «непосредственнаго», но внѣшняго наблюденія природы. Такъ, о десятилѣтнемъ возрастѣ, когда онъ былъ лишь на годъ старше тѣхъ лѣтъ, въ которыя ничего не могъ запомнить о матери, онъ точно записываетъ: «поѣхавъ на три недѣли въ Пласъ Эдварсъ, на морскомъ берегу въ Уэльсѣ, я былъ заинтересованъ и удивленъ, увидѣвъ одно крупное, черное съ краснымъ, полу-жесткокрылое насѣкомое, нѣсколькихъ мотыльковъ (Zygena) и одного жука (Cicindela), не встрѣчающихся въ Шропширѣ».—«Я почти задался, — поясняетъ онъ,—цѣлью собирать всѣхъ насѣкомыхъ, какихъ только могъ найти мертвыми, потому что, посовѣтовавшись съ сестрой, пришелъ къ заключенію, что нехорошо убивать насѣкомыхъ ради составленія коллекцій». Въ то же время, онъ сталъ наблюдать надъ нравами птицъ. «Это доставляло мнѣ,—пишетъ онъ, — большое удовольствіе и я сталъ даже составлять по этому предмету замѣтки». Онъ былъ, судя по окружающимъ эту замѣтку воспоминаніямъ, еще совершенный ребенокъ въ это время: очевидно, здѣсь пробивался никѣмъ пока не замѣченный талантъ. Однако въ 1826 году, т.-е. только 17 лѣтъ, онъ уже дѣлаетъ первое, хоть и миніатюрное, но новое открытіе: «открытіе состояло въ томъ, что такъ называемыя яйца у Flustra обладаютъ способностью произвольнаго движенія помощью рѣсничекъ и что это на самомъ дѣлѣ личинки»; скоро къ этому онъ прибавилъ и еще наблюденіе, ускользавшее ранѣе отъ всѣхъ,—«что маленькія шаровидныя тѣла, о которыхъ предполагали, что это незрѣлое состояніе Fucus loreus, на самомъ дѣлѣ ни что иное, какъ яичныя оболочки червеобразной Pontobdella muricata». Въ немъ зрѣлъ наблюдатель, натуралистъ.

Въ этотъ же 1826 годъ онъ совершилъ первое свое путешествіе-экскурсію: «пѣшкомъ, съ двумя товарищами, имѣя ранцы на спинахъ, мы прошли по сѣверному Уэльсу. Большую часть дней мы шли,—разсказываетъ онъ,—по тридцати англійскихъ миль, включая день восхожденія на Сноудонъ. Я также совершилъ съ сестрой поѣздку въ Сѣв. Уэльсъ; слуга везъ наши платья въ сѣдельныхъ вьюкахъ. Обѣ осени были посвящены охотѣ, главнымъ образомъ у мистера Оуэна и у моего дяди Джоссіи, въ Мэрѣ. Мое рвеніе было такъ велико, что я бывало ставилъ мои охотничьи сапоги наготовѣ у изголовья, когда ложился спать, чтобы не потерять и полминуты на одѣванье ихъ утромъ. Въ одномъ случаѣ я достигъ

отдаленной части помѣстья Мэръ, 20-го августа, охотясь за глухарями, и только тогда замѣтилъ, гдѣ я. Затѣмъ я цѣлый день, вмѣстѣ съ лѣсничимъ, съ трудомъ пробирался сквозь густой вереск и чащу молодыхъ сосенъ». Въ немъ, въ эти годы университетской жизни, пробуждалось нѣчто въ родѣ стыда къ своему любимому занятію: «Я старался убѣдить себя, что охота—почти умственное занятіе, такъ какъ она требуетъ столько искусства для того, чтобы судить, гдѣ найти больше дичи и какъ лучше всего спустить собакъ». Предостереженіе отца имѣло всѣ видимости сбыться.

III.

«Казалось, въ эти годы — припоминаетъ Дарвинъ, — что жизнь празднаго спортсмена-охотника всего болѣе соотвѣтствуетъ моимъ склонностямъ». Отецъ, видя, что никакого доктора изъ него не выйдетъ, предложилъ ему сдѣлаться священникомъ. Такъ же безъ отвращенія и безъ страсти, какъ онъ готовъ былъ стать докторомъ, онъ былъ готовъ стать и священникомъ. «Я просилъ нѣсколько времени подумать, — пишетъ онъ, — такъ какъ изъ того немногаго, что слышалъ или мыслилъ по этому вопросу, я чувствовалъ для себя щекотливымъ объявить, что вѣрую во всѣ догматы англиканской церкви: хотя въ другомъ отношеніи я охотно склонялся къ мысли стать сельскимъ священникомъ. Поэтому я прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ книгу Персона о символѣ вѣры и нѣсколько другихъ книгъ по божественнымъ предметамъ, и такъ какъ тогда не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ строгой и буквальной истины каждаго слова въ Библіи, то скоро убѣдилъ себя въ томъ, что наши догматы вѣры должны быть всецѣло приняты».

Для занятія предполагаемой должности нужно было ему получить ученую степень, и для этого, въ 1828 году, онъ отправился въ Кэмбриджскій университетъ. Оказалось, однако, что за два года онъ забылъ все изъ классиковъ и даже забылъ нѣкоторыя греческія буквы. Принуждены были взять ему репетитора. О годахъ новаго университетскаго ученія, онъ пишетъ: «Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Кэмбриджѣ, я тратилъ время по-пустому — во всемъ, что касается университетскихъ занятій. Я пытался взяться за математику, и даже взялъ для этого частнаго учителя, — но подвигался очень медленно. Эти занятія были мнѣ противны, главнымъ образомъ по моей неспособности понять какой-нибудь смыслъ элементарныхъ дѣйствій алгебры. Спустя годы, я очень жалѣлъ, что не принудилъ себя подвинуться хотя бы настолько, чтобы понять что-либо въ руководящихъ началахъ математики, такъ какъ я замѣчалъ, что обладающіе этою отраслью знанія обладаютъ какъ бы лишнимъ органомъ чувства; не думаю, однако, чтобы и при усиліяхъ я достигъ чего-либо выше очень низкой ступени. Отно-

сительно классиковъ я не дѣлалъ ничего, исключая посѣщенія немногихъ обязательныхъ лекцій, и посѣщенія мои были почти номинальны». На третій годъ, однако, онъ началъ работать серьезнѣе—для полученія степени баккалавра; между прочимъ, нужно было пройти «Свидѣтельства христіанства» Палея и его же «Нравственную философію».—«Это было,—пишетъ Дарвинъ,—сдѣлано основательно, и я увѣренъ, что могъ бы написать на память всѣ «Свидѣтельства» совершенно правильно, но, конечно, не яснымъ слогомъ Палея. Логика этого сочиненія и, могу прибавить, его «Естественнаго богословія» доставляли мнѣ столько же удовольствія, какъ и Эвклидъ». Ни геологіи, которую читалъ въ Кэмбриджѣ знаменитый Сэджвикъ, ни ботаники, которую читалъ талантливый Генслоу, онъ не сталъ изучать; Сэджвика даже не слушалъ; но бывали экскурсіи: «эти экскурсіи,—записываетъ Дарвинъ,—были восхитительны».

IV.

Такъ шло его воспитаніе до 1831 г., когда онъ кончилъ курсъ университета, готовый на завтра стать священникомъ. Ему было 22 года. Печать чего-то свѣтлаго и спокойнаго, *непрерывно* спокойнаго, лежитъ на всемъ его дѣтствѣ и юности; ничего выдающагося, никакого потрясенія, никакого бурнаго кризиса, ни даже сильной любви (о «шалостяхъ» молодости онъ передаетъ въ одномъ мѣстѣ воспоминаній). Самыя легкія, апріорныя предрасположенія (въ занятіяхъ и способахъ умозаключенія); замѣтное преобладаніе внѣшнихъ способностей надъ внутренними; любовь къ ландшафту, къ природѣ, къ движенію (охота); совершенное отсутствіе субъективизма; отсутствіе влеченія заглядывать внутрь предметовъ. Вѣроятно, въ связи съ этимъ, въ немъ было замѣчательное отсутствіе музыкальныхъ способностей: «Я до того былъ лишенъ музыкальнаго слуха,—пишетъ онъ,—что не могъ никогда замѣтить диссонанса, выдержать тактъ или правильно промурлыкать мелодію»,—что́ вызывало надъ нимъ даже шутки товарищей, забавлявшихся тѣмъ, что онъ не можетъ узнать одной и той же мелодіи, если играть ее нѣсколько скорѣе или нѣсколько медленнѣе. Онъ уже прочелъ къ этому времени, «среди разныхъ книгъ», историческія, т.-е. представляющія занимательность факта, драмы Шекспира, «Времена года» Томсона и только что появившіяся тогда поэмы Вальтеръ-Скотта и Байрона; онѣ ему нравились, но не волновали его. Позднѣе любовь къ поэзіи въ немъ вовсе угасла. Уже отмѣчена была его нелюбовь къ разсѣченію труповъ; но—едва ли не въ связи съ отсутствіемъ субъективизма—у него и вообще не было интереса къ внутренней сторонѣ предметовъ и явленій, такъ сказать къ анализу ихъ содержанія. «Все, о чемъ я заботился, собирая мине-

ралы—это о томъ, чтобы пріобрѣсти минералъ съ новымъ названіемъ, и едва ли пытался ихъ классифицировать», записываетъ онъ. Но вотъ передъ нимъ лугъ, холмы, лѣсъ—и онъ жадно бросался въ нихъ и разглядывалъ все, что здѣсь попадалось; умѣлъ искать, имѣлъ талантъ находить, подмѣчать: страстный охотникъ неуловимо переходилъ въ точнаго натуралиста, глазъ котораго не только не дѣлалъ ошибокъ, но и подмѣчалъ то, что ранѣе отъ всѣхъ ускользало. Въ высшей степени—внѣшняя природа, въ высшей степени—талантъ ко всему внѣшнему.

Онъ или не проходилъ вовсе, или проходилъ невнимательно основныя естественныя науки: анатомію, геологію; эмбріологіи и гистологіи въ это время еще не существовало иначе какъ въ зачаткахъ; не зналъ фундамента естествознанія—математики, иначе какъ въ элементахъ. Что касается такъ называемаго «общаго образованія», то, припоминая встрѣчу свою, въ 1827 году, съ Мэкинтошемъ, онъ отмѣчаетъ нѣсколько неделикатно къ себѣ: «я понималъ столько же, сколько свинья, въ вопросахъ исторіи, политики, нравственной философіи, о которыхъ онъ говорилъ». Но все искупалось, въ виду задачъ, ему предстоявшихъ, неизсякаемой любовью къ факту, неутомимою жаждою природы, яснымъ здравомысленнымъ сужденіемъ (любовь къ Эвклиду). Одновременно съ тѣмъ, какъ онъ изучалъ «Свидѣтельства христіанства» Палея, любуясь ихъ логикой,—онъ такъ передаетъ о своихъ главныхъ занятіяхъ, почти съ юношескою свѣжестью воспоминанія, хотя оно было записано въ старости:

«Но ни одно занятіе въ Кэмбриджѣ не выполнялось мною такъ ревностно и не доставляло мнѣ столько удовольствія, какъ собираніе жуковъ. Это была простая страсть къ коллекціонированію, потому что я не анатомировалъ ихъ и рѣдко сравнивалъ ихъ внѣшніе признаки съ опубликованными уже описаніями, но добывалъ ихъ съ названіями, получивъ ихъ какъ угодно. Дамъ здѣсь доказательство моего усердія: однажды, оборвавъ немного старой коры, я увидѣлъ двухъ рѣдкихъ жуковъ и схватилъ ихъ въ руки, затѣмъ, я увидѣлъ третій новый видъ, котораго ни за что не хотѣлъ потерять: тогда я схватилъ того, который былъ въ правой рукѣ, въ ротъ. Увы! Онъ выбросилъ немного необычайно ѣдкой жидкости, которая обожгла мнѣ языкъ, такъ что я былъ вынужденъ выплюнуть жука, и потерялъ какъ его, такъ и третьяго. Я очень удачно собиралъ коллекціи и придумалъ два новыхъ метода: заставлялъ работника зимою соскабливать мохъ со старыхъ деревьевъ и класть въ большой мѣшокъ, а также собирать мусоръ на днѣ баржъ, въ которыхъ возятъ камышъ изъ болотъ, и такимъ образомъ добылъ нѣсколько очень рѣдкихъ видовъ. Ни одинъ поэтъ не испытывалъ большаго восхищенія, читая свою первую напечатанную поэму, чѣмъ испытывалъ я, увидя въ изданіи Стефенса, «Иллюстрація бри-

танскихъ насѣкомыхъ», магическія слова: «пойманъ Ч. Дарвиномъ, эсквайромъ» (стр. 18).

Слѣдуетъ здѣсь еще отмѣтить одну черту—черту необыкновеннаго нравственнаго здоровья во всѣхъ условіяхъ, среди которыхъ росъ Дарвинъ, и особенно въ людяхъ, съ которыми онъ сталкивался (характеры Фицъ-Роя, дяди Джоссіи, да и многихъ другихъ). Правда, никакого особеннаго углубленія мы въ нихъ не наблюдаемъ, но и никакого искаженія, извращенія. Полная противоположность тому, что мы находимъ въ условіяхъ и въ средѣ воспитанія, напр., Вольтера или Руссо. Здоровый ландшафтъ кругомъ—и люди здоровые и свѣжіе почти какъ этотъ ландшафтъ.

Если даръ внѣшняго созерцанія былъ преобладающею чертою въ умственныхъ способностяхъ Дарвина, то въ его нравственномъ складѣ насъ поражаетъ—пассивность. Онъ всѣмъ готовъ стать, но ничѣмъ—съ горячностью. Мы уже видѣли, какъ онъ одинаково безстрастно колебался между профессіей медика и дѣятельностью священника, съ равнымъ интересомъ изучалъ Эвклида и Палея, добросовѣстно, «безъ подстрочниковъ», работалъ надъ классиками. Любопытно, что путешествіе на кораблѣ «Бигль», продолжавшееся пять лѣтъ и сдѣлавшее его собственно тѣмъ Дарвиномъ, какого мы знаемъ, было для него случайностью: онъ не искалъ ни этой, ни вообще какой-нибудь экспедиціи. Предложеніе капитана Фицъ-Роя «уступить часть своей каюты любому молодому человѣку, который согласится безплатно поѣхать съ нимъ въ качествѣ натуралиста»—смутило мысли завтрашняго священника и вмѣстѣ любителя коллекцій. Но отецъ возразилъ,—и въ тотъ же вечеръ Дарвинъ написалъ отказъ. Однако вмѣшался добрый его дядя Джоссія: «во время охоты онъ послалъ за мною, предложивъ мнѣ повезти меня въ Шрусбери и поговорить съ моимъ отцомъ, такъ какъ онъ находилъ, что съ моей стороны будетъ умно принять предложеніе». Безъ всякаго труда отецъ согласился, «и вотъ,—замѣчаетъ самъ Дарвинъ,—отъ такого-то пустого обстоятельства зависѣло важнѣйшее событіе всей моей жизни, опредѣлившее мою дальнѣйшую судьбу». Замѣчательно и многозначительно, однако, медленное, неуловимое почти сложеніе этой судьбы, внѣ всякихъ предвидѣній и опредѣленныхъ цѣлей въ ея носителѣ. Дарвинъ, уже старикъ, говоритъ:—«Оглядываясь назадъ, я теперь могу вспомнить, какимъ образомъ моя любовь къ наукѣ постепенно стала одерживать верхъ надъ всякою иною страстью: въ первые два года путешествія моя старинная страсть къ охотѣ удерживалась почти во всей силѣ, и я самъ стрѣлялъ всѣхъ птицъ и животныхъ для своей коллекціи, но постепенно я все болѣе и болѣе, а подъ конецъ и совсѣмъ, передалъ свое ружье слугѣ, такъ какъ стрѣльба мѣшала моей работѣ, главнымъ образомъ геологическому изслѣдованію страны. Я убѣдился, хотя безсознательно и незамѣтно, что удовольствіе наблюденія и разсужденія—гораздо

болѣе высокаго сорта, нежели то, которое доставляется ловкостью и спортомъ всякаго рода». Границы, проведенной между охотникомъ и натуралистомъ, между натуралистомъ и мыслителемъ, не только мы не видимъ, но она потеряна, неощутима и въ сознаніи его самого.

Если его воспоминанія, сухія и внѣшнія какія-то, мы сравнимъ съ обрывками воспоминаній о себѣ, напримѣръ, Декарта или Бэкона, мы будемъ поражены отсутствіемъ въ немъ всякой вообще игры внутреннихъ силъ, всякихъ порывовъ творчества, неясныхъ, смутныхъ и вмѣстѣ неодолимыхъ влеченій. Грезъ мысли онъ также не зналъ, какъ не зналъ и грезъ любви. «Моя способность слѣдить за продолжительнымъ и чисто отвлеченнымъ ходомъ мысли—очень ограниченна»,—записываетъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Въ самомъ концѣ автобіографіи онъ дѣлаетъ общій, синтетическій очеркъ своего душевнаго склада, какъ онъ установился во вторую половину жизни его. «До 30-лѣтняго возраста или нѣсколько далѣе того, поэзія разнаго рода, въ родѣ сочиненій Мильтона, Грэя, Байрона, Водсворта, Кольриджа и Шелли—доставляла мнѣ большое удовольствіе, и также доставляли его картины и музыка. Но теперь, вотъ уже много лѣтъ, какъ я не могу вынести чтенія ни одной строчки стиховъ. Попробовалъ недавно читать Шекспира и нашелъ его до того невыносимо скучнымъ, что меня стошнило. Я также почти утратилъ вкусъ къ картинамъ и къ музыкѣ. Музыка обыкновенно заставляетъ меня думать слишкомъ энергично о томъ, надъ чѣмъ я работалъ, вмѣсто того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Я сохраняю нѣкоторый вкусъ къ прекраснымъ ландшафтамъ, но они не причиняютъ мнѣ изысканнаго наслажденія. Съ другой стороны, повѣсти или произведенія воображенія, хотя и не очень высокаго сорта, въ теченіе многихъ лѣтъ были для меня чудеснымъ облегченіемъ и наслажденіемъ, и я часто благословляю всѣхъ беллетристовъ. Изумительное количество было прочитано мнѣ вслухъ, и мнѣ нравятся всѣ, если они сносны и если не оканчиваются несчастливо, противъ чего слѣдовало бы издать законъ. По моему вкусу, повѣсть можетъ считаться первоклассной лишь при томъ условіи, чтобы въ ней была какая-нибудь личность, которую можно полюбить отъ всей души,—и если это хорошенькая женщина, то всего лучше». Въ высшей степени травоядное чувство... къ человѣку, къ поэзіи. Мы выше привели уже его собственный способъ сочинять стихи (въ школѣ).

Неуловимо для него самого, скрыто отъ всего цивилизованнаго міра—черты его духа и судьбы, всѣ отразились на его теоріи. Онъ въ ней не міръ обрисовалъ, еще менѣе—объяснилъ его; онъ въ ней себя выразилъ.

V.

Дарвинизмъ есть внѣшнее объясненіе природы, есть взглядъ, снаружи брошенный на живой міръ и скользящій по его поверхности. Широкій, но не проницающій геній натуралиста въ высшей степени сказался въ немъ. Всѣ факторы, образующіе формы этого міра—найдены не скальпелемъ, усмотрѣны не подъ микроскопомъ, но найдены въ лѣсу, въ полѣ, подмѣчены въ нравахъ животныхъ и въ обстоятельствахъ, если можно такъ выразиться, ихъ быта: этотъ лѣсъ, эти деревья—даютъ окраску имъ; здѣсь ищутъ они пищу и, не находя ея достаточно—борются за существованіе. Формы (органическія) не рождаются изнутри, но дѣлаются снаружи—почти такъ, какъ творецъ теоріи дѣлалъ «поэзію», склеивая разные стихи старыхъ авторовъ. Природа даетъ обиліе всевозможныхъ новыхъ измѣненій, но наружные факторы отбрасываютъ ненужное въ нихъ и оставляютъ жить, закрѣпляютъ существованіе только за «полезнымъ». Такъ лѣпится великая органическая поэма черезъ «подборъ» случайныхъ признаковъ, и если въ ней болѣе мысли или красоты, чѣмъ въ подававшихся д-ру Ботлеру стихахъ,—этого не чувствовалъ ихъ авторъ. Нѣтъ въ этой лѣпкѣ формъ живого участія самой природы; она не есть субъективное, само-созидающееся «я»; нѣтъ въ ней вообще субъективнаго, внутренняго—вотъ коренная мысль дарвинизма и главная черта Дарвина. Какъ онъ—природа инертно готова стать всѣмъ, но чѣмъ становится—это опредѣляетъ среда, опредѣляетъ случай, какъ дядя Джоссія нѣкогда опредѣлилъ въ сущности весь дарвинизмъ и роль его въ новомъ просвѣщеніи. Только внѣшніе стимулы есть; нѣтъ вовсе внутреннихъ предрасположеній, нѣтъ ничего апріорнаго въ природѣ, нѣтъ генія въ ней—и только обыкновенная способность всѣмъ сдѣлаться, какъ у него—обыкновенная способность всему научиться. Развивается органъ—это вслѣдствіе приспособленія къ условіямъ среды *); индивидуумъ измѣняется—это давитъ на него среда; одно атрофируется въ особяхъ того же вида, опадаетъ, другое пышно расцвѣтаетъ: это—случайныя видоизмѣненія, медленно суммирующіяся въ борьбѣ за существованіе. Моментъ медленности, постепенности, сложенія неуловимо малаго—что было случайно и малоцѣнно, а выросло въ большое и важное, есть отличительный въ теоріи дарвинизма, неистребимый въ Дарвинѣ, неутомимомъ коллекціонерѣ, который такъ медленно и постепенно, «безъ всякихъ рѣзкихъ переходовъ», сталъ первымъ свѣтиломъ своего времени и самъ спрашивалъ и не находилъ отвѣта: «когда я такимъ сталъ?» Никакого плана—у него

*) Мысль, собственно принадлежащая Ламарку, но зачисляется нерѣдко въ составъ дарвинизма при нѣсколько компактномъ и общемъ его представленіи.

и въ ней; никакой цѣли, никакого преднамѣренія у творца теоріи, и—въ природѣ, имъ созерцаемой. Въ его безстрастномъ темпераментѣ ни разу не зародилось даже каприза, нетерпѣливо ищущаго выразиться; и, сколько онъ ни слушалъ глухою душой своею лоно природы—онъ тамъ не открылъ никакихъ горячихъ, живыхъ токовъ. Широкимъ, необычайно широкимъ взглядомъ окинулъ онъ міръ, но было именно въ этомъ взглядѣ что-то скользящее, созерцающее: дивный взглядъ охотника и тотъ странный недостатокъ уха, который насчитывалъ двѣ разныхъ мелодіи тамъ, гдѣ была одна, но разнаго темпа. Единства мелодій міра онъ не уловилъ; бѣдный риѳмачъ—онъ не уловилъ его поэзіи, любитель Палея—онъ вовсе не понялъ его религіи. Послушаемъ, что говоритъ онъ:

«Жирафа обрываетъ всѣ низко растущія вѣтви деревьевъ; остаются только высоко растущія: всѣ жирафы вытягиваютъ къ нимъ шеи; но нѣкоторыя все-таки не дотягиваются и вымираютъ—«переживаютъ» только съ шеею, болѣе удлиненною».

Это изумительно ясно и кратко. Это—что-то изъ Эвклида, изъ первыхъ его теоремъ: равенство треугольниковъ, и то понимаемое при условіи, если они не очень уродливо нарисованы. Но мы знаемъ, какъ затруднялся Дарвинъ, когда пытался проникнуть дальше ихъ. «Никогда, никогда я не могъ предположить,—говорилъ уже старцемъ Агассисъ,—чтобы подобныя умозаключенія могли получить торжество въ наукѣ». Агассисъ былъ палеонтологъ, т.-е. занимался разъясненіемъ органическихъ остатковъ, находимыхъ въ земной корѣ; Кёлликеръ былъ гистологъ—онъ изучалъ тончайшія строенія тканей; Бэръ основалъ эмбріологію—науку о зарожденіи и развитіи организмовъ. Всѣ они смотрѣли на природу изнутри ея формъ, ея процессовъ; тамъ они съ несомнѣнностью видѣли проявленіе ея субъективныхъ, зиждительныхъ законовъ: въ нѣсколько дней и иногда часовъ построяется, по удивительному плану, животный организмъ, и они спрашивали, имѣли тенденцію спросить, не такъли, не аналогично-ли въ тысячелѣтіяхъ и міръ былъ построенъ? Но эти тайны Дарвинъ хотя и зналъ, конечно,—но онъ узналъ ихъ позже, когда уже были образованы его собственные, лѣсные и полевые, взгляды; а, главное, онъ не увидѣлъ ихъ своимъ чудеснымъ глазомъ: онъ узналъ ихъ книжно, какъ чужія, навязываемыя знанія—и это всегда его утомляло еще со временъ, когда онъ слушалъ о Materia medica Донкана, и никогда книга въ немъ не вызывала живыхъ размышленій.

Между тѣмъ, простота и краткость новой схемы восторжествовала и заразила міръ: историкамъ и моралистамъ, этикамъ и соціологамъ она была не менѣе понятна, какъ и натуралистамъ. Всѣ въ ней нашли методъ мысли, путь исканій и открытій, способъ становиться учеными и мыслителями. Это было впервые въ исторіи, когда методъ растлилъ ученый міръ, растлилъ самый умъ человѣ-

ческій, не требуя отъ него усилій усвоенія и приложенія, понятный младенцу, какъ и старику,—какъ несомнѣнно растлилъ бы человѣческій умъ тотъ, кто вдругъ показалъ бы въ высокой степени правдоподобно, что для объясненія планетныхъ движеній, для познанія механики и физики излишни коническія сѣченія, анализъ и дифференціалы, и совершенно достаточно знаніе свойствъ элементарныхъ фигуръ, чертимыхъ при помощи линейки и циркуля.

Красота въ природѣ и ея смыслъ.

Въ одной изъ книжекъ «Вопросовъ Философіи и Психологіи» за 1894 г. останавливаетъ на себѣ вниманіе разсужденіе нашего извѣстнаго философа и публициста, г. Вл. Соловьева — «Красота въ природѣ». Трудность предмета, которому посвящено оно, невольно заставляетъ прислушиваться къ каждой мысли о немъ; а когда мы знаемъ, что эти мысли принадлежатъ человѣку испытанныхъ способностей, наше вниманіе удваивается. И въ самомъ дѣлѣ, объяснить—почему звѣздное небо нравиться намъ болѣе, нежели оно же въ полдень, при яркомъ сіяніи солнца [1]); отчего мы любуемся радугой или наслаждаемся пѣніемъ соловья, — это не только важно въ виду ежедневно испытываемыхъ нами подобныхъ ощущеній и тѣсной связи ихъ съ поэтическимъ и художественнымъ творчествомъ, но и труднѣе, быть можетъ, нежели разрѣшеніе какого бы то ни было другаго вопроса въ наукѣ. Здѣсь мы соприкасаемся съ темною и обширною областью чувствъ, которыя такъ неуловимы въ своемъ зарожденіи и переливахъ, что иногда даже простая попытка закрѣпить ихъ словомъ, передать другому въ описаніи — представляется намъ грубою и несовершенною; и тѣмъ менѣе ожидаемъ мы удачи, тѣмъ болѣе опасаемся грубости, когда видимъ желаніе опредѣлить ихъ сущность и причину. Вотъ почему нисколько не удивительно, что здѣсь рѣзче, нежели гдѣнибудь, выразилось чрезмѣрное неравенство нашего (мы говоримъ о русскихъ) эстетическаго и умственнаго развитія. Въ то время какъ ощущенія эти, въ теченіе долгихъ столѣтій испытываемыя нашимъ народомъ, нашли и въ темныхъ нѣдрахъ его, и въ болѣе

[1]) На звѣздное небо мы можемъ *смотрѣть* долго, *не отрываясь*, и при этомъ вовсе не разсматривая на немъ созвѣздій; днемъ на небо мы можемъ только *взглянуть*, *полюбоваться* имъ, *восхититься*, вообще пережить моментъ наслажденія, но не наслажденіе длящееся.

развитыхъ его представителяхъ поэтическіе способы выраженія, и иногда въ несравненно высокой формѣ, — ни разу не нашлось среди него достаточно сильной мысли, которая задумалась бы надъ этими ощущеніями, анализировала ихъ и попыталась объяснить.

Вотъ почему со всѣмъ недостающимъ, что̀ есть въ подобной попыткѣ, мы готовы примириться, если въ томъ, что она даетъ положительнаго, есть хотя какой-нибудь объясняющій свѣтъ. И это двоякое ощущеніе — удовлетворенности и сознанія недостатка — испытывается невольно при чтеніи только что названной статьи. Почти повсюду авторъ ея не только открываетъ подступы къ рѣшенію неизмѣримо трудной задачи, но и восходя на нихъ — бросаетъ свѣтлыя мысли на всѣ ея отдѣльныя стороны. Нѣкоторое единство въ нескончаемо разнообразныхъ проявленіяхъ красоты, скрытая сущность того, что̀ именно выражается въ ней,—все это указывается имъ, опредѣляется порой съ удивительнымъ искусствомъ, и, прочтя ее, всякій получаетъ хоть какую-нибудь возможность думать о томъ, о чемъ онъ раньше совсѣмъ и ничего не могъ думать. Но этой положительной сторонѣ сопутствуетъ постоянно одинъ недостатокъ, и онъ едва ли будетъ когда-нибудь совершенно возмѣщенъ въ эстетикѣ: мы говоримъ объ особомъ характерѣ доказательствъ, сопровождающихъ ея положительныя указанія, который всегда оставляетъ возможность не принимать послѣднія. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли еще когда-нибудь будетъ открыта для науки область явленій, гдѣ основательныя утвержденія будутъ такъ же трудны, какъ въ отношеніи явленій красоты, и гдѣ возраженія были бы такъ легки. Обычные пріемы доказательствъ, употребительные въ другихъ наукахъ, почти не приложимы здѣсь; и вся убѣдительность утвержденій основывается на *аналогіяхъ*, на *уподобленіяхъ*,—на томъ, что мысль утверждающаго *безъ внутреннихъ противорѣчій*, не измѣняя самой себѣ и своей исходной точкѣ, находитъ возможнымъ касаться разнообразныхъ сферъ прекраснаго. Если, при этомъ, она не встрѣчаетъ непреодолимаго противорѣчія въ самыхъ фактахъ; если переходя отъ міра образовъ къ міру звуковъ, и отъ человѣческаго творчества—къ окружающей природѣ, она нигдѣ не обрывается,—мы уже внутренно сочувствуемъ ей, какъ бы ни были шатки и смутны ея основы; мы уже сомнѣваемся—не близка ли она въ самомъ дѣлѣ къ истинѣ, которой предстоитъ, быть можетъ, остаться здѣсь окутанною вѣчнымъ сумракомъ. Правдоподобность догадокъ о томъ, чего мы не можемъ и однако-же хотимъ знать — вотъ истинное опредѣленіе научной достовѣрности эстетическихъ разсужденій какъ теперь, такъ, вѣроятно, и въ далекомъ будущемъ.

Можно сожалѣть, какъ о недостаткѣ строгости къ себѣ, о томъ, что г. Вл. Соловьевъ не оговорилъ точно этой степени достовѣрности высказываемыхъ имъ соображеній. Любя истину, мы не

только должны стремиться къ ней, но и твердо знать, когда ея не достигаемъ; и въ послѣднемъ случаѣ бережно должны предостерегать каждаго, кто могъ бы принять насъ за обладающихъ ею. Какъ ни готовы мы сочувствовать его мыслямъ о томъ, что всѣ проявленія красоты въ физической, безжизненной природѣ зависятъ отъ проникновенія грубой, косной матеріи свѣтовымъ эѳиромъ, какъ первою реализаціей идеи,—мы конечно не должны забывать, что это только слова, сложившіяся въ нѣкоторое понятіе, но не истина, опирающаяся на какіе-нибудь доводы. Но, повторяемъ, доказывать что-либо въ этой непроницаемо темной области наукп такъ трудно, а опровергать такъ легко, что едва ли можетъ у кого-нибудь пробудиться желаніе избрать для себя второе, возложивъ на другихъ первое. Въ общемъ, всѣ соображенія г. Вл. Соловьева о красотѣ въ механически устроенной, внѣшней природѣ, если и не обоснованы, то такъ внутренно связаны, что они совершенно имѣютъ ту слабую степень убѣдительности, которая одна только достижима здѣсь.

Но этого нельзя сказать о второй половинѣ его статьи, гдѣ онъ занимается разборомъ явленій красоты въ органической природѣ. Ошибки, въ которыя онъ впадаетъ здѣсь, такъ грубы, что ихъ можно было бы принять за простую небрежность языка, если бы и помимо его статья онѣ не повторялись слишкомъ часто, постоянно и всегда въ одной и той же формѣ. Здѣсь, очевидно, скрывается не небрежность въ словѣ, но небрежность въ мысли, совершенно правильно выраженной словомъ.

Ошибка эта, всецѣло перенесенная г. Вл. Соловьевымъ въ свою статью изъ естественно-научныхъ произведеній и въ особенности изъ трудовъ Ч. Дарвина, касается вопроса о томъ, *какъ произошли прекрасныя формы въ царствѣ животныхъ и растеній, какимъ образомъ онѣ ощущаются первыми и что именно это ощущеніе вызываетъ собою?* Дарвинъ, повторяя въ примѣненіи къ разсматриваемой области свой обычный пріемъ мысли, утверждалъ, что красота *чувствуется* животными, даетъ *преимущество* прекраснѣйшимъ изъ нихъ въ борьбѣ за существованіе и этимъ путемъ медленно *наростаетъ* и постоянно *укрѣпляется*. Въ этомъ изгибѣ мышленія, въ этой новой связи понятій, порознь всегда извѣстныхъ, въ сущности скрытъ весь дарвинизмъ; въ немъ англійскій ученый далъ *методъ* объясненія природы; онъ *создалъ какъ бы новый силлогизмъ*, подъ формулу котораго стали подводиться всевозможныя явленія животной, растительной и даже человѣческой жизни. И нельзя не замѣтить, что какъ бы ни съузилась со временемъ примѣнимость этой формулы, какъ бы много областей дѣйствительности ни оказались изъятыми изъ ея приложенія, хотя бы изъята была даже вся органическая природа,—однако въ абстрактномъ своемъ видѣ, и прилагаемая хотя бы только къ мельчайшимъ

деталямъ, эта формула сохранится навсегда. «Полезное *охраняетъ*, поэтому *сохраняется* само, и, суммируясь въ вѣкахъ, является какъ новая черта органическаго сложенія, какъ прежде не бывшій органъ»—это такъ просто, такъ наконецъ, это правдоподобно (по крайней мѣрѣ—до послѣдняго умозаключенія), такъ дѣйствительно, что, въ примѣненіи къ органамъ-ли или чему другому, человѣкъ—ранѣе, нежели прибѣгнетъ къ другимъ болѣе сложнымъ пріемамъ мысли,—всегда повторитъ за Дарвиномъ этотъ простѣйшій. Въ данной разсматриваемой области, въ области явленій красоты, г. Вл. Соловьевъ находитъ удобнымъ повторить этотъ именно кругъ мысли,—и здѣсь-то, почти повторяя Ч. Дарвина, онъ и впадаетъ въ тѣ ошибки, о которыхъ мы упомянули, какъ объ очень грубыхъ, и хотѣли бы ихъ поправить.

I.

«Жизнь животнаго», говоритъ г. Вл. Соловьевъ, «опредѣляется двумя главными интересами: поддерживать себя посредствомъ питанія и увѣковѣчивать свой видъ посредствомъ размноженія. Эта послѣдняя цѣль, разумѣется, не существуетъ въ сознаніи самого животнаго, а достигается природою косвенно чрезъ возбужденіе полового влеченія въ разнополыхъ особяхъ. Но космическій художникъ пользуется этимъ половымъ влеченіемъ не только для увѣковѣченія, но и для украшенія данныхъ животныхъ формъ. Особи активнаго пола, самцы — преслѣдуютъ самку и вступаютъ изъ-за нея въ борьбу другъ съ другомъ; и вотъ оказывается, по словамъ Дарвина, что способность различнымъ образомъ *прельщать* самку (курсивъ принадлежитъ автору) имѣетъ въ различныхъ случаяхъ бо́льшее значеніе, нежели способность побѣждать другихъ самцовъ въ открытомъ бою».

Здѣсь указывается пока, что красота, даваемая животнымъ природою, употребляется ими какъ нѣкоторое средство для достиженія извѣстныхъ цѣлей—что они *ощущаютъ* ее и *пользуются* ею. Въ примѣрѣ слизняковъ и нѣкоторыхъ другихъ низшихъ животныхъ, который затѣмъ приводитъ г. Вл. Соловьевъ, у него какъ будто скользитъ уже мысль, что эта красота не только ощущается животными и они пользуются ею, но что до извѣстной степени, иногда по крайней мѣрѣ, они и *создаютъ* ее или *усиливаютъ* въ тѣхъ же внѣшнихъ цѣляхъ: «если улитки плѣняютъ другъ друга своими аллюрами, то другіе, болѣе зрячіе моллюски еще легче могутъ оказывать подобное дѣйствіе красотою своихъ раковинъ». Здѣсь привлекательность движеній, очевидно *произвольно* и *преднамѣренно* совершаемыхъ, уравнивается, какъ средство привлеченія самокъ, съ красотою цвѣта, и не отличается, что послѣдній не можетъ быть созданъ произвольно и преднамѣренно существами,

которымъ онъ присущъ. Слова, заканчивающія приводимый примѣръ, также мало могутъ разсѣять это недоразумѣніе: «дѣло яснѣе», говоритъ онъ, «у ракообразныхъ и пауковъ; здѣсь самцы нѣкоторыхъ видовъ пріобрѣтаютъ во время половой зрѣлости яркую и разнообразную окраску, какой не имѣли прежде и какая отсутствуетъ у самокъ». Такъ какъ этотъ признакъ появляется, когда онъ нуженъ, и исчезаетъ, когда перестаетъ быть нужнымъ, то у читателя естественно можетъ возникнуть мысль, что онъ создается, и именно въ интересахъ достиженія нѣкоторой внѣшней цѣли (привлеченія самокъ). Слѣдующій примѣръ еще болѣе можетъ укрѣпить въ читателѣ эту мысль: «Фрицъ Мюллеръ пишетъ Дарвину изъ южной Бразиліи, что онъ часто присутствовалъ при музыкальномъ *состязаніи* между двумя или тремя самцами цикады, имѣвшими особенно звонкій голосъ и сидѣвшими на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Какъ только одинъ кончалъ свою пѣсню, такъ сейчасъ же начиналъ другой, и такимъ образомъ они все время чередовались между собою. Такъ какъ здѣсь, справедливо замѣчаетъ Дарвинъ, обнаруживается столько соперничества между самцами, то весьма вѣроятно, что самки не только распознаютъ ихъ по издаваемымъ имъ звукамъ, но что онѣ, подобно птичьимъ самкамъ, *прельщаются* или возбуждаются тѣмъ изъ самцовъ, который обладаетъ *самымъ привлекательнымъ голосомъ*». И далѣе: «у насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ отряду Neuroptera, замѣчается не только особенное украшеніе крыльевъ у самцовъ передъ спариваньемъ, но наблюдается у разныхъ видовъ предпочтеніе того или другого цвѣта... У нѣкоторыхъ видовъ жуковъ самцы отличаются огромными и весьма измѣнчивыми и причудливыми рогами, которые, какъ доказываетъ Дарвинъ, несомнѣнно имѣютъ характеръ украшенія для прельщенія самокъ»... «У многихъ видовъ бабочекъ замѣчается, что верхняя поверхность крыльевъ (въ противоположность нижней), которую *порхающій самецъ показываетъ самкѣ во время ухаживанія*, раскрашена и разрисована съ такимъ причудливымъ изяществомъ, которое не оставляетъ никакого сомнѣнія въ преобладаніи здѣсь чисто эстетическаго фактора».

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, которые приведены, но не объяснены и даже не разграничены, ясно высказывается мысль о нѣкоторомъ участіи живыхъ существъ въ созданіи тѣхъ прекрасныхъ формъ, которыхъ они являются носителями. Силою какого-то внутренняго напряженія они какъ будто или вызываютъ эту красоту, или усиливаютъ ее,—и дѣлаютъ это, чтобы привлечь къ себѣ особей другого пола. Въ примѣрѣ цикадъ, соперничающихъ музыкальностью и силой издаваемыхъ ими звуковъ — это ясно; но и другіе факты выраженія красоты въ природѣ поставлены въ рядъ съ этимъ примѣромъ и ихъ отличіе отъ него не оговорено ни однимъ словомъ. Въ приводимыхъ далѣе примѣрахъ видно, что авторъ и дѣйстви-

тельно приравниваетъ (по произвольности выраженія) «яркую и разнообразную окраску» нѣкоторыхъ пауковъ и ракообразныхъ во время половой зрѣлости—къ звукамъ, которые издаютъ тропическія цикады:

«*Неравнодушны*», говоритъ онъ, «къ красотѣ и рыбы. *Этимъ только объясняется, что* у многихъ видовъ этого класса *самцы* (вообще болѣе красивые, чѣмъ самки) *развиваютъ во время спариванія особую красоту цвѣтовъ и формъ*». Здѣсь прямо выражено, что окраска наружныхъ покрововъ производится преднамѣренно живыми существами для достиженія внѣшней цѣли—привлеченія самокъ. Въ слѣдующихъ примѣрахъ къ этой произвольности присоединяются и черты какъ-бы нѣкоторой кокетливости: «самцы тритоновъ *плюютъ* своихъ подругъ *красивыми гребнями*, а у лягушекъ только самцы же, и *лишь во время ухаживанья, даютъ свои концерты*... Въ одномъ родѣ ящерицъ (Sitana) горло самцовъ снабжено большимъ, ярко окрашеннымъ (во время спариванья) кожанымъ придаткомъ, который *они распускаютъ, какъ вѣеръ передъ самками*... Птицы почти всѣ *основываютъ свои брачные успѣхи на обнаруживаніи того или другаго эстетическаго свойства*, причемъ замѣчается, что блестящая окраска и способность къ благозвучному пѣнію обыкновенно не совпадаютъ, но слабость одного изъ этихъ преимуществъ возмѣщается развитіемъ другого. Всего любопытнѣе у птицъ то, что онѣ *явно сознательно относятся къ своей красотѣ и тщеславятся ею* не только *предъ самками*, но и передъ посторонними наблюдателями. Самъ Дарвинъ не рѣдко видѣлъ, что *павлинъ щеголялъ* своимъ уборомъ не только передъ курами, но и передъ свиньями. Всѣ естествоиспытатели, внимательно наблюдавшіе птицъ какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ, единогласно утверждаютъ, что *самцы находятъ удовольствіе* въ томъ, чтобы *выставлять напоказъ свою красоту*» (курсивъ вездѣ принадлежитъ намъ).

Этимъ исчерпываются приводимые г. Вл. Соловьевымъ примѣры, которые онъ заимствовалъ изъ книги Ч. Дарвина «Происхожденіе человѣка и половой подборъ» и въ объсненіи смысла которыхъ онъ не расходится съ англійскимъ ученымъ. Какъ общій итогъ всѣхъ своихъ мыслей о красотѣ органическихъ формъ, онъ произноситъ, въ самомъ концѣ своей статьи, слѣдующее сужденіе: «въ мірѣ животныхъ общая космическая цѣль («воплощеніе реальной идеи, то-есть свѣта и жизни, въ различныхъ формахъ природной красоты», какъ сказано у него ранѣе) достигается *при ихъ собственномъ участіи и содѣйствіи*, чрезъ возбужденіе въ нихъ извѣстныхъ внутреннихъ стремленій и чувствъ. *Природа не устрояетъ и не украшаетъ животныхъ* какъ внѣшній матеріалъ, *а заставляетъ ихъ самихъ устроять и украшать себя*» (курсивъ принадлежитъ намъ). Человѣкъ, объясняетъ онъ далѣе, только тѣмъ, соз-

давая прекрасное въ искусствахъ, отличается отъ животнаго, что, тогда какъ послѣднее не сознаетъ высшихъ космическихъ цѣлей воплощенія красоты, — онъ ихъ сознаетъ и къ нимъ стремится осмысленно и свободно.

II.

Вотъ мысли, которыя нельзя не признать величайшимъ заблужденіемъ. Красота признается не только существующею объективно для человѣка, разлитою въ природѣ и ощущаемою человѣкомъ лишь на ряду съ другими живыми существами, но утверждается, кромѣ того, что она возникаетъ и погасаетъ по мѣрѣ надобности для тѣхъ существъ, которыя являются ея носителями, что она создается ихъ преднамѣренными усиліями. Природа не только прекрасна, утверждаетъ авторъ разбираемой статьи, но она также еще и кокетлива. Именно это послѣднее утвержденіе и представляется намъ грубою ошибкой.

Съ тѣхъ поръ какъ естественныя науки утратили свою связь съ философіей и представители ихъ не изощряютъ болѣе свою мысль на ея тонкихъ и гибкихъ понятіяхъ, сила объясняющаго сужденія замѣчательнымъ образомъ понизилась въ естественно-научныхъ произведеніяхъ. Можно удивляться только, какъ смотря на природу, явленія которой такъ иногда ясно говорятъ о своемъ внутреннемъ смыслѣ—ученые совершенно не замѣчаютъ этого смысла и говорятъ о ней слова грубыя и темныя. Природа силится имъ сказать о себѣ, но не можетъ и говоритъ только нѣмымъ языкомъ своихъ явленій; а они не понимаютъ этого языка и, видя только ея мучительныя усилія, описываютъ ихъ видъ и форму, не предчувствуя совершенно того, что за ними скрывается. Когда же берутся объяснять ихъ, то начинаютъ говорить что-то искусственное и придуманное, что́ не только не отвѣчаетъ скрытому смыслу явленій, но и точной формѣ ихъ, простому внѣшнему виду.

Приведенные выше факты и мысль, которою они связаны, могутъ служить однимъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ подобнаго несоотвѣтствія между дѣйствительностью и теоріей. Всѣ эти факты уже заключаютъ въ себѣ двѣ черты, которыя совершенно роняютъ достоинство объясненій, придуманныхъ для этихъ фактовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ прекрасныя формы и цвѣта, только что описанные, суть формы и цвѣта *видовые*, а *не индивидуальные*,—и, какъ таковые, они не могутъ ни въ какомъ случаѣ служить къ выгодѣ одной особи передъ другими особями, съ которыми она борется за обладаніе самкой; потому что борется она не съ особями другого вида, которыя могутъ быть менѣе украшены и побѣждены, но всегда и только съ особями своего же вида, которыя всѣ укра-

шены одинаково и поэтому не могутъ быть побѣждены. Только *индивидуальное* отличіе можетъ быть выгодно для особи, только исключительная и частная красота могла бы дать ей какое-нибудь преимущество надъ всѣми остальными въ дѣлѣ привлеченія къ себѣ самокъ. Какъ можемъ мы думать, что красота крыльевъ бабочки-самца служитъ *для* прельщенія самокъ, «которымъ онъ ихъ показываетъ, порхая во время ухаживанья», если совершенно такія же крылья показываетъ и всякій другой порхающій самецъ? Или, какъ «неравнодушныхъ къ красотѣ рыбъ-самокъ самцы могутъ прельщать яркимъ окрашиваніемъ своимъ во время спариванья, если они всѣ окрашиваются одинаковымъ образомъ? Совершенно ясно, что прельщеніе самокъ не играетъ здѣсь никакой роли, что красота формъ и цвѣтовъ въ органической природѣ не есть средство для этого.

Если, далѣе, мы обратимъ вниманіе на то, которому изъ двухъ половъ присущи бываютъ красивые формы и цвѣта, то еще болѣе убѣдимся въ несправедливости приводимыхъ объясненій. Не самки, но именно самцы являются украшенными въ природѣ, *и они же ищутъ и выбираютъ самокъ*, которыя остаются при этомъ пассивными. Еслибы красивые формы и цвѣта служили средствомъ для привлеченія однимъ поломъ особей другого пола, то они, конечно, должны бы находиться на томъ изъ нихъ, который является пассивнымъ при спариваніи. Тогда активно ищущій полъ, привлекаемый красотою (она и здѣсь должна бы быть индивидуальною) однихъ особей сравнительно съ другими, оплодотворялъ бы ихъ преимущественно передъ прочими, за ними утверждалъ бы потомство и тѣмъ укрѣплялъ бы въ природѣ ихъ прекрасныя формы. Но въ дѣйствительности происходитъ явленіе совершенно обратное: выбираемыя являются неукрашенными, а избирающіе красивы, хотя это имъ и не нужно. Если бы самцы, въ красотѣ формъ своего пола, сидѣли неподвижно и ожидали самокъ, или если бы, окружая самку, они прельщали ее и заставляли приблизиться къ себѣ—тогда преимущество ихъ въ красотѣ было бы понятно. Напротивъ, оно совершенно непонятно, когда именно самки выжидаютъ неподвижно приближенія самцовъ [1]), и во всякомъ случаѣ, при приближеніи нѣсколькихъ изъ нихъ, отдаются ближайшему, а не болѣе красивому—чего, впрочемъ, и нѣтъ, потому что они всѣ одинаковы.

Эти два соображенія такъ просты и вмѣстѣ такъ убѣдительны, ихъ сила такъ одинаково примѣнима ко всей области органическихъ формъ, что мы не считаемъ необходимымъ развивать ихъ далѣе или прибавлять къ нимъ что-нибудь новое. Но, разъ данное объясненіе красоты въ природѣ неправильно, является потребность

---

[1]) Г. Вл. Соловьевъ самъ выше говоритъ «особи *активнаго пола*, самцы, преслѣдуютъ самку» и пр.

найти другое, которое ближе подходило бы къ истинѣ, лучше отвѣчало бы фактамъ.

III.

Нѣкоторыя особенности, встрѣчаемыя постоянно въ явленіяхъ органической красоты и указанныя самимъ Дарвиномъ и другими натуралистами, могутъ пролить свѣтъ на загадочный источникъ, откуда она возникаетъ и развивается.

Если въ растительномъ и животномъ царствахъ красота является не у тѣхъ, кому она могла бы быть нужна (особи женскаго пола), и не въ той формѣ, въ какой единственно могла бы быть полезною (индивидуализированная), и это подтверждается всѣми сдѣланными наблюденіями,—то въ нихъ-же, въ этихъ наблюденіяхъ, открывается и то, что она повсюду и неизмѣнно является тамъ, гдѣ *жизненная энергія повышается въ своемъ напряженіи.* Прекрасное въ органической природѣ не есть средство для чего-либо и въ созданіи его нѣтъ ни произвола, ни какой-либо искусственности: оно есть непроизвольное и естественное выраженіе жизненной энергіи, особенная форма, въ которую, на ряду съ безчисленными другими формами, эта энергія преобразовывается. Въ существованіи каждой особи и въ жизни цѣлаго органическаго міра мы одинаково наблюдаемъ, какъ повышенія или пониженія ея сопровождаются расцвѣтомъ или померканіемъ и внѣшней красоты, въ чемъ бы она ни выражалась—въ цвѣтахъ, звукахъ или линіяхъ очертанія. Но чтобы сдѣлать яснѣе фактъ этого постояннаго сопутствованія, мы должны точнѣе опредѣлить, что́ именно разумѣемъ подъ жизненною энергіей.

Вся совокупность растительныхъ и животныхъ формъ, покрывающихъ теперь землю и наполнившихъ нѣкогда ея пласты, признается рядомъ звеньевъ одного великаго и сложнаго процесса, который носитъ названіе *органическаго.* Эти звенья, единичныя *о́соби* органическаго міра, являются разъединенными другъ отъ друга и мѣстомъ, и временемъ своего индивидуальнаго существованія; но есть одинъ актъ, черезъ который онѣ всѣ соприкасаются между собою и въ силу котораго именно мы и признаемъ ихъ лишь *звеньями* цѣлаго, а не совершенно изолированными другъ отъ друга существами, подобными напр. минераламъ: это — актъ рожденія. Въ теченіе всей своей жизни одиноко растущая или прихотливо движущаяся особь является уединенною отъ всѣхъ другихъ, свободною отъ ихъ вліянія и съ ними не связанною; но въ одинъ мигъ своего существованія, первый и самый важный—когда рождается, она примыкаетъ непосредственно къ морю органической жизни, разлитой по землѣ и уже продолжающейся тысячелѣтія; и въ краткія же мгновенія своего послѣдующаго существованія—

когда рождаетъ, она соединяется съ тою жизнью, которая останется на землѣ послѣ того, какъ она сама сдѣлается горстью праха. Такимъ образомъ, въ актѣ рожденія соединенъ весь органическій міръ, такъ разъединенный во всемъ остальномъ своемъ существованіи, которое всегда индивидуально. Чрезъ него особь примыкаетъ къ цѣлому и въ немъ же принимаетъ она на себя всѣ неизгладимыя черты своего сложенія, какъ физическаго, такъ равно и духовнаго. Неощутимымъ образомъ черезъ этотъ актъ цѣлое накидываетъ на появляющееся единичное существо сѣть какъ бы предѣловъ, изъ которыхъ оно никогда не выйдетъ, въ которыхъ все совершитъ, всего будетъ желать и всего достигнетъ. Такимъ образомъ органическая жизнь, не прерванная на разстояніи тысячелѣтій и связанная на всей землѣ, какъ бы пульсируетъ въ индивидуальномъ существованіи, и судьба каждой особи, отъ рожденія и до смерти, есть только единичное біеніе этой великой жизни, ударъ ея, воспринятый и переданный,—необходимое, хотя и пропадающее мгновеніе въ потокѣ вѣчности. Какъ, по какой формѣ происходитъ это пульсированіе? Или, что тоже, по какому типу совершается развитіе органической жизни на землѣ?

Отвѣтъ на это можетъ быть найденъ путемъ опредѣленія скрытаго центра, откуда происходитъ самое біеніе органической жизни. Положеніе этого центра можетъ быть выведено изъ наблюденія надъ самыми общими и постоянными фактами, въ которыхъ выражается существованіе органическаго міра отъ перваго появленія его на землѣ до его теперешняго состоянія. Но чтобы смыслъ этихъ фактовъ, ихъ указующее значеніе было вполнѣ ясно, нужно сказать предварительно нѣсколько словъ о зависимости вообще всякаго явленія отъ его близости къ первоначальной причинѣ, служащей общимъ источникомъ ряда фактовъ, въ которомъ данное наблюдаемое явленіе есть одно звено.

IV.

Всякій разъ, когда какая-либо причина производитъ рядъ подобныхъ явленій, сила ея дѣйствія умаляется по мѣрѣ того, какъ они дальше и дальше отъ нея отходятъ; и, наоборотъ, возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ они къ ней приближаются. А съ тѣмъ вмѣстѣ и каждое одиночное явленіе, которое несетъ въ себѣ мигъ этого дѣйствія и имъ существуетъ, бываетъ выражено тѣмъ ярче и полнѣе—оно тѣмъ больше заключаетъ въ себѣ бытія, въ чемъ бы послѣднее ни проявилось, чѣмъ ближе, въ ряду однорядныхъ явленій, стоитъ къ ихъ общему источнику. Такъ движеніе камня, подброшеннаго вверхъ, бываетъ наиболѣе быстро въ моментъ отдѣленія его отъ подбросившей руки; и, наоборотъ, когда онъ падаетъ, его движеніе наиболѣе быстро въ моментъ прикосновенія къ землѣ,

которая его притянула. Рука и земля, въ обоихъ случаяхъ, являются общимъ источникомъ безчисленнаго ряда неуловимо малыхъ перемѣщеній камня, сливающихся въ линію его полета; и изъ этихъ перемѣщеній ни одно по своимъ качествамъ (быстротѣ) не похоже на другое, но каждое ближайшее къ своей причинѣ энергичнѣе, нежели болѣе удаленное отъ нея. Равнымъ образомъ, если мы возьмемъ сферу столь несхожую съ механическими явленіями и такъ, повидимому, отъ нихъ удаленную, какъ жизнь психическая и историческая, мы увидимъ нѣчто аналогичное и въ ней. Осуществленіе замысла какого-нибудь—еще тускло, недѣятельно, пока онъ обдумывается только, когда манящій человѣка предметъ далекъ; оно напряженнѣе въ моменты, когда уже осуществляется, и, наконецъ, обращается въ страсть, въ порывъ, когда предметъ обладанія уже находится передъ глазами, или вещь исполняемая — почти готова. Великіе завоеватели именно тогда уже, когда почти ничто не мѣшало ни величію ихъ, ни всякому кажущемуся счастью, противъ этого «почти» устремлялись всегда такъ стремительно, что иногда гибли отъ необдуманности и быстроты движенія (Персія—противъ Греціи, Наполеонъ—противъ Россіи; съ инымъ исходомъ—Тамерланъ противъ ненужной и даже неизвѣстной ему восточной Европы). Въ этихъ и подобныхъ фактахъ, число которыхъ каждый безъ труда можетъ увеличить, присматриваясь къ окружающему, мы наблюдаемъ, что всякій разъ, когда одна и та же причина порождаетъ *рядъ* звеньевъ—тѣ изъ нихъ, которыя къ ней ближе, исполнены бываютъ сильнѣйшаго напряженія.

V.

Если, руководимые этою мыслью, мы обратимся къ органическому міру и захотимъ спросить себя: въ чемъ именно здѣсь должна выразиться энергія явленій, которая для движенія выражается въ быстротѣ его, для свѣта—въ яркости, для желанія—въ его возрастающей нетерпѣливости и пр.,—то, вникая въ главное, къ чему направляется органическая жизнь, что въ ней творится, мы должны будемъ отвѣтить слѣдующее: при равенствѣ прочихъ условій, *количество жизненной энергіи, заключенной въ каждомъ организмѣ, тѣмъ болѣе* (въ немъ сравнительно съ другими организмами), *чѣмъ развитѣе его органическое сложеніе*, т. е. чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе его функціи и чѣмъ отчетливѣе и исключительнѣе каждая изъ нихъ. Пусть причина, движущая органическую жизнь и заставляющая ее трансформироваться изъ одной формы въ другую, остается вѣчно неизвѣстною, все-таки несомнѣннымъ будетъ, что *напряженіе* этой силы тогда больше, когда она производитъ сложное, чѣмъ когда она создаетъ простое,—хотя бы уже потому, что сложное состоитъ изъ простого, которое въ немъ удвоено, утроено и т. п.

Такимъ образомъ, 1) *сложность организаціи* и 2) *обиліе своеобразныхъ* (одна на другую не похожихъ) *функцій*, въ ней совершающихся, можетъ служить несомнѣннымъ критеріумомъ степени напряженія жизненной энергіи на всѣхъ ступеняхъ растительнаго и животнаго міра. Руководимые показаніями этого критеріума, мы уже безъ труда можемъ опредѣлить, въ какомъ направленіи энергія жизни увеличивается и, слѣдовательно, гдѣ находится скрытый центръ ея біенія.

Самый общій и постоянный фактъ, наблюдаемый въ развитіи органическаго міра отъ момента его появленія на землѣ и до настоящаго времени, заключается въ томъ, что сложность организаціи отдѣльныхъ особей, его составляющихъ собою, была все возрастающею во времени и никогда—убывающею. Вѣчное усложненіе въ строеніи, увеличеніе числа функцій и ускореніе каждой функціи порознь—это и есть элементы, которые мы соединяемъ въ одно цѣлое, обозначая ихъ общимъ именемъ *развитія*. Простая протоплазма, эта живая слизь, безъ какой-либо организаціи и съ однимъ общимъ свойствомъ всего живого—раздражимостью [1]), была первою основой органическаго міра. Эта безформенная и почти косная масса была носительницею жизни, которая здѣсь едва мерцала,

---

[1]) Послѣ долгихъ и тщетныхъ попытокъ найти: *что есть безусловно общаго во всѣхъ живыхъ существахъ и безусловно постояннаго въ нихъ, пока они живы,*—ученые остановились, наконецъ, на мысли, что это есть *раздражимость*. Кембриджскій профессоръ Глиссонъ (въ XVII в.) первый указалъ на нее, какъ на общее свойство всѣхъ живыхъ тканей, и видѣлъ въ ней истинную причину жизни; послѣдующіе ученые все болѣе находили, что разнообразныя формы органической жизни *суть дѣйствительно* только модификація этого первичнаго свойства. Понятны, поэтому, попытки ихъ дать строгое опредѣленіе этого важнаго явленія; однако, они и до сихъ поръ не остановились ни на чемъ общемъ. Намъ думается, что правильнѣе всего явленіе раздражимости можно опредѣлить такъ: оно есть *свойство отвѣчать на дѣйствіе внѣшняго агента большимъ или меньшимъ, нежели сколько содержитъ въ себѣ это дѣйствіе, разсматриваемое* какъ причина. Такимъ образомъ, раздражимость есть первое нарушеніе основнаго закона механики, что *дѣйствіе равно противодѣйствію*, или обратно: *противодѣйствіе равно дѣйствію*,—и выводитъ весь рядъ существъ, обладающихъ ею, изъ-подъ законовъ механической природы и образуетъ изъ нихъ особый міръ живыхъ и органическихъ существъ. Внутренняя причина, лежащая въ воспринимающемъ дѣйствіе существѣ, которая удлиняетъ или задерживаетъ это противодѣйствіе, можетъ совершить это потому только, что она не есть причина механически дѣйствующая. Нѣкоторый излишекъ въ движеніи противъ законовъ механики создается при этомъ, или, напротивъ, производится нѣкоторый недостатокъ. Эта способность поглощать въ себя движеніе или производить изъ себя его есть глубочайшая черта органической природы. Въ этой органической природѣ есть нѣкоторая скрытая глубь, куда уходятъ и откуда возникаютъ явленія безъ того, чтобы вы видѣли ихъ послѣдствія или причины. Потому-то и правильно думаютъ, что тамъ, гдѣ начинается органическая природа, начинается господство совершенно особенныхъ законовъ и силъ, нежели какое мы знаемъ во внѣшнемъ, окружающемъ насъ мірѣ. Не удивительно, что эти законы и силы до сихъ поръ совершенно не разгаданы.

едва была различима. Актомъ рожденія, безъ какого-либо перерыва въ темной глубинѣ вѣковъ, съ этою протоплазмой соединенъ органическій міръ, теперь покрывающій землю—этотъ трепетъ жизни, эта красота мірозданія, это чудное разнообразіе формъ, цвѣтовъ и звуковъ, наполняющихъ землю и оглушающихъ ее шумомъ вѣчной радости. Будемъ-ли мы отрицать, что энергія жизни въ немъ теперь не больше, чѣмъ она была въ той первой протоплазмѣ, что она нисколько во времени не возрасла? Нужно закрыть глаза на землю, чтобы сказать это; нужно преднамѣренно отвернуться отъ природы, чтобы не слышать ея голоса и въ этой глухотѣ и слѣпотѣ сохранить *свою* мысль и избѣжать вывода, который уже теперь ясенъ.

И въ самомъ дѣлѣ, если энергія органической жизни является возрастающею во времени, и это выражается въ общемъ и постоянномъ фактѣ возростанія сложности органическаго строенія, то это не можетъ зависѣть ни отъ чего другого, кромѣ какъ отъ того только, что она приближается къ своей причинѣ, а не удаляется отъ нея. То-есть скрытый центръ, откуда пульсируетъ въ теченіе тысячелѣтій органическая жизнь, лежитъ не позади органическихъ явленій, и они не исходятъ изъ него, не отталкиваются имъ, но—впереди ихъ и они стремятся къ нему, восходятъ.

VI.

Всякій разъ, когда источникъ какого-нибудь дѣйствія лежитъ позади этого дѣйствія (въ пространствѣ или времени)—мы усвояемъ ему имя *причины:* таковъ толчокъ по отношенію къ движенію; напротивъ, когда источникъ дѣйствія лежитъ впереди или послѣ его—мы называемъ его *цѣлью*: такова улучшенная форма чего-либо по отношенію къ процессу улучшенія, черезъ который оно проходитъ. Процессы, которые исходятъ отъ своихъ причинъ, всегда суть процессы только количественные; и съ одной же количественной стороны могутъ быть познаваемы предметы, которые являются результатами ихъ (масса, объемъ, фигура, положеніе и т. п.). Напротивъ, процессы, которые восходятъ къ своимъ цѣлямъ, суть также и качественные: качество есть новая сторона здѣсь, которая зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго соотвѣтствія цѣлесообразно устроенныхъ предметовъ или цѣлесообразно совершающихся явленій съ конечною цѣлью, къ которой они восходятъ, ради которой они устроены или совершаются.

Такимъ образомъ—не причина, скрытая въ глуби временъ, есть движущее начало всего органическаго процесса; но—цѣль, лежащая въ будущемъ и намъ еще неизвѣстная, которая устрояетъ этотъ міръ и переводитъ его отъ формы къ формѣ съ помощью причинъ, механическихъ въ отдѣльности, но въ цѣломъ планомѣрно распо-

ложенныхъ. Подобно тому, какъ и воля человѣка, цѣлесообразно устрояющая государство или возводящая зданіе, опирается на законы природы или души человѣческой и дѣйствуетъ съ помощью ихъ механически.

VII.

Жизненное напряженіе, о которомъ мы сказали ранѣе, что оно есть источникъ красоты въ органической природѣ, раскрывается, такимъ образомъ, передъ нами какъ сила скрытой цѣлесообразности, не дающей органическимъ формамъ остановиться, пока цѣль всего органическаго процесса еще не достигнута; и она же мѣшаетъ этимъ формамъ слиться въ рядъ тожественныхъ, не отличимыхъ другъ отъ друга существъ, пока ни въ одной органической особи цѣль не достигнута,—и это есть истинная причина ея стремленія рождать. Если бы дѣти совершенно походили на своихъ родителей—самаго акта рожденія не было бы въ органической природѣ; возможное различіе того, что̀ будетъ порождено, есть настоящая причина всякаго зарожденія, какое когда-либо было. Потому что безъ этого различія не было бы приближенія органическихъ формъ къ своему источнику, а оно, это приближеніе, и есть источникъ жизненной энергіи, которая сообщается особи въ моментъ ея зачатія и даетъ ей силу повторить его. Особь есть только мимолетное звено въ процессѣ вѣчнаго достиганія; и она живетъ и даетъ другимъ существамъ жизнь лишь настолько, насколько достигаетъ. Индивидуальныя различія, которыя мы находимъ во всѣхъ особяхъ даннаго вида, есть результатъ ихъ усилій переступить черезъ границы своего вида—далѣе; и, насколько онѣ уже безсильны сдѣлать это сами, потому что связаны родительскою формой, которую нѣсколько разрушили, и не въ силахъ разрушить болѣе—они стремятся достигнуть этого, по крайней мѣрѣ, въ потомствѣ. Въ этихъ усиліяхъ, въ этихъ вѣчныхъ всплескахъ жизненной волны къ своему неподвижному источнику, не всѣ достигаютъ своей цѣли: многія уклоняются въ сторону или подъ вліяніемъ внѣшнихъ физическихъ дѣятелей, или потому, что самое усиліе было судорожно и неправильно; большинство не переходитъ обыкновеннаго уровня поднятія и, обезсиленное—падаетъ назадъ; но нѣкоторыя поднимаются высоко—и появляется то, что̀ принято называть «крупными самопроизвольными измѣненіями организмовъ»: первая ступень въ образованіи новаго вида. Явленіе смерти, какъ индивидуальной, такъ и видовой, равно какъ явленіе уродливости — эти всеобщія и исключительныя особенности органической природы—находятъ здѣсь свое объясненіе. Смерть есть угасаніе жизненной энергіи, происходящее отъ того, что она не доходитъ въ особь или видъ изъ вѣчнаго источника, къ которому они стремились нѣкогда

приблизиться—и тогда жили, и соотношеніе съ которымъ теперь почему-либо въ нихъ прервано. Безсиліе стать къ этому источнику ближе есть причина смерти, какъ самое приближеніе — причина жизни. Въ общемъ же причиною того и другаго служитъ безсиліе или, наоборотъ, способность производить изъ себя различное. Всякій разъ, когда въ актѣ рожденія уже передана особью своему потомству способность къ дальнѣйшему достиженію цѣли, и она ничего болѣе не можетъ сдѣлать, какъ только повторить себя — она выпадаетъ изъ органическаго процесса, какъ его ненужное звено, и умираетъ. Здѣсь лежитъ объясненіе и явленія старости—этого блѣднаго и коснаго существованія, гдѣ жизнь уже не поднимается болѣе, гдѣ остатокъ ея, слишкомъ недостаточный, чтобы передаться, медленно растрачивается на поддержаніе въ неподвижномъ состояніи прежней организаціи, и когда растрачивается на это весь—организмъ разрушается; отсюда же объясняется и то, что этого явленія старости, иногда продолжительнаго въ высшихъ организованныхъ существахъ, полныхъ жизненной энергіи, нѣтъ въ низшихъ со слабою энергіей, которой едва хватаетъ на то, чтобы передаться потомству въ нѣсколько увеличенномъ видѣ: поэтому многія изъ нихъ умираютъ, какъ только родятъ. Такъ происходитъ индивидуальная смерть. Видъ же или родъ умираетъ потому и тогда, когда онъ или породилъ уже высшую, чѣмъ самъ, органическую форму, или когда онъ уклонился съ пути этого порожденія лучшаго. Въ первомъ случаѣ онъ связанъ съ нынѣ живущими видами и родами непрерывающимся рядомъ промежуточныхъ формъ; во второмъ случаѣ онъ является вымершимъ безъ потомства, какъ бы отдѣлившеюся отъ органическаго міра вѣтвью, которая угасла, ничего не произведя. И тамъ и здѣсь органическая форма вымерла потому, что утратила силу рожденія, сдѣлавшись способною только повторять себя, но не производить что-либо новое, ближайшее къ вѣчнодостигаемому источнику всей органической жизни.

Отсюда соотносительность жизни и смерти въ органической природѣ—невозможность породить первую, не принявъ въ себя второй. Всякое созиданіе *иного* есть разрушеніе *себя*, и это въ каждой частицѣ организма, во всемъ въ немъ какъ особи, и въ цѣломъ органическомъ мірѣ. Это отъ того, что невозможно достигнуть чего-либо, не ставъ тотчасъ же ненужнымъ болѣе настолько и въ томъ именно, насколько и въ чемъ достигнуто.

VIII.

Теперь, установивъ эту общую точку зрѣнія на органическую природу и ея развитіе, обратимся къ болѣе частному разсмотрѣнію одного явленія въ ней—*красоты*. Мы увидимъ, что оно замѣчательнымъ образомъ объясняется изъ этого взгляда, а онъ, взамѣнъ, получаетъ въ этомъ явленіи фактическое подтвержденіе.

Мы сказали ранѣе, что красота есть особая форма, въ которую преобразуется органическая энергія, что она есть только проявленіе послѣдней, въ которомъ нѣтъ ни произвольности, ни чего-либо преднамѣреннаго или искусственнаго. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ ея повышенія совпадаютъ съ повышеніями органической энергіи, какъ мы объяснили ихъ выше.

Незначительная на низшихъ ступеняхъ органическаго развитія, красота возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ это развитіе подвигается во времени, и формы изъ болѣе простыхъ переходятъ въ болѣе сложныя, т. е. становятся носителями высшаго жизненнаго напряженія, большаго количества органической энергіи. Фактъ все болѣе и болѣе яркаго проступанія красоты есть столь же общій и постоянный въ органическомъ мірѣ, какъ и фактъ усложненія этого послѣдняго въ каждой отдѣльной особи и въ цѣломъ строеніи своемъ (богатство органовъ въ организмѣ, богатство видовыхъ, родовыхъ и прочихъ формъ въ органическомъ мірѣ). При этомъ замѣчательно, что красота, возрастая, не только становится болѣе яркою черезъ какой-нибудь одинъ способъ выраженія, но она ищетъ и новыхъ способовъ выразиться, потому что одинъ становится уже недостаточенъ: къ красотѣ *очертанія* присоединяется красота *цвѣта*; въ самомъ цвѣтѣ появляется очертаніе, и онъ становится *узоромъ* (крылья бабочекъ, напр.); наконецъ, появляется звукъ, сперва внѣшній, производимый треніемъ одной части тѣла о другую (насѣкомыя), и потомъ внутренній—голосъ; имъ обладаютъ только животныя съ очень уже высокою сложностью организаціи. Эта многоформенность выраженій красоты, развивающаяся параллельно съ многоформенностью жизненныхъ функцій (дыханіе, кровообращеніе, пищевареніе), служитъ, какъ и она, показателемъ повышеній органической энергіи.

Три общіе типа, къ которымъ искусно сводитъ г. Вл. Соловьевъ всѣ отдѣльныя проявленія безобразія въ органическомъ мірѣ [1]), черезъ это сводятся къ одному. Всякій разъ, когда въ органическомъ процессѣ, цѣлесообразно развивающемся, мы встрѣчаемъ или *остановку*, или *возвращеніе* къ прежнему, или *раннее и недостаточное осуществленіе* того, что́ лишь въ будущемъ можетъ быть осуществлено въ своихъ нормальныхъ предѣлахъ, мы чувствуемъ присутствіе въ немъ неправильнаго, болѣзненное уклоненіе его энергіи въ сторону,—и нѣкоторое темное и непріятное ощущеніе овладѣваетъ нами. Сами являясь носителями органической энергіи, и притомъ на высшей ступени ея осуществленія, мы непреодолимо и безошибочно чувствуемъ все не такъ направленное въ развитіи

[1]) „Преобладаніе матерьяльной животности, возвращеніе къ безформенности, предвареніе высшей формы“ (напр., организація лягушки и обезьяны по отношенію къ организаціи человѣка).

этой энергіи, повинуясь чему-то безотчетному, *отвращаемся* при созерцаніи его. Смотря на природу какъ на вѣчно завершающееся, мы радуемся, созерцая, какъ формы ея бѣгутъ вверхъ, мысленно поднимаемся за ними и любимъ ихъ тогда, наслаждаемся ими; если же онѣ безсильно опускаются внизъ, что-то враждебное противъ нихъ поднимается въ насъ, мы оставляемъ ихъ и ненавидимъ, не находя въ себѣ силъ даже къ состраданію. Состраданіе отсутствуетъ здѣсь, быть можетъ, потому, что въ отвратительномъ мы всегда и вѣрно угадываемъ присутствіе чего-то смертнаго, относимся къ нему какъ къ временному въ высшей степени; напротивъ, все прекрасное исполнено залоговъ жизни, и мы не ошибаемся, когда называемъ его (по соотношенію съ достигаемымъ) вѣчнымъ.

IX.

Возрастая, какъ и сложность организаціи во времени, красота въ каждой отдѣльной особи бываетъ не постоянно выражена съ одною и тою же силой и яркостью. Двѣ главныя функціи находимъ мы во всякомъ организмѣ: питаніе, черезъ которое онъ поддерживаетъ себя, и размноженіе, черезъ которое продолжаетъ себя въ потомство. Къ общему органическому процессу имѣетъ отношеніе только вторая функція; черезъ актъ рожденія, какъ мы замѣтили выше, проходитъ та скрытая нить, которая связуетъ особь съ цѣлымъ органическимъ міромъ, дѣлаетъ ее не изолированнымъ существомъ, но звеномъ въ длинномъ рядѣ все развивающихся формъ. Черезъ этотъ именно актъ особь, безсильно стремившаяся подняться надъ родительскою формой, передаетъ стремленіе и способность подняться выше ея—своему порожденію. Ясно, что въ этомъ именно актѣ происходитъ поднятіе органической энергіи, и съ нимъ же совпадаетъ высшее проявленіе красоты въ природѣ: въ примѣрахъ, приведенныхъ выше, повсюду отмѣчено, что красота формъ, цвѣтовъ и звуковъ возрастаетъ ко времени спариванія, продолжается все время, пока оно длится, и тотчасъ блекнетъ, когда оно проходитъ. И Ч. Дарвинъ, и г. Вл. Соловьевъ объясняютъ это тѣмъ, что она появляется въ то время какъ средство прельщенія; но если мы могли бы еще подумать это объ однихъ выраженіяхъ красоты (напримѣръ, о пѣніи птицъ), то ни въ какомъ случаѣ не можемъ допустить этого относительно другихъ (окрашиваніе раковинъ и рыбъ, выростаніе различныхъ придатковъ, благоуханіе цвѣтовъ, и пр.). Поэтому, правильнѣе всего и тамъ, гдѣ мы могли бы заподозрить преднамѣренность, видѣть не что-либо произвольно создаваемое въ видахъ достиженія временной цѣли, но также невольное и своеобразное выраженіе поднявшагося жизненнаго напряженія. И человѣкъ поетъ—и это прекрасно, и влечетъ къ нему; но онъ поетъ не для того, *чтобы* привлечь къ себѣ, а потому, что ему

хочется пѣть, что у него пробудилась къ этому способность и влеченіе. Такъ и прекрасныя формы, цвѣта и звуки въ животномъ мірѣ суть простыя выраженія органической энергіи: они суть слѣдствія ея поднятія, а не средство для чего-либо. Но что эти внѣшнія выраженія скрытой энергіи привлекаютъ особей другого пола, это слишкомъ понятно: и въ нихъ въ то же время происходитъ поднятіе жизненной энергіи, и ясно, что она поднимается на встрѣчу энергіи другого пола. Актъ спариванія есть моментъ, когда эти энергіи сливаются. Какъ было бы ошибочно думать, что человѣкъ и лицомъ, и вообще физически въ среднемъ возрастѣ становится прекраснѣе, чѣмъ въ старости, только потому, что желаетъ этого, что въ это время нужна ему красота,—такъ ошибочно думать, что и прекрасное въ органической природѣ возрастаетъ потому только, что оно нужно. Ни произвольности, ни чего-либо искусственнаго—здѣсь нѣтъ.

X.

Мужской полъ вообще нужно считать главнымъ носителемъ органической энергіи: насколько послѣдняя не только сохраняется, но и наростаетъ во времени, она содержится именно въ немъ. Онъ есть дѣятельный и зиждущій элементъ въ органическомъ мірѣ; и въ человѣкѣ, въ которомъ, какъ въ высшемъ звенѣ органическаго міра, всѣ явленія этого міра крупнѣе и ярче выражены, это можно видѣть особенно ясно: мужчина сдѣлалъ исторію, женщина же всегда оставалась только его помощницею. Не только всякій исторически значительный замыселъ, новая идея или высокое и своеобразное чувство всегда зарождалось въ мужчинѣ, и женщина только приникала къ этому, любила это и того, кто его создалъ; но если мы будемъ сравнивать и внѣшній, физическій обликъ мужчины и женщины, мы безъ труда замѣтимъ, какъ разнообразенъ онъ у перваго и какъ однообразенъ у другой. Женщины гораздо сходнѣе между собою, нежели мужчины; въ нихъ гораздо меньше индивидуальности; а уже выше было сказано, что индивидуальныя черты суть именно то, въ чемъ сказывается стремленіе органической энергіи, живущей въ данномъ видѣ, переступить его границы (разрушить родительскую форму). Такимъ образомъ, не только въ духовной сферѣ наростающее всегда исходило изъ мужчины, но и въ физическихъ чертахъ это наростающее во времени также является только въ немъ или въ немъ главнымъ образомъ. Отсюда—автономность въ мужчинѣ, нѣкоторая отдѣленность его, которому—расти только впередъ, и связность женщины, ея слитность съ мужчиною, и любовь — какъ высшая красота ея въ исторіи и совершенное удовлетвореніе. Всѣ особенности мужскаго характера, его духовной личности и его роли въ исторіи, объясняются изъ одного: изъ того, что онъ есть носитель цѣлей своего рода; и всѣ особенности жен-

щины, надъ которыми столько задумывались: ея незначущая роль въ исторіи и особенныя свѣтлыя и высокія черты ея души — все это вытекаетъ изъ того, что она не носитъ въ себѣ никакихъ, автономно ей принадлежащихъ цѣлей. Ея вѣчная и единственная цѣль— стать *усвоенною*, *послужить*, сдѣлаться *орудіемъ* обнаруженія того, о чемъ она имѣетъ только смутное представленіе и болѣе яснаго не ищетъ,—потому что единственное понятіе, ей необходимое во всей ясности, есть то, что она *служитъ*, *способствуетъ* чему-то.

По этой же причинѣ—если мы вновь возвратимся къ органическому міру—особи мужского пола являются въ немъ дѣятельными въ моментъ спариванія, а особи женскаго пола—пассивными: именно первые ищутъ продолжить свой родъ, въ нихъ именно органическая энергія, вѣчно стремящаяся разрушить родительскую форму въ дѣтской, ищетъ быть переданною потомству. И они же, какъ это замѣчаютъ всѣ натуралисты, въ моментъ спариванія пріобрѣтаютъ особенно прекрасныя формы; самки же остаются таковыми, какими были, или измѣняются очень мало. Красота очертаній, цвѣтовъ и звуковъ, о которой мы утверждаемъ, что она есть преображенная органическая энергія, наростаетъ у того именно пола, который есть носитель наростающаго въ этой энергіи.

Такимъ образомъ, въ мірѣ животномъ и растительномъ красота формъ, цвѣтовъ, звуковъ, наростая:

1) *по мѣрѣ возрастанія сложности организаціи*,

2) *къ моменту спариванія*,

3) *у пола, дѣятельно спаривающагося*,—одинаково является тамъ, гдѣ пульсъ біенія органической жизни повышается, гдѣ *tonus* пульсаціи особенно напряженъ. Мы объясняемъ—гдѣ эта пульсація восходитъ, гдѣ жизненная волна всплескивается къ нѣкоторому высшему своему завершенію. подобно океаническимъ водамъ, которыя немного, но постоянно поднимаются на встрѣчу тянущему ихъ къ себѣ небесному свѣтилу. Только это тяготѣніе органическаго міра построено не по законамъ пространства, но по законамъ времени.

XI.

Взглядъ на источникъ красоты въ органическомъ мірѣ, изложенный нами, совпадаетъ, такимъ образомъ, со всѣми фактами ея частныхъ проявленій; тогда какъ Дарвиново объясненіе во всѣхъ же частностяхъ съ этими фактами расходится. Прекрасное въ живой природѣ есть отблескъ радости объ этой носимой въ ней жизни, какъ отвратительное въ ней есть содраганіе отъ приближающейся смерти. Самую же жизнь мы разсматриваемъ какъ достиганіе органическими формами, этою одушевленною матеріей, вѣчнаго источника своего, который, оставаясь въ безконечной дали, нѣкогда затеплилъ искру этого особеннаго существованія на холодной землѣ,

и чѣмъ далѣе проходило время—она все разгоралась на ней, вбирая въ себя безжизненные элементы, которые лежали вокругъ и преображая ихъ въ формы все болѣе живыя и все болѣе прекрасныя по мѣрѣ того, какъ великій источникъ жизни становился ближе. Вотъ почему такъ напрасно ищутъ *начала* органической жизни: оно не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, оно наступитъ, и его нужно ожидать, а тамъ, гдѣ его ищутъ обыкновенно—лежитъ только его конецъ. Онъ теряется въ безжизненной неорганической природѣ, и гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, въ какое время она впервые и незамѣтно шевельнулась подъ дѣйствіемъ безгранично далекаго луча, на нее павшаго, шевельнулась какъ никогда раньше и по совершенно особеннымъ законамъ, связь съ которыми никогда уже не утратила потомъ—этого напрасно искать.

Проявленіе красоты въ органической природѣ отмѣчено одною особенностью, которая удобно можетъ послужить переходомъ къ разсмотрѣнію прекраснаго въ самомъ человѣкѣ. Именно—замѣчено, что разъ она выражена въ чемъ-нибудь одномъ, она уже не выражается въ другомъ: такъ, птицы съ красивымъ опереніемъ не обладаютъ даромъ пѣнія, а имѣющія этотъ даръ—дурно окрашены,—явленіе, совершенно необъяснимое съ точки зрѣнія Дарвина и понятное при томъ взглядѣ на красоту, какой мы установили выше. И въ самомъ дѣлѣ, если всякая красота является потому, что она *нужна*, *полезна* для своего обладателя, то почему одному виду красоты не прибавляться къ другому, почему съ улучшеніемъ оперенія не возрастать и звонкости голоса? Если переживать своихъ соперниковъ должны особи, наилучше приспособленныя къ привлеченію самокъ, то ихъ особенно должны переживать тѣ, у которыхъ къ одному виду красоты начинаетъ присоединяться и другой. Такимъ образомъ, многоформенность прекраснаго въ одномъ индивидуумѣ должна бы встрѣчаться особенно часто. И, между тѣмъ, мы ея не находимъ. Напротивъ—мы переходимъ къ своему объясненію—разъ органическая энергія нашла себѣ выраженіе въ чемъ-либо, если она вылилась въ одну опредѣленную форму красоты,—ея не останется уже для созданія еще и другой формы, потому что на каждой ступени органическаго міра, во всякомъ отдѣльномъ видѣ животнаго или растенія, эта энергія находится въ постоянномъ, опредѣленномъ количествѣ; и она можетъ возрасти только на слѣдующей его ступени, въ дальнѣйшей фазѣ его развитія.

Мы повсюду говорили о красотѣ организмовъ, тогда какъ слѣдовало бы говорить только объ ихъ *красивости*. Есть что-то бездушное, какъ-бы не живое въ этой красотѣ—по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія человѣка, который такъ высоко стоитъ надъ органическимъ міромъ, такъ безмѣрно богатъ жизнью сравнительно съ нимъ. Фигура очертанія, оттѣнокъ краски, переливы голоса—все это такъ бѣдно, такъ грубо механично въ сравненіи съ тѣмъ неуловимымъ,

что́, созерцая свой собственный міръ, человѣкъ привыкъ соединять съ понятіемъ «красоты». Только по снисхожденію онъ можетъ прилагать это высокое слово къ окружающей его природѣ, которая стоитъ ниже его; съ правомъ же можетъ говорить такъ о себѣ только одномъ. Во всемъ мірозданіи онъ одинъ истинно прекрасенъ—и въ образѣ лица своего, и особенно въ образахъ того, что́ создаетъ.

Есть одно основаніе, и оно именно заключается въ способахъ проявленія красоты, которое побуждаетъ насъ думать, что органическій процессъ уже получилъ свое завершеніе въ человѣкѣ; и что скрытая цѣлесообразность, двигавшая развитіе столько тысячелѣтій, направлялась къ созданію *его* внѣшнихъ чертъ и *его* духа. И въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно достигнутую цѣль называть причиною своихъ средствъ, хотя они существуютъ и ранѣе ея,—можно и человѣка считать истинною причиной всей органической природы; *онъ* создалъ ее, и создалъ именно безъусловностью нѣкоторой красоты, въ немъ скрытой, но пока лишь мерцающей сквозь темную оболочку его тѣла и всего грубаго, что съ нею связано.

Уже раньше нами замѣчено было, что въ изслѣдованіи трудной и загадочной области доказательства въ обычномъ смыслѣ неприложимы, и все, чего мы можемъ достигнуть здѣсь—это хотя слабаго разсѣянія сумрака, который окутываетъ эту область, съ помощью разныхъ аналогій и сближеній. Строго воздерживаясь придавать имъ настоящую доказательную силу, мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ этихъ аналогій, подтверждающія мысль о завершенности органическаго міра, только-что высказанную нами.

Что въ красотѣ обнаруживается органическая энергія—это оправдывается всѣми фактами, удостовѣряющими насъ, что повышенія первой всегда совпадаютъ съ повышеніями второй. Съ наименьшею твердостью мы можемъ думать, что сама органическая энергія есть не иное что какъ сила цѣлесообразности, движущей различіе органическихъ формъ: во времени эта энергія является нарастающею, а нарастаніе присуще только цѣлесообразнымъ процессамъ. Наконецъ—и соображенія, и наблюденіе фактовъ показываютъ, что формы проявленія красоты не неопредѣленно разнообразны, но что онѣ связаны между собою, и связь эта обнаруживается въ томъ, что всякій разъ, когда данное количество энергіи выражено уже въ одномъ видѣ красоты, оно не ищетъ выразиться еще въ другомъ; то-есть, этотъ послѣдній (другой видъ красоты) не появляется, отсутствуетъ.

Теперь, держа въ мысли эти объясненія, обратимся къ разсмотрѣнію фактовъ, намъ представляемыхъ красотою человѣка.

XII.

Какъ извѣстно, родъ человѣческій распадается на нѣсколько расъ, изъ которыхъ четыре цвѣтныхъ и одна бѣлая. Между первыми одна—монгольская, очень близко подходитъ къ бѣлой расѣ; она едва можетъ быть названа цвѣтною, тогда какъ остальныя три имѣютъ цвѣтъ рѣзко выраженный (американская, негрская и малайская).

Было предметомъ многихъ соображеній взаимное отношеніе этихъ расъ; различіе ихъ настолько рѣзко, что являлся даже вопросъ объ единствѣ человѣческаго рода, высказывалась мысль о независимомъ происхожденіи отдѣльныхъ расъ. Не видѣли промежуточнаго, соединительнаго звена между ними и не могли представить способа, какимъ одна раса могла бы произойти отъ другой.

Но этихъ промежуточныхъ звеньевъ напрасно искали и въ пластахъ земли для органическихъ формъ. Ихъ не нашли; и никакимъ оправданіемъ для этого не можетъ служить доводъ, что искали еще не достаточно, и въ будущемъ можетъ быть найдено то, что неотыскано до сихъ поръ. Потому что, если промежуточныя формы суть тѣ, которыя еще не доросли до видовой или уже переросли ее (для образованія новаго вида), и все это движеніе совершалось *безъ какихъ-либо рѣзкихъ переходовъ*, путемъ только *медленнаго накопленія индивидуальныхъ отличій*, то ясно, что *переходныхъ* между видами *формъ должно быть* неизмѣримо *болѣе*, *нежели чистыхъ* видовыхъ *формъ*. Послѣднія суть только моменты въ развитіи органическаго міра; первые же представляютъ собою обычную, постоянную форму его существованія. Время, въ которое *образуется* видъ, продолжительнѣе, нежели то время. въ которомъ онъ *пребываетъ* неподвижно; а слѣдовательно и нарождаемыхъ имъ особей въ переходномъ состояніи болѣе, чѣмъ нарождаемыхъ въ чистомъ, и первыя должны бы находиться повсюду и часто, а вторые лишь иногда и въ рѣдкихъ мѣстахъ. Ихъ численное отношеніе можно сравнить съ отношеніемъ суточныхъ колебаній магнитной стрѣлки къ ея вѣковымъ возмущеніямъ, которыя образуются черезъ медленное наростаніе неправильностей въ первыхъ; или еще—это отношеніе можно сравнить съ положеніемъ часовой стрѣлки, которая только 24 раза въ сутки совпадаетъ съ крупными, большими дѣленіями круга (показываетъ *часы*) и все остальное время, цѣлые тысячи моментовъ, находится *внѣ* ихъ. въ *промежуточныхъ*, *соединяющихъ* точкахъ. И также рѣдки и удивительны должны бы быть чистыя, *не* промежуточныя формы, находимыя въ землѣ, какъ вообще рѣдки и удивляютъ насъ случаи, когда, войдя въ комнату и видя на стѣнѣ циферблатъ часовъ—мы замѣчаемъ, что стрѣлки ихъ, минутная и часовая, точно указываютъ *цѣлый* исполнившійся, въ эту минуту отбиваемый молоточкомъ механизма, часъ.

Поэтому, если переходныхъ формъ нигдѣ не находится, то это можетъ происходить только отъ того, что ихъ вовсе никогда и не было. И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этого предполагаемаго способа возникновенія органическихъ формъ путемъ сложенія незамѣтныхъ индивидуальныхъ измѣненій, которыя полезны особи въ ея борьбѣ за существованіе съ другими себѣ подобными (теорія Дарвина),— есть еще другой способъ, и онъ наблюдался уже въ историческія времена. Подъ воздѣйствіемъ силъ, природа которыхъ еще не разгадана, иногда появляется у какой-нибудь особи извѣстнаго опредѣленнаго вида потомство съ новымъ признакомъ, настолько крупнымъ и рѣзко выраженнымъ, что, руководствуясь обычными пріемами классификаціи, мы должны принять его за новый видъ или за новую разновидность [1]). И, однажды возникнувъ, этотъ признакъ передается дальнѣйшему потомству, удерживается въ немъ какъ постоянное видовое отличіе, а не какъ индивидуальное, которое всегда то появляется, то исчезаетъ. Такимъ образомъ виды не *происходятъ* медленно: это—предположеніе, которое не оправдано ни однимъ фактомъ; они *рождаются*, и это—уже фактъ, который нуждается только въ объясняющей теоріи.

Не иной какой-нибудь способъ должны мы предполагать и для происхожденія человѣческихъ расъ—хотя бы уже по тому одному, что онъ всегда останется только предположеніемъ, этотъ же имѣетъ подъ собою факты. Мы можемъ съ большою вѣроятностью думать, что отъ одной первоначальной расы произошли всѣ остальныя; или точнѣе, что предки каждой высшей расы были порождены когда-нибудь въ средѣ низшей расы. И дѣйствительно, если за отличительную черту расъ принимать, какъ это установлено, цвѣтъ кожи, то мы увидимъ, что отношенія этого цвѣта у отдѣльныхъ расъ могутъ быть разсматриваемы, какъ отношенія степеней: такъ, напр., красный и желтый цвѣтъ расъ американской и монгольской есть лишь ступени перехода темнаго цвѣта въ бѣлый.

Которую изъ всѣхъ расъ, въ такомъ случаѣ, нужно принимать за первоначальную? Многія соображенія заставляютъ думать, что

---

[1]) Въ книгѣ Н. Я. Данилевскаго: «Дарвинизмъ, критическое изслѣдованіе.» Спб. 1885 г., т. I, стр. 374—449, собраны тщательно всѣ факты образованія новыхъ растительныхъ и животныхъ породъ этимъ путемъ. Самый рѣзкій, но вовсе не единственный примѣръ этого образованія представляетъ собою *однолистная* земляника, Fragaria monophylla, которая родилась *непосредственно отъ* обыкновенной *трехлистной* и продолжала затѣмъ воспроизводиться *изъ семянъ* первой, то-есть измѣненіе коснулось основной, воспроизводящей функціи организма. Дюшенъ, который первый наблюдалъ это любопытное явленіе въ 1761 г., въ живыхъ словахъ описываетъ свое изумленіе: «какъ смотрѣть на нее? спросилъ я себя при видѣ новой формы такъ хорошо извѣстнаго растенія. Видъ-ли это? но тогда вѣдь происходятъ новые виды! Разновидность ли это только? Сколько же тогда *въ другихъ родахъ* разновидностей, которыя *принимаютъ за виды?*» (стр. 407).

таковою была *темная* раса, населяющая и теперь внутреннюю часть материка Австраліи. Ее считаютъ за переходную ступень отъ Негровъ къ Малайцамъ (отсюда—ихъ названіе «Негритосы», впрочемъ не единственное), но правильнѣе считать ихъ за исходную точку образованія и первыхъ, и вторыхъ. Грязный цвѣтъ кожи ихъ представляетъ что-то колеблющееся между чернымъ цвѣтомъ Негровъ и коричневымъ Малайцевъ. Изъ всѣхъ человѣческихъ расъ они стоятъ на самой низшей ступени развитія—не знаютъ не только религіи и государства, хотя бы на первоначальной ступени общины, поселка, но не знаютъ даже и постояннаго жилища, равно какъ мало нуждаются въ огнѣ для приготовленія себѣ пищи. Несмотря на всѣ усилія миссіонеровъ, они не оказываютъ никакой способности къ принятію христіанства, равно какъ и къ усвоенію вообще какихъ-либо начатковъ цивилизаціи. Любопытно въ высшей степени, что мѣсто географическаго распространенія ихъ—Австралія, есть одинаково и мѣсто нахожденія самыхъ архаическихъ формъ растеній и животныхъ. Путешествующій по лѣсамъ и лугамъ Австраліи видитъ вокругъ себя какъ-бы воскресшій міръ нѣкогда живыхъ существъ, который онъ зналъ лишь по палеонтологическимъ коллекціямъ и о которомъ ничто уже болѣе не напоминаетъ въ окружающей дѣйствительности другихъ материковъ. Нѣтъ полнаго сходства между ними, но есть близость, которой мы напрасно стали бы искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ на земномъ шарѣ. Къ сожалѣнію, о происхожденіи материковъ мы ничего достовѣрнаго не знаемъ, но мы можемъ догадываться, что есть скрытые законы и силы, которые вызвали ихъ изъ-подъ океана, и что это совершилось не безъ строгаго, опредѣленнаго порядка въ возникновеніи ихъ. На это указываетъ строгая, во всемъ выдержанная аналогія во внѣшнихъ очертаніяхъ и внутреннемъ строеніи всѣхъ материковыхъ массъ южнаго полушарія и всѣхъ—сѣвернаго, при различіи до противоположности между собою первыхъ и вторыхъ [1]). Съ

---

[1]) Суша земнаго шара состоитъ изъ трехъ большихъ массъ: 1) Американскаго материка, 2) Австралійско-Азійскаго материка и 3) Африканскаго материка. Въ первомъ вся масса земли сосредоточена или какъ-бы сформирована въ два члена—сѣверный и южный (Сѣверная Америка и Южная), которые развиты приблизительно одинаково, то-есть почти одинаковой величины; ихъ расположеніе, какъ-бы координирующая ихъ ось, тянется съ С. З. С. на Ю. В. Ю; соединены они между собою лишь очень узкою лентой земли (Панамскій перешеекъ). Южный членъ имѣетъ видъ нѣсколько вытянутаго по меридіану треугольника, съ выпуклою восточною окраиною и вдавленною западною стороною; на его сѣверной сторонѣ (восточнѣе соединяющаго перешейка) мы наблюдаемъ зачаточное образованіе залива, почти единственнаго у его береговъ. Сѣверный членъ той же материковой массы представляетъ собою какъ-бы фигуру распускающагося цвѣтка: онъ расширяется, поднимаясь къ сѣверу, и расчленяется (полуострова); масса горъ, при этомъ, сосредоточена къ с. з отъ перешейка, ближе къ нему, нежели къ сѣверному краю, но въ общемъ имѣетъ центральное положеніе въ противоположность краевому, какое имѣютъ горы

этимъ порядкомъ возникновенія материковъ, вѣроятно, связаны какъ-нибудь и формы организмовъ, ихъ населяющихъ. Во всякомъ случаѣ, какъ ни темна для насъ причина факта, самый фактъ—архаичность флоры и фауны материка Австраліи—остается несомнѣннымъ. И этому соотвѣтствуетъ то, что и человѣческая раса, здѣсь обитающая, стоитъ на низшей ступени развитія сравнительно со всѣми другими человѣческими племенами. И если за общую форму, черезъ которую проходитъ жизнь человѣчества, принять совершенствованіе, приближеніе къ лучшему съ теченіемъ времени, то и австралійскую расу, какъ ея флору и фауну, мы должны принять за наиболѣе древнюю изъ всѣхъ.

XIII.

Дальнѣйшія аналогіи всѣ подтверждаютъ эту гипотезу; но чтобы сдѣлать понятными ихъ, мы должны остановиться нѣсколько на одномъ глубокомъ и очень общемъ законѣ природы, происхожденіе и способъ дѣйствія котораго до сихъ поръ не разгаданы, но который былъ сознанъ человѣкомъ уже въ древности: мы говоримъ о *законѣ полярности*. Въ Пиѳагорейской школѣ впервые высказано

южнаго члена. Замѣчательно, что всѣ эти особенности повторяются въ Австралійско-Азійской массѣ суши (включая въ нее Европу—только ушедшую вдаль и очень развитую с. з. оконечность Азіи); но только въ ней чрезвычайно не развитъ южный членъ (Австралія) и чрезвычайно же развитъ сѣверный (Азія и Европа): то же здѣсь направленіе съ Ю. В. Ю на С. З. С., та же лента полуострововъ (Индо-Китай и Малакка) и острововъ (Зондскіе), представляющихъ разорванный мостъ, нѣкогда соединявшій оба члена; та же фигура треугольника, выпуклаго къ востоку, вдавленнаго съ запада—у южнаго члена (Австраліи съ Тасманіею) и даже тотъ же, но чрезвычайно развитый, заливъ на сѣверномъ берегу (Карпентарія). Въ сѣверномъ членѣ—та же фигура раскрывающейся чашечки цвѣтка, съ безконечно раздавшимся сѣвернымъ краемъ и съуживающейся въ воронку южной частью, съ расположеніемъ главныхъ горныхъ массъ къ С. З. отъ разрушеннаго перешейка (Гималаи и Тибетъ), ближе къ южному краю, чѣмъ къ сѣверному. Переходя къ третьей массѣ—Африкѣ, мы видимъ, что въ ней выраженъ собственно южный членъ какой-то материковой массы, но ему недостаетъ сѣвернаго; и, судя по тому, что въ Америкѣ оба члена почти одинаковы, а въ Австралійско-Азійской массѣ развитъ сѣверный членъ и не развитъ южный, мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что, по нѣкоторому закону космическаго равновѣсія, Африка есть чрезвычайно развитый южный членъ, около котораго сѣверный членъ малый, неразвитый—исчезъ. Этотъ исчезнувшій, недостающій материкъ есть древняя *Атлантида*, лежавшая къ западу отъ Гибралтарскаго пролива, память о которой хранилась еще во времена Платона и слѣдъ которой сохраняется и до сихъ поръ въ группахъ Канарскихъ и Азорскихъ острововъ. По крайней мѣрѣ, одинъ взглядъ на Африку убѣждаетъ насъ въ полной аналогіи ея фигуры съ фигурой Австраліи и Ю. Америки: выпуклость на востокѣ (Абиссинія съ м. Гвардафуй) и выемка на западѣ (Гвинейскій заливъ), выемка между заливами Габешъ и Сидра на сѣверѣ, краевое расположеніе горъ. Едва-ли одной случайности, безъ дѣйствія какого либо скрытаго закона, можно приписать эту выдержанную симметричность, аналогію, параллелизмъ въ формахъ и расположеніи материковъ.

было мнѣніе о томъ, что всѣ части Космоса разлагаются на противоположности; и это же соединеніе противоположностей и распаденіе всякаго единства на противоположности составляло сущность ученія Гераклита, мыслями котораго была такъ заинтересована новѣйшая философія, въ лицѣ особенно Гегеля и нѣкоторыхъ его учениковъ. Діалектическій методъ этого германскаго мыслителя есть также ничто иное, какъ теорія развитія логическаго понятія, и съ нимъ всего мірового процесса, посредствомъ чередующихся между собою утвержденій и отрицаній, соединеній и разложеній. Мы только напоминаемъ эти ученія, и дѣлаемъ это для того, чтобы дальнѣйшія указанія наши не показались чѣмъ-либо новымъ и произвольнымъ. Довѣряясь только простому и строгому наблюденію и оставляя въ сторонѣ все сомнительное, мы не можемъ не замѣтить, что, покрайней мѣрѣ, *нѣкоторая часть* природы какъ-будто дѣйствительно подчинена этому великому закону. Такъ, если мы будемъ разсматривать строеніе организмовъ, мы увидимъ, что симметрія ихъ зависитъ отъ того, что многіе важнѣшіе органы ихъ двойственны и противоположны (напр. два легкихъ, двѣ почки, два полушарія головнаго мозга, далѣе—конечности и органы высшихъ чувствъ: зрѣнія, слуха и обонянія—двойныя); и если въ другихъ органахъ двойственность и противоположность не бросается такъ рѣзко въ глаза, то лишь потому, что она закрыта, замаскирована, или своеобразно выражена. Но мы ограничиваемся указаніемъ только грубаго и общеизвѣстнаго, и не будемъ отвлекаться разсмотрѣніемъ болѣе тонкихъ чертъ органическаго сложенія. Въ исторической жизни народовъ, которая служитъ какъ-бы другимъ полюсомъ по отношенію къ организаціи животнаго тѣла, такъ неизмѣримо отходя отъ нея и все-таки, въ концѣ-концовъ, имѣя ее своею исходною точкой, мы также можемъ наблюдать это развитіе противоположностей: съ противоположными характерами являются въ ней великія расы (напр. монгольская и кавказская), и въ каждой расѣ противоположными являются отдѣльные моменты ея духовнаго развитія (напр. античная цивилизація и христіанская, или въ послѣдней—средніе вѣка и новое время; такъ же: эпикуреизмъ и стоицизмъ, матеріализмъ и идеализмъ, методы умозрительные и опытные, и пр.).

Этихъ краткихъ указаній будетъ достаточно, чтобы объяснить нашу мысль: нѣкоторая часть явленій природы, развиваясь въ потокѣ времени, разлагается на части не просто различныя между собою, но противоположныя. Въ этомъ процессѣ собственно непонятнымъ является только первый моментъ: выдѣленіе первой особенности; потому что, разъ она выдѣлилась, выдѣленіе ей противоположнаго становится уже необходимымъ: оно одно остается въ томъ существѣ или явленіи, которое послужило исходнымъ моментомъ начинающихъ развиваться противоположностей и въ которомъ

онѣ всѣ содержались уже отъ начала, но только въ нераздѣленномъ, связанномъ состояніи, смѣшиваясь между собою и черезъ это взаимно ограничиваясь. Подобно тому, какъ если бы въ какомъ-нибудь объемѣ пространства, занимаемомъ разрѣженною матеріею, эта послѣдняя собралась въ одномъ мѣстѣ и сжалась до абсолютной плотности, то другія части взятаго объема пространства стали бы абсолютно пустыми, и даже въ самомъ процессѣ этого собиранія матеріи каждый моментъ уплотненія сопровождался бы, какъ своимъ необходимымъ слѣдствіемъ, моментомъ разрѣженія въ другомъ мѣстѣ; уплотненіе же и разрѣженіе суть явленія противоположныя. Можно предполагать, что всѣ подобные процессы начинаются въ природѣ отъ того, что въ ней все, каждая часть, стремится къ самоутвержденію, къ полнотѣ и твердости бытія своего, и потому силится освободиться отъ связывающей близости другаго, очиститься отъ всего посторонняго и, слѣдовательно, уединиться; а черезъ это уединяется въ себѣ и другое.

XIV.

Если мы допустимъ возможность дѣйствія этого закона въ развитіи человѣческихъ расъ, то появленіе каждой изъ нихъ съ отличительными особенностями своими станетъ для насъ понятно. Мы обращаемся опять къ исходной расѣ—австралійской. Грязный цвѣтъ ея кожи, не совершенно черной и не совершенно бѣлой, разъ должно было совершиться въ ней развитіе—долженъ былъ, по закону полярности, разложиться на совершенно черный и на совершенно бѣлый; то-есть, образованіе негритянской и кавказской расъ содержалось въ возможности уже въ австралійской; подобно тому какъ плотное и пустое содержится въ возможности во всякой степени сгущенія или раздѣленія. Изъ этихъ двухъ противоположныхъ расъ бо́льшая одаренность въ духовномъ отношеніи должна была стать удѣломъ бѣлой, черная же не могла обладать высокими способностями; и это потому, что если одухотворенность есть то, что поднимаетъ человѣчество надъ всѣмъ органическимъ міромъ, то она должна появиться тамъ, гдѣ грубыя черты органическаго міра становятся наиболѣе блѣдными, гдѣ онѣ стираются и исчезаютъ. Эта грубая, внѣшняя черта органическаго міра есть именно его окрашенность, въ которой такъ механично, такъ несовершенно выражается его красивость. И если въ человѣчествѣ эта красивость должна была перейти когда-нибудь въ настоящую красоту, если она должна была одухотвориться, то для этого прежде всего ей необходимо было удалиться отъ грубо механическихъ знаковъ въ выраженіи себя: исчезновеніе какого-либо опредѣленнаго цвѣта должно было предшествовать проявленію одухотворенности въ человѣчествѣ. Но высшая ступень развитія всегда достигается съ

бо́льшимъ трудомъ, нежели низшая, и вотъ почему негритянская или черная раса выдѣлилась изъ австралійской безъ какихъ-либо промежуточныхъ ступеней, соединительныхъ звеньевъ, тогда какъ образованію кавказской расы предшествовало образованіе малайской, американской и монгольской: черезъ нихъ только, какъ предварительныя ступени, медленно, путемъ нѣсколькихъ внутреннихъ усилій австралійская раса поднялась до бѣлой. Но въ высшей степени замѣчательно, что уже первая ступень на пути къ образованію бѣлой расы какъ-бы предваряетъ въ себѣ ея высшія способности, и даже съ такою отличительною особенностью, которая ярко указываетъ на ея переходный характеръ, опредѣляетъ ее именно какъ ступень къ какому-то поднятію. И въ самомъ дѣлѣ, негритянская раса хотя гораздо способнѣе австралійской, но имѣетъ въ это способности своей, въ этой относительной даровитости, нѣчто замкнутое, неподвижное: видно, что какой-то процессъ развитія, ее вызвавшій, въ ней закончился, заключился, замкнулся. Черный цвѣтъ этой расы есть и дѣйствительно уже полюсъ, который не можетъ быть переступленъ далѣе, и слѣдовательно отъ негритянской расы никогда не произойдутъ еще какіе-либо новые народы, сколько-нибудь отъ нея отличные [1]); она можетъ размножаться внутри себя, и этимъ увеличиваться, расширяться, но не можетъ ни во что перейти, измѣниться—ей чуждо развитіе, какъ предѣлу. Поэтому—если негры и способны, то такъ, какъ они и всегда были способны; отсутствіе *развитія и какого-либо внутренняго стремленія къ нему* есть отличительная черта ихъ и этимъ объясняется, почему, зная уже ремесла и заведя торговлю, живя обширными племенами, ведущими между собою войны, они однако нигдѣ не замкнулись въ правильное, организованное государство и нигдѣ не начали исторіи. Они могутъ становиться лучше, когда ихъ дѣлаютъ таковыми другіе народы; они принимаютъ воздѣйствія, налагаемыя извнѣ; но внутренно остаются при этомъ пассивными. Такъ въ Западной Африкѣ и въ центральной Америкѣ они приняли государственную жизнь, въ которую ихъ устроили европейцы, но, принявъ ее—остаются въ ней неподвижно, не улучшаютъ ея, вообще не измѣняютъ и даже не ухудшаютъ, что всетаки, хотя отрицательно, свидѣтельствовало бы о внутренней жизни этой расы, о способности ея къ самоизмѣненію и, слѣдовательно, къ исторіи. Напротивъ, малайская раса, въ коричневомъ цвѣтѣ которой впервые проступаетъ стремленіе къ бѣлому, хотя также не образовала у себя го-

[1]) Едва-ли нужно оговаривать, что мулаты, происшедшіе отъ смѣшенія негровъ съ бѣлыми въ Америкѣ, вовсе не составляютъ какой-нибудь ступени въ развитіи первыхъ. Это — смѣшеніе, внѣшнее соединеніе двухъ самостоятельныхъ элементовъ, но не внутреннее развитіе одного изъ нихъ въ какую-либо высшую форму: послѣдняя должна быть порождена путемъ скрытаго органическаго усилія въ предѣлахъ одной расы.

сударствъ, но выказываетъ гораздо болѣе внутренней жизненности, дѣятельнаго отношенія къ внѣшнимъ развивающимъ вліяніямъ. Самое отсутствіе государственной жизни у малайскаго племени легко объясняется тѣмъ, что, будучи разсѣяно на островахъ Великаго и Индѣйскаго океановъ, оно имѣло менѣе внѣшнихъ причинъ къ начатію этой жизни; потому что племенныя столкновенія изъ-за обладанія землею и происходящія отсюда войны есть самая частая причина возникновенія государствъ, какъ нѣкоторой организаціи племени, при которой оно становится сильнѣе и можетъ одержать побѣду въ борьбѣ съ сосѣднимъ народомъ. Но и помимо отсутствія этихъ внѣшнихъ причинъ, если бы даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ у малайцевъ не появилось государственной жизни— это было бы слишкомъ понятно въ виду близости ихъ къ австралійской расѣ, на пути развитія которой въ бѣлую они составляютъ только первую ступень. Но что они являются только ступенью, что въ нихъ процессъ какого-то развитія не замыкается, это видно изъ того, какъ много въ ихъ психическомъ складѣ внутренняго напряженія, какъ только ожидаютъ они внѣшняго воздѣйствія, чтобы нарушить свое неподвижное состояніе и выступить на путь самоизмѣненія. При одинаковости исходнаго первоначальнаго состоянія, это и является въ нихъ отличительною чертою при сравненіи съ неграми. Они гораздо болѣе, нежели эти послѣдніе, воспріимчивы къ христіанству, и замѣчательно, что усваиваютъ не внѣшнюю только сторону его, но и внутреннюю, духовную: становятся кроткими и человѣколюбивыми подъ его воздѣйствіемъ и даже выдѣляютъ уже изъ собственной своей среды пасторовъ и миссіонеровъ. Также и къ обученію они выказываютъ живую склонность и способности, равно какъ и въ усвоеніи другихъ элементовъ цивилизаціи являются не пассивными, но дѣятельными: такъ они не только дозволяютъ торговать у себя европейцамъ, не только отвѣчаютъ на ихъ спросъ или предложеніе, но, разъ понявъ, что такое торговля, они поняли и что даетъ она, повезли въ далекія страны свои произведенія и поѣхали за чужими сами. Второю ступенью въ развитіи австралійской расы нужно признать американскую: въ красномъ цвѣтѣ ея кожи мы видимъ исчезнувшими остатки темнаго, который находимъ еще въ коричневомъ цвѣтѣ малайцевъ; напротивъ, свѣтлый отливъ кожи кавказскихъ народовъ въ немъ проступаетъ яснѣе. Соотвѣтственно этому и духовное развитіе американской расы поднимается еще на высшую ступень сравнительно съ духовными способностями малайскаго племени: она уже образовала два государства, Мексику и Перу, которыя были разрушены въ XVI в. испанцами. Въ высшей степени замѣчательно, что филологическія изслѣдованія нарѣчій, на которыхъ говорятъ краснокожіе Сѣверной Америки, обнаруживаютъ всѣ признаки вырожденія, а не развитія; откуда можно заключить, что и самыя племена

эти находятся въ періодѣ упадка, разложенія. Они суть единственныя изъ американской расы, которые, будучи многочисленны и широко разселены, вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣютъ государственной жизни и вообще сколько-нибудь высокой цивилизаціи; объ этой послѣдней мы можемъ думать, на основаніи изслѣдованій ихъ языка, что она *была* нѣкогда въ Сѣверной Америкѣ и потомъ погибла. Во всякомъ случаѣ, и внѣшнія физическія черты, и духовныя способности, выразившіяся въ созданіи государственной жизни, хотя и въ высшей степени своеобразной и слабой, указываютъ на положеніе американской расы между малайскою и монгольскою.

XV.

Въ такомъ случаѣ, нужно думать, что не изъ Азіи Америка была заселена, но изъ Америки—Азія, и древнѣйшія племена этой послѣдней обитаютъ въ сѣверо-восточномъ ея углу. Гдѣ-то около Берингова моря произошло то внутреннее органическое напряженіе въ нѣдрахъ американской расы, которымъ были порождены предки нынѣшней монгольской. Въ желтомъ цвѣтѣ этой послѣдней почти исчезли всякіе слѣды первоначальнаго темнаго цвѣта; ихъ не видно уже совершенно, и съ тѣмъ вмѣстѣ желтый цвѣтъ есть промежуточный между краснымъ и бѣлымъ. Если отъ физическихъ чертъ мы обратимся къ духовнымъ, мы и здѣсь увидимъ, что Монголы по времени своего происхожденія должны предшествовать кавказской расѣ. Въ лицѣ китайцевъ и японцевъ они имѣютъ уже исторію, хотя не столь разнообразную, богатую и глубокую, какъ можно было-бы ожидать, принимая во вниманіе ея чрезвычайную продолжительность. Есть что-то неподвижное въ этой исторіи; ей недостаетъ богатой внутренней жизненности, нѣтъ энергіи и свободы въ ея явленіяхъ; она такъ-же несовершенна, блѣдна и механична въ сравненіи съ исторіей народовъ кавказскаго племени, какъ блѣдна и несовершенна китайская живопись, если сравнить ее съ итальянскою или фламандскою. Эта-же бѣдность и безжизненность видна и во всѣхъ сферахъ китайскаго творчества. Ихъ религія есть странная смѣсь мудрости, практичности, нравственныхъ правилъ и космогоническихъ представленій, въ которой мы напрасно искали-бы какихъ-нибудь порывовъ религіознаго энтузіазма, живыхъ тревогъ совѣсти или высшаго просвѣтлѣнія. Въ ней, какъ и въ наукѣ, и въ литературѣ Китайцевъ, мы можемъ многому удивляться, но ничему восторгаться. Какъ будто внутренній духовный огонь никогда не загорался въ этой расѣ, и нѣтъ ничего въ ней или въ ея созданіяхъ, что могло-бы взволновать насъ, растрогать, неудержимо повлечь къ себѣ или очаровать собою. Мы смотримъ на этотъ странный народъ и его странныя созданія какъ на какой-то удивительный автоматъ, происхожденія

котораго не знаемъ и который превосходитъ своимъ совершенствомъ всѣ другіе, намъ извѣстные, но, какъ и они, остается для насъ чѣмъ-то совершенно чуждымъ и постороннимъ; какая-то непереступаемая грань отдѣляетъ нашъ внутренній міръ отъ тѣхъ скрытыхъ пружинъ, которыя его движутъ и направляютъ и которыя такъ не похожи на то, что движетъ насъ. Нашъ слухъ можетъ заинтересоваться китайскою музыкой, наше зрѣніе—ихъ живописью и произведеніями ихъ ремеслъ, наконецъ даже умъ—ихъ учрежденіями и понятіями; но дальше этого внѣшняго любопытства мы не можемъ идти: у насъ нѣтъ способности перейти границу, отдѣляющую ихъ душу отъ нашей. Ни одного звука нѣтъ у этого народа, ни одной линіи онъ не создалъ, ни одного слова не высказалъ—которые проникли-бы въ самую глубину нашей души, тронули-бы сокровенныя ея стороны и заставили ихъ звучать отвѣтнымъ звукомъ себѣ. И подобно тому, какъ самый искусный механизмъ бѣденъ сравнительно съ самымъ простымъ живымъ существомъ, такъ и китайская цивилизація, не смотря на то, что даже образованные классы европейскихъ народовъ могутъ многому научиться изъ нея, многое заимствовать съ пользой—въ сущности скудна въ сравненіи даже съ тѣмъ, чѣмъ духовно живутъ простые, необразованные классы наши. Простой напѣвъ нашего крестьянина заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поэзіи, нежели вся вычурная китайская литература; горячая, хотя-бы и безсвязная молитва какого-нибудь юродиваго—болѣе носитъ въ себѣ чистой религіозности, нежели всѣ книги Конфуція. Эти примѣры всего лучше могутъ объяснить, чего именно недостаетъ монгольской расѣ: истинной и глубокой человѣчности, всей той красоты, игривости, свободы, которою запечатлѣна она.

XVI.

Мы находимъ въ ней, однако, одну черту, которая совершенно отсутствуетъ во всѣхъ ранѣе возникшихъ расахъ и, впервые появляясь здѣсь, становятся уже постоянною затѣмъ въ кавказской расѣ. Именно, законъ полярности, который ранѣе дѣйствіемъ своимъ создавалъ только отдѣльныя расы, и, выдѣливъ каждую изъ нихъ, уже не дѣйствовалъ внутри ея и не разлагалъ ея жизнь или исторію на противуположности—впервые обнаруживаетъ свое дѣйствіе внутри монгольской расы. Негритянская, малайская и американская расы суть отдѣльные и совершенно цѣльные члены человѣчества, внутри которыхъ мы не находимъ другой разновидности, кромѣ той, которая обусловлена широтой географическаго разселенія ихъ (напримѣръ, отдѣльныя государства Мексико и Перу) или особымъ вліяніемъ той или иной мѣстности (совершенная дикость однихъ, нѣкоторая развитость другихъ). Отсюда — единство

въ ихъ жизни, общность явленій, которыя мы наблюдаемъ въ ней, отсутствіе какого-либо разнообразія въ бытѣ или какой-нибудь индивидуальности въ характерахъ, отсюда же — отсутствіе у нихъ исторіи, какъ появленія различій во времени. Окружающая природа, вѣчно та же въ каждой отдѣльной странѣ, наложила на нихъ печать свою, и, не имѣя внутреннихъ стимуловъ развитія, они тысячелѣтія несутъ на себѣ эту печать. Эта черта общности и постоянства впервые нарушается въ монгольской расѣ. Однородная по происхожденію, безъ какихъ-либо внѣшнихъ отличительныхъ особенностей на всемъ протяженіи своего географическаго распредѣленія, она является въ исторіи съ характеромъ не только не постояннымъ всегда и повсюду, но, напротивъ, съ діаметрально противуположнымъ. Если Китай и Японію [1]), относящіеся между собою какъ не одинаковыя фазы одинаковаго развитія, какъ двѣ ступени одной и той же лѣстницы, мы выдѣлимъ изъ монгольской расы и соединимъ въ одну группу, то увидимъ, что въ предѣлахъ этой расы остается еще рядъ народностей, также сходныхъ между собою и потому сливающихся въ одну группу, но уже настолько различную по своимъ психическимъ особенностямъ и исторической роли отъ китайцевъ и японцевъ, что всякая попытка соединить ихъ въ одно, обобщить въ одинъ типъ—была бы напрасна. Историческая роль этой второй группы монгольскихъ народовъ соединена съ именами Чингисъ-Хана, Тимура и другихъ многихъ подобныхъ, но меньшихъ, о дѣлахъ которыхъ не нужно напоминать, хотя они и не оставили послѣ себя слѣдовъ. Ихъ назвали «народами-разрушителями», и исторія до сихъ поръ стоитъ передъ ихъ странною, загадочною дѣятельностью, безсильная произнести въ объясненіе ея хотя бы одно слово. Въ нѣкоторые моменты исторической жизни—не ихъ, потому что они не имѣютъ исторіи, но другихъ народовъ—эти племена поднимались безъ всякихъ видимыхъ причинъ или, по крайней мѣрѣ, безъ такихъ причинъ, которыя по своей значительности хотя сколько-нибудь отвѣчали бы значительности своихъ слѣдствій; и, поднявшись, проходили разрушительнымъ ураганомъ по жизни другихъ народовъ и, точно выполнивъ какое-то назначеніе, снова упадали въ прежнее ничтожество и безвѣстность,—до другого поднятія, всегда столь же безпричиннаго, столь же гибельнаго для другихъ народовъ и столь же безплоднаго, ненужнаго для нихъ самихъ. Если бы въ поднятіяхъ этихъ была какая-нибудь послѣдовательность, если бы имъ при-

[1]) Все сказанное ниже объ Японіи какъ будто опровергается послѣдними успѣхами Японіи въ дѣлахъ мира и брани; но эти успѣхи еще такъ новы, такъ мало длительны, а главное, такъ мало текутъ изъ оригинальныхъ, расовыхъ данныхъ японскаго племени и обусловлены только успѣшностью техническихъ заимствованій, что, до времени по крайней мѣрѣ, ихъ можно обходить молчаніемъ.

суще было какое-нибудь развитіе или хоть простая періодичность, они все-таки представляли бы собою нѣчто положительное, они слагались бы въ исторію, хотя и исторію разрушенія. Правда, подобной послѣдовательности не вынесли бы другіе народы, и исторія всѣхъ ихъ возможна только потому, что одна половина монгольскаго племени не имѣетъ исторіи, ея жизнь не образуетъ собою развитія. Но—и въ этомъ лежитъ глубочайшая выдержанность психическаго склада разсматриваемыхъ племенъ—все, что̀ походило бы на какую-нибудь закономѣрность или правильность, отсутствуетъ въ ихъ исторической дѣятельности. Они вполнѣ отрицательны, потому что нѣтъ ничего утвердительнаго и постояннаго въ самой ихъ отрицательности. Даже и разрушенія они не созидаютъ; они только время отъ времени производятъ его, строгіе и послѣдовательные только въ одномъ—въ полной хаотичности явленій своей жизни.

Мы сказали, что внѣшнихъ причинъ для ихъ характерной и странной дѣятельности нѣтъ, и никакого объясненія ихъ исторической роли не существуетъ. А между тѣмъ, если мы обратимся къ закону полярности, мы увидимъ, это эта дѣятельность ихъ и роль принудительно обусловлены уже въ характерѣ ихъ соплеменниковъ—другой, южной половины монгольской расы. Сравнивая дѣятельность этихъ племенъ съ дѣятельностью другихъ народовъ, напримѣръ кавказской расы, мы найдемъ въ той и другой только различіе, но не найдемъ противоположности. Разрушеніе входитъ составною частью въ жизнь всѣхъ народовъ, и каждый изъ нихъ растетъ и развивается, только разрушая или тѣсня жизнь другихъ народовъ. Но только это явленіе въ ихъ исторіи не изолировано и не очищено, оно смѣшано съ другими разнообразными явленіями, частью просто различными, частью противоположными, и поэтому умѣряется ими или закрывается, дѣлается незамѣтнымъ. Только одинъ есть народъ въ исторіи, который не просто отличенъ отъ этихъ племенъ-разрушителей, но противоположенъ имъ по своему психическому складу и по всему смыслу своей исторіи: это — китайцы и японцы, первая великая вѣтвь монгольской расы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ первыя племена получили названіе «разрушителей», такъ эти народы должны бы быть названы «созидателями»—созидателями по преимуществу и въ большей степени и чистотѣ, нежели народы какой-либо другой расы, въ томъ числѣ и кавказской. Ихъ трудолюбіе такъ велико, что, какъ ни превзошли ихъ европейцы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ одномъ они могутъ служить для нихъ недосягаемымъ образцомъ; и ихъ миролюбіе столь исключительно, что даже для защиты себя, своего вѣчнаго и неустаннаго труда, они не могли придумать ничего другого, какъ только отгородиться «Великою стѣной» отъ народовъ, которые могли помѣшать имъ. Если мы всмотримся глубже въ самый характеръ ихъ труда, мы найдемъ въ немъ поразительное со-

отвѣтствіе съ характеромъ разрушенія у сѣверныхъ монголовъ: какъ тамъ подъ жаждой разрушить не скрывается ничего—никакой особенной ненависти или вражды къ разрушаемому, ни даже—простаго знанія его; такъ здѣсь подъ зиждущею дѣятельностью не лежитъ никакого сложнаго и глубокаго внутренняго міра, который бы неудержимо искалъ выразиться въ чемъ-либо внѣшнемъ. Отсюда—отсутствіе жизненности во всемъ ихъ творчествѣ: литература безъ поэзіи, живопись безъ красоты, самая наука—безъ мудрости и пытливости. Какъ будто и рисовать они начали потому, что, найдя красящія вещества, нашли для нихъ и способъ употребленія и съ тѣмъ вмѣстѣ—новую форму труда, къ которой сейчасъ же прильнули, хотя и не понимали, куда она ведетъ, что́ достигнуто ею у другихъ народовъ; и создали литературныя произведенія потому, что изъ всѣхъ способовъ употребленія человѣческаго слова — нашли и этотъ новый: не только разсказывать о дѣйствительномъ, но и о томъ, чего нѣтъ, но что́ могло бы быть дѣйствительнымъ; и, наконецъ, начали заниматься наукой потому, что ихъ органы чувствъ требовали бо́льшаго упражненія, нежели какое могли имъ доставить простыя и непосредственныя отношенія къ окружающему. Вотъ почему, какъ уже давно замѣчено, сдѣлавъ многія изобрѣтенія, какія сдѣланы и европейцами, они не извлекли изъ нихъ всѣхъ тѣхъ результатовъ, какіе извлекли послѣдніе. Найдя ихъ случайно, какъ можно думать, они увидѣли въ нихъ только новую сферу труда—возможность безконечныхъ повтореній, но они не вдумывались въ нихъ и не искали еще чего-нибудь за ними скрытаго, въ нихъ прямо не выраженнаго. Здѣсь же лежитъ объясненіе и ихъ поразительной замкнутости, которая всегда такъ удивляла европейцевъ: лишенные глубокаго внутренняго содержанія, они никогда не знали этого тревожнаго состоянія, этихъ мукъ исканія, которыя заставляли европейцевъ переходить изъ страны въ страну, отъ народа къ народу, никогда и ничѣмъ не удовлетворяясь, съ вѣчнымъ отвращеніемъ къ прежнему и вѣчною жаждой новаго. Они были спокойны, всегда удовлетворены, потому что были всегда заняты. Въ своемъ трудѣ они ничего не искали, кромѣ труда, и потому—ничего не нашли, или даже и найдя что-нибудь случайно—не замѣчали найденнаго, равнодушно проходили мимо [1]). Что-нибудь похожее на далекій замыселъ никогда не руководило ихъ дѣйствіями, они не знали ни увлеченій, ни разочарованій, ни истинной радости, ни другого страданія, кромѣ простой боли Отсюда—тотъ характеръ практичности и разсудочности, который съ удивленіемъ замѣчали въ китайцахъ всѣ проницательные наблюдатели. Погру-

[1]) Извѣстно, что очень многія европейскія открытія (какъ пороха) были сдѣланы ранѣе китайцами, но не повели у нихъ къ тѣмъ огромнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ повели Европу,—застывъ, какъ и все у нихъ, въ первой изобрѣтенной фазѣ.

женные въ трудъ, за которымъ не скрывалось никакого содержанія, они никогда не отвлекались отъ него; прошедшаго и будущаго какъ бы не существуетъ для нихъ, они не несутъ изъ перваго никакого *задатка* и ничего не осуществляютъ новаго во второмъ. Они всецѣло погружены въ дѣйствительность, и потому именно такъ хорошо все видятъ въ ней, что имъ некуда больше смотрѣть. Всѣ ихъ достоинства, которымъ иногда столько завидуютъ, вытекаютъ изъ одного глубокаго, страннаго недостатка ихъ природы: изъ ея внѣшности и формальности, изъ отсутствія содержанія въ ихъ душѣ. Они не задумаютъ ничего безумнаго, не рванутся къ гибельному, не станутъ возводить Вавилонской башни, чтобы достать до неба; но это отъ того, что и самаго неба для нихъ нѣтъ.

Отсюда вытекаетъ то, что ихъ дѣятельность, будучи столь раціональна въ частностяхъ, въ цѣломъ носитъ на себѣ черты безсмысленнаго: все въ отдѣльности, что ни дѣлаютъ они, правильно и можетъ быть названо хорошимъ, но эти отдѣльныя дѣла ихъ не составляютъ изъ себя ничего общаго, о чемъ мы также могли бы сказать, что и оно правильно и хорошо. Никакая общая мысль не соединяетъ и не объединяетъ явленія ихъ жизни, никакому высшему плану не подчинены они. Ихъ жизнь и исторія распадается на множество подробностей и за каждою изъ нихъ лежитъ своя причина, свой частный поводъ, находящійся внѣ всякаго соотношенія со всякими другими поводами къ каждой другой подробности. И это-то именно и дѣлаетъ китайскую цивилизацію, при всемъ любопытствѣ, которое возбуждаетъ она своею внѣшностью, въ сущности безъинтересною. Она въ высшей степени своеобразна, но это своеобразіе заключается въ томъ, что, будучи столь громадна, она лишена всякой связующей идеи. И если, на минуту забывъ о ней, мы снова перенесемся къ ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ, мы поймемъ ихъ жизнь и ихъ душевный складъ, какъ противоположность китайскаго, какъ его отрицаніе. Изъ всѣхъ народовъ, обитающихъ на землѣ, только вторая вѣтвь монгольскаго племени представляетъ изъ себя настоящихъ кочевниковъ, подобныхъ которымъ мы не встрѣчаемъ ни въ Сѣверной и Южной Америкѣ, ни во внутренней Африкѣ, хотя онѣ болѣе благопріятны для этого образа жизни, нежели сѣверная и центральная Азія. Покой и однообразіе невыносимы для этихъ народовъ, какъ для китайцевъ невыносимы разнообразіе и безпокойство. Какъ эти послѣдніе въ своей жизни и въ своей дѣятельности подчинены инстинкту созиданія, такъ тѣ подчинены инстинкту разрушенія—столь же темному, столь же лишенному какой-либо руководящей мысли. Только въ дѣйствіи закона полярности, такъ могущественно выразившагося въ противоположности психическаго склада этихъ двухъ великихъ племенъ, на которыя распалась обширная монгольская раса, можно найти объясненіе той неудержимости, съ которою одно изъ нихъ

производило свои разрушенія. Иначе какимъ образомъ понять, что вопреки всѣмъ нуждамъ, отвращаясь отъ всего, чѣмъ дорожитъ человѣкъ обычно—отъ покоя, отъ мирной жизни, отъ удовлетворенія всѣхъ потребностей, они переходили черезъ знойныя пустыни и высокія горы, гибли на пути и въ битвахъ, и все это безъ другой цѣли, безъ другого удовлетворенія, кромѣ какъ видѣть позади себя пирамиды изъ человѣческихъ головъ, видѣть растерзанною жизнь людей, которыхъ они ранѣе не знали и не видѣли. Не потребность въ общепринятомъ значеніи служила для этого мотивомъ, и не какія-либо внѣшнія причины, какія мы привыкли отыскивать для человѣческихъ дѣйствій. Здѣсь дѣйствовали силы и законы иные и высшаго происхожденія, понять природу и происхожденіе которыхъ намъ вѣроятно никогда не суждено, но наблюдать за внѣшнимъ проявленіемъ которыхъ мы можемъ.

XVII.

То, къ чему послѣдовательно поднимались расы, что яснѣе и яснѣе мерцаетъ въ чертахъ ихъ физической и духовной природы, наконецъ получаетъ свое осуществленіе въ кавказской расѣ: въ ней является, наконецъ, человѣкъ во всей полнотѣ своихъ силъ и въ совершенной красотѣ. Замѣчательно, что хотя по численности своей она неизмѣримо уступаетъ численности остальныхъ расъ человѣческаго рода, однако всякій разъ, когда мы начинаемъ говорить о человѣчествѣ и пытаемся опредѣлить свойства человѣческой природы — мы говоримъ собственно о бѣлой расѣ и опредѣляемъ *ея* свойства. И это не потому только, что мы сами принадлежимъ къ ней: пріемъ опредѣленія какого-либо существа черезъ отвлеченіе общихъ свойствъ у *наибольшаго* количества его представителей—столь простъ и такъ уже вошелъ въ наши умственныя привычки, что мы несомнѣнно съумѣли бы примѣнить его и здѣсь. Но даже и попытки поступить такъ при изученіи природы человѣческой никогда не было дѣлаемо; знающіе и невѣжественные, осторожные и легкомысленные — даже ошибкой или случайно никогда не нарушили молчаливаго согласія: понимать человѣка такъ, какъ онъ выразился въ кавказской расѣ. Хотя и молчаливо, но допускается, что скорѣе есть погрѣшности, отступленія отъ нормы во всѣхъ другихъ необозримыхъ массахъ человѣчества, нежели что они есть и въ бѣлой расѣ, и что для выдѣленія ихъ нужно сравнить ее съ прочими и очистить отъ уклоненій путемъ мысленнаго отсѣченія всего лишняго, что̀ окажется при этомъ сравненіи, и путемъ восполненія всего недостающаго. Все особенное и частное, что отличаетъ кавказскую расу отъ другихъ, не только не исключается изъ общаго понятія «человѣкъ», но, напротивъ, составляетъ самое существенное въ этомъ понятіи; тогда какъ общее

у нея съ другими расами оставляется большею частью въ сторонѣ, какъ незначущее. Въ основѣ всѣхъ этихъ странностей метода, кажущихся неправильностей умозаключенія лежитъ одно глубокое, хотя и не высказанное убѣжденіе: что человѣкъ бѣлой расы есть норма и предѣлъ, который ни съ чѣмъ другимъ не можетъ быть сравниваемъ и черезъ это другое оцѣниваемъ, но, напротивъ, самъ служитъ мѣриломъ и оцѣнкой для другого, какъ бы этого другого ни было много. И дѣйствительно, во всѣхъ другихъ расахъ человѣкъ есть достигаемое, и только въ кавказской—достигнутое уже. Мы находимъ въ немъ все, что́ и въ представителяхъ другихъ расъ, и еще нѣчто излишнее, но притомъ такое, что́ можемъ открыть при внимательномъ изслѣдованіи и въ другихъ низшихъ племенахъ, но только въ зачаточномъ, неразвитомъ состояніи. И, какъ опредѣленіе линіи или круга, содержащееся въ геометріи, мы никогда не станемъ измѣнять и приноровлять къ смутнымъ и сбивчивымъ описаніямъ несовершенныхъ линій и круговъ, наблюдаемыхъ въ дѣйствительности, такъ точно не станемъ мы и не хотимъ измѣнять понятіе о человѣкѣ, основанное на знаніи бѣлой расы, примѣнительно къ тѣмъ понятіямъ о немъ, какія могли бы извлечь изъ наблюденія надъ остальными расами, обитающими землю.

Одухотворенность, высокое просвѣтленіе природы человѣка какимъ-то внутреннимъ .содержаніемъ — вотъ самое общее и точное опредѣленіе особенности, которая отличаетъ кавказскую расу отъ другихъ. Въ противоположность монгольской расѣ, въ которой существенное и основное есть *дѣятельность* и за нею не скрывается никакого сложнаго и глубокаго содержанія, въ кавказской расѣ основнымъ является именно содержаніе, внутренняя духовная жизнь; что же касается дѣятельности, то она служитъ здѣсь только невольнымъ обнаруженіемъ этого содержанія, то-есть является вторичнымъ уже, вызваннымъ и обусловленнымъ. Какъ ни разнообразна и ни обильна дѣятельность арійцевъ и семитовъ, этихъ двухъ главныхъ вѣтвей, на которыя распадается кавказская раса, — она нисколько не исчерпываетъ богатствъ внутренней жизни ихъ, и отсюда-то въ этой расѣ то вѣчное томленіе духа, о которомъ такъ прекрасно говоритъ уже древній Экклезіастъ и еще не перестаютъ говорить самые новые поэты: вѣчное стремленіе къ чему-то и всегдашнее неудовлетвореніе тѣмъ, что найдено. Въ искусствахъ, въ наукахъ и философіи, въ формахъ политической жизни—всемъ томъ, что было создано этою расой въ ея долгомъ историческомъ существованіи, мы открываемъ эту общую черту: перевѣсъ духа надъ дѣятельностью, и отсюда—переходъ отъ одной дѣятельности къ другой. Здѣсь лежитъ объясненіе многоформенности ихъ искусствъ: что-то невыражающееся силится высказать въ нихъ аріецъ, и поэтому-то переходилъ онъ отъ линій архитек-

туры къ тѣни и краскамъ живописи, отъ звуковъ музыки къ музыкальной рѣчи въ лирикѣ и эпосѣ—то беря все это изолированно, то соединяя вмѣстѣ, какъ это мы видимъ въ драмѣ и оперѣ. Отсюда вытекаетъ то, что въ наукахъ и философіи онъ такъ безгранично далеко переступилъ за предѣлы непосредственно открытаго ему,—въ противоположность всѣмъ другимъ народамъ, которые ничего не искали за этими предѣлами. Онъ жадно осмотрѣлъ всю землю и пытливо перечиталъ все, что было написано его предками, теперь уже погибшими племенами. Не довольствуясь этимъ, онъ вскрылъ глубину земли и извлекъ изъ нѣдръ океана все, что тамъ могло скрываться отъ его глазъ; не удовольствовался вещами и явленіями, какъ они даны ему въ ощущеніи, и, разложивъ первыя—открылъ ихъ элементы, а наблюдая вторыя и размышляя о нихъ — открылъ силы и законы, о которыхъ ничего не говорили ему чувства. Наконецъ, все еще думая, что за извѣстнымъ ему скрывается что-то неизвѣстное, онъ придумалъ способъ посредствомъ удивительныхъ инструментовъ почти безгранично удлиннить свое зрѣніе и безгранично же утончить его, приблизить къ себѣ все далекое и сдѣлать большимъ все малое. Здѣсь же, въ вѣчно тревожномъ и вѣчно чего-то ищущемъ духѣ кавказской расы, лежитъ объясненіе и его политическихъ судебъ, этой неустанной жажды что-то построить, создать, и создавъ — вѣчно разрушить его, чтобы начать строить снова, иначе и по другимъ планамъ.

XVIII.

Если отъ разсмотрѣнія природы человѣка, каковою она является въ высшемъ своемъ выраженіи—кавказской расѣ, мы возвратились бы опять къ органическому процессу, черезъ который, варіируя и совершенствуясь, все поднимались органическія формы, — мы увидѣли бы, что человѣкъ есть грань и предѣлъ, гдѣ заканчивается этотъ процессъ. Любопытно, что именно изслѣдованіе явленія красоты съ несомнѣнною силой убѣждаетъ насъ въ этомъ,—и та форма, которую принимаетъ она въ человѣкѣ, проливаетъ истинный свѣтъ на природу самой органической энергіи, лежащей внутри организмовъ и управляющей ихъ трансформаціями.

Во всѣхъ *цвѣтныхъ* расахъ человѣческаго рода мы находимъ то же отсутствіе настоящей красоты и ту же простую красивость, какую находимъ въ растеніяхъ и животныхъ. И здѣсь, и тамъ она выражается въ грубыхъ физическихъ очертаніяхъ и въ окрашенности, причемъ ни первыя, ни послѣдняя не служатъ средствомъ только для выраженія чего-то иного и высшаго, но нравятся сами по себѣ — откуда татуированіе тѣла у дикихъ, желаніе придать своей окрашенности еще и разнообразіе. Напротивъ, у бѣлой расы, которую справедливѣе было бы назвать безцвѣтною, эти грубые и

внѣшніе способы выраженія красиваго какъ бы меркнутъ и исчезаютъ, и впервые проступаетъ красота въ своей истинной природѣ. Именно для того, чтобы возможно было проявиться ей, необходимо было предварительное исчезновеніе окрашенности, и вотъ почему общее духовное совершенствованіе въ человѣческихъ расахъ такъ замѣчательно совпадаетъ съ измѣненіемъ цвѣта ихъ, съ его постепеннымъ исчезновеніемъ.

Если мы захотимъ дать себѣ отчетъ, въ чемъ именно состоитъ это преобразованіе простой красивости въ красоту, то должны будемъ отвѣтить, что оно заключается въ проникновеніи духовнаго міра сквозь грубыя черты физической природы и въ такомъ преображеніи этой послѣдней, что она становится способною передавать, видоизмѣняясь, видоизмѣненія перваго. И въ самомъ дѣлѣ, лицо человѣка какой нибудь цвѣтной расы никогда не бываетъ истинно-прекрасно, потому что оно никогда не бываетъ *выразительно*. Всѣ тонкіе переливы чувствъ, тихая радость или безконечная грусть, одушевленіе какою-нибудь мыслью или спокойная созерцательность — все это, такъ легко выражающееся на безцвѣтномъ лицѣ человѣка кавказской расы, совершенно скрывается подъ неподвижными чертами коричневаго, чернаго или желтаго лица.

Въ способѣ дѣйствія на насъ красиваго и прекраснаго заключается та разница, что, тогда какъ первое дѣйствуетъ исключительно на наши чувства, зрѣніе или слухъ, второе дѣйствуетъ черезъ нихъ на нашу *душу*. Отъ этого первымъ мы только любуемся — то-есть испытываемъ наслажденіе чисто внѣшнее; второе же созерцаемъ: это наслажденіе внутреннее. И только потому, что красивое и прекрасное соединены между собою незамѣтными переходами, такъ что невозможно даже отмѣтить момента, гдѣ второе уже начинаетъ зарождаться въ первомъ,—мы считаемъ ихъ различными фазами въ развитіи одного и того же явленія. Но низшая, неразвитая фаза каждаго явленія находитъ для себя всегда объясненіе въ высшей и развитой. Поэтому въ природѣ красоты, каковою она является въ человѣкѣ, мы должны искать разгадки красиваго, которое находимъ въ органическомъ мірѣ.

Возбуждаемое внѣшними чертами какого-нибудь образа и входящее въ насъ черезъ внѣшнія же чувства ощущеніе красоты есть самое глубокое и внутреннее изъ всего, что́ человѣкъ переживаетъ въ себѣ. Это можно видѣть изъ того, что всякое созерцаніе прекраснаго образа мы силимся продлить, хотя его внѣшнія черты уже давно и хорошо извѣстны намъ,—онъ какъ бы заволакиваетъ отъ насъ все окружающее, постороннее, прерываетъ наше общеніе съ нимъ и погружаетъ въ какую-то *забывчивость*. Забывшись, мы перестаемъ, наконецъ, видѣть и его внѣшнія, грубыя черты; онѣ сливаются, смѣшиваются и тускнѣютъ передъ нами; созерцаніе все

углубляется, ощущеніе красоты наростаетъ, и мы испытываемъ странное сліяніе своей души съ самою сущностью того предмета, о внѣшнихъ чертахъ котораго забыли. И въ самихъ себѣ мы не можемъ указать ничего частнаго, особеннаго, что служило бы воспріемникомъ чувства красоты,—какъ объ усваиваемыхъ мысляхъ можемъ сказать, что ихъ воспринимаетъ умъ, о горестномъ или радующемъ—что его воспринимаетъ чувство, или о страсти—что она входитъ элементомъ въ нашу волю. Чувство прекраснаго *общее* всѣхъ этихъ факторовъ, изъ которыхъ слагается психическая жизнь; оно относится къ *цѣлой* душѣ; и мы думаемъ даже, мы рѣшаемся утверждать, боясь ошибиться не въ сущности утвержденія, но только въ умѣніи выразить его,—что красота есть самая природа души. Внутреннѣйшее, что есть въ человѣкѣ, воспринимаетъ прекрасное; и внутреннѣйшее, что есть въ какомъ-либо другомъ существѣ, выражается въ прекрасныхъ чертахъ его образа.

Но ранѣе было указано, что всѣ повышенія красиваго въ органическомъ мірѣ совпадаютъ съ повышеніями въ немъ органической энергіи—той скрытой силы, которая живетъ въ каждомъ существѣ лишь какъ въ моментѣ своего воплощенія, и потому именно превращаетъ его въ высшія и высшія формы. Эта сила, какъ было также указано, не имѣетъ ничего общаго съ механическими силами природы и обнаруживаетъ въ способѣ своего дѣйствія черты цѣлесообразности. Но цѣлесообразное всегда есть продуктъ психическаго. Вотъ почему органическую жизнь, въ темной глубинѣ временъ нѣкогда впервые шевельнувшуюся на землѣ, затѣмъ все развивавшуюся и теперь разлитую во всемъ безгранично сложномъ царствѣ растеній и животныхъ,—мы должны разсматривать какъ проявленіе въ веществѣ психической жизни. Полное же осуществленіе ея мы находимъ въ природѣ человѣка—и духъ его есть узелъ, завершеніе и источникъ всей органической природы. Онъ есть осуществленіе, а она—только осуществляющее, создающее его въ грубомъ, матеріальномъ смыслѣ, но въ сущности созданная имъ, какъ средство создается своею цѣлью, каждая ступень улучшенія—конечнымъ замысломъ улучшеннаго.

Этимъ изъясняется глубокое и особенное дѣйствіе красоты на душу человѣка: подобное возбуждается только подобнымъ, и какъ въ красотѣ выражается сокровеннѣйшій нервъ жизни, такъ на сокровеннѣйшій же центръ человѣческаго существа она и дѣйствуетъ. Здѣсь происходитъ сліяніе того, что разграничено физическими преградами, но что, обитая въ разныхъ существахъ, въ сущности есть одно,—какъ цифра *2* и та *другая*, въ иномъ мѣстѣ написанная, есть въ сущности *одно* и то же число два. И здѣсь, намъ думается, лежитъ разгадка того явленія, почему взаимное влеченіе двухъ половъ—двухъ раздѣленныхъ половинъ одного человѣческаго существа, которое мы называемъ любовью, сопровождается всегда ощу-

щеніемъ красоты и ея дѣйствительнымъ повышеніемъ: эти два факта не безразличны другъ къ другу, они тѣсно связаны, потому что выражаютъ двѣ стороны одного явленія; любовь есть дѣйствительно сродство душъ, доходящее до сліянія ихъ въ одну, что физически и выражается въ рожденіи обоими новаго и одного одушевленнаго существа, а то, что предшествуетъ этому сліянію, есть ощущеніе одною душою близости другой, то-есть красоты другого подобнаго существа; потому что, какъ уже замѣчено было, красота и есть душа всего живого.

XIX.

Весьма замѣчательно, что трансформисты, признающіе превращеніе одной органической формы въ другую, и, слѣдовательно, происхожденіе человѣка отъ какого-то другого вида животнаго, никогда не высказываютъ мысли, что и человѣкъ со временемъ перейдетъ еще въ иную какую-нибудь высшую форму; хотя такой взглядъ былъ бы въ высшей степени естественъ и послѣдователень въ теоріи трансформизма. Какой-то темный инстинктъ мѣшаетъ человѣку смотрѣть и на себя, какъ на одно изъ *промежуточныхъ* звеньевъ въ органическомъ процессѣ, хотя именно таковымъ является всякій зоологическій видъ, и homo sapiens составляетъ только одинъ изъ нихъ. Тревога за равновѣсіе и цѣлость солнечной системы, забота объ охлажденіи солнца и съ нимъ—за охлажденіе земли, все это мы находимъ въ ученой литературѣ, хотя эти угрожающіе факты, если и вѣроятны, то не ранѣе, какъ по истеченіи многихъ милліоновъ лѣтъ. Но никогда не являлось тревоги, что человѣкъ, который можетъ погибнуть вмѣстѣ со своею планетой, ранѣе этого времени превратится въ какое-нибудь новое и высшее существо, относящееся къ нему такъ, какъ онъ относится къ семейству четверорукихъ обезьянъ. Что человѣкъ есть *граница, предѣлъ* въ органическомъ процессѣ—это инстинктивно чувствуется всѣмъ человѣчествомъ.

Это инстинктивное сознаніе дѣйствительно оправдывается многими наблюденіями и аналогіями. Если движущее начало въ органическомъ процессѣ есть органическая энергія, доселѣ устремлявшая формы все къ высшимъ и высшимъ очертаніямъ, то въ природѣ человѣка мы видимъ, что не только эти очертанія достигаютъ предѣла совершенства, но что органическая энергія и переливается за нихъ, являясь въ чистомъ и несвязанномъ видѣ какъ *психическая жизнь*. Уже самое появленіе ея въ этомъ видѣ заставляетъ a priori думать, что, въ вѣчныхъ усиліяхъ своихъ поднимать и улучшать организацію живого типа, она встрѣтила, создавъ человѣка, какую-то непреодолимую преграду. И дѣйствительно, многія любопытныя изысканія обнаружили, что въ устройствѣ его тѣла разрѣшены въ предѣльной формѣ механическія задачи совмѣщенія

силы, легкости и подвижности; такъ что всякое умаленіе чего-либо или увеличеніе, т. е. кажущееся усовершенствованіе какой-нибудь части, немедленно повлекло бы за собою ухудшеніе цѣлаго, нарушеніе въ немъ гармоніи и равновѣсія. Въ этой предѣльности разрѣшенной механической задачи органическая энергія и встрѣтила препятствіе, котораго она не можетъ преодолѣть: измѣнить организацію человѣка нельзя иначе, какъ только ухудшивъ ее,—что противно природѣ органической энергіи, которая только улучшаетъ. Отсюда понятно возникновеніе именно въ человѣкѣ психической жизни, лишь просвѣчивающей въ другихъ живыхъ существахъ на степени формирующаго начала ихъ организаціи. Тамъ она не отдѣлена отъ этой послѣдней, не высвобождена изъ нея, потому что въ возможности улучшенія она имѣетъ сферу и объектъ для своего дѣйствія.

Но и явившись въ своемъ чистомъ и несвязномъ видѣ, органическая энергія и здѣсь сохраняетъ основныя черты свои, вытекающія изъ природы ея какъ начала цѣлесообразнаго. И въ психической жизни человѣка, какъ ранѣе въ мірѣ животныхъ и растеній, она является силою неудержимо зиждущею и вѣчно устрояющею. Но такъ какъ въ *самомъ* человѣкѣ нѣтъ уже ничего, что могло бы быть достроеннымъ или улучшеннымъ, то-есть въ немъ нѣтъ предмета для ея дѣятельности, то она ищетъ и находитъ эти объекты внѣ его. Отсюда творчество человѣка въ исторіи—устроеніе имъ внѣшнихъ для себя вещей, созданіе сложныхъ и великихъ организмовъ государства, науки и искусства.

XX.

Глубже всмотрѣвшись въ это историческое творчество, мы откроемъ въ немъ замѣчательное соотношеніе съ творчествомъ органическимъ, съ новой стороны доказывающее, что въ человѣкѣ заканчивается органическій процессъ и что, если суждено когда-нибудь умереть на землѣ жизни, она умретъ съ нимъ и въ немъ.

И въ самомъ дѣлѣ, между органическимъ творчествомъ и между психическимъ, какъ оно выразилось въ исторіи, существуетъ то замѣчательное соотношеніе, что всякій разъ, когда первое не ослабѣваетъ — второе отсутствуетъ, а когда появляется второе — ослабѣваетъ первое. И при этомъ умаленіе одного изъ этихъ видовъ творчества при возрастаніи другого совершается въ столь строгой соразмѣрности, что невозможно отрицать общности и единства ихъ происхожденія. Эту общность мы и находимъ въ органической энергіи, которая, преобразуясь въ психическую, ослабѣваетъ въ собственныхъ опредѣленіяхъ; напротивъ, ни во что не переходя — сохраняется въ прежнемъ видѣ, какъ энергія органическаго созиданія.

Вслѣдствіе предѣльной формы человѣческой организаціи, въ ней органическая энергія, сохраняя свои прежнія черты, можетъ проявиться только въ актѣ рожденія—въ воспроизведеніи ряда поколѣній, въ которыхъ она продолжаетъ существовать послѣ смерти ихъ общаго прародителя. Поэтому соотношеніе, о которомъ мы говоримъ, можетъ быть прослѣжено на судьбѣ отдѣльныхъ родовъ [1]), изъ которыхъ слагается каждая народность,—на ихъ генезисѣ въ связи съ историческою дѣятельностью. Каждый родъ (gens) есть какъ бы отдѣлившаяся, въ лицѣ своего прародителя, вѣтвь человѣческаго рода, несущая въ себѣ нѣкоторую опредѣленную долю органической энергіи, причемъ эта послѣдняя, будучи не одинаковою въ различныхъ родахъ, въ каждомъ изъ нихъ, отдѣльно взятомъ, присутствуетъ какъ постоянное количество. Этою энергіею живетъ родъ физически и ее же проявляетъ онъ въ своей исторической дѣятельности.

Рано исчезающіе роды, и притомъ безъ проявленія себя въ исторіи, должны быть разсматриваемы какъ заключавшіе въ себѣ отъ начала незначительное количество органической энергіи, которое и растратилось, преобразовавшись въ ту слабую степень психической дѣятельности, которая обнаруживается каждымъ человѣкомъ въ своей частной или семейной жизни. Мы не будемъ говорить объ этихъ родахъ, такъ какъ, за отсутствіемъ въ нихъ исторической дѣятельности, здѣсь не можетъ быть обнаружено то соотношеніе, въ которое входитъ эта дѣятельность вторымъ членомъ. Замѣтимъ только, что есть цѣлыя народности, представляющія аналогію съ этими родами: имена ихъ сохранены въ исторіи, но онѣ рано исчезли, придя въ соприкосновеніе съ другими народами, съ которыми слились безъ какого-либо рѣзко выраженнаго сопротивленія. Полабскіе славяне и, отчасти, все обширное кельтическое племя въ Европѣ могутъ служить лучшимъ примѣромъ подобныхъ слабыхъ народностей. Въ отличіе отъ народовъ, совершенно не принимавшихъ участія въ исторіи (какъ, напр., финскія племена), ихъ можно назвать *полуисторическими*. Общая черта ихъ заключается въ томъ, что они замѣшиваются въ движеніе всемірной исторіи чисто механически, внѣшнимъ и случайнымъ образомъ, но не составляютъ въ этомъ движеніи никакого органическаго звена. Ихъ отсутствіе изъ нея, ихъ выпаденіе ни въ чемъ не нарушило бы хода и смысла историческаго развитія: въ немъ не доставало бы только какого-нибудь побочнаго эпизода, или нѣкоторыя необходимыя его звенья имѣли бы иную форму, иначе возникли-бы, развились или окончились. До нѣкоторой степени участіе ихъ во все-

[1]) Мы разумѣемъ *родъ* въ томъ опредѣленномъ и замкнутомъ значеніи, какъ онъ выразился (всего полнѣе и чище) у римлянъ въ патриціяхъ, у грековъ — въ эвпатридахъ, и менѣе чисто и полно у всѣхъ историческихъ народовъ.

мірной исторіи можно сравнить съ вѣтромъ, который, замѣшавшись въ древесную листву, шумитъ въ ней и движетъ ее, но къ росту этого дерева и внутренней жизни самихъ листьевъ не имѣетъ никакого отношенія, въ очень рѣдкихъ случаяхъ прерываетъ его и никогда не бываетъ ему нуженъ.

Что касается до строго историческихъ народовъ, судьба которыхъ въ точности извѣстна, то на нихъ мы можемъ прослѣдить указанное выше соотношеніе, и въ этомъ именно соотношеніи лежитъ истинное объясненіе большинства явленій ихъ жизни. По крайней мѣрѣ все общее и важное въ этой жизни—ея вѣковыя, массовыя черты, для которыхъ такъ много и всегда напрасно историки искали какихъ-нибудь объясняющихъ началъ или законовъ, разгадывается при свѣтѣ этого соотношенія.

XXI.

Есть два типа историческаго движенія, и къ одному изъ нихъ сводится прошедшая жизнь каждаго единичнаго народа. Одинъ типъ, обнимающій собою жизнь меньшинства историческихъ народовъ (таковы, напримѣръ, Китайцы, Армяне, отчасти Евреи), заключаетъ въ себѣ ту главную особенность, что въ немъ *есть только передвиженіе частей, но нѣтъ движенія цѣлаго*,—вслѣдствіе чего явленія, имъ обнимаемыя, не слагаютъ изъ себя никакого процесса, въ которомъ послѣдующее исходило бы изъ предыдущаго, раскрывая смыслъ его. Жизнь народовъ, совершающаяся по этому типу, по причинѣ указанной особенности представляется неподвижною, несмотря на постоянное движеніе, которое въ ней происходитъ, на быструю смѣну явленій, на обиліе лицъ и событій. Движеніе это можно сравнить съ движеніемъ воды въ водопадѣ: ни одна частица ея и ни на одинъ моментъ не остается въ покоѣ, и однако въ цѣломъ своемъ водопадъ представляется неподвижнымъ; вѣка проносятся надъ нимъ, а онъ сохраняетъ все тотъ же видъ. Подобную же неподвижность при вѣчномъ движеніи представляла бы несущаяся впередъ точка, которая, однажды получивъ толчекъ и потомъ не встрѣчая никакого сопротивленія и не испытывая дѣйствія никакой отклоняющей силы, продолжала бы нестись въ безграничное пространство, не ускоряя и не замедляя своего полета. Если мы спросимъ себя, отчего же происходитъ этотъ особенный и странный покой—что есть тутъ такого, что сообщаетъ подвижному черты неподвижнаго,—то должны будемъ отвѣтить слѣдующее: къ измѣненію, однажды возникшему и продолжающемуся, здѣсь не привходитъ никакого новаго измѣненія, а съ тѣмъ вмѣстѣ не привходитъ и никакихъ различій, которыя могли бы сдѣлать послѣдующее не похожимъ на прежнее. У народа, жизнь котораго замкнута въ этотъ типъ генезиса, происходятъ войны, заклю-

чаются договоры, смѣняются династіи, наконецъ онъ является то свободнымъ, то порабощеннымъ, самъ владычествуетъ или надъ нимъ владычествуютъ,—и однако во всемъ этомъ нѣтъ ничего, что заставило-бы задуматься надъ собою историка или что могло бы внушить ему какую-нибудь общую идею. Всѣ эти событія—только частности, между собою не связанныя; и для каждаго изъ нихъ достаточно указать отдѣльную причину, его породившую, чтобъ оно было вполнѣ яснымъ и понятнымъ. При сильномъ сосѣдѣ такой народъ порабощается, при слабомъ—онъ господствуетъ, безъ какихъ-либо внутреннихъ причинъ для перваго или второго. Онъ счастливъ при добромъ и благоразумномъ государѣ, и бѣдствуетъ при зломъ,—и все это лежитъ внѣ всякой возможности предвидѣнія.

Постоянство въ существованіи, неумирающая жизнь есть общая внѣшняя черта подобныхъ народовъ. Однажды появившись въ исторіи и ничего не привнося въ нее. они остаются затѣмъ въ ней неопредѣленно долгое время, то являясь участниками въ ходѣ ея событій, но лишь внѣшнимъ, до извѣстной степени пассивнымъ образомъ, то погружаясь въ покой исключительно внутренней жизни. Черты нѣкоторой дряхлости (Китай, Арменія) можетъ быть и есть въ нихъ; но, появившись очень рано, эти черты затѣмъ нисколько не увеличиваются и смерть не наступаетъ для нихъ. Эту незначительную дряхлость мы можемъ отнести, какъ къ своей причинѣ, къ тому напряженію въ нихъ органической энергіи и переходу ея въ психическую дѣятельность, которое потребно было на первоначальное сложеніе ихъ въ націю и государство,—что представляетъ собою все-таки исторію, измѣненіе въ измѣненіи, а не простое чередованіе событій. Но, затѣмъ, оставшаяся часть органической энергіи, и въ самомъ началѣ не очень значительной, уже передавалась у нихъ безъ измѣненія, отъ поколѣнія въ поколѣніе, ни во что не преобразуясь. Ея сохраненіе и есть истинная причина ихъ долговѣчности въ исторіи; а то, что, сохраняясь, она не преобразовывалась въ психическую дѣятельность, есть причина ихъ неподвижности. Въ нихъ нѣтъ духовнаго творчества, и потому въ жизни ихъ не происходитъ наростанія въ явленіяхъ, которое сложило-бы ихъ въ цѣльный, развивающійся процессъ. Войны или мирные договоры, даже законодательства, какія у нихъ есть—все это суть частныя событія въ жизни ихъ государей. Имѣя предметомъ своей дѣятельности жизнь цѣлаго народа или государства, эти послѣдніе только тогда проявили-бы какое-нибудь психическое творчество, если-бы въ замыслѣ ихъ или въ дѣлахъ обнаружились какія-нибудь особенныя и новыя черты въ сравненіи съ тѣмъ, что совершалось ранѣе. И какъ отсутствуетъ творчество въ ежедневной дѣятельности каждаго частнаго человѣка, такъ отсутствуетъ оно и здѣсь—въ событіяхъ народной или государственной жизни, производимыхъ обычною дѣятельностью государей. Они не затрогиваютъ внутрен-

няго нѣдра ихъ существа: они происходятъ только на его поверхности. Замѣтимъ, что та незначительная психическая жизнь, которая проявляется и въ частной дѣятельности, но не имѣетъ здѣсь никакого подобія съ глубиной и обиліемъ жизни въ моменты творчества, не сокращаетъ историческаго существованія этихъ народовъ, потому что является такимъ же отраженіемъ органической энергіи, какія мы наблюдаемъ и въ зачаткахъ психической дѣятельности у животныхъ,—но только отраженіемъ неизмѣримо болѣе яркимъ, такъ какъ и органическая энергія въ человѣкѣ неизмѣримо возросла.

XXII.

Второй типъ историческаго движенія есть *развитіе*, и черезъ него проходитъ жизнь большинства историческихъ народовъ. Судьба Греціи можетъ служить классическимъ примѣромъ этого второго типа генезиса, какъ Китай служитъ классическимъ примѣромъ перваго типа. Его общею отличительною чертой служитъ то, что въ немъ есть *движеніе цѣлаго*,—и въ него именно входитъ, какъ частность въ общее, движеніе частей. Поэтому историческія явленія, замкнутыя въ этотъ типъ (войны, договоры, законодательства и пр.), имѣютъ въ себѣ каждое нѣчто частное, особенное, и всѣ—нѣчто общее, связующее ихъ въ одно. Если мы анализируемъ эту общую часть, то увидимъ, что во времени она является наростающею, и усложняющеюся, и это-то именно наростаніе и усложненіе и сообщаетъ всему типу генезиса, о которомъ мы говоримъ, его отличительныя, характерныя черты. По нимъ мы можемъ назвать его *процессомъ раскрывающимся*, такъ какъ онъ весь слагается изъ фазъ, изъ которыхъ каждая послѣдующая, являясь возросшею сравнительно съ предыдущею, яснѣе раскрываетъ въ себѣ то содержаніе, которое уже заключалось въ ней, но лишь въ смутномъ и неопредѣленномъ видѣ. Поэтому-то и въ жизни народовъ, проходящей въ формѣ этого процесса, каждое явленіе получаетъ свой смыслъ и освѣщеніе не столько въ предшествовавшихъ или одновременныхъ съ нимъ обстоятельствахъ, сколько въ томъ, что за нимъ послѣдовало, во что перешло оно.

Вслѣдствіе того, что этотъ типъ генезиса заключаетъ въ себѣ движеніе цѣлаго, а не частей только,—въ немъ не однѣ части и оканчиваются, не единичныя только явленія завершаются и прекращаются, но онъ весь оканчивается въ своемъ цѣломъ. Это есть общая и постоянная черта народовъ, исторія которыхъ слагается по его типу, что они суть народы постоянно возрастающіе въ красотѣ и силѣ своей духовной жизни и затѣмъ умирающіе. Какъ въ истинномъ смыслѣ жизнь однимъ имъ присуща въ исторіи, такъ и смерть есть ихъ необходимый удѣлъ.

Разсмотримъ и у этихъ народовъ соотношеніе между тратою органической энергіи и между психическимъ творчествомъ. Если историческая жизнь племенъ, замкнутая въ первый типъ генезиса, обнаруживаетъ только въ самомъ общемъ видѣ это соотношеніе—какъ отсутствіе траты энергіи и съ нимъ вѣчное продолженіе рода при отсутствіи духовнаго творчества,—то здѣсь, у народовъ, замкнутыхъ въ раскрывающійся генезисъ, мы можемъ наблюдать всѣ частности, всѣ варіаціи этого соотношенія, и въ нихъ-то именно, являясь никогда не нарушеннымъ, оно получаетъ свое полное подтвержденіе и оправданіе.

Но прежде, нежели перейти къ этимъ частностямъ, скажемъ нѣсколько словъ въ поясненіе общей формы раскрывающагося процесса. Она строго вытекаетъ изъ того, что въ немъ происходитъ преобразованіе органической энергіи въ высшую форму—въ одухотворенность, потому что это преобразованіе можетъ совершиться только по законамъ цѣлесообразности. Какъ уже опредѣлено было выше, органическая энергія есть сила скрытой цѣлесообразности, которая возрастаетъ въ своемъ напряженіи по мѣрѣ того, какъ подвигается во времени, подходитъ къ завершенію своему—къ цѣли. Откуда, пока сферой ея дѣйствія была организованная матерія—являлось усовершенствованіе этой организаціи, появленіе все высшихъ и высшихъ растительныхъ и животныхъ формъ; а съ переходомъ этой энергіи въ иной и высшій видъ, законъ движенія ея не измѣняется, и отсюда то именно вытекаетъ форма *раскрывающагося* процесса, въ которую слагается историческая жизнь духовно-творческихъ народовъ. Во всемъ, что создается ими, будетъ-ли то политическая форма, наука и философія или искусство—все послѣдующее является болѣе прекраснымъ и болѣе мощнымъ, нежели предыдущее, жизненность и красота созданій возрастаетъ, какъ возрастаетъ и сложность организаціи въ растительномъ и животномъ мірѣ, варіирующемъ въ формахъ этого же раскрывающагося процесса. Самый ходъ событій въ исторіи этихъ народовъ въ высшей степени проникнутъ обычными чертами цѣлесообразности: двигаясь медленно и будучи незначительными при началѣ, они все нарастаютъ въ размѣрахъ по мѣрѣ того, какъ чередуются; самое развитіе ихъ ускоряется, и, наконецъ, передъ моментомъ завершенія судебъ народа, они пріобрѣтаютъ поразительное величіе и красоту, и вмѣстѣ—ужасающую быстроту въ своемъ ходѣ, почти какую то торопливость Такъ исторія греческаго народа, продолжавшаяся приблизительно половину тысячелѣтія, въ одномъ вѣкѣ (V до Р. Х), предшествовавшемъ ея паденію, вмѣщаетъ и греко персидскія войны и вѣкъ Перикла, и Пелопоннезскую войну; вспомнимъ также утомленный ходъ римской исторіи отъ конца 2-й Пунической войны до Августа: съ небольшимъ въ одномъ столѣтіи здѣсь включено столько событій, и при томъ неизмѣримо значительныхъ, сколько

ихъ не заключено во всѣхъ предшествующихъ вѣкахъ достовѣрной исторіи Рима. Здѣсь и тамъ мы одинаково наблюдаемъ, что событія какъ-бы какою-то безпорядочною толпой торопятся впередъ, въ нихъ есть жадность бытія и движенія,—мы поясняемъ: жадность достигнуть и выразить цѣль свою, т.-е. свой смыслъ, красоту, раннимъ отблескомъ которой они всѣ жили, силою которой порождены были и длились во времени.

XXIII.

Теперь переходимъ къ частностямъ въ жизни какъ названныхъ двухъ, такъ и подобныхъ народовъ. Не въ полномъ составѣ своемъ живутъ они историческою жизнью, обнаруживая въ ней психическое творчество: *масса* народная, и именно весь сельскій людъ и бо́льшая часть городского, всегда является въ исторіи только служебнымъ матерьяломъ, только пассивнымъ орудіемъ выполненія цѣлей, которыя зарождаются въ мысли и страстяхъ немногихъ отдѣльныхъ людей или группъ ихъ. Эти послѣдніе образуютъ собою *историческіе роды* (gens), и что́ бы ни служило основою ихъ возвышенія—древность происхожденія, сводящаяся къ древности перваго важнаго дѣянія какого-нибудь предка, или богатство, или даровитость—во всякомъ случаѣ эти роды, однажды возвысившись, очень долго удерживаютъ свое положеніе, и съ ихъ дѣятельностью неизмѣнно связывается исторія цѣлаго народа. Эта историческая дѣятельность, каковъ бы ни былъ ея характеръ, на что́ бы ни была она направлена, всегда связана съ бо́льшимъ напряженіемъ духовныхъ силъ, нежели какого требуетъ простая частная жизнь; и, слѣдовательно, если соотношеніе, которое мы выясняемъ, правильно - она болѣе истощаетъ органическую энергію рода. И дѣйствительно, у всѣхъ исторически извѣстныхъ націй мы наблюдаемъ, что *историческіе роды угасаютъ въ нихъ гораздо ранѣе, нежели не историческіе*,—и это внѣшнимъ образомъ выражается въ томъ, что подобныя націи продолжаютъ еще долго существовать какъ этнографическій матеріалъ послѣ того, какъ собственно исторія ихъ уже закончилась. Хорошимъ примѣромъ этого могутъ служить Греки, которые существуютъ двѣ тысячи лѣтъ какъ этнографическій матеріалъ, не произведя за это время ни одной геніальной личности, хотя прошедшее ихъ родины и стоитъ передъ ними какъ великій руководящій примѣръ и образецъ; а ранѣе, въ теченіе немногихъ сотъ лѣтъ своей исторіи и безъ всякаго руководящаго примѣра, они выдвинули изъ себя на всѣхъ разнообразныхъ поприщахъ политической, умственной и художественной жизни великія дарованія. Яркость и красота созданнаго этими даровитыми личностями, очевидно, истощила энергію нѣсколькихъ историческихъ родовъ, и они угасли; а остальные роды продолжаютъ до

сихъ поръ существовать, потому что они ничего выдающагося не создали и не совершили. Органическая энергія въ нихъ сохраняется, потому что она ни во что́ не переходитъ; а тамъ, преобразовавшись въ психическое творчество, она исчезла.

Замѣтимъ, что въ каждомъ родѣ, будетъ-ли онъ историческій или нѣтъ, органическая энергія есть количество постоянное—однажды (въ актѣ рожденія отъ предка) установившееся, и поэтому она распредѣлена въ немъ такимъ образомъ, что всякое наростаніе ея въ одной личности сопровождается умаленіемъ во всѣхъ другихъ. То-есть, разъ въ психическомъ творчествѣ или въ исторической дѣятельности она истощается, преобразуясь, — ея остается уже очень немного въ историческихъ родахъ передъ моментомъ ихъ угасанія. Это мы и наблюдаемъ въ нихъ дѣйствительно: послѣдніе представители историческихъ родовъ являютъ собою такія черты психической малоспособности, которыя ставятъ ихъ настолько же ниже обыкновеннаго уровня людей, насколько ихъ предки стояли выше этого уровня; и какъ тѣ возвышали свой народъ и вели его за собою по историческому пути, такъ эти пятнаютъ собою исторію, нѣкогда возвеличенную ихъ родоначальниками, и вносятъ въ нее своею дѣятельностью хаосъ и разрушеніе. Не силой характера своего вносятъ они его, но именно малоспособностью психическою, которая проявляется въ сферѣ умственной — безсмысліемъ, въ сферѣ чувства — отсутствіемъ всякаго живого порыва, въ сферѣ воли — безхарактерностью. Неудача сопутствуетъ всякому ихъ замыслу, нелѣпо задуманному или нелѣпо выполненному; и они невольно сходятъ съ исторической сцены, отдаваясь исключительно частной жизни, какъ требующей менѣе силъ; но и въ ней, обладая еще высокимъ положеніемъ и часто богатствомъ, они производятъ только низкое или преступное. Черты нравственнаго идіотизма проступаютъ въ образѣ ихъ жизни—въ томъ, чего они желаютъ или чѣмъ удовлетворяются; и, не нося въ себѣ никакой задержки и только опасаясь карающаго закона, они втайнѣ развертываютъ свои извращенныя и потухающія страсти безъ какой-либо жалости къ людямъ, безъ какого-либо укора совѣсти. Съ тѣмъ вмѣстѣ робость и безволіе постоянно сопутствуютъ имъ, и кто имѣетъ въ себѣ силу душевную—можетъ безъ опасенія гнести ихъ всяческимъ униженіемъ. Ненавидя и боясь, они все ниже и ниже склоняются передъ сильнымъ и, несмотря на величайшее тщеславіе, переносятъ даже смѣшное. И однако, въ силу этого же тщеславія, они все еще пытаются выйти изъ сферы частной жизни: политическая для нихъ невозможна — она требуетъ энергіи въ самый моментъ дѣйствія, сейчасъ же, на что́ они не могутъ рѣшиться; и вотъ они отдаются занятіямъ наукой, искусствомъ и литературой — и вносятъ въ нихъ разложеніе и смерть, какъ и во все, къ чему прикасаются,—сами едва ходящіе мертвецы.

Мѣсто поэзіи занимаетъ холодная реторика и противоестественное словоизвитіе; наука становится безсмысленнымъ собираніемъ незначительныхъ фактовъ и ненужныхъ свѣдѣній; наконецъ, живопись, скульптура и архитектура становятся вычурными и смѣшными. Отсутствіе чего-либо простого, яснаго и добраго есть общая и постоянная черта этого творчества. Не понимая сущности явленія, которое передъ ними совершается, оставшіеся истинные поэты думаютъ остановить его неудержимый ростъ—и возникаетъ новый родъ литературы, сатира — самый безплодный и ненужный изо всѣхъ. Ее привѣтствуютъ всѣ; отъ нея ожидаютъ, что она что-то поправитъ въ непоправимомъ; улучшитъ, когда можно было бы только пересоздать; но, какъ само собою разумѣется, всѣ эти ожиданія бываютъ напрасны. Поношенные читатели ея, какъ и во всемъ другомъ, стараются и въ ней превзойти всѣхъ другихъ. Понимая во всемъ только внѣшнее, они придумываютъ самые необыкновенные пороки и выказываютъ отвращеніе къ нимъ въ самыхъ длинныхъ словахъ. Каждое изъ нихъ чрезвычайно сильно, и они утѣшаются, что превзошли свои образцы и стяжали уже безсмертіе; а поздній читатель ихъ, удивляясь странному сочетанію необыкновенныхъ выраженій, съ любопытствомъ всматривается въ больной умъ и больное сердце, въ которыхъ могло все это зародиться.

Римское общество временъ имперіи (и въ частности—сословіе сенаторовъ) можетъ пояснить все сказанное. Едва-ли нужно говорить, что въ появленіи подобнаго общества лежитъ роковая необходимость для всякаго историческаго народа, и онъ также долженъ готовиться къ нему, какъ всякій живущій человѣкъ, а не искусственный автоматъ, долженъ готовиться къ старости и смерти. Оно составляетъ великое бремя для народа, обыкновенно еще здороваго въ это время въ своихъ глубокихъ нѣдрахъ; но какъ нѣкогда онъ принималъ отъ его предковъ все великое и благодѣтельное, такъ теперь долженъ перенести съ мудрымъ терпѣніемъ все нелѣпое и дурное. Стѣсненіе по возможности ихъ свободы, уничтоженіе чего-либо привиллегированнаго въ ихъ положеніи, чѣмъ обычно пользуются еще они по наслѣдію,—есть только необходимая мѣра самосохраненія отъ нихъ, и она должна быть принята; но затѣмъ они должны быть окружены вниманіемъ, заботой и состраданіемъ, не потому, чтобы заслужили все это—сами они ничего уже не могутъ заслужить, но только изъ уваженія и благодарности къ памяти ихъ предковъ. Въ соотношеніи, которое разбираемъ мы, раскрывается великій смыслъ и глубокая справедливость аристократическихъ формъ общества: кто принимаетъ доброе — долженъ принять и злое, и кто отдаетъ все народу, даже жизнь и счастье своего рода — долженъ надѣяться современемъ и получить что-нибудь, хотя бы простое милосердіе къ своему бѣдствію.

XXIV.

Моменты временнаго пониженія духовной жизни и окончательнаго паденія историческихъ націй также находятъ свое объясненіе въ этомъ соотношеніи. Уже давно замѣчено, что за каждымъ великимъ усиліемъ и высокимъ подвигомъ, который совершаетъ какой либо народъ въ своей исторіи, слѣдуетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ упадка его духовныхъ и политическихъ силъ. Поразительный примѣръ этого представляетъ Италія послѣ Возрожденія наукъ и искусствъ и Германія послѣ эпохи Реформаціи: на всемъ протяженіи этихъ странъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ не выходитъ изъ нѣдръ народа не только ни одного великаго дарованія; но, слѣдя за наукой, за характеромъ общества, за церковью и политикой, мы съ удивленіемъ видимъ повсюду такую посредственность ума и слабость характеровъ, какой не находимъ у тѣхъ же народовъ въ самыя незначущія, среднія эпохи ихъ жизни. То же можно сказать объ Испаніи послѣ вѣка Филиппа II и Сервантеса, когда она стояла во главѣ великаго движенія католицизма противъ реформаціи и героически боролась съ мусульманскимъ Югомъ и Востокомъ; это же наблюдаемъ мы и въ Россіи въ три послѣднія четверти XVIII вѣка, слѣдовавшія за эпохой преобразованій ея Петромъ Великимъ и его сподвижниками. Историки долго и всегда напрасно отыскивали причины для этихъ временныхъ паденій и не находили ничего другого въ объясненіе, кромѣ сѣтованій на деспотизмъ государей или на упадокъ образованія, дурное состояніе школъ и испорченность нравовъ; но, конечно, это только тѣ же проявленія упадка, для котораго ищется объясненіе,—это есть для всѣхъ очевидное слѣдствіе, а не искомая его причина. Въ распредѣленіи органической энергіи, которая, сосредоточиваясь въ одномъ пунктѣ, ослабѣваетъ во всѣхъ ближайшихъ, лежитъ истинная причина этихъ историческихъ явленій. Великое усиліе въ сферѣ политики, религіозныхъ идей или искусства настолько истощаетъ силы націи, или, что́ то же, родовъ, ее составляющихъ собою, что въ теченіе ряда десятилѣтій ея едва хватаетъ на повтореніе поколѣній, въ которыхъ психическая жизнь тускла, просвѣчиваетъ сквозь организацію менѣе, нежели какъ она свѣтитъ въ обыкновенномъ нормальномъ человѣкѣ. И только когда проходитъ достаточное время отдыха, снова и безъ всякой видимой причины начинается для націи духовное пробужденіе. Такъ называемый «періодъ бурныхъ стремленій» въ протестантской Германіи есть, кажется, самый типичный и, можетъ быть, самый прекрасный примѣръ подобнаго пробужденія; у насъ мы наблюдаемъ его въ радостномъ оживленіи общества и литературы въ началѣ царствованія Александра I. Насколько незначущи при этомъ бы-

ваютъ внѣшнія причины, это можно видѣть изъ того, что духовное творчество нашего общества все возрастало, несмотря на гнетъ его при Аракчеевѣ, а въ царствованіе Николая I стало классическимъ по красотѣ и достоинству своихъ созданій.

Психическое творчество человѣка также относится къ органической энергіи, которою физически живетъ онъ, какъ цвѣтъ и плодъ дерева относятся къ его растительнымъ силамъ. Несмотря на полное несходство одного и другого во внѣшнихъ чертахъ, по взаимной ихъ обусловленности мы заключаемъ, что они суть двоякое выраженіе чего-то одного. И дерево, какъ человѣкъ, принеся плодъ, ослабѣваетъ на время; и для него наступаетъ зимній сонъ, во время котораго оно перестаетъ расти. И замѣчательно, что чѣмъ обильнѣе было цвѣтеніе, тѣмъ сильнѣе бываетъ наступающая слабость. Опытные садовники, зная это соотношеніе, обрываютъ завязывающійся цвѣтъ растенія, ранѣе чѣмъ онъ распустится и принесетъ плодъ. Этимъ они сохраняютъ растенію его силы и удлиняютъ жизнь его. Но въ исторіи, какъ и въ безъискусственной природѣ, все развивается свободно, подчиненное только великимъ законамъ своимъ. Однако, это не мѣшаетъ намъ наблюдать надъ нею и, открывая эти законы, вдумываться въ ихъ глубокій смыслъ.

Есть даже растенія, которыя цвѣтутъ только однажды и, принеся плодъ, умираютъ. Этотъ примѣръ удобенъ для того, чтобы, снова возвратившись къ исторіи, сказать еще нѣсколько пояснительныхъ словъ объ умираніи историческихъ народовъ. Если всякій подъемъ въ народѣ психическаго творчества вызываетъ упадокъ его силъ на болѣе или менѣе продолжительное время, то рядъ этихъ подъемовъ (какъ въ новой европейской исторіи) или постепенное и непрерывно возрастающее творчество, разрѣшающееся наконецъ множествомъ самыхъ чудныхъ созданій, появляющихся почти одновременно (какъ въ античной исторіи), совершенно истощаетъ его силы и производитъ его окончательное угасаніе. Только масса простого народа, которая, ежедневно физически трудясь, не имѣла никакой возможности преобразовать свою органическую энергію въ психическую, остается жизненною и продолжаетъ существовать какъ этнографическій матеріалъ; историческіе же роды, то-есть совокупность высшихъ классовъ, едва продолжаютъ влачить свое существованіе. Они уменьшаются даже количественно, потому что рожденія численно уже не покрываютъ умираній. Гордые и замкнутые еще болѣе, чѣмъ прежде, эти классы раскрываются и, хотя съ отвращеніемъ, принимаютъ въ себя частицы простого, жизненнаго народа (Спарта, Аѳины, Римъ); изъ нихъ именно происходятъ въ это время всѣ замѣчательные люди (напр., лучшіе римскіе императоры, римскіе полководцы временъ переселенія народовъ, и пр.). Но появленіе этихъ выдающихся личностей стано-

вится все болѣе и болѣе рѣдкимъ, потому что частицы простого народа, допускаемыя въ себя высшими классами, никогда не бываютъ значительны. Между тѣмъ слабость и малоспособность этихъ классовъ все возрастаетъ. Лежа на народѣ, какъ бремя, они только разлагаютъ тѣ слои его, которые непосредственно съ ними соприкасаются, но уже не могутъ оказать ему ни въ чемъ помощи, не въ состояніи повести его ни къ чему трудному, какъ бы оно ни было необходимо. Съ ними и черезъ нихъ народъ и государство становятся беззащитными среди окружающихъ. свѣжихъ племенъ и, въ концѣ концовъ, поглощаются имп; подобно тому, какъ великіе остатки какого-нибудь жилища, въ которомъ лежитъ только трупъ того, кто нѣкогда соорудилъ его, жилъ въ немъ и защищалъ его, растаскиваются на потребности свои случайными пришельцами. Зрѣлище такого постепеннаго поглощенія представляетъ собою Римъ временъ паденія Западной имперіи: покорившій нѣкогда всѣ народы, онъ былъ растоптанъ по частямъ дикими полчищами германцевъ, даже именъ предводителей которыхъ мы большею частью не знаемъ.

XXV.

Здѣсь же лежитъ объясненіе генія. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ людей, которые являются промежуточными въ исторіи, только продолжаютъ въ ней или подготовляютъ, онъ является въ ней, всегда и одинъ, *заканчивающимъ*. Длинный процессъ какого-нибудь развитія, въ каждомъ звенѣ котораго мы открываемъ что-нибудь ясно недостающее, около котораго трудились безчисленные умы разной силы,—вдругъ замыкается созданіемъ, передъ которымъ мы останавливаемся, удивленные, и полнота внутренняя, гармонія частей, отсутствіе чего-либо недостающаго есть главное, что̀ поражаетъ насъ въ немъ. Это придаетъ подобному созданію *предѣльность*: созерцая его, мы чувствуемъ, что за границы его совершенства нельзя переступить и, пытаясь повторить его въ своемъ творчествѣ или подражать ему,—создаемъ только уродливое. Видя это, мы называемъ его идеаломъ, какъ вѣчно достигаемымъ и никогда недостижимымъ. Ощущеніе странной тоски есть, кажется, главное и самое общее, что мы испытываемъ, созерцая его: оно влечетъ насъ въ какую-то область, темную и загадочную, о которой мы раньше ничего не думали, и вдругъ чувствуемъ въ ней, въ ея странной и обаятельной глубинѣ, что-то самое близкое и родное, отъ чего мы только уклонились забывшись, но куда намъ нужно непремѣнно идти, оставивъ все нужное, чѣмъ раньше жили. Геніальное созданіе, къ какой-бы сферѣ оно ни относилось, есть какъ-бы лучъ, скользнувшій по землѣ изъ иныхъ и высшихъ міровъ; и люди тянутся къ нему, потому что и самая природа ихъ—то, что есть въ ней сокро-

веннаго и глубокаго, неяснаго для нихъ самихъ,—такъ же изъ высшихъ и иныхъ міровъ, сродство съ которыми они вдругъ познаютъ черезъ созерцаніе подобнаго созданія.

Уже давно замѣчено, что въ характерѣ генія лежитъ нѣчто особенное, что дѣлаетъ его непохожимъ на всѣхъ остальныхъ людей. И дѣйствительно, среди нихъ, лишь продолжающихъ исторію, онъ, заканчивающій ее, стоитъ одиноко; и нѣтъ ничего, что могло-бы разрушить положенную въ самомъ строѣ души преграду, которая отдѣляетъ его отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ живетъ, которые его окружаютъ, любятъ или ненавидятъ, но никогда не могутъ понять. Чаще всего онъ самъ не понимаетъ, что отдѣляетъ его отъ нихъ. Тщетно силится онъ переступить эту невидимую преграду, тянется ко всѣмъ радостямъ жизни, которыя такъ хорошо понимаетъ, которыя такъ любитъ, и которыхъ вкусить ему никогда не дано. Нѣтъ никакой въ немъ недовѣрчивости, и, видя души людей, какъ прозрачныя, онъ хочетъ ввести ихъ и въ свою душу, но здѣсь впервые чувствуетъ, что какое-то взаимное несоотвѣтствіе психическаго строя препятствуетъ этому. По мѣрѣ того, какъ проходитъ время, эта жажда человѣческой близости становится неутолимѣе, желаніе примкнуть къ чужой жизни—страстнѣе; онъ срываетъ съ себя все, что людямъ могло-бы показаться въ немъ страннымъ или враждебнымъ, глубоко хоронитъ всякое отличіе въ себѣ и хочетъ войти къ нимъ, какъ равный или низшій. Напрасныя усилія: своимъ проницающимъ взглядомъ онъ ясно видитъ, что даже жалкаго и смѣшного (какимъ они всегда любятъ ближняго, за что прощаютъ ему все глупое и даже злое) *его* они не любятъ; и смѣхъ, который онъ внушаетъ имъ собою, не есть смѣхъ примиряющій и сближающій, но враждебный и отталкивающій.

Эта глубокая отъединенность отъ людей, быть можетъ, становится, до нѣкоторой степени, побужденіемъ къ творчеству; видя напрасность всякаго усилія стать дорогимъ для нихъ при жизни, онъ хоть въ воображеніи своемъ хочетъ пережить это счастье, хотя въ далекихъ будущихъ временахъ; когда скроется его ненавистный для нихъ образъ и смѣнятся поколѣнія ихъ потомковъ, онъ начнетъ жить въ умѣ тѣхъ потомковъ своею мыслью, или въ ихъ сердцѣ—тѣми чувствами, которыя при жизни никогда не были раздѣлены. Пусть они будутъ костью не отъ его кости и плотью не отъ его плоти, но эта чужая плоть и кость приметъ въ себя его душу—онъ убьетъ въ нихъ то, что есть въ нихъ чужого, и поселитъ свое, чему не могъ найти мѣста при своей жизни. И въ то время, какъ могилы ихъ отцовъ будутъ забыты ими, онъ самъ, забытый этими отцами, привлечетъ къ своей могилѣ, хотя въ позднія времена, ихъ потомковъ; и они понесутъ на нее всѣ свои тревоги и радости, всѣ мучительные вопросы своей мысли и сокровенныя надежды своего сердца. И оставятъ все, что завѣщали имъ отцы ихъ, чѣмъ

жили тѣ отцы и что копили для своего потомства; и пойдутъ туда, куда они не хотѣли вести ихъ—за звукомъ его имени, благословляя его память, осуществляя то именно, чего онъ такъ сильно и такъ напрасно желалъ при жизни.

Эта особенная и странная жажда жизни послѣ смерти—если не руководитъ геніемъ въ его творчествѣ, то, по крайней мѣрѣ, сопутствуетъ этому творчеству; и въ ней есть много темнаго и загадочнаго: какъ-будто какое-то отвращеніе совершенной души къ несовершеннымъ, и отсюда желаніе погасить въ нихъ жизнь—содержится въ этомъ чувствѣ, почти преступномъ. Совершенная мысль генія, завѣщанная имъ въ трудахъ его, въ самомъ зародышѣ убиваетъ тысячи мыслей въ милліонахъ чужихъ душъ, вырываетъ еще не взросшую жатву и вмѣсто всего разнообразія, какое она представила-бы собою, разрастается великимъ, но одинокимъ деревомъ. Во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ совершенствомъ, которое вноситъ геній въ духовный міръ людей, онъ вноситъ въ него и нѣкоторый уклонъ къ единству; вмѣстѣ съ радостнымъ и близкимъ, что несетъ его трудъ людямъ, онъ несетъ въ себѣ и нѣчто губительное. И въ ту особенную тоску, которую испытываютъ люди, созерцая геніальное созданіе,—быть можетъ, не малою долей входитъ тоска по своей жизни, по тому не взросшему міру темныхъ мыслей и желаній, которыя никогда болѣе не пробудятся, обожженныя знойнымъ лучомъ совершеннаго созданія.

Чувство отъединенности своей отъ людей, сознаніе невозможности прикоснуться къ простымъ и тихимъ радостямъ земли, и это преступное желаніе погубить еще не родившуюся жизнь входитъ только частью, и притомъ не главною, въ то особенное и сумрачное настроеніе, которое уже въ древности было отмѣчено какъ постоянная черта генія. Изъ-за ощущенія несоотвѣтствія своего со всѣмъ живущимъ, встаетъ мало-по-малу иное ощущеніе въ немъ, въ которомъ содержится разгадка всего страннаго и непонятнаго, что отъ начала онъ чувствуетъ въ себѣ: это—ощущеніе близости смерти, гораздо болѣе ясное, чѣмъ у другихъ людей, и наступающее гораздо ранѣе, чѣмъ придетъ физическая смерть. Жалкое и напрасное усиліе отъ нея уклониться порождаетъ въ немъ эту странную жажду жизни послѣ смерти, въ душѣ хотя-бы иныхъ людей, но непремѣнно здѣсь, на землѣ; и ея же холодное вѣяніе и желаніе всякаго живого существа убѣжать отъ нея поселяетъ то враждебное между нимъ и другими людьми, чего не могутъ они объяснить себѣ, и что онъ не въ силахъ преодолѣть. Все закрыто отъ него на землѣ, все отъ него отдѣлено на ней; и только вѣчное небо сіяетъ надъ нимъ, съ нимъ однимъ не порвана его связь и соотношеніе. Онъ видитъ его тѣмъ ярче и тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ глубже смертный сумракъ, обволакивающій его со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной, и закрывающій отъ него все земное. Закрывая уста-

лые глаза на землю, покорившись особенностямъ своей природы, онъ какъ бы въ нѣкоторомъ видѣніи открываетъ ихъ въ небо; и тѣ высокія истины, которыя открываются ему тамъ, высшую и просвѣтленную красоту—все это онъ сводитъ на землю, едва пересиливая себя, чтобы черезъ внѣшній образъ или въ звукѣ словъ сдѣлать понятнымъ и воспріемлемымъ для людей то, что онъ созерцалъ безъ словъ и безъ образовъ.

XXVI.

И въ самомъ дѣлѣ, если для другихъ людей земная смерть наступаетъ лишь въ относительномъ, условномъ смыслѣ, то для генія она наступаетъ въ значеніи абсолютномъ и совершенномъ. Являясь промежуточнымъ звеномъ въ исторіи, каждый человѣкъ несетъ въ себѣ жизнь, принятую отъ другого, и, умирая, передаетъ ее своему преемнику; одинъ геній только принимаетъ, но уже никому не передаетъ жизнь: она угасаетъ въ немъ—для вѣчной жизни въ его созданіяхъ. Во всякомъ случаѣ, изъ сферы человѣческаго существа она уходитъ, теряетъ свою связь съ его образомъ. Какъ человѣкъ есть грань органическаго процесса, гдѣ онъ заканчивается, не продолжаясь далѣе, такъ геній есть грань и предѣлъ человѣчества, въ лицѣ котораго оно (частично) потухаетъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ для всякаго иного существа смерть есть только индивидуальное умираніе, только упаданіе отдѣльной волны въ воды океана, который самъ остается,—для генія смерть есть родовое, и даже болѣе органическое умираніе: въ немъ не волна всплеснувшая упадаетъ, а пересыхаетъ самъ великій океанъ. Отсюда понятно то особенное чувство, которое онъ несетъ въ себѣ, и особенное и странное ощущеніе, которое испытываютъ всѣ, кому случится соприкоснуться съ нимъ. Его внутренній міръ не похожъ на внутренній міръ другихъ людей, и судьба его иная, чѣмъ ихъ; есть дѣйствительно несоотвѣтствіе въ ихъ психическомъ строѣ.

Внѣшнимъ образомъ это выражается въ томъ, что въ геніи заканчивается родъ, его породившій, вся энергія котораго безъ остатка преобразуется въ его психическое творчество. Если мы возьмемъ важнѣйшія сферы историческаго созиданія и выдѣлимъ всѣхъ великихъ людей, трудомъ которыхъ они воздвиглись, то замѣтимъ, что ни въ одномъ изъ этихъ людей не было нарушено раскрываемое нами соотношеніе между силой индивидуальнаго творчества (духовнаго) и слабостью родоваго (физическаго). Именно, всякій разъ, когда творчество было безусловно геніально—безусловно пресѣкался въ творящемъ родъ его; а когда оно было близко къ геніальному—родъ продолжался, но или только въ лицѣ женскаго потомства, то есть не несущаго въ себѣ энергіи дальнѣйшаго органическаго созиданія, или, если и въ мужскомъ, то въ

чрезвычайно хиломъ, малоспособномъ физически и духовно, рѣдко достигающемъ полныхъ лѣтъ и обыкновенно угасающемъ въ первомъ же колѣнѣ. Въ политической исторіи этимъ объясняется, почему за всѣми великими царствованіями слѣдуютъ или междоусобія (въ случаѣ совершеннаго прекращенія династіи въ лицѣ великаго государя), или чрезвычайное замѣшательство, ухудшеніе и даже остановка всѣхъ дѣлъ (въ случаѣ продолженія династіи въ лицѣ малоспособныхъ преемниковъ великаго государя). Достаточно указать на судьбу Греціи послѣ Александра Великаго, Рима—послѣ Цезаря, средней Европы—послѣ Карла Великаго, Россіи—послѣ Іоанна IV и Петра I-го, чтобы объяснить мысль, которую мы высказываемъ и для полнаго подтвержденія которой нужны бы обстоятельныя историческія изслѣдованія, здѣсь неумѣстныя. Но мысль эта находитъ еще болѣе подтвержденія, если отъ политическаго творчества мы обратимся къ чисто духовному: Фидій, Рафаэль и Бетховенъ въ сферѣ искусства, Платонъ и Аристотель, Декартъ и Бэконъ, Спиноза, Лейбницъ и Кантъ въ сферѣ чистой мысли, Коперникъ, Кеплеръ и Ньютонъ въ сферѣ точнаго знанія, и почти всѣ великіе поэты—оправдываютъ въ высшей степени это соотношеніе, въ размѣрахъ дарованія своего и отсутствіи или слабости потомства представляя всѣ оттѣнки, всѣ переливающіяся степени этого соотношенія. Нельзя указать въ исторіи ни на одинъ родъ, который выдержалъ бы появленіе двухъ геніальныхъ въ себѣ личностей; если онъ заканчивается высокими дарованіями и ихъ нѣсколько—они только талантливы (семья Баховъ въ музыкѣ); геній же истинный всегда и совершенно истощаетъ въ себѣ силы своего рода, и онѣ должны быть значительны и ранѣе нисколько не растрачены въ исторической дѣятельности, чтобы онъ былъ дѣйствительно великъ. Этимъ объясняется, почему въ моментъ высшаго разцвѣта національной жизни, когда появляется столько геніальнаго въ ней, на историческую сцену вдругъ выступаютъ *новые* роды, ничѣмъ особеннымъ ранѣе не проявившіе себя, хотя бы высокіе по общественному положенію (напр., Кай Гракхъ, Сулла и Цезарь въ Римѣ), и они совершенно затмеваютъ собою старые *дѣятельные* роды (родъ Фабіевъ въ Римѣ): эти послѣдніе въ долгомъ историческомъ трудѣ уже настолько истощили свою энергію, что хотя и теперь еще продолжаютъ выдѣлять изъ себя даровитыя личности, но уже не могутъ, какъ прежде, вести впередъ исторію. Ее ведутъ въ этотъ послѣдній моментъ и заканчиваютъ геніи, въ духовныхъ силахъ которыхъ сосредоточена нерастраченная энергія дотолѣ неизвѣстныхъ родовъ, и она растрачивается въ нихъ одновременно и вся, потому что и роды эти, произведя геніальную личность, угасаютъ съ нею или вокругъ нея, лишь недалеко отойдя отъ нея во времени.

Есть много мелочныхъ, но любопытныхъ чертъ и въ физиче-

ской организаціи, и въ частной, внутренней жизни каждаго геніальнаго человѣка, которыя всѣ подтверждаютъ только что высказанный взглядъ на него. Подобно тому, какъ въ органической природѣ натуралисты замѣчаютъ, что жизненная энергія, уже выразившаяся въ одной формѣ красоты, не выражается ни въ какой другой ея формѣ, вслѣдствіе чего, напримѣръ, красота оперенія у птицъ не совпадаетъ со звучностью голоса; такъ и въ чертахъ генія, красотою созданій котораго мы любуемся, мы видимъ часто померknувшей обыкновенную физическую красоту. И если, пораженные этимъ явленіемъ, мы глубже будемъ всматриваться въ черты его лица, мы откроемъ въ нихъ не только отсутствіе красиваго, но часто и присутствіе чего-то отвратительнаго, отталкивающаго (напр., лицо Декарта или еще Канта). Тусклый, чаще всего неподвижный взглядъ, непріятное сложеніе рта, наконецъ, какъ замѣчаютъ многіе, нарушеніе самой симметріи въ строеніи лица (неполное подобіе правой и лѣвой стороны его)—все это вскрываетъ передъ нами самую глубь генія, въ которомъ органическій строй человѣческаго тѣла уже пошатнулся, ослабѣлъ центръ его и не сдерживаетъ болѣе въ гармоніи соотвѣтствующихъ другъ другу частей,—все полно смерти и разрушенія.

XXVII.

Если, вчитываясь въ біографіи великихъ людей, мы обратимъ вниманіе на возрастъ, въ которомъ возникли ихъ великія созданія, мы съ новой стороны увидимъ подтвержденіе всего сказаннаго. Несомнѣнно, что самое выполненіе этихъ созданій, техника творчества есть нѣчто второстепенное и незначущее сравнительно съ самымъ замысломъ ихъ; и въ этомъ отношеніи представляетъ величайшую важность точное опредѣленіе времени, когда возникъ этотъ послѣдній по отношенію къ каждому единичному произведенію. Насколько мы имѣемъ въ точныхъ біографическихъ данныхъ подобныя опредѣленія, они относятъ возникновеніе всѣхъ великихъ замысловъ, исполненіе которыхъ видѣла исторія, ко времени *первой молодости* геніальныхъ людей; позднѣе 30 лѣтъ едва-ли была создана хоть одна великая идея, задуманъ политическій планъ или вспыхнулъ образъ художественнаго созданія. Съ этого времени, обыкновенно наступаетъ уже исполненіе замысла—то, что мы назвали выше техникой творчества—Гете и Ньютонъ, глубина созданій которыхъ, казалось бы, безусловно исключаетъ всякое представленіе о молодости, въ дѣйствительности именно въ этомъ возрастѣ задумали—первый своего «Фауста», а второй—всѣ свои великія теоріи, и между ними теорію всемірнаго тяготѣнія; великія же открытія его въ математикѣ (теорія флюксій, биномъ и др.) всѣ сдѣланы были приблизительно на 23 и 24 годахъ жизни. Въ

этомъ же, приблизительно, возрастѣ Декартъ открылъ аналитическую геометрію и принципы новой философіи; Бэконъ задумалъ Novum Organon; немного старше этихъ лѣтъ Рафаэль и Моцартъ сошли въ могилу, создавъ рядъ твореній, которыя впервые шевельнулись въ нихъ, въ неясномъ образѣ, безъ сомнѣнія въ годы почти еще отрочества. Какъ будто какое-то глубокое и скрытое колебаніе происходитъ въ организаціи геніальнаго человѣка въ возрастъ, когда обыкновенно наступаетъ для человѣка время физической (половой) зрѣлости; станетъ-ли онъ, въ ряду другихъ людей, только продолжателемъ своего рода или создастъ чудныя произведенія въ сферѣ мысли, искусства или политики—все это опредѣляется въ этотъ моментъ, все остается скрытымъ до времени, пока не наступитъ разрѣшеніе указаннаго колебанія. Что обусловливаетъ это рѣшеніе въ одну или другую сторону—мы даже и догадываться не можемъ. Но вотъ оно совершается; вся органическая энергія, именно теперь достигшая полнаго внутренняго напряженія и уже готовая-бы передаться въ томъ-же видѣ потомству, вмѣсто этого черезъ какой-то неизслѣдимый актъ преобразуется въ психическую; и, въ одно время, и потухаетъ въ немъ родъ, и зарождаются чудные замыслы будущихъ твореній.

Есть только одна черта, которая отличаетъ геніальное созданіе отъ всѣхъ другихъ, не геніальныхъ, того же рода: оно полно жизни, оно неугасимо живетъ среди людей, сковывая ихъ мысль своею мыслью, порабощая ихъ чувство въ немъ разлитымъ чувствомъ, покоряя ихъ волю, если относится къ сферѣ политики, нравственности или права. Никогда даже не пытались опредѣлить, откуда истекаетъ эта особенная жизненность всего геніальнаго. Но послѣ всего изложеннаго выше это должно быть ясно: оно несетъ въ себѣ жизнь безчисленнаго ряда людскихъ поколѣній, которыя не произойдутъ больше, которыя угасли, не появившись—для вѣчной жизни въ объектированномъ созданіи. Тотъ, въ комъ произошло это странное, глубокое и таинственное явленіе, имя кого не сойдетъ болѣе съ устъ людей, самъ стоитъ среди нихъ, погруженный въ себя, съ потухающимъ взглядомъ, и они называютъ его геніемъ.

XXVIII.

Если-бы мы захотѣли дать себѣ отчетъ, что́ между геніальными созданіями человѣка есть самое вѣковѣчное и наиболѣе достойное, то, послѣ нѣкотораго колебанія, безъ сомнѣнія назвали бы сферу религіознаго и нравственнаго. Если другими созданіями генія человѣкъ наслаждается и, наслаждаясь, тоскуетъ по какомъ-то и далекомъ и близкомъ мірѣ, который ему, однако, не открывается въ нихъ,—то, встрѣтивъ религіозное или нравственное, онъ вдругъ перестаетъ искать иныхъ и закрытыхъ міровъ, о которыхъ онъ

почему-то знаетъ; начинаетъ любить это религіозное и сливается съ нимъ такъ тѣсно своею душой, что всегда почти предпочитаетъ разстаться со своею жизнью, нежели разстаться съ нимъ. Преобразуется-ли при этомъ душа его, или именно оно, это религіозное, и становится самою душой въ немъ—объ этомъ мы не можемъ судить; но только исторія свидѣтельствуетъ намъ всѣмъ своимъ содержаніемъ, что хотя ни въ какой религіи не говорится ни о чемъ осязаемомъ и грубо извѣстномъ, хотя никому она не обѣщаетъ никакихъ благъ и особенно—благъ земныхъ, такъ же осязаемыхъ и уже, несомнѣнно, извѣстныхъ—однако цѣлые народы поднимались на защиту того, что въ этой сферѣ они считали истиннымъ, и погибали безъ какого-бы то ни было сожалѣнія о томъ, что гибнутъ. Напротивъ, ихъ лица свѣтились радостью, они благословляли свою смерть за такое дѣло и умирали съ надеждою на какую-то иную и вѣчную жизнь. Въ религіи то, что наступаетъ для человѣка за гробомъ, и есть именно самое значущее и важное; земная-же жизнь человѣка есть только ничтожный обрывокъ цѣлаго, неимѣющій внѣ отношенія къ нему никакой важности. Равно и все, что онъ создаетъ въ этой жизни геніальнаго или вульгарнаго, чему хочетъ и пытается придать значеніе абсолютнаго—религіею разсматривается, какъ второстепенное и временное; а главное—она учитъ—тамъ, за гробомъ, куда не унесетъ человѣкъ созданій своего генія, куда онъ уйдетъ *одинъ*, оставивъ по сю сторону все, что его такъ радовало или забавляло при жизни.

И удивительно, что всѣ эти ученія о томъ, о чемъ никакое внѣшнее чувство и никакой предметъ не говорятъ человѣку, онъ принимаетъ съ совершенною твердостью и повсемѣстно. Соберите передъ нѣсколькими простыми людьми, вѣчно жившими только грубымъ опытомъ, тѣснымъ знаніемъ окружающаго, толпу ученыхъ, и если они станутъ имъ говорить о томъ, что земля есть шаръ, который они объѣхали кругомъ, сперва какъ бы спустившись внизъ и потомъ поднявшись вверхъ, — слушающіе найдутъ это мало вѣроятнымъ и не повѣрятъ, найдутъ противорѣчіе съ этимъ въ своемъ ежедневномъ опытѣ и отвергнутъ какъ *чудесное и невозможное.* Но вотъ передъ эту же толпу людей приходитъ человѣкъ, почти столь же простой, какъ они сами, и начинаетъ говорить имъ о томъ, что когда человѣкъ умретъ, и всѣ видятъ его трупъ, онъ въ сущности не умираетъ, но только переходитъ въ иную жизнь, радостную и вѣчную; и та же толпа, которая на увѣренія ученыхъ упорно и тупо молчала, услышавъ эти совершенно необыкновенныя слова, радостно и твердо говоритъ: «да, это такъ, это будетъ», хотя совершенно не знаетъ, какъ это будетъ, и почему, и гдѣ эта удивительная жизнь за гробомъ. Какое странное различіе въ воспріятіи истинъ равно маловѣроятныхъ, равно неизвѣстныхъ изъ окружающаго, и гдѣ причина этого различія — подумано-ли объ этомъ достаточно?

Итакъ, мы должны признать существованіе въ человѣкѣ нѣкотораго темнаго инстинкта, гдѣ хранятся его религіозныя влеченія или идеи, и который до времени остается какъ бы безжизненнымъ, но пробуждается на встрѣчу идеямъ и влеченіямъ, идущимъ извнѣ. У однихъ людей этотъ инстинктъ находится какъ бы въ скованномъ состояніи и его содержаніе скудно, у другихъ же онъ полонъ жизненности и обиленъ по содержанію; но по чрезвычайной его распространенности въ родѣ человѣческомъ — мы должны думать, что совершенно нѣтъ людей, у которыхъ бы онъ отсутствовалъ, хотя и есть между ними вполнѣ отвергающіе религію. Какъ у слѣпорожденныхъ и глухихъ мы находимъ органы зрѣнія и слуха, но только недоразвитыя и отъ этого одного не дѣйствующіе,—такъ и у людей, искренно и правдиво говорящихъ, что они не чувствуютъ въ себѣ ничего религіознаго, объективно мы должны признать существованіе этого общаго человѣчеству инстинкта, но лишь въ состояніи зачаточномъ, болѣзненно недоразвившемся, который потому и не дѣйствуетъ.

Его проявленіе въ исторіи образуетъ то, что мы называемъ религіями; но, конечно, разсѣянныя черты религіознаго проникаютъ всю жизнь человѣка, сопутствуютъ словамъ его и поступкамъ, когда они и не имѣютъ прямаго отношенія къ религіи. Каждое доброе чувство къ ближнему, радость на чужое счастье, высказываніе правды, когда оно почему-либо трудно—все свѣтлое и, мы готовы сказать, истинно жизненное на землѣ есть религіозное; все то, что успокаиваетъ нашу душу и исполняетъ ее чувствомъ счастья, совершеннаго и вѣчнаго удовлетворенія,—таково лишь въ силу религіозной природы своей.

Но это—только черты религіознаго, то-есть отдѣлившіяся части чего-то, что существуетъ и какъ цѣлое. Природа человѣческой души, ея существованіе за гробомъ и отношеніе тамъ къ чему-то высшему и безусловному, съ чѣмъ она имѣетъ какое-то сродство, неощутимую связь — вотъ что составляетъ это цѣлое, разсѣянныя черты котораго мы такъ любимъ въ своей жизни. Любопытно наблюдать, какъ неодинаково у различныхъ народовъ, населяющихъ землю, выражаются эти главныя, составныя части всякой религіи. По мѣрѣ того, какъ мы спускаемся къ низшимъ и низшимъ расамъ человѣчества, мы видимъ у нихъ религіозныя представленія все болѣе грубыми или недостаточными, съуживающимися и затемненными. Какъ будто то, черезъ что проходитъ въ человѣческую душу религіозный свѣтъ, становится все меньше по мѣрѣ того, какъ мы отходимъ назадъ въ исторіи или спускаемся внизъ по ступенямъ развитія человѣческаго рода; и уменьшенію этого свѣта повсюду сопутствуетъ возростаніе несовершенства человѣческой природы, какъ духовной, такъ и физической. Но окончательно этотъ свѣтъ нигдѣ не угасаетъ, и, можно сказать, гдѣ онъ начинается—тамъ начинается человѣкъ.

XXIX.

На различіе въ религіяхъ, которое породило столько неправильныхъ отношеній къ себѣ, мы должны смотрѣть какъ на степени, какъ на несовершенныя усилія слабой природы человѣка правильно отнестись къ тому, къ чему истинное отношеніе существуетъ одно. Ихъ содержимое—то, къ чему стремятся всѣ религіи, чего онѣ всѣ ищутъ,—есть одно для всѣхъ людей, и одинаково они чувствуютъ это, но по различію своей духовной организаціи, по не одинаковому уровню своихъ способностей не умѣютъ придать единство и общность выраженію своего чувства. Но такъ какъ правдивость, глубочайшая серіозность есть общая черта всякаго отношенія къ религіи, то каждое племя человѣческое, вмѣсто того, чтобы притворно поклоняться совершеннымъ способомъ, котораго оно не понимаетъ—у себя наединѣ, и скрываясь отъ взоровъ остальныхъ людей, поклоняется горестно и несовершенно, но правдиво и серіозно тому же высшему, чему поклоняются и всѣ люди, въ жалкой и неумѣлой формѣ. Тайное и глубокое сознаніе несовершенства своего поклоненія, вѣроятно, присуще всѣмъ низшимъ религіямъ, и отъ этого именно онѣ тщательно скрываютъ отъ другихъ народовъ точное знаніе себя, окутываются мракомъ и таинственностью. Если бы кто-нибудь, пріобрѣтя это точное знаніе о религіозныхъ представленіяхъ какого-нибудь племени, сказалъ людямъ, принадлежащимъ къ нему: «только-то вы понимаете о томъ существѣ, которому поклоняетесь—вотъ *все*, что я у васъ узналъ о немъ»,—они, безъ сомнѣнія, рѣзко отвергнули бы *полноту* его свѣдѣній, со стыдомъ и трепетомъ, но и съ ненавистью къ спрашивающему, который ихъ мучитъ за малоспособность—и въ ней они не виновны. Въ этомъ отрицаніи и высказалось бы признаніе несовершенства своего поклоненія, а въ этомъ стыдѣ и трепетѣ—чувство безпомощности своей подняться къ высшему и лучшему.

Нѣкоторое подобіе этихъ различій мы можемъ найти въ другихъ сферахъ человѣческаго творчества: всѣ люди имѣютъ нѣкоторыя геометрическія представленія (напримѣръ, что тѣла природы, кромѣ длины, ширины и высоты, не имѣютъ еще никакого четвертаго измѣренія), но не умѣютъ сколько-нибудь правильно выразить ихъ; другіе, уже наученные нѣсколько, умѣютъ выражать, хотя и не въ строго научной формѣ, ошибаясь и путая, свои геометрическія понятія, болѣе сложныя, чѣмъ тѣ, которыя знакомы всѣмъ людямъ; по мѣрѣ возрастанія годовъ ученія и въ мѣру способностей учащихся—эти знанія, ихъ точность и обширность возрастаютъ; но и тѣ, которые, отличаясь даже геніальными способностями, всю долгую жизнь свою посвящали изученію математики—знаютъ, что многое въ ней остается скрытымъ отъ нихъ. Итакъ, область дѣй-

ствительныхъ истинъ о пространствѣ и его формахъ неизмѣримо обширнѣе того, что́ усвоено и, можетъ быть, что́ усвоимо человѣкомъ. Такъ и въ сферѣ религіи полнота истины скрыта отъ человѣка, и даже части этой истины, однѣ данныя въ удѣлъ ему, онъ выражаетъ менѣе совершенно и болѣе совершенно, по мѣрѣ даровъ природы, которыми надѣленъ. Быть можетъ, еще ближе подойдетъ уподобленіе, взятое изъ сферы чувства: за то, что близко и дорого дикарю, что ему родно—онъ, какъ и высоко развитой человѣкъ, отдаетъ свою жизнь; но выразить свое чувство къ нему онъ не можетъ иначе, кромѣ какъ въ нѣсколькихъ бѣдныхъ словахъ, простыхъ и неукрашенныхъ, порою безсвязныхъ. Прислушайтесь же къ тому, что́ говоритъ объ этомъ самомъ дорогомъ существѣ высоко одаренный человѣкъ: онъ окружаетъ его поэзіей—то разсказываетъ о немъ вымыслы, то поетъ его въ пѣснѣ, то мудро разсуждаетъ о его значеніи. Однако чувство обоихъ, въ силѣ своей и достоинствѣ, остается одно.

Поэтому сознаніе своей ограниченности должно быть присуще каждому религіозному человѣку; и вмѣстѣ—чувство состраданія ко всему, что не можетъ воспринять религіознаго даже и въ той несовершенной формѣ, въ какой оно стало уже доступно ему. Полный примиренія взглядъ на всѣ религіи, радость религіозному чувству въ другомъ, въ какой бы неумѣлой формѣ оно ни выражалось, при совершенно твердой увѣренности, что истинная форма такого выраженія есть только одна—все это должно стать естественнымъ послѣдствіемъ такого живаго отношенія къ религіи и глубокаго сознанія человѣческой слабости.

XXX.

Важнѣйшее различіе между религіей и между другими сферами человѣческаго творчества заключается въ неодинаковомъ отношеніи ихъ къ своему объекту. Возьмемъ-ли мы искусство, государство, науку,—въ каждый моментъ своего существованія, въ каждомъ единичномъ своемъ проявленіи, они лишь слабо сознаютъ свое отношеніе къ общимъ и неподвижнымъ объектамъ, въ нихъ выражаемымъ: къ *красотѣ* въ самой себѣ, къ *благу* въ самомъ себѣ, къ *истинѣ* въ самой себѣ. Главное, значущее въ нихъ, есть они сами: *данное* учрежденіе или законъ, данное познаніе того или иного предмета, *эта* статуя, *эта* картина. Напротивъ, каждая религія и во всякій моментъ своего существованія бываетъ полна сознанія своего объекта — того Вѣчнаго Существа, къ которому она относится; и каждый отдѣльный актъ въ ней, каждый предметъ или явленіе въ ея сферѣ постоянно обращены бываютъ къ этому объекту, внѣ связи съ нимъ не имѣютъ вовсе никакого значенія. Такимъ образомъ, центръ, связующій и объединяющій всѣ порознь

созданія въ извѣстной области, слабъ повсюду, кромѣ религіи, и каждая такая область является передъ нами, какъ міръ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ предметовъ, но только сходныхъ между собою, напримѣръ скульптура—какъ рядъ скульптурныхъ произведеній, наука—какъ совокупность изслѣдованныхъ фактовъ, и также все прочее подобное. Въ религіи же этотъ связующій и объединяющій центръ могущественно господствуетъ надъ всѣми отдѣльными ея проявленіями, и о всякой религіи мы скажемъ, что она есть поклоненіе Богу, совершающееся такъ-то, но никогда не скажемъ, указывая на группу предметовъ (ритуалъ) или фактовъ (исторія), что они суть религія.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ о другихъ сферахъ творчества мы еще можемъ думать, что въ нихъ духъ человѣческій ищетъ выразить только богатство *своего* содержанія,—о религіи мы должны сказать, что въ ней духъ человѣческій *своего* ничего не имѣетъ—онъ только ищетъ, стремится. Въ ней мы открываемъ, наконецъ, объектъ, къ которому направляется психическая дѣятельность человѣка, здѣсь именно наиболѣе напряженная, самая прекрасная, вѣковѣчная. Самый характеръ этой дѣятельности здѣсь настолько измѣняется, что намъ странно назвать ее «творчествомъ», какъ мы называемъ ее всюду: дѣйствіе объекта становится такъ сильно и настолько ясно, что мы называемъ ее «воспріятіемъ».

Но здѣсь мы достигли границы какъ предмета, который изслѣдуемъ, такъ равно и самого изслѣдованія. Вѣчное солнце, скрытый центръ жизни, подъ далекимъ лучомъ котораго нѣкогда впервые шевельнулось вещество особенно и своеобразно, и затѣмъ потянулось къ нему куда-то, съ каждымъ шагомъ приближенія становясь все оживленнѣе и прекраснѣе—этотъ центръ намъ открывается, наконецъ, въ религіи, какъ объектъ ея. Безъ какого-либо перерыва, слѣдя за рядомъ восходящихъ существъ, развивающихся одно изъ другого, мы, наконецъ, достигли грани его—человѣка, на которомъ цѣпь органическаго восхожденія прерывается; но, достигнувъ этой грани, органическая энергія не останавливается, а, преобразовавшись въ психическую, является въ человѣкѣ, какъ сила по прежнему движущая и устрояющая, но уже не его самого, а его созданія. Слѣдя и здѣсь за восхожденіемъ, которое продолжается, какъ и прежде, но только съ иными внѣшними чертами и въ иной сферѣ, мы отмѣчаемъ, какъ предварительную ступень его—образованіе человѣческихъ расъ, и затѣмъ въ послѣдней и предѣльной изъ нихъ—кавказской, находимъ исторію. Въ этомъ новомъ и своеобразномъ явленіи природы процессъ восходящаго творчества выраженъ особенно ярко и рѣзко, и въ немъ появляется черта, которая впервые бросаетъ свѣтъ на общій смыслъ всего восхожденія, на его вѣроятный конечный исходъ: каждое поднятіе по ея ступенямъ, всякій актъ психическаго творчества сообразно мѣрѣ своей сопро-

вождается ослабленіемъ организаціи, изъ которой онъ исходитъ: человѣчество таетъ, восходя куда-то и по мѣрѣ того, какъ восходитъ. Находя различія въ силѣ и красотѣ творчества, мы отыскиваемъ высшую грань его, непереступаемый предѣлъ—въ геніальномъ; и, присматриваясь къ нему внимательнѣе, видимъ, что въ немъ завершается исторія и оканчивается человѣкъ: первая не восходитъ болѣе и физическія черты втораго расшатываются и гаснутъ. Сравнивая различныя сферы, гдѣ проявляется геній, съ цѣлью отыскать высшую между ними и въ ней снова открыть нить восхожденія, мы останавливаемся на религіозномъ, какъ высшемъ на землѣ и драгоцѣннѣйшемъ для человѣка. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, достигнувъ этой сферы, человѣкъ обнаруживаетъ безпокойство, силится освободиться отъ чего-то тягостнаго, сбросить съ себя что-то, и лишь на столько, на сколько не успѣваетъ въ этомъ, остается еще неудовлетвореннымъ. Чувство окончательной удовлетворенности есть самое замѣчательное и совершенно исключительное, что приноситъ съ собою человѣку религія, и этотъ фактъ полонъ самаго глубокаго смысла. Великій Гёте, счастливый и спокойный, какимъ мы привыкли считать его, сказалъ однажды, что если собрать всѣ минуты его жизни, когда онъ былъ счастливъ, то ихъ едва наберется нѣсколько часовъ. Какое грустное сознаніе, какая глубокая тайна всей жизни человѣка высказана въ этихъ немногихъ словахъ: какъ бѣденъ и жалокъ, какъ слѣпъ представится намъ этотъ прозорливецъ-геній, если мы сравнимъ его съ какимъ-нибудь убогимъ странникомъ безъ имени, который кажется долженъ-бы вѣчно проклинать судьбу свою, и вмѣсто этого—показываетъ намъ веселое лицо свое, говоритъ, что у него есть что-то, вслѣдствіе чего онъ никогда не можетъ быть несчастливъ.

Намъ остается сказать только нѣсколько словъ, чтобы закончить мысль свою. Если въ другихъ областяхъ творчества только созиданіе, но не воспріятіе созданнаго, вызываетъ въ большей или меньшей степени угасаніе физической организаціи человѣка, то въ сферѣ религіи не только созиданіе, но и всякое очень сильное воспріятіе созданнаго сопровождается подобнымъ угасаніемъ. И здѣсь лежитъ объясненіе *аскетизма*—этой особенности религіозной жизни, которая такою глубокою и рѣзкою чертой отмѣчаетъ всякое повышеніе религіознаго чувства, и такъ странна для всякаго внѣшняго наблюдателя, такъ необычайна въ исторіи. Аскетизмъ, налагаемый на себя человѣкомъ, есть лишь смутное предчувствіе глубочайшей тайны, заложенной въ существо его, только предвареніе вѣчной и необходимой судьбы его на землѣ. Достигнувъ своей цѣли, процессъ достиженія прекращается; когда она появляется—средства становятся болѣе не нужны и разсыпаются: таковъ общій законъ всякой цѣлесообразности, и онъ не нарушается въ человѣкѣ, какъ и нигдѣ въ мірозданіи.

На этотъ исходъ человѣческаго развитія мы не должны смотрѣть съ грустью, но радостно и съ надеждой: природа цѣлесообразности такова, что въ ней послѣдующее никогда не бываетъ низшее сравнительно съ предыдущимъ, и цѣль всегда лучше, нежели какое-либо изъ средствъ. Вотъ почему всякое сожалѣніе о разрушеніи послѣднихъ есть только ошибка чувства, не руководимаго мыслью. Нѣчто подобное тому глубокому явленію, которое совершается въ природѣ, когда органическая энергія преобразуется въ психическую, совершается безъ сомнѣнія и въ моментъ окончательнаго угасанія физической организаціи человѣка. Въ чемъ заключается это явленіе и какая иная и высшая форма существованія, нежели психическое, наступаетъ для человѣка за этимъ угасаніемъ—объ этомъ мы ничего не можемъ знать; но всѣ аналогіи въ природѣ заставляютъ предполагать ее, и объ ней говоритъ религія, какъ о чемъ-то свѣтломъ и радостномъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи объекта религіи къ объектамъ другихъ сферъ творчества. Истина въ самой себѣ, которую ищетъ человѣкъ въ знаніи; красота въ самой себѣ, которую онъ выражаетъ въ искусствахъ; добро въ самомъ себѣ, частицу котораго неполно и несовершенно осуществляетъ въ государствѣ— все это при сколько-нибудь внимательномъ анализѣ обнаруживаетъ себя, какъ свойство чего-то, а не какъ самостоятельное существо. И здѣсь, намъ думается, лежитъ объясненіе слабой связи этихъ сферъ творчества со своими объектами, которые всѣ суть только *признаки*. Если мы станемъ искать, что́ же связуетъ въ себѣ эти признаки, что является существомъ безусловно истиннымъ, безусловно благимъ и высшимъ нежели всякая красота,—то мы найдемъ, что, по общему сознанію всего человѣчества, оно есть то самое, на что указываетъ ему религія. Такимъ образомъ, объектъ этой послѣдней является, въ своихъ вѣчныхъ и безусловныхъ аттрибутахъ, объектомъ и всѣхъ иныхъ сферъ творчества человѣка въ исторіи, и что́ бы послѣдній ни совершалъ, къ чему-бы онъ ни стремился, зная или не зная, онъ всегда въ сущности стремится къ одному. Религія, поэтому, есть объединяющій центръ человѣческой жизни, и она остается таковою даже и тогда, когда ея имя не произносится. Можно идти къ предмету и не видя его; и всѣ тѣ, которые возставали когда-нибудь въ исторіи противъ религіи, насколько при этомъ искали истины—приближались къ ней. Но эта смѣсь истиннаго и ложнаго есть всегда свидѣтельство ограниченности человѣка: тѣ, которые были наиболѣе свободны отъ этой ограниченности, въ какой-бы сферѣ они ни трудились — всегда чувствовали этотъ общій центръ ихъ; отъ этого величайшіе художники были религіозными (Рафаэль, Мурильо); высшія произведенія зодчества суть храмы (Парѳенонъ, готическіе каѳедралы); и тѣ, которые были наиболѣе мудры изъ людей и раскрыли для чело-

вѣчества самыя глубокія тайны мірозданія, въ какое-бы время и средп какого народа они ни жили—всегда были религіознѣе своего времени и своего народа (Аристотель, Ньютонъ, Фарадэй). И можно вообще сомнѣваться, былъ-ли въ исторіи хотя одинъ человѣкъ, который при несомнѣнномъ величіи духовныхъ даровъ своихъ, и въ особенности при величіи мысли — въ то же время былъ бы не религіозенъ.

Мы коснулись внутренней стороны процессовъ природы, руководимые однимъ явленіемъ въ ней, самымъ глубокимъ и таинственнымъ — явленіемъ красоты. При этомъ мы обошли молчаніемъ проявленія ея въ холодной, безжизненной природѣ — самой темной въ мірозданіи, наиболѣе далекой отъ человѣка и всего менѣе для него постижимой со своей внутренней стороны.

Было бы несогласно съ требованіемъ осторожности, еслибы, оканчивая это изслѣдованіе, мы снова не оговорили той степени достовѣрности, которою обладаетъ оно: эта степень крайне недостаточна—она гораздо ниже той, какая всегда почти можетъ быть соблюдена при изслѣдованіи внѣшней стороны природы. Но въ той средѣ, гдѣ вращалось наше изслѣдованіе, и не остается ничего другаго сдѣлать, какъ только, введя свою мысль внутрь изучаемаго предмета и продолжая свободно и правильно раскрывать ее — смотрѣть: точно-ли отвѣчаютъ формамъ этой раскрывшейся мысли внѣшнія наблюдаемыя формы самаго предмета. Въ случаѣ ихъ соотвѣтствія, есть высокая вѣроятность думать, что мысль, избранная нами для объясненія предмета, дѣйствительно выражаетъ его скрытую, внутреннюю природу.

Эту степень вѣроятія, оглядываясь на пройденный путь, мы можемъ признать за мыслью, положенною нами въ основу объясненія двухъ великихъ сферъ природы—органическаго міра и человѣческой исторіи. Сила цѣлесообразности, являющаяся въ первомъ какъ органическая энергія, зиждущая, устрояющая и совершенствующая его въ частяхъ и въ цѣломъ,—во второмъ является какъ психическая дѣятельность, которая, наростая во времени (въ силу цѣлесообразной природы своей), становится творчествомъ. Такимъ образомъ, двѣ объясняемыя сферы природы, запечатлѣнныя одинаковою чертой — присущимъ имъ *развитіемъ*, являются носителями одного и того же начала, но которое проявляется въ каждой изъ нихъ въ различной формѣ. Глубокая соотносительность между органическою энергіей и психическимъ творчествомъ, которую мы прослѣдили фактически на явленіи красоты въ природѣ и всѣхъ важнѣйшихъ, всеобщихъ явленіяхъ исторіи, заставила насъ признать это единство; а наростаніе во времени этого общаго для органическаго міра и для исторіи начала, въ связи съ закономъ возрастанія энергіи всякаго явленія по мѣрѣ приближенія его къ

своему источнику, побудило насъ признать это начало за цѣлесообразность.

Идея цѣлесообразности, такимъ образомъ, дозволяетъ намъ хоть какъ-нибудь понимать природу въ цѣломъ; и въ этомъ мы видимъ ея преимущество передъ идеей механической причинности, которая остается, какъ теорія — въ одной сторонѣ, а природа, какъ цѣлое — въ другой, безъ какого-либо соотвѣтствія, взаимно безполезныя другъ для друга. Только внѣшнюю и детальную сторону отдѣльныхъ явленій механическая исторія объясняетъ правильно и просто, и насколько наука состоитъ въ объясненіи ихъ — она можетъ пользоваться ею. Но всякій разъ, когда отъ анализа она восходитъ къ синтезу, когда она хочетъ возвыситься до пониманія всей красоты, устроенности и (въ особенности) развитія природы, она не можетъ ничего иного сдѣлать, какъ, оставляя механизмъ въ значеніи *пособія* при объясненіи, сдѣлать *центральнымъ* въ этомъ объясненіи — понятіе цѣлесообразности. Причинность *участвуетъ* въ устройствѣ мірозданія, но *устрояетъ* его — цѣлесообразность, всегда при помощи причинъ какъ *посредствующаго*, и хоть необходимаго, но служебнаго.

Кто приступаетъ къ изученію природы безъ какихъ-либо другихъ цѣлей, кромѣ какъ понять ее, не можетъ уклоняться отъ этого принципа, столь удобнаго для пониманія. Но исключительность этой цѣли столь рѣдка, что мы не можемъ не признать стремленія къ ней одной — чѣмъ-то дѣйствительно труднымъ для человѣка. И, между тѣмъ, это трудное есть единственное условіе *внутренней* свободы науки, то есть одинаковой готовности ея воспользоваться всякимъ объясненіемъ, которое удобно. Трудно человѣку поклоняться одной истинѣ, и онъ вѣчно ищетъ еще какихъ-то иныхъ боговъ, даже когда повидимому враждуетъ съ ними.

Часть и цѣлое.

„Предѣломъ тѣла, сверхъ его физической границы, служитъ еще и то все, до чего идетъ его движеніе и дѣйствіе.“

Аристотель. *Метафизика*, V, 17.

Со временъ Ньютона и до нашего времени въ той части нѣсколькихъ соприкасающихся между собою наукъ, которую можно было бы, выдѣливъ, назвать философіей природы, вопросъ о такъ-называемомъ дѣйствіи на разстояніи не перестаетъ занимать самые выдающіеся умы. Несомнѣненъ фактъ, что въ движеніи небесныхъ свѣтилъ скорость и направленіе каждаго порознь опредѣляются отношеніемъ его къ ближайшимъ и однако чрезвычайно удаленнымъ отъ него свѣтиламъ; и необъяснимымъ представляется, какимъ образомъ тѣ удаленныя тѣла дѣйствуютъ на это, имъ такъ покорное, ими безъ узъ связанное [1]). Истина, столь очевидная для среднихъ вѣковъ: corpus non nisi ubi est agit—кажется истиною и для насъ, и стоя между нею и очевиднымъ фактомъ, мы безсильны сочетать ихъ въ умѣ своемъ.

---

[1]) Вотъ одно изъ новѣйшихъ выраженій необъяснимости этого явленія: «Представивъ атомъ, дѣйствующій на разстояніи, мы задаемся вопросомъ, какъ объяснить это дѣйствіе и природу или свойство того, что̀ такъ дѣйствуетъ. Задача эта не поддается никакимъ усиліямъ. Всякій изслѣдователь, пытающійся это сдѣлать, утомленный и неудовлетворенный, возвращался къ простому факту дѣйствія на разстояніи. Его непостижимость доказывается цѣлымъ рядомъ попытокъ, начиная съ давно забытыхъ объясненій картезіанцевъ послѣ-Ньютоновской эпохи вплоть до новѣйшихъ теорій. Очевидно, что эти неудачи зависятъ не отъ неискусства изслѣдователей. Всѣ пытающіеся рѣшать эту и подобныя конечныя задачи, если они не находились подъ вліяніемъ самообмана, должны были отказаться отъ рѣшенія. Постоянно „удается“ и въ дѣйствительности никогда не удается *привести* дѣйствіе на разстояніи *къ удовлетворяющимъ насъ представленіямъ*». Дю-Буа-Реймонъ: „Границы познанія въ области точныхъ наукъ“.

I.

«Тѣло дѣйствуетъ только тамъ, гдѣ оно есть» (гдѣ оно находится),—однако, гдѣ оно *есть?* Гдѣ его *точныя границы?* Какъ не произошедшаго, какъ самостоятельно сущаго, какъ въ этотъ моментъ и здѣсь разсматриваемаго—границы тѣла суть геометрическая фигура, образуемая его поверхностью. Внутри этихъ границъ тѣло не дѣйствуетъ, потому что тамъ есть только оно само, и какъ неподвижность, такъ и всякое измѣненіе его мы назовемъ только его *состояніемъ*: мѣдь кипитъ, или она же лежитъ въ видѣ куска передъ нами — это одинаково не есть ея дѣйствіе на что-нибудь, но лишь собственное ея состояніе. Итакъ, всякое дѣйствіе, какое мы можемъ представить себѣ, всегда совершается *внѣ* геометрическихъ границъ тѣла; и въ приведенномъ примѣрѣ кипящей мѣди, если мы усмотримъ нѣкоторое дѣйствіе внутри, это будетъ внѣшнее дѣйствіе другъ на друга быстро движущихся атомовъ — наружное по отношенію къ каждому изъ нихъ, внѣ чертежа его границъ совершающееся, и внутреннее только для ихъ массы, которую одну мы различаемъ,—какъ и въ скопленіи звѣздъ различаемъ только туманную массу, если не умѣемъ, лишены средствъ разглядѣть составляющія ее тѣла.

И такъ, corpus ibi agit, ubi non est, — есть истина, отвѣчающая дѣйствительной природѣ вещей: тѣло никогда не дѣйствуетъ иначе, какъ *внѣ* себя, — это вытекаетъ одинаково какъ изъ его сущности, такъ и изъ возможнаго для насъ его представленія. Гдѣ же, однако, граница этого дѣйствія? Чтобы отвѣтить на это, мы должны обратиться къ разсмотрѣнію, не имѣетъ ли оно, какъ нѣкоторое бытіе, еще второй для себя границы, кромѣ указанной.

Оно *произошло* — и это опредѣляетъ его вторую границу; оно есть *часть* — и слѣдовательно существуетъ *цѣлое*, существуетъ совокупность другихъ частей, которыя ощутимо или не ощутимо, соотносясь съ нашими органами или не соотносясь, группируются около этой части — образуютъ сферу, внутри которой находится данное, наблюдаемое бытіе. Совокупность этихъ *другихъ* частей, къ которымъ принадлежитъ данная часть и теперь еще, какъ имъ равная, съ ними однозначущая (по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ тому, когда-то слитному, что̀ на нихъ разложилось), — и образуетъ вторую границу тѣла, и вмѣстѣ единственную, которую мы наблюдаемъ какъ мѣсто проявленія его силъ. Сила есть только физическое соотношеніе: всегда соотношеніе одной части съ другою по связи ихъ въ нѣкоторомъ третьемъ, что̀ въ отношеніи къ нимъ есть или нѣкогда было цѣлымъ. Земля или Меркурій потому стягиваются между собою и оба тяготѣютъ къ солнцу, что были частями этого солнца, — точнѣе, вмѣстѣ съ нимъ и всѣми осталь-

ными планетами, составляли массу, потомъ распавшуюся на солнечный міръ. И если мы возьмемъ что-нибудь разнородное, несоизмѣримое, невыразимое въ однихъ терминахъ, что́ ни въ какомъ случаѣ и никогда не было слито,—мы не найдемъ и силы дѣйствующей между этимъ разнороднымъ. Въ природѣ она всегда есть слѣдъ распада, или, пожалуй, развитія — есть свѣтъ не видимый только, но остающійся вѣчно тамъ, гдѣ совершился этотъ распадъ: цѣлое выдѣлило изъ себя части, но не исчезло съ этимъ выдѣленіемъ, а продолжаетъ существовать въ нихъ и ихъ соотношеніи. Въ наблюденіяхъ надъ продуктами распада малыхъ тѣлъ, намъ въ этомъ отношеніи ясно и окончательно извѣстныхъ, сказанное находитъ себѣ замѣчательное подтвержденіе. Кислородъ и водородъ, насильственно расторгнутые электрическимъ токомъ идущимъ по проволокамъ вольтова столба опущеннымъ въ воду, собственною природою соединяются вновь въ воду, какъ только устранены всѣ препятствующія этому условія. Но нѣтъ силы соединяющей между тѣлами, которыя не были предварительно разъединены, и слѣдовательно именно это разъединеніе, или первѣе — *цѣлостность* ихъ въ третьемъ [1]), мы должны признать за источникъ и самаго ихъ соединенія. Тотъ фактъ, что соединяющіяся тѣла въ этомъ третьемъ, новомъ, теряютъ свои характерные признаки [2]), что въ отношеніи другъ къ другу они являются съ качествами противоположными [3]),—все это побуждаетъ насъ видѣть въ каждомъ изъ

---

[1]) „Кромѣ двойного и вообще многократнаго избирательнаго сродства стали различать взаимное сродство (affinité reciproque), когда два вещества А и В къ третьему веществу С представляютъ почти равное сродство, и когда, смотря по условіямъ, можетъ происходить или вытѣсненіе тѣла А или вытѣсненіе В. *Предполагающимъ сродствомъ* (affinité disposante) *назвали такого рода сродство, когда нѣкоторое вещество производитъ химическое дѣйствіе вслѣдствіе сродства къ новому и имѣющему образоваться при реакціи веществу В, но котораго еще нѣтъ въ сферѣ дѣйствія вещества А при началѣ взаимодѣйствія.*“ Профессоръ Н. Меншуткинъ. „Очеркъ развитія химическихъ воззрѣній“. Спб. 1888 г. стр. 99 То-есть отсутствующее, имѣющее возникнуть, *возможное* тѣло вліяетъ на реальный фактъ, *какъ дѣйствительное.*

[2]) Въ отличіе отъ смѣсей и составовъ, химическія соединенія не сохраняютъ въ себѣ вида и свойствъ соединившихся веществъ, какъ бы поглощаютъ ихъ въ себѣ и на ихъ мѣсто становятся новымъ тѣломъ. Такъ напримѣръ капля воды не имѣетъ ничего общаго съ водородомъ и кислородомъ, которые въ ней исчезли, передавъ ей только *вѣсъ* свой и ничего другого.

[3]) „Впервые Бургаве указалъ, что не столько сходныя тѣла, сколько *вещества*, такъ сказать, *противоположныхъ качествъ, проявляютъ химическое сродство другъ къ другу и наичаще соединяются*, что химическое сродство обусловливается не степенью сходственности двухъ веществъ, но *степенью ихъ различія.* Съ того времени такое представленіе о силѣ химическаго сродства является общепринятымъ.“ *Меншуткинъ* „Оч. разв. химич. воззрѣній“, стр. 89. При этомъ въ самомъ соединеніи нерѣдко наблюдается уничтоженіе противоположныхъ качествъ соединяющихся тѣлъ, какъ то имѣетъ мѣсто, когда основанія и кислоты образуютъ соли. Тамъ-же стр. 88.

нихъ порознь, какъ бы нѣкоторую недостаточность, частичность, отъ чего-то оторванность, восполняемую черезъ соединеніе, ранѣе котораго тѣла уже какъ бы предчувствуютъ другъ друга, предугадываютъ, различаютъ отъ другихъ такихъ тѣлъ, по отношенію къ которымъ въ нихъ нѣтъ никакого лишенія [1]), недостатка. Химически простыя тѣла всегда суть дроби, и хотя они складываютъ изъ себя единицу,—однако не ихъ, а единицу слѣдуетъ признать первымъ производящимъ, а ихъ только отъ нея производными. Самое сродство химическое дѣйствуетъ на разстояніяхъ столь-же малыхъ, какъ приблизительно тѣ, въ какихъ они находились въ соединяющемъ ихъ цѣломъ (физическое тѣло): съ увеличеніемъ этихъ разстояній они перестаютъ различать другъ друга, «избирать», стремиться къ соединенію. Такимъ образомъ, какую бы начальную космическую эпоху мы ни взяли, пусть это будетъ даже эпоха хаотическаго разсѣяннаго вещества, мы можемъ въ ней представлять, напр., водяные пары на степени произвольнаго разрѣженія, но ни въ какомъ случаѣ — частицы водорода и кислорода, летающія другъ возлѣ друга безъ сліянія, или однѣ—собранныя въ однихъ пространствахъ, другія—въ другихъ, чтобы потомъ смѣшаться и образовать воду. Вода *первые* ихъ въ порядкѣ образованія, и это потому, что быть ея дробями есть для нихъ норма, есть естественное состояніе устойчивости; и полно неустойчивости, ненормальности, противоестественности быть чѣмъ-то самостоятельнымъ въ разъединеніи.

Предположеніе, что *меньшее* всегда первѣе *большаго*, *простое—сложнаго*, есть, кажется, единственное, которое удерживаетъ насъ отъ принятія этой истины, и однако рядъ фактовъ, намъ лучше всего извѣстныхъ, долженъ бы побудить насъ отказаться отъ этого предположенія [2]): вѣдь и кровь или дыхательные пути [3]) суть

---

[1]) Элементы не соединяются между собою безразлично во всякихъ количествахъ, но въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ пропорціяхъ. *то есть они соединяются именно не какъ вещества, но только какъ части нѣкоторыхъ физическихъ тѣлъ.*

[2]) Источникъ его, кажется, лежитъ единственно въ сосредоточеніи вниманія нашего по преимуществу на *дѣлаемыхъ*, *изготовляемыхъ* нами предметахъ, которые мы *составляемъ*, и естественно беремъ для этого *сперва* простое и *потомъ* такъ или иначе соединяемъ его съ другимъ подобнымъ же простымъ: такъ, напр., ткань дѣлаемъ изъ нитей, напитокъ изготовляемъ — смѣшавъ воду съ разными веществами. Однако въ природѣ, по крайней мѣрѣ такъ же часто, генетическіе процессы идутъ въ обратномъ порядкѣ.

[3]) Не слѣдуетъ думать, что только въ живомъ, органическомъ мірѣ явленія могутъ идти въ этомъ порядкѣ; вотъ еще примѣръ: выпуклая и вогнутая стороны кривого стекла не были когда-нибудь самостоятельны и не образовали его, сложившись, какъ болѣе по отношенію къ нимъ позднее; напротивъ, стекло, хотя во времени образованія не ранѣе ихъ, однако въ порядкѣ этого образованія — первѣе. Какъ существо, *оно* именно возникло, и *съ нимъ* — эти его стороны, какъ его простыя качества.

меньшее и простѣйшее сравнительно съ цѣлымъ организмомъ, составляютъ собою лишь части его, и, однако, именно организмъ есть по отношенію къ нимъ первое, а они въ немъ явились потомъ, какъ и всѣ прочія выдѣлившіяся части. Въ зачаткѣ, въ оплодотворенномъ [1]) яйцѣ уже содержится организмъ; точнѣе, зачатокъ, яйцо, есть уже организмъ, части котораго находятся въ слитномъ, не различимомъ для насъ состояніи; но вотъ проходитъ время, природа совершаетъ свои усилія, и части, органы возникаютъ, становятся видимы. И лишь при наступленіи усилій необычайныхъ и новыхъ (электрическій токъ) происходитъ распаденіе молекулы воды на атомъ кислорода и атомъ водорода, такъ между собою не сходные, не сходные и съ молекулою воды и очевидно въ ней не сложенные и не приложенные другъ къ другу, но еще не бывшіе и потомъ выдѣляющіеся, когда она почему-либо утрачиваетъ свою цѣльность.

И, чтобы до конца исчерпать взятый примѣръ, добавимъ, что въ организмѣ вещество и форма дѣйствуютъ другъ на друга, повинуясь генетической своей связи, безъ всякаго прикосновенія, на разстояніи: біеніе сердца, отношеніе кровеносныхъ путей къ дыхательнымъ, отношеніе къ нимъ всѣмъ мускуловъ и нервной ткани— полно связи, служитъ одно другому, восполняетъ дѣйствіе другъ друга, исправляетъ ошибки далекаго [2])—*потому что есть цѣлое, въ которомъ они связуются.*

II.

Связуются цѣлымъ и міровыя тѣла, или всѣ — космосомъ, или нѣкоторыя — системою, къ которой они принадлежатъ; и они суть «простыя» — суть «элементы», разорванные одинъ отъ другого и слѣдъ этой разорванности несущіе въ себѣ. Землю не падающей на солнце мы можемъ представить только какъ брошенную по касательной къ ея орбитѣ, какъ атомъ водорода отторгнутымъ отъ атома кислорода—только на концѣ проволоки съ бѣгущимъ по ней электрическимъ токомъ: въ обоихъ случаяхъ въ нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ, стѣсняющихъ норму, ограничивающихъ законъ, изъемлющихъ природу изъ положенія естественнаго.

---

[1]) И даже не оплодотворенномъ, какъ на это указываютъ факты партеногенезиса (безполаго рожденія, какъ напр. у пчелъ).

[2]) См., напримѣръ, въ высшей степени любопытныя наблюденія проф. Мечникова надъ дѣйствіями въ организмѣ фагоцитовъ (бѣлыя тѣльца, плавающія среди красныхъ кровяныхъ шариковъ въ крови): зараза, пораненіе, болѣзнь какого-нибудь одного органа заставляетъ ихъ тотчасъ устремляться отовсюду, изъ самыхъ отдаленныхъ частей тѣла къ угрожаемому мѣсту и защищать отъ губительнаго дѣйствія агента близь-лежащіе органы. См. его «Лекціи о сравнительной паталогіи воспаленія, читанныя въ 1891 г. въ Пастеровскомъ институтѣ». Спб. 1892 г.

Дѣйствіе на разстояніи, поэтому, не только понятно, но оно и необходимо, такъ какъ самое понятіе «части» уже включаетъ въ себя понятіе удаленія, разъединенности. И если, какъ замѣчаютъ ученые разныхъ сферъ точнаго вѣдѣнія, всѣ наполняющія природу силы суть дѣйствующія на разстояніи — если она связана по всѣмъ швамъ своего сцѣпленія, то почему всеобъемлющій фактъ этого сцѣпленія имъ не признать источникомъ происхожденія самыхъ силъ? Вѣдь этотъ источникъ во всякомъ случаѣ долженъ быть также общъ и цѣленъ, какъ и весь космосъ, который эти силы собою проникаютъ. И если всякая сила есть или удаляющее (такъ называемыя отталкивательныя силы), или сближающее,—то что-же можетъ служить этимъ источникомъ, кромѣ генетическаго единства всѣхъ атомовъ міра? И этому отвѣчаетъ то наблюденіе, что для своего распространенія сила всемірнаго тяготѣнія, напримѣръ, не беретъ никакого времени [1]): вѣдь она, истекая изъ цѣльности космоса, уже *предшествуетъ* всякому факту, который могъ бы ее обнаружить,—все вновь возникшее и не можетъ возникнуть иначе, какъ въ сферѣ ея дѣйствія, и тотчасъ начинаетъ повиноваться ея закону. Ея реальность первоначальнѣе реальности планеты, кометы, метеора, и всего, что̀, отъ нихъ отторгаясь, или удаляется, преодолѣвая сцѣпленіе, пли падаетъ обратно къ центру [2]), этому сцѣпленію повинуясь. Что тяжесть лежитъ, какъ въ своемъ источникѣ, не въ массѣ притягивающихся тѣлъ; что она существуетъ внѣ этихъ тѣлъ, занимая наружное положеніе — это явствуетъ изъ того, что нѣтъ тяжелаго тѣла или атома, который былъ бы *одинъ*, что тяжесть всегда *между* двумя тѣлами или атомами. Если ея нѣтъ въ *одномъ* и также порознь не было и во *второмъ*, то нѣтъ и въ *двухъ*, когда они стоятъ другъ передъ другомъ, — нѣтъ иначе, какъ если мы предположимъ, что не въ нихъ, но между ними она была уже всегда, ожидая лишь ихъ появленія— появленія всякой *части*, пылинки, атома, который, подчинившись ей, могъ бы обнаружить тѣмъ самымъ разомкнутость своего бытія и цѣльность міра.

III.

Ни на чемъ не основанное представленіе, рисующее намъ элементъ какъ первое, рисуетъ и атомъ какъ центръ *истекающихъ*

---

[1]) Лапласомъ было указано, что если бы тяготѣніе нуждалось въ какомъ-нибудь времени для своего распространенія, будь это распространеніе даже въ нѣсколько милліоновъ разъ быстрѣе скорости свѣта, оно было бы уже наблюдено и отмѣчено астрономами въ фактахъ передвиженія небесныхъ тѣлъ.

[2]) Замѣчательно, что сила тяжести на землѣ и безспорно во всѣхъ тѣлахъ проявляется «такъ, какъ еслибы вся масса ихъ была сосредоточена въ одной точкѣ центра». При объясненіи, какое мы дѣлаемъ, это само собою разумѣется.

изъ него силъ: истеченіе намъ представляется какъ единственная возможная форма отношенія между силою и веществомъ, а это послѣднее—какъ единственный субъектъ, носитель силы. Но вотъ безпредѣльное, нигдѣ не кончающееся пространство заключаетъ въ себѣ одну, первую, не знающую другой пылинку: вѣдь она есть источникъ силъ, ихъ вѣчный носитель, ей онѣ не переставая присущи, какъ напр. и прямой никогда не перестаетъ быть присущей наибольшая краткость между двумя точками, хотя бы она и была такъ мала, какъ возможно, была бы «первою» въ величинѣ своей? И если несомнѣнно этотъ первый атомъ не тянется еще ни къ чему и ничего не тянетъ къ себѣ, если онъ еще не центръ силъ, не несетъ ихъ въ себѣ, то съ какого момента и почему и какою причиною онѣ въ немъ возникнутъ? Какъ бы и когда и почему ни возникли, ясно, однако, что уже не природою его, не бытіемъ, не какъ первое въ немъ, ему вѣчно присущее. И несясь въ вихрѣ другихъ, вновь появившихся атомовъ, о каждомъ изъ которыхъ мы можемъ повторить то-же, онъ ни своею, ни ихъ природою несется, но чѣмъ-то независимымъ порознь отъ всякаго, ни изъ кого не истекающимъ и однако всѣ ихъ объемлющимъ. Сила—внѣ вещества; мы утверждаемъ, она—слѣдъ его цѣльности, единства; эта цѣльность, единство и есть ихъ истинный субъектъ, вѣчный источникъ никогда не перестающій дѣйствовать на свои части—единичныя вещественныя тѣла. И идеальная природа этой цѣльности, ея осмысленность какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ самому качеству силы, которая также имѣетъ въ себѣ нѣкоторый смыслъ, и его такъ трудно связать съ фактомъ массы, съ представленіемъ только протяженія, матеріи, которая наполняетъ, вымѣщаетъ собою, мѣшаетъ другому, и какъ-то непонятно, чтобы еще и взаимодѣйствовала, и притомъ по закону разумно выразимому (въ математическихъ формулахъ).

IV.

Мы возвращаемся вновь къ разстоянію, на которомъ дѣйствуетъ тѣло. Даже сосредоточивъ свое вниманіе на первой, тѣсной границѣ его, мы не можемъ отвергнуть, чтобы тамъ не присутствовало другое тѣло, съ нимъ «на разстояніи» взаимодѣйствующее, но въ смыслѣ особенномъ и также съ особыми послѣдствіями. Присутствуя реально, какъ полнота, избытокъ, оно вымѣщаетъ собою, не допускаетъ другое стать тамъ, гдѣ пребываетъ само. Присутствуя какъ недостатокъ, какъ пустота, нѣкоторое лишеніе, оно производитъ дѣйствіе, противоположное вымѣщенію — тяготѣніе, сближеніе. Всѣ силы, нами наблюдаемыя въ природѣ, сверхъ механическихъ (толчекъ, давленіе и пр.), указываютъ своимъ характеромъ именно на этотъ или подобный источникъ своего происхожденія.

Совершенно ошибочно мы думаемъ, что сила есть только тамъ и только такая, какую мы можемъ отнести, какъ къ ея источнику, къ данному куску вещества, матеріи, вообще бытія, которое предъ нами лежитъ и дѣйствуетъ на наши чувства: она можетъ быть присуща этому веществу, но вытекать не изъ того, что̀ въ немъ есть и на насъ дѣйствуетъ, но изъ того, чего въ немъ нѣтъ болѣе. Оно чего-либо лишилось и это лишеніе чувствуетъ, какъ и вся природа чувствуетъ его: человѣкъ какъ утрату, животное какъ боль, растеніе какъ органъ, который нужно возстановить или возмѣстить въ дальнѣйшемъ ростѣ. И что̀ въ человѣкѣ вызываетъ сознательную идею, въ животномъ — порывистое движеніе, въ растеніи — притокъ соковъ, и во всемъ вообще соотвѣтствующее его природѣ *усиліе* поправить, вознаградить, изгладить потерю, то и въ безжизненномъ веществѣ вызываетъ дѣйствія, отвѣчающія своей размѣренностью и механичностью его глухому и темному существу. Минусъ, какъ и плюсъ, дѣйствуетъ въ величинахъ, которыя также не сознаютъ, не чувствуютъ, не знаютъ о себѣ; и вообще въ цѣломъ космосѣ отрицательное дѣйствительно, какъ и положительное, и дѣйствуетъ на части положительнаго, къ которымъ относится. Въ массахъ, въ тѣлахъ, въ предметахъ это отрицательное значитъ только *отнятое*, указываетъ на лишеніе: оно и есть источникъ дѣйствій, всегда по направленію и природѣ своей обратныхъ смыслу этого лишенія — его восполняющихъ. Земля вѣчно падаетъ на солнце, и удерживается отъ этого лишь центробѣжною силою; но это потому, что она не чужда солнцу, есть часть его, и солнце эту потерянную свою часть чувствуетъ, какъ и всѣ сохраненныя, всю массу лежащаго въ немъ вещества,—но съ значеніемъ обратнымъ. И все въ природѣ, какъ связанное генетическимъ единствомъ, чувствуетъ другъ друга, но въ разныхъ сферахъ своими разными способами (законы природы), отвѣчающими разнымъ способамъ своего первичнаго раздѣленія.

V.

Мы не будемъ вдаваться въ изслѣдованіе болѣе трудной задачи: какимъ образомъ, если въ природѣ первоначальное есть полнота, и возвратить ее къ полнотѣ же стремится каждая почти сила, произошли эти безчисленныя лишенія, разрывы, силою которыхъ она стала космосомъ, то-есть «красотою», въ замѣнъ прежней безóбразной слитности? Замѣтимъ только, что, быть можетъ, причина здѣсь кроется именно въ томъ, что человѣкъ уже нашолъ безсознательно, назвавъ созерцаемый имъ міръ не бытіемъ, не разнообразіемъ, но именно «красотою» [1]). Въ немъ мы должны при-

[1]) Κοσμέω (откуда «космосъ») — украшаю.

знать устрояющее начало, и именно устрояющее по законамъ лучшаго, прекраснѣйшаго. Вѣдь никто не различаетъ и руки водящей въ слитной, однообразной массѣ зародышеваго яйца частицу за частицей,—и даже при высшихъ средствахъ анализа, мы едва можемъ слѣдить за крупнѣйшими въ немъ перемѣщеніями, теряя, впрочемъ, и ихъ изъ виду въ важнѣйшіе моменты и въ важнѣйшихъ пунктахъ [1]). Мы знаемъ только, что, когда пришло время, на мѣстѣ однообразія является расчлененный организмъ, бѣдное смѣняется богатымъ, зачатокъ жизни превращается въ полную жизнь. Никогда и никто не опредѣлилъ, почему и какою силой разстоянія между планетами, ихъ скорости и массы распредѣлены и соразмѣрены такъ именно, что вполнѣ уравновѣшиваются взаимно: мы наблюдаемъ только самую соразмѣрность, знаемъ равновѣсіе, и, прибавивъ къ этому знанію удивленіе, больше ничего не можемъ.

---

[1]) «Наблюдая дробленіе желтка, мы въ каждой стадіи этого процесса ясно видимъ цѣль, для которой оно совершается и не видимъ даже намека на средства или орудія, помощью которыхъ оно производится» (К. Бэръ).

О чудесномъ въ мірѣ.

Случай исцѣленія г. Доробца отъ сикозиса [1])—исцѣленія, происшедшаго внезапно и безъ посредства какого-либо врачующаго агента—былъ признанъ и имъ самимъ, и массами «профановъ» чуднымъ. Поэтому «объясненія» этого случая, сдѣланныя въ Московскомъ обществѣ невропатологовъ профессоромъ мѣстнаго университета, г. Кожевниковымъ, были приняты среди читающихъ и размышляющихъ людей какъ нѣкоторая попытка, и неумѣстная и неудачная, на вмѣшательство научныхъ пріемовъ изслѣдованія въ область фактовъ, наукѣ явно не подлежащихъ; самъ же профессоръ, сдѣлавшій эту попытку, былъ обвиняемъ, косвенно въ печати и прямо устно, въ явномъ неуваженіи къ религіи, къ области которой, какъ несомнѣнное и засвидѣтельствованное чудо, относится этотъ фактъ. И слишкомъ понятно, что подобное неуваженіе (если бы оно имѣло дѣйствительно мѣсто) должно было вызвать величайшее возбужденіе въ обществѣ, которое не могло и не должно было относиться спокойно къ подобному трактованію его самыхъ интимныхъ и чистыхъ чувствъ.

Ничего, однако, похожаго на подобное трактованіе не было сдѣлано проф. Кожевниковымъ, однимъ изъ осторожнѣйшихъ въ своихъ заключеніяхъ умовъ, какіе трудятся на почвѣ науки. Имя этого ученаго гораздо менѣе популярное, чѣмъ имена проф. Карѣева, Трачевскаго, Милюкова, Исаева и многихъ другихъ «свѣтилъ» русской науки,—несмотря на свою скромность и совершенную неизвѣстность въ «общей прессѣ», не только авторитетно, но и авторитетно справедливо въ нѣкоторой частной, спеціальной прессѣ, изъ предѣловъ которой г Кожевниковъ никогда не выходилъ и не хотѣлъ выйти. Мы можемъ представить себѣ, какъ

[1]) Имѣвшій мѣсто въ Москвѣ въ 1896 г.

проф. Карѣевъ «объяснилъ» бы, что «съ окончательнымъ торжествомъ индуктивнаго метода въ наукѣ» чудо «элиминировано» изъ природы; или какъ г. Трачевскій доказывалъ бы, что «исцѣленія» не было, наконецъ даже не было сикоза, нѣтъ и не было вовсе самого г. Доробца, а есть *Московскія Вѣдомости* и *Гражданинъ*, которымъ потребовался этотъ случай, и онъ былъ созданъ, какъ создается все, въ чемъ есть «потребность времени, хотя бы и такого печальнаго, какъ наше...» Ничего подобнаго, зная сколько-нибудь проф. Кожевникова и его труды, нельзя было отъ него ожидать, и онъ дѣйствительно ничего подобнаго не говорилъ и не хотѣлъ сказать.

Какъ осторожный въ заключеніяхъ, какъ не только созерцающій, но и размышляющій умъ, онъ зналъ хорошо, что, за исключеніемъ лишь очень тѣсной группы фактовъ, и всякое вообще излѣченіе, которое показалось бы для «профановъ» простымъ и обыкновеннымъ, при глубокомъ анализѣ, открываетъ въ себѣ сторону чудеснаго въ той самой мѣрѣ и въ томъ самомъ смыслѣ, какой тысячи неразмышляющихъ людей соединяютъ со случаемъ исцѣленія г. Доробца. И въ его мысли, какъ въ мысли религіозныхъ людей, святое и чудесное не исключено изъ природы, но только въ то время какъ по мнѣнію простыхъ вѣрующихъ людей оно временно и мѣстно появляется, ему напротивъ извѣстно, что оно разлито въ природѣ всюду и остается въ ней постоянно. Болѣе всякаго другаго, медики знакомы съ этою стороною Космоса. Конечно, видя, какъ проглотившій кусокъ фосфора и затѣмъ немедленно выпившій рвотнаго—остается живъ, они не удивляются, потому что это есть фактъ, ясный во всемъ объемѣ, расчленяемый безъ остатка на свои составные моменты, между которыми нѣтъ ни одного темнаго; но уже хина, дѣйствующая при перемежающейся лихорадкѣ, или бромъ, успокаивающій нервную систему—заключаютъ въ себѣ, въ основаніяхъ своего дѣйствія, бездну неяснаго. И, анализируя это неясное, до конца отвѣчая на правильно поставляемые о немъ вопросы, мы доходимъ до пункта, гдѣ не умѣемъ сказать ничего еще, кромѣ какъ: «*это — чудо*!» Ибо тотъ фактъ, что соки дерева, растущаго въ Боливіи, и только этого одного дерева на цѣлой землѣ, вырабатываютъ въ древесинѣ его нѣкоторое особенное вещество, не дѣйствующее ни на то, ни на другое, ни на третье или четвертое, а только специфически на жизнь одного микроорганизма, появляющагося, однако не на этомъ деревѣ, не въ какой-нибудь другой породѣ того же семейства растеній, ни даже вообще въ растительномъ мірѣ, а въ селезенкѣ человѣка, куда при естественныхъ условіяхъ нѣтъ никакого доступа для этого вещества и къ этому веществу нѣтъ вовсе доступа тѣмъ микробамъ, — все это также чудесно, также мало вѣроятно, также похоже на фантазію или грезу сновидѣнія и, однако,

также дѣйствительно, какъ и случай исцѣленія г. Доробца. Бромъ отлагался въ клѣткахъ морскихъ водорослей гораздо ранѣе, чѣмъ появились нервныя разстройства у человѣка; онъ отлагался ранѣе не только времени, когда насталъ «нашъ нервный вѣкъ», но и времени, когда человѣкъ научился считать вѣка и, быть можетъ, даже прежде, чѣмъ онъ появился на землѣ. И вотъ, раньше чѣмъ появился второй членъ нѣкоторой специфической системы взаимодѣйствія, которою медикъ пользуется у постели больного («бромъ при нервныхъ разстройствахъ»), уже первый членъ ея существовалъ съ своею удивительною особенностью, имѣющею отношеніе къ тому, чего не появилось пока, не появилось нигдѣ на землѣ, нѣтъ вовсе въ природѣ. Развѣ это—не чудо? не чудо въ полномъ и святомъ смыслѣ—также, какъ то, которое совершилось такого-то числа и мѣсяца, съ такимъ-то человѣкомъ «въ храмѣ Христа Спасителя», но чудо уже въ Его нерукотворномъ храмѣ, гдѣ «земля — подножіе и небо — престолъ»? Digitalis дѣйствуетъ на сердце, только на одно сердце; и сердце ничему еще такъ не отвѣчаетъ въ своемъ функціонированіи, какъ соку этой мелкой травы— отвѣчаетъ чутко и могущественно: вотъ то, что́ названо было бы въ древнія времена «волшебствомъ», что́ есть волшебство съ точки зрѣнія и строгой науки, растерянно стоящей передъ этимъ явленіемъ, — и что́ мы называемъ волею Божіей въ природѣ, гдѣ эта воля связываетъ безъ узъ, раздѣляетъ безъ рѣзца и вообще творитъ, что́ ей нужно, проходя въ молчаніи мимо нашихъ вопросовъ: «почему? зачѣмъ?» Понятно для насъ и въ природѣ «естественно» только такое соотношеніе, гдѣ есть смежность между соотносящимся и гдѣ оба члена соотношенія лежатъ въ одномъ порядкѣ бытія; понятно, поэтому, дѣйствіе химическаго реактива на химическую же сторону біологическихъ процессовъ, дѣйствіе физическаго агента на физику нашего тѣла. Но всѣ приведенные факты, гдѣ природа намъ раскрывается какъ бы поставленною на стражѣ жизни человѣка и упадающей въ себѣ самой, и возстановляемой силами этой природы, — эти факты далеко переступаютъ всѣ средства научнаго объясненія, всѣ постижимые способы взаимо-соотношенія вещей, и въ нихъ міръ обнаруживается передъ нами, какъ тайна, чудо и святость. Мы не можемъ здѣсь удержаться, чтобы не заглянуть нѣсколько въ смыслъ этой тайны: если есть *одно* цѣлящее для человѣка въ природѣ, должно быть—и *всякое*; кругъ внѣшнихъ средствъ долженъ былъ замкнутъ въ нѣкоторую полноту, слѣдуя за полнотою возможныхъ ущербовъ въ жизни человѣка. Иначе планъ этой стороны Космоса былъ бы не законченъ; мысль въ ней положенная — оборвана, и тайна была бы безъ внутренняго въ себѣ основанія.

Мы уклонились въ сторону слишкомъ далекихъ обобщеній. Сокъ изъ сѣмянъ cannabis indica, принятый внутрь, производитъ

у принявшаго растяженіе идей пространства и времени; и вообще испытавшіе дѣйствіе этого сока разсказываютъ объ удивительнѣйшихъ видѣніяхъ, сопровождающихъ поступленіе его въ кровь. Почему это не вполнѣ чудесно? Почему cannabis indica — не просто кормъ, какъ всякая другая трава, но съ однимъ страннымъ, не повторяющимся ни въ чемъ еще въ природѣ *отношеніемъ къ способности* у человѣка *представленія?* Cannabis indica росла бы, если бы вовсе и не появлялся человѣкъ на землѣ: для чего тогда были бы удивительныя ея свойства? кому бы они служили? Скажемъ болѣе: тотъ не появившійся, не существующій (допустимъ, что человѣкъ не созданъ, «не доразвился изъ обезьяны») обладатель способности представленія, *съ которою соотношеніе у сока этого растенія уже есть—кто* онъ? *Что* это за представленіе, *чьи* эти идеи пространства и времени, которыя удлинять способенъ сокъ этого растенія, разъ уже оно растетъ, живо, есть? Вотъ чудо, совершенное чудо, о какомъ только способенъ говорить нашъ языкъ и которое написано въ природѣ и всѣ его читаютъ, нисколько ему не удивляясь. Природа есть великое, живое, святое Πᾶν; уже греки считали его «богомъ»; мы не отступимъ отъ нихъ въ сторону готтентотовъ и кафровъ, говоря, что она есть только наборъ физическихъ тѣлъ, есть нѣкоторая связка химическихъ процессовъ — рядъ фетишей, изъ коихъ каждому мы поклоняемся, вовсе не замѣчая, что не *въ* нихъ, но *между* ними и *надъ* ними витаетъ безплотная мысль.

Разъ cannabis indica соотносится съ мыслью человѣка, повторимъ за медиками — соотносится съ его нервною тканью, какъ-то особенно ее возбуждая, и между тѣмъ она существуетъ и возникла внѣ всякой сколько-нибудь понятной и изслѣдимой связи съ этою тканью,—есть, значитъ, нѣчто, въ чемъ оба эти факта связуются, есть нѣкоторая идеальная система, которой членами служатъ эти реальныя и столь удаленныя одно отъ другого явленія. Подобно тому, какъ и корабль, плывущій въ Бостонъ, если на немъ есть компасъ, ландкарты, паруса, руль,—не иначе приплыветъ въ этотъ именно городъ, какъ если есть и умъ, связующій въ себѣ эти ландкарты, руль, показанія компаса и ту отдаленную точку, гдѣ лежитъ этотъ городъ. *Есть мысль, держащая вселенную;* къ ней, собственно, имѣетъ каждая вещь *прямое* свое отношеніе; и лишь черезъ нее, въ которой содержится и всякая иная вещь, она съ этою иною вещью соотносится. Отсюда «телепатія» (связность на разстояніи) явленій природы; эти предустановленности, эти соотношенія разбросаннаго въ мірозданіи. Въ темныхъ инстинктахъ своихъ зная это — человѣкъ тянется къ природѣ, болѣя — ищетъ въ ней помощи; или же онъ обращается съ молитвою къ Посредствующему, когда безсиленъ самъ отыскать эту помощь. Въ томъ и другомъ случаѣ источникъ—одинъ; самое обращеніе къ нему—

собственно одно; и медикъ, подающій больному лѣкарство, если бы онъ до глубины понималъ то, что́ дѣлаетъ,—подалъ бы его съ тою же молитвою благодарности, съ какою г. Доробецъ на другой день вошелъ въ храмъ его вчерашняго исцѣленія.

Поэтому и проф. Кожевниковъ вовсе не исключаетъ въ своемъ объясненіи ни чудеснаго, ни святаго въ случаѣ, который возбудилъ столько смутныхъ о себѣ толковъ. Онъ не отвергъ грубо и поверхностно, какъ это могъ бы сдѣлать менѣе его углубленный въ науку человѣкъ, что, за немногими и незначащими исключеніями, вся природа распадается на двѣ категоріи: область чуда пребывающаго, постояннаго, которымъ мы пользуемся всегда и всюду, какъ пользуемся для питья источниками насъ окружающихъ водъ; и область чуда наступающаго и оканчивающагося, которое ниспадаетъ къ намъ, какъ для жаждущаго въ пустынѣ ниспадаетъ дождь. Нѣтъ никакого въ существѣ ихъ, происхожденіи, качествахъ — различія; но только первое наука уже отмѣтила какъ нѣкоторыя «единообразія» вселенной, второй ей еще предстоитъ внести въ свои регистры. Ихъ разница — если мы возвратимся къ развитой выше аналогіи — не бо́льшая, чѣмъ какая существуетъ между путями постояннаго слѣдованія кораблей и между путями неопредѣленнаго странствованія нѣкоторыхъ изъ нихъ: оба равно совершаются подъ компасомъ, при ландкартѣ, въ умѣ ведущаго, но къ одному взглядъ нашъ, постороннихъ до времени зрителей, привыкъ и мы безъ любопытства забываемъ о немъ, за другимъ же слѣдимъ и исторію его «разсказываемъ».

Что иногда значитъ „научно объяснить“ явленіе?

I

По поводу извѣстнаго разсказа гр.. Л. Н. Толстаго «Хозяинъ и работникъ», въ которомъ одно изъ главныхъ лицъ умираетъ и другое близко къ тому, чтобы умереть, въ медицинскомъ журналѣ *Врачъ* появилось слѣдующее описаніе «механизма смерти», объясняющее, какъ думаетъ редакція научнаго журнала, особенности послѣднихъ минутъ существованія человѣка на землѣ.

«До окончательной своей остановки нервная дѣятельность испытываетъ періодъ возбужденія. И вотъ это-то кратковременное возбужденіе придаетъ радостную, счастливую окраску потухающему существованію. Объ этомъ могли-бы свидѣтельствовать обмиравшіе или утопленники, возвращаемые къ жизни. Несчастный, очутившійся на днѣ рѣки, впавъ въ глубокій обморокъ, ощущаетъ во всемъ тѣлѣ какое-то особенно пріятное чувство. Мозгъ его пріобрѣтаетъ необыкновенную свѣжесть. Въ памяти въ одинъ мигъ развертывается, какъ панорама, вся прошлая жизнь, воскресая съ изумительною точностью и подробностью, въ цѣлой цѣпи событій, фактовъ, чувствъ, даже полузабытыхъ и совсѣмъ забытыхъ. Такого-же рода возбужденіе бываетъ и при медленно развивающейся асфиксіи. Больной, долго страдавшій, передъ смертью вдругъ ощущаетъ непзъяснимое блаженство. Въ тѣлѣ его такая легкость, точно оно изъ одного воздуха. Отсюда, замѣтимъ, такъ часто въ художественномъ изображеніи смерти попадаются выраженія: *онъ унесся, онъ улетѣлъ въ высь*».

Намъ уже давно хотѣлось на какомъ-нибудь частномъ примѣрѣ показать, до какой степени, съ упадкомъ духа пытливости, въ наукѣ за ея истекающій періодъ утратилось самое пониманіе того, что́ значитъ научно объяснить какое-нибудь явленіе, и какъ море

словъ, факты отмѣченные, но никѣмъ не наблюдавшіеся, заключенія не только не связанныя, но и не связуемыя ни съ чѣмъ изъ ранѣе сказаннаго, наполняя страницы книгъ, журналовъ, повторяясь въ «рефератахъ», рѣчахъ, лекціяхъ—разносятся всюду какъ наука, какъ наука принимаются всѣми, хотя ея и тѣни въ нихъ нѣтъ. И намъ показалось, что приведенная замѣтка въ медицинскомъ органѣ, по краткости своей, по общеизвѣстности фактовъ, въ ней «объясняемыхъ», и наконецъ по своей типичности, даетъ удобный для этого случай.

«Нервная дѣятельность испытываетъ возбужденіе»...—и мы ожидали-бы показанія инструментовъ, отмѣтокъ термометра или электро-магнитныхъ приборовъ, которые-бы эту повышенную дѣятельность удостовѣряли. Безъ этого, какъ иначе читать намъ эти строки, какъ не простой переводъ на медицинскій языкъ того, что всѣми наблюдается, никѣмъ не было объяснено и что́ объяснить предлежитъ именно наукѣ—«радостную окраску потухающаго существованія»? Вѣдь «потухать» именно значитъ понижаться въ напряженіи, угасать, терять свѣтъ въ себѣ, и какимъ образомъ это значитъ въ тоже время «испытывать возбужденіе»? Не ясно-ли, что, если въ то время какъ тѣло «потухаетъ»—на лицѣ выступаетъ «счастливая окраска»,—тотъ, *кто* умираетъ и *кто* окрашивается въ этотъ мигъ—не одно существо, но два и даже противоположныя, въ эту минуту расторгающія свою насильственную связь; причемъ одно изъ нихъ мигъ расторженія выражаетъ «радостною, счастливою окраской», а другое, имъ отторгнутое—становится погасшимъ. Улыбка на лицѣ умирающаго—это тѣнь крылъ души улетающей, павшая на лицо умершаго,—вотъ выраженіе, на образы котораго мы не имѣемъ права и имѣемъ всѣ основанія на его мысль. «Несчастный» (съ медицинской точки зрѣнія), впавъ и въ «обморокъ»—однако «ощущаетъ»; и такъ какъ кромѣ обморока ничего еще новаго не привзошло къ нему, именно его онъ ощущаетъ какъ «пріятное чувство». И хоть обморокъ констатируется обычно самими медиками какъ потеря памяти и чувствъ—въ теченіе его «мозгъ пріобрѣтаетъ необыкновенную свѣжесть». Мы снова здѣсь ожидали-бы опытовъ, наблюденій, показанія инструментовъ, потому что ни однимъ словомъ не оговаривается здѣсь, что это—только предположеніе. Мы имѣемъ здѣсь фактъ, научно сообщаемый, и уже изъ него текутъ слѣдствія, которыя намъ могли-бы сообщить случайно избѣгнувшіе смерти: «въ памяти въ одинъ мигъ развертывается, какъ панорама, вся прошлая жизнь, воскресая съ изумительною точностью и подробностью, въ цѣлой цѣпи событій, фактовъ, чувствъ, даже полузабытыхъ и совсѣмъ забытыхъ». Мы это знаемъ: этотъ фактъ удивительный намъ переданъ утопавшими, возвращенными къ жизни, и удивленіе и любопытство, съ которымъ мы всматриваемся въ этотъ фактъ, гасится въ насъ утвержденіемъ,

не опирающимся на опытъ и не могущимъ на него опереться: «необыкновенную свѣжесть мозга». Ибо вѣдь кромѣ воды, льющейся въ ноздри, въ уши, въ ротъ, нѣтъ новаго факта въ утопающемъ сравнительно съ нами, и между тѣмъ вовсе неизвѣстно, чтобы обиліе воды въ дыхательныхъ, ушныхъ и пищеводныхъ путяхъ непремѣнно сопровождалось чувствомъ свѣжести во внутреннихъ областяхъ черепа. Развѣ—что вода бываетъ очень холодная,—но тонутъ не все зимою. «Такого же рода возбужденіе бываетъ и при медленно развивающейся асфиксіи. Больной, долго страдавшій, передъ смертью вдругъ ощущаетъ неизъяснимое блаженство». Конечно, это все—«неизъяснимо», но именно въ *ходѣ* своемъ, въ *причинахъ* возникновенія, а не только въ качествѣ превосходной степени въ себѣ самомъ понятнаго явленія, какъ это говоритъ читателю научный журналъ. Пульсъ, вмѣсто того, чтобы биться со скоростью 120 ударовъ въ минуту, бьется все рѣже, падаетъ до 30—15—8—3 ударовъ. Кровь останавливается въ жилахъ, холодѣетъ, въ силу ея увеличивающагося давленія на стѣнки сосудовъ—вода какъ составная ея часть просачивается черезъ нихъ (холодный потъ),—почему это все «блаженство»? Ужъ если *что-нибудь*, то скорѣе—боль. «Въ тѣлѣ его такая легкость, точно оно изъ воздуха»—но вѣдь наблюдатели же говорятъ, хотя конечно и ошибаются, что тѣло умершаго и умирающаго именно тяжелѣе, чѣмъ живаго, и почему оно становится легко только для слабѣющихъ силъ больнаго? И какой умирающій сказалъ, что именно «это больное тѣло»—ему легко, а не что *онъ* чувствуетъ легкость, хотя его *тѣло* и больно? Здѣсь мы вновь видимъ два раздѣляющіяся другъ отъ друга существа, и не странно-ли соединять ихъ въ картинѣ, рисуемой научною рукой, когда она не имѣетъ для этого никакого основанія? Но вотъ «научное объясненіе» уже готово и даже бросаетъ свѣтъ на художество,—впрочемъ, не на него только, но и на утвержденія религіи: «отсюда», т.-е. изъ всего что мы выше привели и разобрали, «такъ часто въ художественномъ изображеніи смерти попадаются выраженія: *онъ унесся*, *онъ улетѣлъ въ высь*»...

Тамъ, въ выси—вѣдь только зодіакальный свѣтъ и нѣтъ «Творца неба и земли», какъ и здѣсь, на одрѣ умершаго, обставленномъ стклянками, микстурами, термометрами, и за часъ, и за день до трагическаго момента не было ничего, кромѣ починявшейся машины. Но винты не выдержали, ремни лопнули—и какъ живые, такъ и самъ умершій свидѣтельствуютъ, что деньги напрасно уплачивались уходящему стыдливо эскулапу.

II.

И такъ пишется истина. «Луна дѣлается въ Гамбургѣ»—говоритъ одно дѣйствующее лицо у Гоголя; но въ Гамбургѣ дѣлается

болѣе, чѣмъ только луна: въ немъ дѣлается истина и опредѣляется заблужденіе, и для этого, съ тѣхъ поръ какъ «позитивизмъ» и «естественныя науки» распространили свой методъ на всѣ области человѣческой любознательности, также мало требуется строгости ума и кропотливыхъ опытовъ, какъ мало нужно было сообразительности для изготовленія луны. Мы привели миніатюрный фактъ, но вѣдь и капля морской воды имѣетъ тотъ самый вкусъ и цвѣтъ, и даже удѣльный вѣсъ, какъ и биллiоны кубическихъ саженъ ея, умѣщающихся въ бассейнѣ моря. Это «научное» объясненіе не ad hoc придумано здѣсь, не приведено какъ исключеніе, какъ странность въ научныхъ объясненіяхъ, и слѣдовательно мы можемъ разсматривать его какъ образецъ и норму. И что же? гдѣ *знаніе* здѣсь, превышающее знаніе обыкновенныхъ людей? Взято то самое, что мы всѣ знаемъ, и о-бокъ съ этимъ приставлены слова: «свѣжесть мозга», «возбужденіе нервной дѣятельности», и такъ какъ это все-таки понятно и не чуждо языку обыкновенныхъ людей, приставлена «асфиксія»—что́ уже окончательно должно закрѣпить авторитетъ научнаго объясненія. Но я беру эту «асфиксію», «нервное возбужденіе» и «свѣжесть мозга» и бросаю подъ столъ, куда я бросаю всякій ненужный хламъ, ибо вѣдь это—только хламъ, «луна, сдѣланная въ Гамбургѣ», и, однако... тише, тише, это—«наука».

III.

Новый деспотъ, и слабый, и сильный, когда же ты выпустишь изъ своихъ когтей истину? Когда же, вмѣсто того, чтобы принудительно заставлять людей идти къ себѣ въ Гамбургъ смотрѣть «единственную въ мірѣ луну», ты ихъ допустишь вновь смотрѣть на ту, которая, по ихъ слабому воспоминанію, иногда виднѣется на небесахъ. Играя около природы роль уборщиковъ ея нечистотъ, копаясь въ мертвомъ, гниломъ, обнюхивая и ощупывая его разными инструментами и иногда, какъ въ данномъ случаѣ, вовсе ничѣмъ не нащупывая,—вы дерзаете увѣрять: «мы развинтили міръ по всѣмъ его швамъ, и нигдѣ не нашли въ немъ ни Творца, ни того, что вы зовете жизнью и духомъ». Кто далъ вамъ право простирать свой языкъ дальше, чѣмъ на слова: «это скверно пахнетъ», «это вонюче, какъ я»? И какъ, кухмистеры только природы, вы смѣете становиться ея философами, разрѣшать вопросы о вложенномъ въ нее смыслѣ, о ея глубочайшемъ содержаніи, которое для васъ естественно исчерпывается чистотой горшка, въ которомъ варятся ваши снадобья, и тяжестью корыта, изъ котораго вамъ предлежитъ выплеснуть помои? Васъ это оскорбляетъ? Вамъ это кажется недостаточнымъ? Вамъ кажется, именно на корыто похожъ и млечный путь, и тамъ вѣроятно плещутся свои помои, и мы ихъ только не видимъ, потому что оно обращено къ намъ дномъ? И

цѣлый міръ, со своими огнями, то вспыхивающими, то меркнущими (перемѣнныя звѣзды), съ человѣкомъ ихъ созерцающимъ, съ его страхомъ передъ этими огнями, страхомъ за душу свою бѣдную, которая такъ хочетъ знать и не можетъ—вамъ все это представляется похожимъ на затопленную плиту, передъ которой сидитъ собака и не разумѣетъ, что значитъ это, что она топится? Вы ей это объясняете; вы указываете на горшки свои и на отверстія въ плитѣ; проводите руками черезъ эти отверстія и черезъ это внушаете, что все дѣлается для этихъ горшковъ; подводите любознательнаго пса къ ящику съ дровами и, показавъ полѣно, объясняете, что такія же положены и въ печь; и, указавъ на циферблатъ стѣнныхъ часовъ, отмѣчаете мѣсто, гдѣ была стрѣлка утромъ и, слѣдовательно, сколько времени топится плита. Песъ можетъ быть доволенъ; онъ доволенъ, въ особенности, когда вы, найдя его понятливымъ, бросаете ему кусокъ говядины; вы этотъ кусокъ бросаете и человѣку (практическія приложенія), но онъ, забывъ о вашемъ кускѣ, выталкиваетъ васъ вонъ и предпочитаетъ лучше ничего не понимать о мірѣ, нежели понимать это...

IV.

Можно было бы, детально разобравъ *швы* новой науки, указать, какъ ея точныя свѣдѣнія всюду связаны недостаточною мыслью; какъ—въ то время какъ за природою наблюдалъ вѣрный глазъ—надъ фактами, этимъ глазомъ отмѣченными, работала зыбкая, колеблющаяся, совершенно недостаточная мысль. Довольно указать на неразличеніе всюду въ новой наукѣ *условій, способствующихъ* отъ *причинъ производящихъ* (особенно въ біологическихъ наукахъ), на совершенную темноту ея ко всѣмъ формамъ существованія, кромѣ реальнаго, гдѣ вещь уже *осуществлена, проявлена*, и, какъ таковая, можетъ быть измѣрена, описана, взвѣшена—чтобы убѣдиться, что не природу, но лишь моментъ ея изучаетъ она, и, между тѣмъ, это изученіе и сама принимаетъ, и другимъ передаетъ какъ познаніе цѣлостной природы. Мы говоримъ именно о «реальномъ» познаніи: мы говоримъ о ретортахъ, колбахъ и еще тысячѣ точныхъ приборовъ, которые, еслибъ могли, краснѣли-бы за грубость мысли, которая ихъ поворачиваетъ, присматривается, прислушивается къ ихъ показаніямъ и такъ явно не понимаетъ то, что они усиливаются ей сказать. Наука давно вступила въ *вербальный* періодъ—гдѣ море словъ, передвигаемыхъ съ мѣста на мѣсто, для всякаго готовыхъ, всякому доступныхъ, поглощаетъ всякій живой фактъ, какой вамъ случилось бы открыть и на него указать міру, поглощаетъ и всякую живую мысль вашу, нисколько не измѣняясь въ себѣ самой, оставаясь также невозмутимо спокойною на своей поверхности, между тѣмъ какъ на днѣ ея похоронены лучшія на-

дежды, горечь сознанія и даже груды цѣнной *не разсмотрѣнной* дѣйствительности. Нуженъ новый исполинъ, какъ Бэконъ; нужно новое самозаключеніе человѣка въ себя, къ какому былъ способенъ Декартъ,—чтобы начать новое познаніе въ сторонѣ отъ этого грубаго, поверхностнаго,—отъ этой второй схоластики, которая еще болѣе удалилась отъ *реальнаго* и еще *равнодушнѣе* къ истинѣ, чѣмъ та прежняя, въ эпохи ея крайняго упадка. Нужно читать «исторіи», нужно присматриваться къ «объясненіямъ» литературныхъ явленій, и, наконецъ, довольно знать общеустановившіяся воззрѣнія новаго человѣка на міръ, чтобы понять, до какой степени дѣйствительность во всемъ, что есть въ ней цѣннаго и значущаго, ускользнула давно изъ этихъ грудъ о ней нагроможденныхъ словъ, которыя, однако, будучи произносимы съ достаточною серьезностью, принимаются робкимъ и не увѣреннымъ въ себѣ человѣчествомъ за что-то болѣе истинное и точное, нежели идущія изъ темноты временъ воззрѣнія его на міръ и на себя. Но, въ сущности, эти воззрѣнія болѣе глубоки и истинны; они—безотчетны только, недоказаны; они—плодъ болѣе инстинктовъ ума, нежели его отчетливой работы. И, однако, какъ въ природѣ мы не знаемъ вовсе инстинктовъ, которые безъ цѣли были-бы даны и ничему реальному въ окружающихъ обстоятельствахъ не отвѣчали-бы, такъ и эти умственные инстинкты человѣка не для обмана были даны ему и не обманно говорятъ ему о мірѣ. Наука, если-бъ она велась впередъ умами болѣе тонкими и возвышенными, пользовалась-бы указаніями этихъ инстинктовъ въ той совершенно темной области, куда она вступаетъ; не полагаясь на нихъ—къ нимъ присматривалась-бы; и это было-бы не только болѣе мудро, но и болѣе *свободно*, нежели, какъ теперь, ея твердая рѣшимость гдѣ-бы ни бродить, только-бы не туда идти, куда эти инстинкты указываютъ.

Мы сожалѣемъ почти, что вдались въ эти общія соображенія по поводу факта столь узкаго значенія, какъ случайная журнальная замѣтка; мы не отрицаемъ, что здѣсь, въ этихъ условіяхъ, эти соображенія не умѣстны; но едва-ли кто отвергнетъ, что вообще они не только умѣстны, но и необходимы.

Философскія вліянія въ русскомъ обществѣ.

I.

Случается иногда слышать, что намъ уже нечему учиться у древнихъ, что единственное, къ чему мы обязаны передъ ними и передъ ихъ мыслью, есть уваженіе. Напротивъ, мы всегда думали, что въ силѣ и отчетливости мышленія они не превзойдены новыми народами и что поэтому всякій, кто ищетъ философской истины, долженъ обращаться къ нимъ не съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ съ какимъ онъ обращается къ произведеніямъ новыхъ мыслителей. По крайней мѣрѣ многое, о чемъ смутно и неполно продолжаютъ еще писать и въ наше время, было съ удивительною ясностью разслѣдовано уже греками. Сюда принадлежитъ, наприм., *теорія процесса*, какъ ряда преемственныхъ и связанныхъ измѣненій. Мы все еще безсильны подняться надъ движущимися атомами, нашъ грубый и неповоротливый умъ все еще видитъ въ мірѣ только силу и вещество, движущее и движимое,—между тѣмъ какъ греческій геній съ несравненною ясностью понялъ недостаточность этого объясненія и давно отличилъ въ *процессѣ* такіе элементы, которыхъ мы и до сихъ поръ продолжаемъ не замѣчать. Вотъ почему съ изученіемъ древней греческой мысли мы связываемъ отнюдь не историческій только интересъ. Этотъ послѣдній, мы думаемъ, никогда не можетъ быть достаточно силенъ, чтобы сдѣлать это изученіе дѣйствительно внимательнымъ и полнымъ. Напротивъ, мы соединяемъ съ этимъ изученіемъ самый живой интересъ, соединяемъ надежды приблизиться къ истинѣ, которою еще не обладаемъ. Мы должны обращаться къ греческой философіи болѣе чѣмъ къ какой-нибудь другой великой философіи, не только съ тѣмъ, чтобы узнать, о чемъ и какъ думали двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, но для того, чтобы узнать, какъ должны думать мы сами.

Какъ бы то ни было, интересъ къ греческой философіи никогда до сихъ поръ не являлся господствующимъ у насъ и никогда не былъ распространенъ. Ея изученію всегда предавались только единичные умы и она не заинтересовывала всего общества. Предметомъ изученія служилъ у насъ въ особенности Платонъ и, въ гораздо меньшей степени, Аристотель. Это различіе въ отношеніи къ двумъ главнымъ философскимъ умамъ Греціи слѣдуетъ объяснить, какъ намъ кажется, тѣмъ, что Платонъ привлекалъ къ себѣ извѣстною возвышенностью своихъ умозрѣній и ихъ близостью къ тѣмъ истинамъ, которыя составляютъ содержаніе христіанской религіи. Сюда слѣдуетъ присоединить еще и чрезвычайную красоту формы, въ которую онъ умѣлъ облекать свои философскія разсужденія и къ которой болѣе, нежели наше время, были чутки прежнія поколѣнія нашего общества. По крайней мѣрѣ старые наши переводчики Платона ничего не говорятъ о преимуществахъ его философіи передъ философіею Аристотеля въ смыслѣ большей близости къ истинѣ, и поэтому мы можемъ думать, что не эта близость къ истинѣ руководила ими при выборѣ предмета изученія. Что-же касается до философіи Аристотеля, то, имѣя исключительно объясняющій характеръ, она не привлекала къ себѣ умы прежняго времени—частью, вѣроятно, вслѣдствіе скрытаго недовѣрія къ способности отвлеченной мысли объяснить что-либо дѣйствительное, частью вслѣдствіе вообще слабаго интереса къ подобному объясненію. Все это станетъ яснѣе, когда мы скажемъ далѣе о различныхъ типахъ философскихъ системъ. Поэтому тѣ сочиненія Аристотеля, которыя посвящены теоретическимъ знаніямъ, почти не изучались; изучались-же и переводились наименѣе значительныя его произведенія, именно тѣ, которыя, по его собственному раздѣленію, относятся къ знаніямъ практическимъ—цѣль которыхъ не объяснять природу, но руководить человѣка въ его дѣятельности. Сюда въ особенности относится его сочиненіе о поэтикѣ. Какъ это ясно изъ самаго названія этого произведенія, оно изучалось не изъ интереса къ философіи, а изъ интереса къ литературѣ, къ искусству созиданія въ области слова и къ изученію созданнаго. Этотъ интересъ естественно вытекалъ изъ того чрезвычайнаго оживленія, съ которымъ наша поэзія, въ теченіе не болѣе одного столѣтія, и возникла и развилась до своихъ настоящихъ размѣровъ. Нѣсколько позднѣе и отчасти уже въ наше время предметомъ изученія стали политическія и нравственныя сочиненія Аристотеля.

Наконецъ, что касается до того, что интересъ къ греческой философіи никогда не былъ распространенъ въ нашемъ обществѣ, то это, какъ намъ кажется, происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ трудности греческой философіи, и, во-вторыхъ, отъ своеобразнаго способа изложенія у древнихъ, который такъ не схожъ съ манерою литературнаго изложенія у насъ. Трудность греческой

философіи для пониманія естественно вытекаетъ изъ того, что она дошла до насъ главнымъ образомъ въ своихъ послѣднихъ, заканчивающихъ произведеніяхъ (Платонъ и Аристотель), которыя явились послѣднимъ плодомъ продолжительныхъ и напряженныхъ усилій греческаго генія разрѣшить для себя основные вопросы бытія и знанія. Для насъ исчезъ, или почти исчезъ, весь длинный рядъ предшествовавшихъ попытокъ разрѣшить эти вопросы и мы, не подготовленные изученіемъ ихъ, не воспитанные и не изощренные этимъ изученіемъ, принуждены непосредственно входить въ чрезвычайно сложный и тонкій міръ мысли Платона и Аристотеля. Это еще возможно для единичныхъ умовъ, но невозможно для массы общества, которая должна пережить что-либо подобное въ своемъ собственномъ умственномъ развитіи, должна проработать рядъ философскихъ міровоззрѣній вмѣстѣ съ выдающимися умами въ своей средѣ, чтобы стать способною къ воспріятію высоко развитыхъ міровоззрѣній какого-либо чуждаго народа. Этого необходимаго условія всегда не доставало у насъ, и этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется то, что едва-ли не всѣ идеи греческой философіи, принадлежащія къ числу общеизвѣстныхъ, восприняты у насъ не въ своемъ истинномъ смыслѣ, но въ иномъ и гораздо болѣе легкомъ для пониманія. Таково напримѣръ понятіе о Платоновыхъ идеяхъ, какъ о чемъ-то неизмѣняющемся и неподвижномъ, что существеннѣйшимъ образомъ противорѣчитъ ученію Платона, какъ оно изложено въ «Софистѣ» и отчасти въ «Парменидѣ».

II.

Господствующее положеніе въ нашей наукѣ и литературѣ всегда занимала философія германская, и интересъ къ ней былъ распространенъ и въ массѣ общества. Характеристическія черты ея вліянія были слѣдующія. Во первыхъ, ея идеи распространялись преимущественно съ каѳедры. Далѣе, изученіе ея было чрезвычайно жизненно въ томъ смыслѣ, что оно не замыкалось въ самомъ себѣ, не оставалось безъ послѣдствій, но косвенно оказывало сильнѣйшее вліяніе и внѣ сферы собственно философскихъ изученій; оно направляло научныя занятія и опредѣляло ихъ характеръ, и въ области исторіи, теоріи литературы и вообще искусства, и даже въ сферѣ наукъ о природѣ. Наконецъ, она съ чрезвычайною силою вліяла на литературу и общество, отражаясь, напр., въ идеяхъ обѣихъ нашихъ большихъ партій — славянофиловъ и западниковъ. Ея вліяніе, кромѣ внутреннихъ достоинствъ, слѣдуетъ объяснить нашею близостью съ Германіей и постоянствомъ общенія съ ней, особенно черезъ посылку нашихъ ученыхъ въ ея университеты. По крайней мѣрѣ извѣстно, что внѣ своего отечества германская философія распространилась ранѣе всего у насъ и у насъ-же, по

всему вѣроятію, наиболѣе тщательно изучалась. У насъ она нерѣдко всецѣло становилась міровоззрѣніемъ людей и опредѣляла всѣ ихъ жизненные взгляды и отношенія, тогда какъ въ другихъ странахъ она, если и входила въ убѣжденія людей, то всегда лишь въ ряду многихъ другихъ ей чуждыхъ идей, и была скорѣе извѣстна только, нежели вліятельна (Тэнъ, Ренанъ). Наконецъ, что вліяніе германской философіи во многомъ объясняется близостью и постоянствомъ нашихъ сношеній съ Германіей, можно видѣть и изъ того, какія именно философскія системы ея у насъ господствовали: изучались почти исключительно тѣ системы, которыя въ данный текущій моментъ являлись господствующими въ Германіи. Такъ ни Лейбницъ, ни даже Кантъ не изучались съ такою тщательностью, какъ Фихте, Шеллингъ и Гегель, и изъ трехъ послѣднихъ первымъ двумъ далеко не удѣлялось столько вниманія, сколько третьему, безъ сомнѣнія потому, что въ самой Германіи ихъ философія, чрезвычайно быстро смѣнилась философіей этого послѣдняго [1]). Замѣчательно, что ни одно сочиненіе Шеллинга не переведено на русскій языкъ. Вообще, въ самый разгаръ изученія германскихъ мыслителей, они почти совершенно не переводились на русскій языкъ. Переводы стали появляться только съ начала шестидесятыхъ годовъ и это, быть можетъ, не безъ косвеннаго вліянія начавшагося въ это время совершенно иного философскаго теченія. Здѣсь, вѣроятно, сказалось желаніе защитить идеалистическую философію, выдвинувъ ее не въ переработкѣ, а въ ея неизмѣнномъ видѣ.

Вліяніе германской философіи развивалось одновременно съ изученіемъ древней и благопріятствовало ему, хотя это изученіе являлось подчиненнымъ по отношенію къ изученію философіи германской и какъ-бы вытекало изъ него. Мы уже говорили, что жизненнаго значенія идеи греческой философіи никогда не имѣли въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ, т.-е. онѣ никогда не получали руководящаго вліянія и объясняющаго значенія въ области другихъ наукъ или въ сферѣ практической жизни. Изученіе произведеній древней философіи всегда было только предметомъ спеціальныхъ занятій немногихъ ученыхъ, и въ этомъ оно рѣзко отличалось отъ изученія германскихъ философовъ (или вообще новыхъ), которое всегда было жизненно, всегда велось съ цѣлью научиться, съ надеждою достигнуть истиннаго знанія.

[1]) Мы опускаемъ здѣсь вліяніе Вольфа и его школы, потому что оно не простиралось на литературу и общество и ограничивалось почти исключительно учебными заведеніями, преимущественно средними. Вольфъ своею тщательною, хотя и не глубокою, обработкою всѣхъ частей философіи въ рядѣ ученыхъ трудовъ представилъ богатый запасъ свѣдѣній, изъ которыхъ долгое время черпали матеріалъ всѣ наши составители учебныхъ руководствъ по философіи и ея отдѣльнымъ частямъ, особенно по логикѣ. Но ни самъ Вольфъ не былъ глубокимъ философомъ, ни передѣлки его сочиненій не могутъ назваться въ строгомъ смыслѣ изученіемъ философіи.

III.

Съ 60-хъ годовъ появляются два новыхъ теченія въ развитіи философскихъ изученій въ нашей литературѣ и въ обществѣ: одно служитъ выраженіемъ англійской классической философіи, другое—выраженіемъ позитивной; оба одинаково враждебныя прежнимъ направленіямъ и хотя различныя, но сочувственно относящіяся другъ къ другу.

Есть два способа относиться къ научнымъ трудностямъ: первый состоитъ въ томъ, чтобы бороться съ ними, въ борьбѣ изощрять свои силы и наконецъ преодолѣвать ихъ; второй способъ состоитъ въ томъ, чтобы обходить ихъ. Исторія спеціальныхъ наукъ и философіи одинаково представляетъ примѣры какъ одного, такъ и другого отношенія; однако, къ чести человѣческаго ума слѣдуетъ замѣтить, что уклоненія отъ рѣшенія трудныхъ вопросовъ являлись несравненно рѣже, нежели настойчивыя попытки разрѣшить ихъ. Есть нѣкоторые немногіе вопросы науки, самое возникновеніе которыхъ было неправильно и обусловливалось неясностью, неразработанностью той или другой области знанія. Таковы знаменитыя задачи въ геометріи и въ механикѣ: найти квадратуру круга и вѣчное движеніе. Можно сказать, что общею характеристикою этихъ вопросовъ служитъ нѣкоторая какъ-бы исключительность ихъ, отсутствіе общаго значенія для науки, которое могло-бы пріобрѣсти ихъ разрѣшеніе. Они лежатъ въ сторонѣ отъ цѣльнаго движенія науки и ихъ нерѣшенность ни въ чемъ не препятствуетъ этому движенію, нисколько не задерживаетъ его. Это вопросы скорѣе любопытные, нежели важные. Замѣтимъ, однако, что, несмотря на ихъ неважность, умъ человѣческій и отъ нихъ отказался только тогда, когда была строго и отчетливо доказана невозможность ихъ разрѣшенія. Кромѣ этихъ немногихъ и исключительныхъ трудностей, признанныхъ неразрѣшимыми, есть другія и гораздо болѣе многочисленныя трудности, которыя часто въ теченіи ряда вѣковъ не поддавались усиліямъ человѣческаго ума, и исторія ихъ разрѣшенія—то, что слѣдовало за этимъ разрѣшеніемъ,—чрезвычайно поучительна. Разработывая какую-нибудь область науки и уже исчерпавъ ея содержаніе, умъ человѣческій обыкновенно находилъ, что въ то время, какъ все другое въ ней ясно и не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній, есть немногіе вопросы, которые рѣшить было не только неизмѣримо труднѣе, нежели всѣ остальные, но которые и послѣ всѣхъ усилій еще заключаютъ въ себѣ нѣкоторую неясность: въ рѣшеніи ихъ какъ будто есть какая-то недоконченность, въ нихъ самихъ—какая-то темнота и запутанность. И всякій разъ, неустанно размышляя о нихъ, человѣческая мысль приходила къ открытію новой и высшей области науки, самаго существованія и

возможности которой никто не подозрѣвалъ дотолѣ. Къ этой высшей области именно и принадлежали казавшіеся столь трудными прежде вопросы—въ ней они получали ясное и простое разрѣшеніе. Изслѣдовавъ эту новую область, человѣкъ и въ ней находилъ нѣкоторыя особенныя трудности, рѣшеніе которыхъ вводило его въ другую и еще болѣе высокую сферу знанія, и т. д., до нашего времени. Всѣ эти особенные и трудные вопросы науки представляли собою какъ-бы нити, только одинъ конецъ которыхъ находился въ изслѣдуемой области, другой-же скрывался въ той, которую еще предстояло открыть. Въ исторіи они всегда служили ариадниною нитью, которая все дальше и дальше уводила человѣческій умъ въ лабиринтъ знанія, и основнымъ стимуломъ, который никогда не давалъ ему успокоиться, во всякій моментъ времени являясь передъ нимъ тѣмъ, что съ одной стороны уже было хорошо извѣстно, съ другой-же стороны было еще совершенно темно. Пользуясь совершеннымъ свѣтомъ или пребывая среди совершенной темноты, человѣкъ, быть можетъ, не двигался-бы впередъ—ему нуженъ нѣкоторый полумракъ, и вѣчныя усилія разсѣять его составляютъ то, что мы называемъ исторіей науки и философіи. Какъ на особенно извѣстные примѣры подобнаго открытія новыхъ сферъ знанія черезъ изученіе особенно трудныхъ вопросовъ въ прежнихъ сферахъ, можно указать на открытіе аналитической геометріи Декартомъ и дифференціальнаго исчисленія Лейбницомъ.

Къ числу подобнаго рода затрудненій, безъ сомнѣнія, относятся и вопросы философіи, стремящейся изучить элементы всякаго бытія и знанія. Думать, что въ теченіи ряда вѣковъ всѣ ея усилія были совершенно безплодны, можетъ рѣшиться или тотъ, кто не знакомъ съ тѣмъ, что пріобрѣтено этими усиліями, или тотъ, кто, въ силу самаго устройства своего ума, не можетъ понять и оцѣнить эти пріобрѣтенія. Что теорія знанія ничего не пріобрѣла въ трудахъ Канта, что всѣ жизненные процессы нисколько не стали яснѣе послѣ Лейбница,—утверждать это возможно лишь при отсутствіи истиннаго и глубокаго интереса къ этой теоріи и къ этимъ процессамъ, и при вытекающемъ отсюда поверхностномъ изученіи названныхъ философовъ. *Отсутствіе живой любознательности есть исключительный и единственный источникъ всякаго отрицанія философіи*,—и такое отрицаніе всегда являлось результатомъ или временнаго, или мѣстнаго пониженія психическаго уровня, ослабленія умственной силы. Оно можетъ внушать тревогу за данныя условія исторической жизни и за тѣхъ, кто живетъ въ нихъ, но оно не можетъ и не должно внушать никакихъ опасеній за самую философію. Если до сихъ поръ у всѣхъ народовъ она развивалась въ высшіе моменты ихъ духовной жизни, если ей предавались самые могущественные умы человѣчества, если она завершала всякую исторію, а не являлась въ началѣ ея, во время всеобщей

грубости, то и мы, на основаніи двухтысячелѣтняго опыта, должны скорѣе усомниться въ чрезвычайномъ превосходствѣ своихъ умственныхъ силъ, нежели думать, что въ наше время исторія совершается какъ-то совершенно наоборотъ сравнительно съ тѣмъ, какъ она повсюду и всегда шла до сихъ поръ.

Но и, далѣе, признаніе неразрѣшимымъ не одного какого-нибудь вопроса, и притомъ имѣющаго частное значеніе, а всей совокупности вопросовъ, изъ интереса къ которымъ возникла философія,—это также противорѣчитъ всему, что мы знаемъ объ исторіи наукъ. Эта неразрѣшимость была-бы такимъ-же страннымъ и необычайнымъ явленіемъ, какъ еслибы геометрія была возможна въ нѣкоторыхъ побочныхъ своихъ вѣтвяхъ, но невозможна была-бы въ своемъ цѣломъ, наприм. въ ней существовала-бы и разрабатывалась теорія предѣловъ или ученіе о коническихъ сѣченіяхъ, но не было-бы возможности что-нибудь сдѣлать въ стереометріи или въ тригонометріи. И мы думаемъ, что на усилія ограничить философію индуктивною логикою и опытною психологіей слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ мы смотрѣли-бы теперь на мнѣніе ученыхъ времени упадка греко-римской цивилизаціи и зарожденія христіанской, которые стали-бы утверждать, что наприм. геометрія закончена Эвклидомъ, такъ какъ позднѣйшія попытки Архимеда и Аполлонія ввести въ область ея изученія коническія сѣченія остались совершенно безуспѣшными: совершенная непонятность ихъ сочиненій съ ясностью доказываетъ-де, что эта наука навсегда должна ограничиться изученіемъ фигуръ, чертимыхъ съ помощью циркуля и линейки.

Каждое сочиненіе, каковы-бы ни были его внѣшнія черты, сопровождается или не сопровождается оно эрудиціею,—научно лишь настолько, насколько оно доказательно; поэтому, что касается до трудовъ спеціально философскихъ, то ихъ научность обусловливается единственно силою сужденія. И вотъ именно здѣсь—въ этомъ центральномъ нервѣ всякой науки и всякой философіи, замѣчается въ текущей литературѣ какая-то тревожная разстроенность, что̀ въ особенности и побудило насъ выше приписать отрицаніе философіи простому пониженію психическаго уровня въ переживаемый нами моментъ исторической жизни. Эта разстроенность силы сужденія проявляется въ двухъ чертахъ: въ неспособности сознать силу чужой аргументаціи и въ неспособности почувствовать слабость собственной [1]). Каждый кто внимательно сталъ-

[1]) По временамъ эта неспособность къ сужденію достигаетъ поразительной степени: намъ случилось прочесть въ одномъ изъ журналовъ рядъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Петербургѣ, предметомъ которыхъ служили явленія зависимости физіологическихъ функцій отъ воли человѣка (напр. произвольное ускореніе своего кровеобращенія, къ которому способны нѣкоторые индивидуумы). Вообще всѣ лекціи отличались чрезвычайнымъ интересомъ сообщае-

бы присматриваться къ научнымъ трудамъ нашего времени, въ большинствѣ ихъ замѣтилъ-бы этотъ странный недостатокъ: обыкновенно всякаго рода мысли въ нихъ высказываются и иногда развиваются, но почти никогда не обосновываются, и это до такой степени стало обычно, что уже почти не замѣчается. Если доказательства иногда и приводятся, то они имѣютъ такую форму, что въ нихъ скорѣе можно видѣть остатокъ литературной манеры прежняго времени, нежели живую логическую потребность пишущаго: такъ мало въ нихъ осторожности, такъ торопливо и небрежно они дѣлаются. Идеи высказываются и принимаются просто на основаніи бо́льшей или меньшей склонности къ нимъ, которая обусловливается всѣмъ психическимъ строемъ и общимъ характеромъ ранѣе воспринятыхъ впечатлѣній и случайно усвоенныхъ знаній. Древніе сказали-бы, что это «мнѣнія, а не знанія»; примѣняясь къ понятіямъ нашего времени, мы скажемъ, что тутъ нѣтъ никакой доли науки. Такъ и знаменитое положеніе объ исключительно опытномъ происхожденіи всѣхъ знаній, высказанное англійскою философіею, въ примѣненіи къ самой основѣ индукціи—закону всеобщей связи причины со слѣдствіемъ, можетъ быть выражено такъ: «всѣ знанія, пріобрѣтенныя путемъ индукціи черезъ простое перечисленіе, не обладаютъ полною достовѣрностью; знаніе закона всеобщей связи причины со слѣдствіемъ пріобрѣтено путемъ индукціи черезъ простое перечисленіе (безчисленныя и частью безсознательныя наблюденія надъ окружающею дѣйствительностью); однако этотъ законъ отличается полною достовѣрностью и, въ качествѣ основы индуктивной теоріи, есть источникъ достовѣрности всякихъ другихъ знаній». Здѣсь различіе въ степени достовѣрности двухъ знаній, добытыхъ (по предположенію) однимъ и тѣмъ-же путемъ, является первымъ примѣромъ безпричиннаго факта; и то, что онъ не возбуждаетъ вниманія и любопытства цѣлой философской школы настоящаго времени, свидѣтельствуетъ о томъ отсутствіи въ ней любознательности, о которомъ мы говорили выше.

Изъ англійскихъ философовъ Д. С. Милль пользуется едва-ли не наибольшимъ уваженіемъ и любовью въ нашемъ обществѣ, и притомъ въ его наиболѣе развитой и благородной части. Причина этого лежитъ въ томъ, что вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими философскими писателями новаго времени — Литтре, Ланге, а у насъ Кавелинымъ, онъ образуетъ очень характерную группу мыслителей, къ которой такъ идутъ прекрасныя слова: «dovie meliora proboque, deteriora sequor». Въ великомъ историческомъ процессѣ, черезъ который проходитъ духовная жизнь Европы, они были избраны

мыхъ фактовъ, но каково-же было наше изумленіе, когда въ концѣ послѣдней мы прочли заключительный выводъ, что всѣ эти факты съ очевидностью показываютъ зависимость психическихъ явленій отъ коркового вещества мозга.

выразителями одного преходящаго, но необходимаго момента. Безсознательно и невольно для себя они выполняли эту миссію, но они несли ее какъ бремя. Проповѣдь того, что́ они считали истиною, не приносила имъ радости, и они чувствовали что-то почти враждебное къ тѣмъ, кто за ними слѣдовалъ. Окруженные европейскою славою, они лишены были того простого и свѣтлаго чувства, которое жило въ самыхъ убогихъ проповѣдникахъ противоположныхъ идей, часто преслѣдуемыхъ и гонимыхъ. На всей ихъ дѣятельности лежитъ печать какого-то грустнаго стоицизма, и онъ исходилъ не изъ внѣшней борьбы, которая для нихъ была легка и успѣшна: они являлись стоиками не въ отношеніи къ окружающему обществу, но въ отношеніи къ той роли, выполнить которую имъ было суждено исторіею. Кто умѣетъ чувствовать помимо прямого и точнаго смысла словъ тотъ духъ и то настроеніе, съ которымъ писатель произноситъ ихъ, тотъ увидитъ въ ихъ сочиненіяхъ первые симптомы того чувства, которое въ послѣдніе годы съ такою силою охватило европейскія общества и обусловило принятіе и распространеніе философіи Шопенгауэра и Гартмана. Неустанные борцы противъ спиритуализма во всѣхъ формахъ его, они ни къ чему не влеклись съ такою силою, какъ именно къ нему, ни къ чему не прислушивались съ такимъ вниманіемъ, ни надъ чѣмъ не задумывались такъ часто; и то, что въ теченіе своей жизни они такъ тщательно хоронили въ себѣ, то они выразили подъ конецъ ея, не будучи въ силахъ долѣе сдерживаться [1]).

Кромѣ названныхъ писателей и болѣе, нежели всѣ они, читался у насъ Гербертъ Спенсеръ; но онъ уже относится къ совершенно иному теченію философской мысли. Если Д. С. Милль служитъ только соединительнымъ звеномъ между англійскою классическою философіею и позитивною, то Спенсеръ является уже представителемъ позитивизма, къ вліянію котораго на нашу литературу мы и переходимъ.

IV.

Позитивное направленіе философіи, въ противоположность всѣмъ ранѣе указаннымъ, очень слабо выражено въ нашихъ университетахъ и академіяхъ, но чрезвычайно сильно въ литературѣ и въ обществѣ. Оно почти не проводится ex cathedra, а если и прово-

[1]) Литтре бросаетъ позитивную философію для своего историческаго словаря и считаетъ его лучшимъ и самымъ долговѣчнымъ своимъ трудомъ; Д. С. Милль пишетъ подъ конецъ жизни трактатъ о религіи; Ланге почти каждую главу своей «Исторіи матеріализма» начинаетъ съ полемики противъ идеализма, а кончаетъ отрицаніемъ матеріализма; юристъ Кавелинъ кончаетъ тѣмъ, что личное нравственное совершенствованіе ставитъ выше общественно-политическихъ улучшеній (въ «Задачахъ этики») и признаетъ недостаточность утилитаризма. Чрезвычайно характерно также различіе въ его отношеніяхъ къ проф. Сѣченову и Самарину.

дится, то большею частью не съ каѳедры философіи; но ему посвящено множество отдѣльныхъ трудовъ и статей въ періодическихъ изданіяхъ, и что интересъ къ этимъ трудамъ былъ очень живъ—на это указываетъ то, что и вся остальная наша литература въ ея цѣломъ полна была вѣяній этого направленія. Съ 60-хъ годовъ оно почти безраздѣльно господствовало въ нашей литературѣ и жизни, и только въ послѣдніе годы на-половину вытѣснено другими вліяніями. Замѣтимъ, что по своей жизненности, по вліянію на весь складъ убѣжденій — нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ—оно походитъ на вліяніе германской философіи въ 40-хъ годахъ.

Мы сказали, что вліяніе позитивной философіи уже на половину вытѣснено теперь; можно прибавить, что она вообще есть явленіе отживающее. Она ни въ комъ не вызываетъ болѣе энтузіазма, и ея основныя положенія уже не распространяются, но только защищаются—вѣрный симптомъ всякаго упадка въ сферѣ духовной жизни. Даже тѣ, которые принимаютъ на себя ея защиту, дѣлаютъ это вяло, безъ какого-либо напряженія силъ, и, можно думать, изъ этихъ защитниковъ многіе готовы равнодушно промѣнять ее на всякую другую философію. Въ большинствѣ случаевъ, по самому характеру ихъ писаній, можно узнать въ нихъ философскихъ индифферентистовъ, которые держатся позитивизма не потому, чтобы онъ былъ имъ дорогъ, но вслѣдствіе простой косности, для которой непріятна всякая умственная работа и необходимо связанное съ нею всякое измѣненіе въ разъ сложившихся убѣжденіяхъ. Однако если не въ средѣ писателей, то въ массѣ общества еще находятся люди искренно и глубоко убѣжденные въ истинности этого ученія.

Роковымъ для позитивной философіи можетъ быть вопросъ: что именно даетъ она человѣческому знанію, чего не дано помимо нея? Она отрицаетъ философію и она безполезна для наукъ. И въ самомъ дѣлѣ, если смыслъ и цѣль ея заключается въ томъ, чтобы, показавъ безплодность всякаго умозрѣнія, сосредоточить умственныя силы людей исключительно на положительномъ знаніи, то она могла-бы имѣть значеніе лишь тогда, когда цѣль эта была-бы достигнута. Но люди продолжаютъ заниматься философіею послѣ появленія позитивизма такъ-же, какъ и до него. Значитъ онъ не содержитъ въ себѣ доводовъ, одинаково убѣдительныхъ для всѣхъ. Явленіе странное: каждое открытіе, каждое положеніе въ сферѣ точнаго знанія—въ математикѣ, въ физикѣ, въ химіи, признается тотчасъ-же всѣми людьми, не отвергается приверженцами ни одной философіи; отчего-же утвержденія позитивизма принимаются не всѣми? Быть можетъ, возставая противъ философіи, онъ самъ есть только философія? Это подозрѣніе оправдывается не одною исторіею его распространенія, и исторіею его возникновенія. Онъ не только распространяется совершенно также, какъ распространялась и вся-

кая другая философія—принимается одними и отвергается другими, чего никогда не бываетъ съ точными науками, съ «положительнымъ знаніемъ»; но и кромѣ того, если всякая истина, какъ въ немъ утверждается, должна быть результатомъ опыта и наблюденія, то можно спросить: на какихъ опытахъ и наблюденіяхъ возведено зданіе самой позитивной философіи? Очевидно, что это есть теоретическое построеніе, какъ и всякая другая философская система: О. Контъ вовсе не былъ экспериментаторомъ, а мыслителемъ,—и кто станетъ отрицать это? Но если такъ, то положительная философія содержитъ въ себѣ и предсказаніе своей ближайшей судьбы; ея значеніе «взвѣшено и смѣрено» въ ней самой. И въ самомъ дѣлѣ, она утверждаетъ, что всѣ философскія построенія преходящи, и потому не истинны. Въ отличіе отъ точныхъ знаній, они временно владычествуютъ надъ человѣческими умами и смѣняются одни другими, что не можетъ быть съ истиною доказанною, точною. Слѣдовательно, какъ философское построеніе, и она должна погибнуть въ будущемъ, а съ нею и все содержаніе ея, весь смыслъ, всѣ положенія и требованія. Но все въ сферѣ знанія, что̀ пройдетъ въ будущемъ, не есть уже теперь истина. Итакъ признаніе позитивизма ведетъ къ его отрицанію, и это съ безусловною необходимостью: если онъ есть лишь требованіе. то онъ лишенъ силы заставить признать себя, и потому безплоденъ; если онъ есть теоретическое построеніе, то почему оно истинно, когда всѣ другія ложны? Если онъ есть ограниченіе и обоснованіе знанія опытомъ и наблюденіемъ, то зачѣмъ онъ на первыхъ-же шагахъ измѣнилъ себѣ, не призвавъ опытъ и наблюденіе къ построенію самого себя?

Но, являясь такъ безнадежно запутаннымъ съ философской точки зрѣнія, позитивизмъ и для точныхъ наукъ остается также безплоднымъ, и въ этомъ именно лежитъ его главный недостатокъ сравнительно съ другими системами философіи. На философію въ ея историческомъ развитіи слѣдуетъ смотрѣть именно какъ на системы мыслимости того, о чемъ или не можетъ быть никакого точнаго знанія или о чемъ оно еще не явилось пока. Отсюда именно и вытекаетъ ея глубокая жизненность въ цѣломъ, несмотря на всѣ умиранія отдѣльныхъ системъ, и здѣсь же лежитъ объясненіе того факта, что не будучи сама точнымъ знаніемъ, она всегда стояла во главѣ наукъ, двигала, одушевляла и направляла ихъ; наконецъ въ этомъ-же слѣдуетъ искать объясненія и третьей особенности ея сравнительно съ точнымъ знаніемъ, именно ея универсальнаго значенія въ умственной жизни народовъ — того, что въ каждый моментъ своего развитія она являлась центральнымъ фокусомъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ духовные интересы, всѣ исканія и всѣ надежды даннаго поколѣнія людей. И въ самомъ дѣлѣ, есть многое, о чемъ человѣкъ не можетъ имѣть точнаго знанія, но отъ

мысли о чемъ (въ какой-бы то ни было ея формѣ) онъ не можетъ отказаться. Міръ въ своемъ цѣломъ похожъ на сложный механизмъ, который лежитъ передъ человѣкомъ, но къ которому онъ не можетъ подойти. Онъ видитъ нѣкоторыя части этого механизма, но ничего не знаетъ о другихъ, и особенно внутреннихъ, частяхъ; не знаетъ также и того, откуда онъ взялся и для чего существуетъ. Спрашивается, можетъ-ли онъ воздержаться отъ всякой мысли объ этихъ невидимыхъ частяхъ, этомъ неизвѣстномъ возникновеніи и неизвѣстной цѣли? Мы думаемъ—не иначе, какъ переставъ быть человѣкомъ. Животное смотритъ на такіе механизмы безо всякаго желанія узнать то, что скрывается за видимыми ихъ частями; но человѣкъ—ребенокъ, дикарь, философъ,—всегда что нибудь думаетъ о немъ. Здѣсь проявляется вѣчное стремленіе всякаго знанія перейти въ пониманіе, и оно вытекаетъ изъ самаго устройства психической природы человѣка, почему одинаково присуще и тому, кто посвятилъ всю свою жизнь наукѣ, и тому, кто не знаетъ самого слова «наука». Объ этомъ-то неизвѣстномъ человѣкъ можетъ образовать или рядъ мыслей, которыя не будутъ противорѣчить ни тому, что онъ замѣчаетъ въ видимыхъ частяхъ механизма, ни другъ другу: это—философія; или онъ можетъ вообще что-нибудь думать, представлять себѣ то или другое, нисколько не связывая эти представленія ни между собою, ни съ тѣмъ, что онъ видитъ: это—мнѣнія обыкновенныхъ людей, чуждыхъ философіи и науки; наконецъ, онъ можетъ будто-бы совершенно ничего не думать: это—позитивизмъ. Но содержится-ли въ послѣднемъ какое-нибудь средство подавить въ человѣкѣ эту потребность переходить отъ знанія къ пониманію? Нѣтъ, онъ есть лишь совѣтъ или требованіе удерживаться отъ ея удовлетворенія. Приверженцы этой странной философіи утверждаютъ, что съумѣли достигнуть такой воздержанности, но мы имъ не вѣримъ, потому что продолжаемъ видѣть въ нихъ людей. Показателемъ ихъ тайныхъ мыслей служитъ ихъ неодинаковое отношеніе къ тѣмъ, кто такъ или иначе высказываетъ свои взгляды на это неизвѣстное. Кто ничего не утверждаетъ, тотъ ничего и не отрицаетъ; кто никакъ не думаетъ о чемъ-либо, тотъ одинаково относится ко всякимъ мыслямъ о немъ. Сохраняютъ-ли позитивисты это абсолютное спокойствіе, абсолютную одинаковость въ своемъ отношеніи ко всѣмъ міросозерцаніямъ, каковъ-бы ни былъ ихъ характеръ? Нѣтъ они не дѣлаютъ этого—они съ жаромъ отрицаютъ одно и равнодушнѣе смотрятъ на другое, напр. равнодушнѣе смотрятъ на раціоналистическую философію, нежели на теософію; значитъ, они думаютъ что-то о неизвѣстномъ, но только не высказываютъ ни другимъ, ни даже другъ другу своихъ мыслей. Изъ нихъ каждый въ отдѣльности есть въ душѣ философъ, но ихъ философія по необходимости плоха, потому что они чуждаются общенія, не высказываются и взаимно не провѣряютъ своей философіи. Она

плоха и потому также, что образована почти безсознательно, что она—не плодъ тщательнаго обдумыванія, но уродливый результатъ полу-заглушенной потребности, которой не дано правильнаго удовлетворенія. Весь смыслъ позитивизма сводится къ этому: лучше плохо думать, чѣмъ хорошо; мысли бываютъ истиннѣе, когда онѣ не развиты и не согласованы другъ съ другомъ; мышленіе правильнѣе, когда оно безсвязно; «credo quia absurdum est», какъ сказалъ Тертулліанъ полторы тысячи лѣтъ назадъ. Философія, напротивъ, принимаетъ это непознаваемое и стремится дать удовлетвореніе этой потребности. Съ искусствомъ и силою, какія только доступны человѣческому уму, она построяетъ систему мысли, въ которую могутъ быть внесены поправки или которая будетъ даже замѣнена другою, но однородною по цѣли, по содержанію. Въ дѣйствительности всѣ философіи чрезвычайно близки между собою, родственны. Какъ треугольникъ и квадратъ одинаково геометрическія фигуры и существованіе одного нисколько не исключаетъ истинности существованія другого, такъ и предшествующія философіи не упраздняются, но лишь дополняются послѣдующими. Въ дѣйствительности—это одно царство человѣческой мысли, въ которомъ можно кое-что поправить или удалить, но въ которомъ ничто не разрушено и не разрушимо цѣликомъ. Тѣ или иные люди охотнѣе живутъ умомъ въ однихъ сооруженіяхъ этого царства, нежели въ другихъ, но это не уничтожаетъ ихъ истинности. Народы не обманывались въ теченіи вѣковъ, входя въ это царство мысли и преклоняясь передъ нимъ; напротивъ, ими руководилъ вѣрный инстинктъ. Если оно и не окончательная истина, какъ всякое единичное знаніе въ точныхъ наукахъ, то это величайшее приближеніе къ истинѣ, и притомъ обнимающее собою не частные предметы и явленія, но самую вселенную, въ которой лежатъ всѣ они.

Кромѣ сферъ, навсегда закрытыхъ для яснаго и точнаго знанія, есть другія, куда оно еще не успѣло проникнуть. Это—области, въ которыя предстоитъ вступить точнымъ наукамъ, но куда онѣ не могутъ вступить, если будутъ идти на удачу, не руководясь никакимъ планомъ, никакою мыслью. Этотъ планъ, эта руководящая мысль можетъ быть дана точнымъ наукамъ опять только философіею. Какъ въ системѣ мыслимости, или точнѣе, какъ въ рядѣ такихъ системъ, въ ней уже исчерпаны всѣ способы отношенія человѣческаго ума къ неизвѣстному. Въ каждый моментъ своего развитія, каждый разъ, когда она стоитъ передъ неразрѣшенною задачею, точная наука повторяетъ въ себѣ то положеніе, въ которомъ всегда стояла философія: то-же непознаваемое лежитъ передъ нею; и въ философіи, въ длинномъ рядѣ попытокъ проникнуть въ неизвѣстное, она можетъ выбирать тотъ способъ, который ей кажется наиболѣе пригоднымъ. Отсюда—великое методическое значеніе умозрительной философіи. Она есть неистощимый арсеналъ, от-

куда всякая наука можетъ брать нужное для нея оружіе. Каждое открытіе, которое предстоитъ сдѣлать, всякое ожидаемое объясненіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только нѣкоторою комбинаціею человѣческой мысли, отличною отъ тѣхъ, которыя уже существуютъ: мысль должна совершить нѣкоторое движеніе, чтобы выйти изъ того расположенія идей и представленій, которое въ ней есть, и принять другое, искомое. Этотъ переходъ долженъ быть совершенъ по какому-нибудь пути, и указаніе этихъ путей содержится въ философіи, которая ходила всѣми путями. Не «Аналитики» Аристотеля и не дополненіе, сдѣланное къ нимъ Бэкономъ, но философія во всемъ ея цѣломъ есть великій охранитель всякой науки. Историки философіи замѣчаютъ, что ни Аристотель не руководился правилами силлогизаціи въ построеніи своей философіи, ни ученые правилами индукціи въ своихъ открытіяхъ, и что вообще знаніе логики не даетъ средства двигать науку впередъ. Но изъ общаго хода человѣческаго развитія мы знаемъ, что великимъ успѣхамъ въ области точныхъ наукъ всегда предшествовало великое развитіе теоретическаго мышленія: эпохѣ александрійскихъ ученыхъ—развитіе греческой философіи, эпохѣ зарожденія новой науки въ XVI—XVII вв.—великое напряженіе мысли въ схоластической философіи. Вовсе не въ «Новомъ Органонѣ» Бэкона слѣдуетъ искать начала новой европейской науки, такъ какъ изъ исторіи ея съ точностью извѣстно, что его или не знали, или на него не обращали вниманія творцы точныхъ наукъ—механики, физики, астрономіи и другихъ: ея истинный корень лежитъ въ схоластической философіи — въ томъ историческомъ воспитаніи и изощреніи, которое получила въ ней предварительно человѣческая мысль. Этимъ объясняется, почему народы новѣйшей формаціи, и между ними мы сами, нашъ народъ,—ничего, или почти ничего не можемъ сдѣлать въ наукахъ, хотя творенія Бэкона открыты передъ нами. Это потому, что наша мысль исторически не воспитана, и именно въ философіи. Замѣчательно, что самъ Бэконъ не только ничего не сдѣлалъ въ наукахъ, но даже не понималъ открытій, сдѣланныхъ его современниками; напротивъ, Декартъ и Лейбницъ—творцы новой умозрительной философіи—дали великое движеніе и точнымъ наукамъ: одинъ—открытіемъ аналитической геометріи, другой—изобрѣтеніемъ дифференціальнаго исчисленія. Но и кромѣ того, они съ величайшею проницательностью трудились надъ выясненіемъ всѣхъ первыхъ и основныхъ началъ физико-механическихъ наукъ, которыя съ такимъ трудомъ возникали въ ихъ время, и дальновидность одного изъ нихъ простиралась такъ далеко, что современный намъ физикъ сказалъ о своей наукѣ: «будучи ньютоніанскою по содержанію, она является картезіанскою въ своихъ стремленіяхъ» [1]).

[1]) „Философія Декарта. Разсужденіе о методѣ". Переводъ и объясненія проф. *Любимова*. Спб. 1886. Предисловіе.

Все сказанное относится къ методамъ, какъ общимъ путямъ всякаго изслѣдованія. Но для успѣшности послѣдняго необходимы еще нѣкоторыя предваряющія представленія о неизвѣстномъ, безъ которыхъ невозможно приступить къ самому изслѣдованію его. Они обусловливаютъ собою частные пріемы изученія, его исходную точку и подробности. Нельзя ничего изучать, не имѣя совершенно никакого представленія объ изучаемомъ,—потому что съ чего тогда начать его и на какой вопросъ оно должно отвѣтить? Эти представленія, которыя необходимо составляетъ себѣ всякій натуралистъ приступая къ опытамъ и наблюденіямъ,—въ наиболѣе совершенной формѣ, и слѣдовательно наиболѣе могущія облегчить изученіе, содержатся также въ философіи. Будучи цѣльнымъ міросозерцаніемъ, она можетъ дать созерцаніе и того частнаго, что предстоитъ изслѣдовать, потому что частное всегда отражаетъ въ себѣ цѣлое, имѣетъ нѣчто аналогичное въ своемъ строеніи и въ своей сущности съ этимъ цѣлымъ, никогда не можетъ быть чѣмъ-либо совершенно разнороднымъ съ нимъ. Цѣлое-же въ философіи, если и не познано окончательно, то обдумано съ такою тщательностью, которая даетъ возможно большее приближеніе къ знанію: философія не есть сама истина, но то, истиннѣе чего ничего нѣтъ. И притомъ цѣлое въ ней обдумано не только въ формѣ общаго представленія: въ ней содержится также выясненіе и основныхъ категорій, на которыя оно распадается. Таковы, наприм., начала причинности и цѣлесообразности. Что-бы ни изучала точная наука, она всюду встрѣтится съ проявленіемъ котораго-нибудь изъ этихъ началъ, и ясно, что пониманіе ихъ можетъ облегчить объясненіе единичныхъ явленій природы.

Въ этомъ-то методическомъ отношеніи позитивная философія безсильна, и это составляетъ главный недостатокъ ея—тотъ, вслѣдствіе котораго, ничего не внося собственно въ философію, она является безполезною и для наукъ. Что въ ней не содержится никакого новаго открытія или объясненія природы, это общеизвѣстно; но въ ней не содержится и никакого указанія, которое могло-бы способствовать такимъ открытіямъ, никакого объясняющаго принципа для явленій и предметовъ. Умозрительныя построенія она отвергаетъ, а методъ опытнаго изслѣдованія, который хотя и не помогаетъ открытіямъ, но по крайней мѣрѣ объясняетъ, какъ они совершились, былъ установленъ Бэкономъ и усовершенствованъ Ньютономъ, Гершелемъ и Д. С. Миллемъ; О. Контъ и его школа ничего не сдѣлали въ этомъ отношеніи. Далѣе, будучи сама теоретическимъ построеніемъ, и притомъ по своей трудности не могущимъ стать въ уровень съ другими системами философіи, она ничего не можетъ дать какъ образецъ и какъ примѣръ. Что касается до предваряющихъ представленій, то не будучи цѣльнымъ міросозерцаніемъ, она не можетъ дать и ихъ; эти представленія, по ея

указанію, должны быть лишь результатомъ точнаго изслѣдованія, которое однако, какъ мы замѣтили, не можетъ и начаться безъ нихъ. Но что́ въ особенности важно—это то, что въ ней не изучаются категоріи мірозданія, и потому она не можетъ даже способствовать объясненію ни одного явленія. Единственная категорія, на которую она указываетъ лишь, какъ на объясняющую явленія природы, есть категорія причинности. Но она уже ранѣе была разработана Декартомъ, а также отчасти (въ другомъ смыслѣ) англійскою классическою философіею.

Единственная отличительная особенность позитивной философіи заключается въ извѣстной іерархіи, которую она устанавливаетъ между науками, и эта іерархія есть именно то, что ни въ какомъ случаѣ не полезно, а можетъ быть даже и вредно для нихъ. Ея основная мысль состоитъ въ томъ, что человѣческое знаніе должно восходить отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Эта мысль высказана уже Декартомъ въ его «Разсужденіи о методѣ», и она справедлива и плодотворна именно лишь на столько, на сколько установлена имъ: т.-е. *при изученіи однороднаго*, однѣ части котораго болѣе просты, а другія болѣе сложны, мы должны начинать съ перваго, какъ наприм. въ алгебрѣ рѣшенію уравненій квадратныхъ и со многими неизвѣстными должно конечно предшествовать рѣшеніе уравненій съ однимъ неизвѣстнымъ и первой степени. Но О. Контъ распространилъ это на всѣ сферы познаваемаго, соединивъ ихъ въ одну непрерывную, будто-бы лишь усложняющуюся цѣпь бытія, а рядъ наукъ познающихъ это бытіе установилъ такимъ образомъ, что онъ начинается съ математики и завершается соціологіей.

Это можетъ имѣть лишь два смысла: во-первыхъ тотъ, что для успѣшности изысканій въ послѣдующей наукѣ нужно пользоваться тѣмъ, что уже добыто въ наукѣ предъидущей, *какъ истиною*; и во-вторыхъ тотъ, что къ болѣе сложной наукѣ приложимы *методы* простѣйшей. При томъ и другомъ смыслѣ, цѣпь бытія необходимо предполагается однородною—иначе очевидно, что ни методы, ни истины предъидущей науки не приложимы къ послѣдующей. Но если допустить первый смыслъ установленной О. Контомъ іерархіи, то самая разработка сложныхъ наукъ должна представиться совершенно невозможною, потому что къ болѣе сложной наукѣ очевидно приложимы не начальныя истины науки предъидущей, но истины завершающія—иначе былъ-бы рядъ наукъ, а не іерархія, въ которой основаніе послѣдующей науки покоится на вершинѣ предъидущей. Такъ именно и понимается это отношеніе наукъ, что можно видѣть наприм. изъ словъ, сказанныхъ на съѣздѣ германскихъ натуралистовъ однимъ физіологомъ (если не ошибаемся, Гельмгольцемъ): «организмъ и его явленія есть только *необыкновенно трудная* механическая задача». Но уже относительно простѣйшей нау-

ки—математики, извѣстно, что достиженіе ея вершинъ столь трудно, и въ этихъ вершинахъ она становится столь сложною, что ученые, работающіе въ одной ея области, не знаютъ и не въ силахъ слѣдить за тѣмъ, что совершается въ другихъ областяхъ; а между тѣмъ совершенно неизвѣстно, какая именно изъ завершающихъ областей предъидущей науки можетъ стать пригодною для разработки послѣдующей, и слѣдовательно онѣ должны быть въ равной мѣрѣ изучаемы всѣ. Ясно, что тотъ, кто захотѣлъ-бы разработкѣ болѣе сложной науки предпосылать усвоеніе содержанія всѣхъ простѣйшихъ, вѣчно кончалъ бы только началомъ, т.-е. онъ постоянно только усвоялъ-бы, и никогда не разработывалъ, вѣчно учился-бы и никогда не научалъ. Такимъ образомъ, при этомъ пониманіи іерархіи наукъ, никакой прогрессъ въ послѣднихъ невозможенъ.

Если-же принять второй смыслъ, то требованіе О. Конта, будучи во всякомъ случаѣ безполезно, въ одномъ случаѣ можетъ быть вредно. И въ самомъ дѣлѣ, сказать, что психологія наприм. должна разработываться при помощи физіологіи и ея методовъ, это значитъ не оказать услуги ни физіологіи, ни психологіи. Первой оказана была-бы услуга лишь тогда, когда мысль О. Конта сопровождалась-бы указаніемъ какого-нибудь средства ускорить разработку физіологіи нервной системы, которое могло-бы проникнуть въ тѣ тонкія и глубокія области органическихъ отправленій, гдѣ они переходятъ въ психическія. Но такого средства О. Контомъ не указано, а безъ него эта наука продолжаетъ развиваться и теперь такъ-же, какъ она развивалась и до него, какъ еслибы его философія никогда не появлялась. Что касается до психологіи, то требованіе позитивной философіи въ отношеніи къ ней сводится къ тому, чтобы были оставлены особые пріемы изученія, существующіе въ этой наукѣ, т.-е. что психологи должны примкнуть къ физіологамъ. Это конечно должно увеличить число послѣднихъ, но и то лишь неискусными и непривычными рабочими,—но что можетъ произойти отъ этого для самой науки? Если психологическія явленія дѣйствительно сводимы къ физіологическимъ, то естественнымъ своимъ развитіемъ, независимо отъ указаній О. Конта, она дойдетъ и до объясненія послѣднихъ; но возможно и другое предположеніе. Однородность явленій психическихъ и физіологическихъ или, возвращаясь къ общей мысли О. Конта, непрерывность ряда всѣхъ существъ и явленій природы, различіе ихъ лишь большею или меньшею сложностью—это есть вопросъ, который, конечно, разрѣшится только съ завершеніемъ науки. Но что, если этой непрерывности не существуетъ, и мірозданіе распадается на категоріи, не сводимыя одна къ другой? что если явленія и предметы, изучаемые простѣйшею наукою, окажутся лишь необходимою опорою для явленій и предметовъ, изучаемыхъ болѣе сложною наукою, отнюдь не захваты-

вающею ихъ сущности? Тогда указанія О. Конта уже не останутся только безполезными, какъ въ первомъ случаѣ, но явятся величайшимъ тормазомъ для развитія науки, какой только когда-нибудь появлялся въ исторіи; а всѣ успѣхи наукъ, столь быстрые и вызывающіе всеобщую радость, окажутся хотя и дѣйствительно «увеличеніемъ количества человѣческихъ знаній», но, однако, знаній лишь мнимой важности, только закрывающихъ собою истинный предметъ и истинныя задачи каждой науки. Въ этомъ случаѣ физики, рѣшающіе «необыкновенно трудную задачу организаціи и жизни», или физіологи, работающіе надъ вопросами психологіи, будутъ походить на того, кто, желая уразумѣть сущность осаднаго искусства, сталъ-бы изучать цвѣтъ, въ который выкрашены башни осаждаемой крѣпости, форму камней, изъ которыхъ сложены ея стѣны, и составъ почвы, на которой она стоитъ. Результаты такого изученія въ одномъ смыслѣ были-бы очень успѣшны, потому что давали бы все новыя и новыя свѣдѣнія, но въ другомъ смыслѣ они были-бы и совершенно безполезны. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, всѣ великіе успѣхи физіологіи по отношеніи къ явленіямъ психической жизни носятъ именно этотъ двусмысленный характеръ *).

V.

То вліяніе, которымъ теперь наполовину вытѣснена позитивная философія, принадлежитъ системѣ Шопенгауэра и Гартмана. Начало этого вытѣсненія у насъ слѣдуетъ отнести ко времени появленія разсужденія Вл. Соловьева: «Кризисъ западной философіи; противъ позитивизма» (Москва, 1874), которое вызвало большое движеніе въ нашей литературѣ. Всякій, кто помнитъ то время, вѣроятно согласится съ нами, что смѣлое и открытое нападеніе молодого ученаго на деспотически царившую систему показалось для многихъ какимъ-то освобожденіемъ и облегченіемъ. Интересъ къ философіи, который всегда былъ присущъ нашему обществу, но былъ подавленъ дотолѣ позитивизмомъ, снова почувствовалъ свою свободу, свое право на жизнь; поняли и приверженцы позитивизма, что ихъ авторитетъ поколебленъ, и вліяніе, которымъ они такъ долго и безраздѣльно пользовались въ нашей литературѣ и жизни, ускользаетъ отъ нихъ. Болѣе, нежели кому другому, Вл. Соловьеву слѣдуетъ приписать эту честь возрожденія философскихъ ученій и интересовъ въ нашемъ обществѣ. Но, какъ и всегда, къ сожалѣнію, это возрожденіе не пошло самостоятельнымъ путемъ, но только отразило въ себѣ то движеніе, которое началось въ то

*) Мысль эта (особенно въ примѣненіи къ физіологіи) съ замѣчательною тонкостью выяснена *Н. Н. Страховымъ* въ «Основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи», Спб. 1886.

время въ западно-европейской литературѣ: именно пессимистическая философія, получившая тогда широкое распространеніе въ Европѣ, получила господство и у насъ.

Уже самый характеръ распространенія пессимистической философіи осуждаетъ ее, какъ таковую, и заключаетъ въ себѣ вѣрные признаки того, что ея господство не будетъ продолжительно. То, что обусловило ея принятіе, было не объективная истинность ея, но соотвѣтствіе съ тѣмъ особеннымъ настроеніемъ, которое въ послѣдніе годы охватило европейскія общества,—не въ разумѣ, но въ чувствѣ лежитъ источникъ ея господства. Какъ противовѣсъ узкому самодовольству позитивизма и его самоувѣренности, она можетъ быть даже плодотворна. Скажемъ болѣе, еслибы она не спустилась такъ быстро въ слишкомъ низменные слои читающаго общества и не получила тамъ особую и непріятную окраску, она могла-бы возбудить бо́льшія ожиданія, хотя все-таки не въ собственно философскомъ отношеніи. Страданіе есть то, что очищаетъ человѣческую душу и углубляетъ ее, и оно необходимо во всѣ времена, въ наше же болѣе, нежели въ какое-либо другое; но это очищающее и углубляющее значеніе имѣетъ страданіе очень сильное и истинное. Оно есть именно то, что обрываетъ рѣчь и заставляетъ человѣка уходить въ себя; здѣсь, въ своемъ внутреннемъ мірѣ, онъ не живетъ болѣе для другихъ и здѣсь-же раскрываются его силы и пробуждается истинное и глубокое пониманіе религіозной и нравственной жизни. Но съ этимъ углубленіемъ и просвѣтленіемъ человѣческаго духа не имѣетъ ничего общаго столь распространенный теперь пессимизмъ, который болѣе всякой другой философіи шумливъ и суетенъ. Мы, впрочемъ, должны оговориться, что этотъ упрекъ почти долженъ быть снятъ съ Шопенгауэра *) и отнесенъ всецѣло къ Гартману. Во всякомъ случаѣ тотъ недостатокъ, который присущъ позитивной философіи, повторяется и въ пессимистической: она не способствуетъ лучшему пониманію природы и жизни, а только набрасываетъ на нихъ покровъ, вытканный въ субъективномъ духѣ и здѣсь получившій окраску сомнительнаго достоинства. То, что есть истинно цѣннаго въ ней—это различіе нѣсколькихъ видовъ причинности, и оно должно остаться неприкосновеннымъ въ философіи. Важны также объясненія нѣкоторыхъ явленій художественнаго и религіознаго творчества, впрочемъ только одного опредѣленнаго типа.

---

*) Хотя непріятно дѣйствуютъ его вѣчныя жалобы на то, что въ университетахъ и въ обществѣ его философія не принимается, и въ значительной степени вытекающая отсюда ненависть къ идеализму Фихте, Шеллинга и Гегеля, который господствовалъ въ его время въ Германіи. Здѣсь, думается намъ, уже сказалась жажда шумливаго успѣха, который теперь съ такимъ избыткомъ окружаетъ и, конечно, болѣе всего губитъ его философію.

VI.

Истинная задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы дать человѣку правильное пониманіе дѣйствительности. Поэтому съ наукою у нея одна цѣль, и только приближаются онѣ къ этой цѣли съ двухъ противоположныхъ сторонъ, но, приближаясь,—онѣ необходимо сближаются. Безплодна та философія, которая не идетъ навстрѣчу наукѣ, и едва-ли нужна человѣку (не говоримъ о практическихъ потребностяхъ) та наука, которая не стремится приблизиться къ философіи. Сознаніе единства ихъ цѣли, общности интересовъ есть необходимое условіе для правильнаго развитія умственной жизни всякаго народа; но для этого необходимо также и сознаніе того, что есть различнаго въ пріемахъ, съ помощью которыхъ онѣ трудятся надъ одною и тою-же задачею.

Если вдуматься глубже въ смыслъ того, что даетъ наука, то можно замѣтить, что она даетъ только *описанія*. Всякій разъ, когда она думаетъ, что объясняетъ предметъ или явленіе, она въ сущности только обставляетъ прежнее описаніе еще другими описаніями, которыя или касаются чего-нибудь такого, что ранѣе не было замѣчено въ изучаемомъ, или его отношенія во времени и въ пространствѣ къ другимъ предметамъ и явленіямъ. Какъ-бы далеко ни шелъ ея анализъ, онъ только дробитъ на мельчайшіе и мельчайшіе элементы дѣйствительность и такимъ образомъ все глубже и глубже проникаетъ въ нее своимъ описаніемъ. Но и послѣдніе мельчайшіе элементы, открываемые анализомъ, всегда лежатъ къ наукѣ своею наружною стороною. Проникнуть за эту сторону она не въ силахъ—и именно потому, что она есть описаніе. Никогда и ни въ чемъ наука не знала и не знаетъ внутренняго содержанія явленій.

Такимъ образомъ задача ея состоитъ въ томъ, чтобы во всѣхъ направленіяхъ (и въ томъ числѣ въ направленіи глубины) распространять *знаніе дѣйствительнаго*, знаніе точное, опредѣленное и истинное. Задача-же философіи состоитъ въ томъ, чтобы *объяснять* это *узнанное*, давать пониманіе его. Наука тѣснѣе и тѣснѣе примыкаетъ къ оболочкѣ природы, изслѣдуя всѣ изгибы ея; философія стремится къ этой-же оболочкѣ, навстрѣчу наукѣ, но лишь извнутри содержимаго. Она объясняетъ наукѣ, почему эта оболочка имѣетъ то или другое устройство, тотъ или иной изгибъ,—потому что она разсматриваетъ самое содержимое, которое движеніями своими формируетъ ее.

Наука касается внѣшняго, а философія внутренняго, потому что орудіемъ первой являются органы чувствъ, которые всегда обращены къ наружному, а орудіемъ второй является мысль: послѣдняя такъ-же не можетъ коснуться внѣшняго, какъ органы чувства—внутренняго. Наука, поэтому, есть знаніе опытное и наблюдательное, философія—умозрительное; думать, что между ними есть

антагонизмъ—значитъ думать, что или философія должна объяснять не истинно существующее, или что наука должна чуждаться истиннаго объясненія.

Объясненія не только цѣлой природы, но каждаго единичнаго предмета и каждаго единичнаго явленія есть и можетъ быть только метафизическое. Возьмемъ самое простое явленіе—паденіе тѣла. Не замѣчаемъ-ли мы, какъ это явленіе, по мѣрѣ того какъ въ него вдумывался человѣкъ, раскрывало все больше и больше свое содержаніе, становясь все интереснѣе и загадочнѣе. Сперва оно было единичнымъ явленіемъ, не возбуждавшимъ ничьего вниманія; Галилей подмѣтилъ его законъ, т. е. далъ описаніе, распространяющееся не на одно, но на всѣ падающія тѣла, и притомъ опредѣляющее форму линій, которыя описываются различнымъ образомъ падающими тѣлами; Ньютонъ открылъ, что это паденіе есть только частный случай всемірнаго тяготѣнія, т. е. простое, повидимому, явленіе, выражаемое словами «тѣло падаетъ», разложилъ на два—силу и вещество, и далъ описаніе ихъ взаимодѣйствія. Но тотчасъ, какъ только дано было это исчерпывающее описаніе, въ наукѣ поднялись споры о томъ, есть-ли сила тяготѣнія только свойство вещества, или она имѣетъ наружное по отношенію къ нему положеніе, можетъ-ли она дѣйствовать черезъ разстояніе и проч. Смыслъ этихъ споровъ, въ которыхъ принимали участіе Ньютонъ, Лейбницъ, Гюйгенсъ и почти всѣ выдающіеся умы XVIII в., очевидно, состоялъ въ томъ, чтобы дать метафизическое объясненіе явленію, отнюдь не понятому, но лишь описанному Ньютономъ.

Возьмемъ еще примѣръ, полнѣе объясняющій указанное отношеніе между наукою и философіей. Рядъ наукъ, изучающихъ органическую природу, какъ-бы далеко ни простирались ихъ успѣхи, только дальше и дальше проникаетъ описаніемъ во все многообразіе органическихъ формъ и процессовъ. Достаточно назвать имена зоологіи и ботаники, анатоміи и гистологіи, палеонтологіи и эмбріологіи, чтобы понять, что всѣ эти науки суть не болѣе, какъ въ различныхъ направленіяхъ движущіяся описанія и смыслъ именно описанія имѣютъ самыя, повидимому, удивительныя открытія, которыя совершены въ этихъ наукахъ въ наше время, наприм. открытіе атавизма, перемежаемости органическихъ формъ, партеногенезиса. И всякое дальнѣйшее развитіе этихъ наукъ будетъ только увеличивать наше удивленіе передъ природой, раскрывающей свои глубочайшіе изгибы передъ нашими взорами, но не будетъ ни мало способствовать пониманію ея. Это пониманіе можетъ быть дано только метафизикою, и именно тѣми двумя вѣтвями ея, которыя изучаютъ причинность и цѣлесообразность. Всякое происходящее измѣненіе есть или проявленіе первой, или проявленіе второй.

Внесемъ въ органическій міръ понятіе причинности (механически дѣйствующей), какъ его внутреннее содержаніе, и станемъ развивать это понятіе; по прошествіи нѣкотораго времени, мы за-

мѣтимъ, что развитыя формы этого понятія не совпадаютъ съ тѣми формами, которыя присущи органическому міру и егопроцессамъ—частью не укладываются въ нихъ, частью не наполняютъ, и вообще не соотвѣтствуютъ имъ. Какъ на примѣръ такого несоотвѣтствія, укажемъ на слѣдующее: въ причинномъ процессѣ производимое равно производящему, потому что всякій избытокъ въ немъ явился-бы безпричиннымъ возникновеніемъ. Производимое явленіе есть или сама причина, но только дробящаяся, или соединеніе нѣсколькихъ причинъ въ одно: такъ всякое данное совершившееся движеніе можетъ распасться на много незначительныхъ движеній (наприм. въ случаѣ удара и теплоты, имъ развиваемой), или напротивъ—многія незначительныя движенія могутъ сложиться въ одно большое. Такимъ образомъ возрастаніе послѣдующаго въ сравненіи съ предъидущимъ чуждо причинности—есть то, къ чему безсильна она. Вторая особенность причиннаго процесса состоитъ въ томъ, что ему чужда опредѣленность, и притомъ какъ въ немъ самомъ (процессѣ), такъ и въ результатѣ его (вещь): всякое внѣшнее вліяніе можетъ измѣнить его, въ слабой или въ сильной степени—безразлично, и отъ этого онъ не прервется; т. е. онъ пассивенъ въ отношеніи къ внѣшнему дѣйствію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и результатъ его — вещь его заканчивающая, можетъ явиться такою или иною.

Обѣ эти особенности отсутствуютъ въ органическомъ мірѣ: въ своемъ цѣломъ, какъ совокупность нѣкоторыхъ формъ и процессовъ, органическій міръ въ послѣдующія времена все возрастаетъ, переходя и въ томъ и въ другомъ отношеніи отъ простого къ болѣе сложному; въ исходной точкѣ процесса онъ является движущеюся клѣточкою, на концѣ его—двумя царствами органическихъ существъ. И далѣе, процессъ этотъ—опредѣленный: внѣшнія условія лишь незамѣтно отклоняютъ его, и всякій разъ, когда ихъ дѣйствіе становится очень сильно, онъ прерывается — явленіе совершенно неизвѣстное въ области причинности, гдѣ ни малѣйшая часть движенія не пропадаетъ, но лишь соединяется съ другою, *сохраняясь* въ ней. Кромѣ того, самые результаты органическихъ процессовъ имѣютъ также опредѣленную форму: эмбріологическій процессъ, наприм., въ каждой стадіи своей образуетъ одну опредѣленную черту, и въ своемъ цѣломъ образуетъ строго опредѣленную форму рождающагося организма. Итакъ, удалимъ изъ органическаго міра понятіе причинности, какъ не соотвѣтствующее ему, и замѣнимъ его понятіемъ цѣлесообразности. Если мы станемъ развивать это понятіе, какъ развивали прежде понятіе причинности, то увидимъ удивительное соотвѣтствіе его формъ съ формами органическаго міра: каждая особенность этого понятія, каждый ростокъ его стремится къ какой-нибудь особенности органическаго міра, наполняетъ ее, какъ содержимое свою форму, и, достигнувъ своего окончательнаго развитія, замыкается, не разрывая ее,—не нуждаясь ни въ

чемъ, кромѣ того, что уже есть въ органическомъ мірѣ. И чѣмъ далѣе въ своемъ цѣломъ будетъ развиваться это понятіе, тѣмъ плотнѣе оно примкнетъ къ его внѣшней оболочкѣ, наполнитъ всѣ изгибы ея—къ той самой оболочкѣ, къ которой уже примкнула наука, но примкнула только съ другой стороны, наружной. Такъ въ частности, что касается до опредѣленности органическихъ формъ и процессовъ и до ихъ возрастанія въ послѣдующія времена, то все это (необъяснимое съ точки зрѣнія причинности) является естественнымъ и необходимымъ выраженіемъ всякаго цѣлесообразнаго процесса, гдѣ-бы и въ чемъ онъ ни происходилъ. Такъ какъ цѣль осуществляется только въ послѣднемъ моментѣ этого процесса, то только одинъ этотъ моментъ, сравнительно со всѣми предъидущими и является вполнѣ развитымъ — такимъ, къ которому потомъ уже ничего не прибавится; на пути-же къ этой замыкающей формѣ процессъ распадается на рядъ стадій, изъ которыхъ каждая послѣдующая будетъ сложнѣе предъидущей, и именно, сверхъ всѣхъ чертъ осуществляемой цѣли, уже выраженныхъ въ ней, будетъ принимать еще какую-нибудь новую черту формирующагося существа. И такъ какъ это существо уже предопредѣлено заранѣе, то и всякое движеніе въ процессѣ можетъ быть только опредѣленнымъ, потому что стремится къ осуществленію опредѣленной черты. Весь-же процессъ явится распаденіемъ простого и однороднаго на своеобразныя и цѣлесообразныя части (органы). Это—то, что принято называть дифференцированіемъ, и если цѣлая школа біологовъ, произнеся это слово, все еще не видитъ въ органическомъ мірѣ цѣлесообразности, то это показываетъ, что изъ-за ослѣпленія предвзятою теоріею люди могутъ не понимать даже собственныхъ словъ, которыя для нихъ являются какъ-бы иностранною рѣчью: потому что дифференцированіе есть цѣлесообразность—распаденіе общаго понятія, въ которомъ выражена цѣль, на понятія болѣе частнаго значенія и наконецъ на представленія, которыя всѣ содержатся въ немъ, но только въ скрытомъ состояніи. Дифференцируется государство, цѣлесообразно созидаемое человѣкомъ,—но не дифференцируются ни волны въ океанѣ, ни песокъ, носимый вѣтромъ въ пустынѣ.

Изо всѣхъ философскихъ системъ двѣ, намъ думается, могутъ наиболѣе способствовать пониманію природы, какъ наиболѣе богатыя метафизическими понятіями—системы Аристотеля и Лейбница; и то обстоятельство, что изъ всѣхъ философовъ эти два до сихъ поръ менѣе всего сосредоточивали на себѣ вниманіе нашей литературы и нашего общества, объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ мы болѣе питали чувство общаго уваженія къ философіи, нежели вникали въ смыслъ ея. Мы стояли передъ храмомъ, но не входили въ него. Отъ этого насъ болѣе привлекали внѣшнія черты философскихъ системъ съ ихъ красотою и гармоніею, нежели гибкость ея внутреннихъ понятій.

1891 г.

Смѣна міровоззрѣній.

Н. Страховъ. Философскіе очерки. С.-Петербургъ. 1895 г.

I.

Сборникъ философскихъ очерковъ, изданныхъ г. Страховымъ въ нынѣшнемъ году, завершаетъ собою длинный рядъ книгъ, содержащихъ наиболѣе обработанное изо всего, что было имъ написано отъ дней нашего «возрожденія», въ первые годы царствованія императора Александра II, и до предшествующаго года, когда мы потеряли его сына. На протяженіи двухъ царствованій и почти полу-вѣка знамя, которое несъ этотъ писатель, оставалось то же; и въ то время какъ даже такіе упорные борцы, какъ покойный Достоевскій, иногда поддавались въ сторону противуположныхъ знаменъ,—авторъ, на книгѣ котораго мы останавливаемъ вниманіе читателей, ни однимъ жестомъ, никакимъ движеніемъ и ни въ какое время не выразилъ намѣренія въ чемъ-либо отдѣлиться отъ того, съ чѣмъ онъ ранѣе былъ слитъ, или съ чѣмъ-нибудь сблизиться, отъ чего онъ былъ когда-нибудь отдѣленъ. Совершенная неизмѣняемость его духовнаго образа и неподатливость литературнаго положенія есть его отличительная особенность.

Почти единственнымъ исключеніемъ изъ этого является его отношеніе къ Дарвину. Подобно тому, какъ самый важный трудъ этого англійскаго ученаго: «Origine of species» былъ переведенъ на русскій языкъ С. А. Рачинскимъ, нѣкогда профессоромъ ботаники

---

[1]) См. его „О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи». Спб., 1865, стр. 178 и слѣд. Отзывъ, здѣсь высказанный объ дарвинизмѣ, свидѣтельствуетъ, съ какимъ живымъ интересомъ встрѣтилъ г. Страховъ появленіе теорій англійскаго ученаго, и если впослѣдствіи отношеніе его къ нимъ измѣнилось—это совершилось потому только, что возникшаго энтузіазма не могло поддержать послѣдующее размышленіе.

въ Московскомъ университетѣ и теперь смиреннымъ учителемъ Татевской школы, иниціаторомъ церковнаго направленія въ народномъ обученіи,—такъ провозвѣстникомъ этой теоріи въ нашей литературѣ, быть можетъ первымъ и, во всякомъ случаѣ, очень раннимъ, былъ г. Страховъ, впослѣдствіи наиболѣе упорный и вліятельный борецъ противъ нея [1]). Можно подумать, что въ первый моментъ ея появленія г. Страховъ былъ увлеченъ великими ея обѣщаніями и подкупленъ обильнымъ фактическимъ матеріаломъ, на какой она опиралась. Позднѣе, и очень скоро, ея логическіе недочеты яснѣе выступили, и, ничего въ фактахъ Дарвина не отвергая, со многими его предположеніями соглашаясь, онъ, какъ и другіе серіозные критики, отвергъ однако, его теорію въ цѣломъ. какъ объясненіе недостаточное относительно своего предмета (органическій міръ), какъ объясненіе невѣрное въ примѣненіи даже къ отдѣльнымъ важнѣйшимъ чертамъ органической жизни. Вмѣстѣ съ монументальнымъ трудомъ Данилевскаго, статьи г. Страхова наиболѣе имѣли вліянія на установленіе истинныхъ взглядовъ на эту теорію въ нашемъ обществѣ, и какъ прежде трудно было встрѣтить человѣка, который при ея изложеніи или упоминаніи высказывалъ бы какую-нибудь оговорку, такъ теперь трудно встрѣтить человѣка, который бы этой оговорки не дѣлалъ.

За этимъ небольшимъ исключеніемъ, мы находимъ взгляды г. Страхова не измѣнившимися на протяженіи почти полу-вѣка, и если статьи свои, написанныя 20—30 лѣтъ назадъ, онъ издаетъ теперь, то потому, что онѣ ничего не утратили въ его глазахъ въ своей истинности; но общество, которое было неблагопріятно настроено для принятія его идей въ моментъ ихъ появленія, измѣнилось до неузнаваемости, и въ лицѣ «дѣтей» своихъ, въ 80—90 гг., съ живымъ вниманіемъ привѣтствуетъ писателя, котораго не хотѣло знать въ лицѣ «отцовъ», въ 60—70 годы.

Такимъ образомъ замѣтный, если не замѣчательный успѣхъ, выпавшій на долю писателя, котораго мы указываемъ читателямъ, есть послѣдствіе смѣны міровоззрѣній, переживаемой нашимъ обществомъ и, кажется, обществомъ цѣлой Европы. Мы указали на дарвинизмъ, какъ падающее воззрѣніе на природу органическую; но и позитивизмъ, какъ воззрѣніе на строй человѣческихъ знаній, на задачи человѣческаго ума, и попытки Бокля объяснить исторію вліяніями внѣшней природы и свести ея сущность на прогрессъ знаній—или похоронены безвозвратно (какъ послѣдняя), или почти похоронены (какъ позитивизмъ съ его развѣтвленіями). Нѣтъ къ нимъ болѣе вниманія; нѣтъ чуткаго прислушиванія, что еще гово-

[1]) Г. Рачинскій не высказывалъ печатно своего позднѣйшаго взгляда на дарвинизмъ, но не будетъ нескромнымъ, если мы здѣсь сообщимъ, что изъ устныхъ бесѣдъ его мы имѣли случай узнать, что онъ также не раздѣляетъ болѣе теоріи Дарвина.

рится въ предѣлахъ этихъ теорій или въ ихъ направленіи; и это важнѣе, нежели то, что онѣ не имѣютъ авторитетныхъ защитниковъ и продолжателей. Угасла самая надежда что-либо существенное узнать изъ этихъ теорій или что-нибудь драгоцѣнное пріобрѣсти черезъ нихъ, угасла эта надежда въ тысячахъ незамѣтныхъ умовъ—вовсе не писателей только, не ученыхъ каѳедры, но самаго общества. И вотъ отчего, если бы явилась даже талантливая попытка поднять снова эти ученія, она, мы въ этомъ убѣждены, не имѣла бы теперь никакого успѣха.

И, между тѣмъ, творенія напр. Кеплера или Ньютона—живутъ; даже въ зыбкой философіи—Платонъ и Аристотель продолжаютъ изучаться; Декартъ переводится и комментируется даже спеціалистами-физиками; Кантова теорія познанія служитъ направляющею основой при производствѣ опытовъ (Гельмгольцъ); Вико, Гердеръ, Гизо уважаются не менѣе теперь, чѣмъ когда они создавали свои историческія объясненія. Все это были люди *объективнаго* знанія. Такъ или иначе вѣря, на то или иное надѣясь въ скрытой глубинѣ сердца, эти умы не допускали своихъ надеждъ, своей вѣры до вмѣшательства въ объясненія міра. Дѣло познанія *потомъ* можетъ совпасть съ моею вѣрой; *теперь*, *пока* я познаю, оно къ ней не направляется мною, но идетъ къ *своимъ* цѣлямъ, *своимъ* методомъ, *ему* свойственными путями. Вотъ почему классификація причинныхъ основъ міра, какую мы находимъ у Аристотеля, съ интересомъ разсматривается и нами; механическія требованія картезіанства обязательны и для теперешняго физика; Вико помогаетъ и новымъ ученымъ при разборѣ историческихъ памятниковъ.

Этой объективности вовсе не было у основателей теорій, при паденіи которыхъ мы присутствуемъ, и вотъ откуда—ихъ недолговѣчность. Теоріи эти не были продуктами *исканія*, въ своемъ содержаніи онѣ не суть *знанія* о мірѣ, но—концепціи (идеи) міра, его *представленія*, вытекшія изъ настроенія исторіи въ моментъ ихъ появленія. Ог. Контъ признавался, что онъ никогда не читалъ Канта, т. е. онъ не *искалъ* ранѣе, чѣмъ нашелъ. *Гдѣ*, *какъ* строить міровоззрѣніе—это было уже ранѣе самого построенія опредѣлено моментомъ вѣры, въ которой никогда не колебался французскій мыслитель. На *мѣстѣ*, этою вѣрой опредѣленномъ, въ *стилѣ*, этою вѣрой продиктованномъ, онъ воздвигъ философское зданіе, построилъ систему понятій, утвержденій, отрицаній, въ которой его *вѣра* субъективная и никогда не высказанная, жила наиболѣе привольно, наименѣе связано, гдѣ никакому ея движенію, ни одному самому смѣлому предположенію не встрѣчалось преградъ. Что́ за дѣло до того, что она была пуста отъ всѣхъ обычно понимаемыхъ элементовъ вѣры: религіи и всего, что изъ нея вытекаетъ или къ ней подготовляетъ сердце? Она была *вѣра* по законамъ своего образованія, по способу возникновенія, наконецъ—по слѣ-

пому невниманію къ возраженіямъ, какія могли-бы быть противъ нея представлены. Это была вѣра не о по-ту-сторонникъ вещахъ, какъ всякая—и эта вѣра истинному знанію не можетъ мѣшать [1]);

[1]) Намъ всегда казалось, что вѣра въ законныхъ своихъ предѣлахъ, то-есть касаясь по-ту-сторонникъ вещей, не только не связываетъ прогрессъ науки, но вслѣдствіе одной рѣдко замѣчаемой ея особенности, ему даже способствуетъ. Мы позволимъ себѣ повторить здѣсь мысли объ этомъ, высказанныя нѣсколько лѣтъ назадъ: «*Отчетливость* мышленія, строго отдѣляя извѣстное отъ неизвѣстнаго, повсюду выдѣляетъ грань между ними; и такъ какъ извѣстное обыкновенно находитъ свое объясненіе и для себя опору въ неизвѣстномъ, то отсюда вытекаетъ постоянное стремленіе ума все глубже и глубже спускаться въ область неизвѣстнаго. Замѣтимъ, что это постоянное сознаніе грани между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ есть условіе, безъ котораго невозможно развитіе науки,—а между тѣмъ оно встрѣчается не часто. Обыкновенно не сознаютъ отчетливо этой границы, и неизвѣстное считается уже извѣстнымъ; это совершенно убиваетъ науку, потому что убиваетъ источникъ ея—стремленіе узнать неизвѣстное: нѣтъ интереса изслѣдовать то, что кажется уже извѣстнымъ. Вотъ почему вѣрующая религія со своею нетерпимостью и преслѣдованіями гораздо менѣе повредила развитію науки, чѣмъ *вѣрующій скептицизмъ*. Первая не скрывала, что есть многое необъятное, что остается неизвѣстнымъ для человѣка. Поэтому эпохи ея господства отмѣчены въ исторіи великою пытливостью духа и плодотворными открытіями. Вся греческая философія выросла и развилась въ глубоко религіозное время: Ксенофанъ, Empедоклъ, Парменидъ, Анаксагоръ, Сократъ и ученики его—всѣ они жили въ эпоху, чуждую распущенности религіознаго чувства, и потому-то именно во всей жизни и въ каждомъ словѣ ихъ чувствуется такая удивительная любознательность, и любовь ихъ къ трудно доставшейся истинѣ была такъ велика, что нѣкоторые изъ нихъ ради нея рѣшались оставить отечество, а другіе приняли смерть. Также и въ Европѣ эпоха высшаго развитія религіознаго чувства отмѣчена великими системами схоластической философіи—Альберта Великаго, Дунсъ-Скота. Рожера Бэкона и многихъ другихъ; а полное одушевленія реформаціонное обновленіе церкви тотчасъ-же за собою вызвало основаніе новой философіи и почти всѣхъ наукъ, какія существуютъ теперь: Декартъ участвовалъ въ 30-лѣтней войнѣ, ему современникомъ былъ Бэконъ, а учениками перваго были Гейлинксъ, Малебраншъ, а второго—Локкъ и Ньютонъ, всѣ одинаково проникнутые высокой религіозностью. Напротивъ, то, что мы назвали *вѣрующимъ скептицизмомъ*—эта увѣренность, что въ неизвѣданныхъ еще областяхъ бытія нѣтъ ничего отличнаго отъ того, что есть въ извѣданномъ, всегда порождала умственный индифферентизмъ, при которомъ невозможно плодотворное изысканіе въ наукѣ. Такъ всѣ эпохи религіознаго упадка были вмѣстѣ и эпохами умственнаго паденія. Когда пала греческая религія, съ нею и философія выродилась въ безплодную александрійскую ученость; когда съ Возрожденіемъ временно палъ католицизмъ, пала и схоластическая философія, а новая, замѣчательно, не зародилась,—она, какъ сказано уже, появилась только послѣ Реформаціи. Это сопутствованіе двухъ фактовъ—сильной религіозности и духа научнаго изысканія, продолжавшееся въ теченіе всей исторіи человѣчества, заставляетъ предполагать между ними причинную связь, и мы ее находимъ въ постоянствѣ сознанія при религіозности *грани*, отдѣляющей извѣстное отъ неизвѣстнаго. Оно, это сознаніе, лежащее слѣдствіемъ въ религіи и причиною въ наукѣ, дѣлаетъ то, что наименѣе религіозные народы и эпохи суть вмѣстѣ и наименѣе способные въ наукѣ, и обратно—наиболѣе религіозные обнаруживаютъ наибольшее творчество въ ней.» («О пониманіи; опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія». М. 1886, стр. 696 и слѣд.).

но—о вещахъ *этого* міра, о характерѣ ихъ сложенія, происхожденія, конечнаго назначенія, и съ силою истиннаго суевѣрія, обычнаго предразсудка она связывала прогрессъ ума, дѣлала невозможнымъ какой-либо успѣхъ вѣдѣнія. Такъ извѣстно, что область астрономіи Контъ хотѣлъ ограничить изслѣдованіемъ солнечной системы, за границами которой, по его настойчивому предположенію, не было ничего, кромѣ ея-же повтореній. Достаточно указать на изучаемое теперь движеніе самой солнечной системы въ междузвѣздныхъ пространствахъ, чтобы оцѣнить, какъ могла-бы отозваться на наукѣ его попытка не допускать направляться телескопъ за границы нами обитаемаго міра.

Такимъ образомъ долговѣчность этихъ воззрѣній, не опиравшихся на объективныя данныя, могла быть продолжительна лишь въ мѣру достоинства заложенной въ нихъ вѣры. Есть виды вѣры болѣе долговѣчные, чѣмъ наилучшія философскія концепціи и почти также прочные какъ простыя реальныя знанія (самыя прочныя изъ пріобрѣтеній ума). Такова вѣра въ безсмертіе души, въ Бога, въ загробное существованіе. Очень мало есть объективныхъ данныхъ, которыя поддерживали-бы эту вѣру; очень трудны философскія соображенія, на которыя она могла-бы опереться. Но въ самомъ существѣ этой вѣры есть столько достоинства, что и не поддерживаемая ничѣмъ, иногда погребенная подъ градомъ насмѣшекъ, скептицизма, опроверженій—она вновь и вновь съ неудержимою силой возрождается въ человѣкѣ. Какъ вы ни сгибайте дерево, направленіе его роста останется вертикальнымъ; мы не знаемъ—почему это; не догадываемся—для чего; мы даже догадываемся, что, стелясь по землѣ—оно съ бо́льшимъ удобствомъ переносило-бы свою тяжесть; и, однако, вопреки всѣмъ даннымъ, наперекоръ догадкамъ, обманывая ожиданія — его стволъ есть вертикаль или стремится стать таковою. Человѣкъ вѣритъ въ нѣкоторыя истины; и, безъ сомнѣнія, есть реальное для этой вѣры основаніе, но только оно скрыто отъ него,—какъ и дерево, поднимаясь къ солнцу, ничего не знаетъ объ астрономическомъ значеніи этого свѣтила.

Безъ сомнѣнія, именно ничего реальнаго, хотя-бы и скрытаго, не было подъ вѣрою, которая была общимъ родникомъ концепцій, о которыхъ мы упомянули. Онѣ были продуктомъ частнаго и мѣстнаго духовнаго настроенія, какое переживала Европа отъ 48 года до 80-хъ годовъ, и съ его ослабленіемъ—падаютъ. Чтобы на какой-нибудь детали показать, какъ мало жизнеспособности было въ нихъ, мы остановимъ вниманіе читателей на двухъ воззрѣніяхъ на исторію, высказанныхъ Боклемъ и которыя въ свое время казались чѣмъ-то аксіоматичнымъ.

Это—воззрѣніе во-первыхъ, что человѣкъ въ своей исторіи управляется внѣшними обстоятельствами, въ частности—физическою природою; и во-вторыхъ, что прогрессирующая часть этой исторіи сводится къ накопленію знаній.

Вотъ—Италія, и какъ передъ нашими глазами была она, такъ ее видѣлъ и Бокль, и еще бездну читалъ о ней, о чемъ сообщилъ въ спискѣ трудовъ, нѣсколько тщеславно приложенномъ въ началѣ его книги. Подъ тѣмъ-же вѣчно синимъ небомъ, на той-же суглинковой почвѣ, въ виду тѣхъ-же Аппеннинъ, извергающаго Везувія, далекой Этны, на берегахъ тѣхъ-же маленькихъ рѣчекъ и великолѣпныхъ заливовъ росъ и «желѣзный» Римъ, и дышащая нѣгой, красотой, безсиліемъ эпоха Возрожденія; что замѣчательно особенно—это то, что, «возрождаясь», она имѣла даже для себя прототипомъ «желѣзный Римъ», пыталась, усиливалась, гася въ себѣ всякую оригинальность, повторить его въ языкѣ, манерахъ, всемъ прочемъ—перестать быть въ себѣ и возсоздать его. Ради точности воспроизведенія, въ лицѣ нѣкоторыхъ даровитѣйшихъ людей, какъ Лоренцо Валла, она даже возвратилась къ язычеству. Но вотъ что поразительно: въ результатѣ этихъ усилій обезличиться, умереть въ себѣ—получилась оригинальнѣйшая во всемірной исторіи эпоха, съ глубокимъ самостоятельнымъ значеніемъ. А главное—эта эпоха вопреки своему язычеству, латыни своихъ поэтовъ и прозаиковъ, республиканскимъ попыткамъ (Коло ди Ріензи), гораздо менѣе напоминала собою воспроизводимый образецъ, нежели какъ напоминала его далекая, подъ угрюмымъ сѣверомъ выросшая Москва, едва умѣвшая прочитать самое слово «Roma» и, вѣроятно, произносившая его съ какимъ-нибудь славянскимъ акцентомъ: та же религіозность и та же внѣшность въ религіозномъ, то же «собираніе земель», то же преобладаніе нужды надъ удовольствіемъ, заботы надъ отдыхомъ, обычая надъ личною пиніціативой; то же молчаніе устъ при безустанной работѣ рукъ. Небо Москвы и Рима, небо Италіи за 400 лѣтъ до Р. Х. и ея-же небо въ 1400—1500 г. послѣ Р. Х.—мы это видимъ, это кричитъ намъ, что человѣкъ не продуктъ природы, что природа на исторію его имѣетъ минимальное, исчезающее сравнительно съ другими условіями, вліяніе. И этого не видѣлъ Бокль, когда угрюмо-тупо писалъ свои рубрики: «вліяніе климата», «вліяніе почвы», «вліяніе общаго вида страны» и подтверждалъ мысли, очевидно нелѣпыя, безконечными выписками изъ книгъ, которыми обложилъ себя.

Христіанскій міръ—и до-христіанскій; какъ мало знаній новыхъ принесъ Спаситель, и тѣхъ не доказалъ, только умеръ за нихъ или за что́ то: что́ объ этомъ справляться, если это не были знанія! Что́ замѣчательно: Бокль самъ въ пространнѣйшей выпискѣ доказываетъ, что въ Евангеліи не содержится никакихъ болѣе новыхъ утвержденій, чѣмъ какія ранѣе высказывали уже Сенека, Цицеронъ, Сократъ и другіе. Онъ это пишетъ все; писалъ чернилами, какъ и я теперь, и вѣроятно что-нибудь думалъ въ это время. Міръ христіанскій и до-христіанскій—ничего общаго, полная противуположность, совершенное перерожденіе въ учрежденіяхъ, на-

клонностяхъ умственныхъ, порывахъ нравственныхъ; и въ точкѣ этого великаго раздѣленія—никакого новаго знанія, никакой реальной истины, расширившей горизонтъ человѣческаго вѣдѣнія. Какъ это ярко, какъ это многозначительно, какъ многосмысленно—для насъ; но лучъ свѣта, снопы сіянія солнечнаго напрасно били въ помутнѣвшую ретину историка Англіи, и онъ видѣлъ передъ собою не міръ, не жизнь, не исторію, но только тупыя книжныя построенія своего за-ламаншскаго учителя.

Вотъ факты; они ярки, они несомнѣнны. И несомнѣнно-же и ясно, почему едва умерло поколѣніе людей, частнымъ и мѣстнымъ продуктомъ настроенія котораго явились эти ученія — они потеряли какую-нибудь значительность. Повторяемъ—они не опровергнуты; нѣтъ и не было нужды въ ихъ пространномъ опроверженіи. Чтобы подорвать Аристотеля—нужно было, чтобы родился Декартъ; но Бокль—онъ былъ уже старъ, онъ былъ уже архаиченъ во времена Аристотеля, съ точки зрѣнія его четырехъ видовъ причинности; онъ былъ опровергнутъ гораздо ранѣе, чѣмъ взялся за перо, и только не былъ самъ внимателенъ къ тѣмъ опроверженіямъ, которыя были высказаны противъ его теорій высокими и точными умами, ранѣе его размышлявшими объ исторіи человѣчества.

II.

Мы сказали, что всѣ господствующія воззрѣнія, царившія въ умственной жизни Европы отъ 48 до 80-хъ годовъ, были продуктами вѣры. Можно объяснить это и до извѣстной степени оправдать, сказавъ, что эти десятилѣтія были временемъ глубокаго и освѣжающаго сна для цѣлой Европы, въ который она впала послѣ чрезмѣрныхъ напряженій мысли, какія пережила отъ Канта и до Гегеля, отъ революціи 89—93 гг. прошлаго вѣка и до соціальныхъ порывовъ 48 года. Дарвинизмъ въ сферѣ объясненій органической природы, позитивизмъ въ сферѣ логической и механизмъ въ пониманіи цѣлой вселенной — эта была временная и великолѣпная нелѣпость, которой отдалась Европа, чтобы не утруждать своей мысли соображеніями болѣе тонкими, размышленіями менѣе поверхностными; это былъ необходимый отдыхъ ея Александрійскаго періода послѣ чрезмѣрныхъ напряженій творческаго и оригинальнаго ея генія. Замѣчательно, что въ то время, какъ въ области философской устанавливалось простое сочетаніе «точныхъ наукъ», параллельно съ этимъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ науки разросталась безконечная и безцѣльная эрудиція, безъ всякой почти мысли въ себѣ, безъ одушевленія, безъ порыва, безъ цѣли и, въ сущности—основанія. Такихъ прекрасныхъ идей, какими обязана Европа въ области филологіи братьямъ Гриммамъ, Вильг. Гумбольдту; такихъ монументальныхъ трудовъ, какъ сравнительная грамматика индо-

европейскихъ языковъ Боппа; такого прозрѣнія въ міръ искусства, какое дали Винкельманъ и Лессингъ—мы и тѣни болѣе не находимъ въ позднія десятилѣтія нашего вѣка. Компиляція вытѣсняетъ собою мысль; книга царитъ надъ идеей; печатный станокъ работаетъ тѣмъ живѣе, чѣмъ слабѣе и неподвижнѣе становится человѣческій духъ. Всѣ учатся, но уже ничего не производятъ; учатся обильно и почти ничего не извлекаютъ изъ своего ученія. Мы говоримъ, мы повторяемъ—это былъ великолѣпный сонъ; и теперь, когда онъ видимо оканчивается всюду, мы должны быть почти благодарны судьбѣ, что никакимъ яркимъ, упорнымъ, геніальнымъ противодѣйствіемъ онъ не былъ въ свое время прерываемъ. Богъ хранилъ человѣка; онъ хранилъ его философскія силы въ то время, какъ самъ человѣкъ, въ невѣдѣніи, такъ горько оплакивалъ себя, свою судьбу, глубь философской ночи, изъ которой, казалось ему въ малодушіи, уже не будетъ пробужденія.

Эти напрасныя сѣтованія разбросаны всюду и у прекраснаго писателя, книга котораго невольно пробудила въ насъ всѣ эти мысли. Онъ былъ современникомъ наступленія глубокаго сна; онъ дѣлалъ, и безуспѣшно, усилія, чтобы этому засыпанію помѣшать; скука, зѣвота, вялая насмѣшка служили ему естественнымъ отвѣтомъ. И когда, наконецъ, компиляція и безсвязность окончательно овладѣли наукой и философіей; когда тысячелѣтній исполинъ безцѣльно передвигалъ пальцами рукъ и ногъ и произносилъ отрывочныя слова, ничему дѣйствительному не отвѣчавшія,—удивленіе, горесть, наконецъ раздраженіе овладѣли нашимъ авторомъ. Онъ искусственно понизилъ свой голосъ; онъ упростилъ свою рѣчь до дѣтскаго пониманія; спеціалистъ-ученый, онъ принялъ обликъ писателя для юношества, чтобы какъ-нибудь, какимъ-нибудь способомъ сдѣлать усвоимыми для людей своего времени тѣ понятія, которыя они такъ странно и вдругъ забыли. Отсюда, изъ этого историческаго положенія, вытекъ весь характеръ трудовъ г. Страхова, его манера, его темы. Онъ не создаетъ новаго, онъ припоминаетъ только старое. Онъ сталъ *критикомъ* не только въ области литературной, но и въ области научной и философской,—всюду указывая на забытыя «вѣчныя истины», пытаясь всюду завязать въ живой узелъ съ дѣйствительностью такъ странно, такъ безпричинно, такъ безосновательно оборванныя традиціи прежняго. Въ поэзіи онъ возвращаетъ наше вниманіе къ Пушкину—высочайшему образцу художества и всякой красоты, въ критикѣ—къ пріемамъ толкованія Ап. Григорьева, въ морфологіи—къ идеямъ Каспара Вольфа и Бэра, въ философіи—къ принципамъ Декарта и діалектическому движенію категорій Гегеля. Онъ разъясняетъ этихъ писателей; онъ разрабатываетъ всюду элементы наукъ—тѣ «основныя понятія», на фундаментѣ которыхъ позднѣе трудолюбіе, опытъ, наблюденіе возвели болѣе удивительныя на взглядъ, нежели трудныя зданія со-

временныхъ знаній. Трудность именно тамъ—позади этихъ позднихъ надстроекъ,—въ правильной установкѣ вопросовъ, на которые наука должна бы отвѣчать, въ опредѣленіи правильнаго метода, которымъ могли бы быть найдены отвѣты на эти вопросы. Отсюда съ критическимъ характеромъ работъ нашего автора соединяется методическій: онъ поправляетъ или отвергаетъ возникающія на глазахъ его теоріи именно въ методѣ, и гораздо менѣе—въ результатахъ. Дарвинъ и великое множество современныхъ натуралистовъ, не *построивъ* тѣ или иныя теоріи—ошиблись; они ошиблись, *упустивъ изъ виду* вопросы, которые вытекали изъ предложенной ими себѣ задачи. Наконецъ, натуралисты—ошиблись, смѣшавъ въ чертахъ органическаго міра прибавочныя (физико-химическія) съ первоначальными, собственно органическими чертами—каковы *развитіе*, *размноженіе*, *раздѣленіе на полы*, *уродство* какъ отступленіе отъ нормы, *классифицируемость* и пр.,—и успѣхи физико-химическіе въ области физіологіи принимая за успѣхъ самой физіологіи, въ дѣйствительности забытой, оставленной въ тѣни въ ея собственныхъ задачахъ [1]). Какъ это ни удивительно, мы въ этомъ забвеніи снова находимъ шагъ назадъ даже отъ Аристотеля: уже онъ во всякомъ порядкѣ явленій искалъ его τὸ τί ἦν εἶναι—то, что̀ именно его дѣлаетъ такимъ, ни съ чѣмъ не схожимъ, ни съ чѣмъ не сливаемымъ порядкомъ, — и научалъ различать это отъ вторичныхъ чертъ, которыя, въ немъ повторяясь, принадлежатъ какъ главное другимъ порядкамъ, и ихъ собою характеризуютъ. Внѣшній, неживой міръ есть собственная сфера физико-химическихъ силъ; и если онѣ и повторяются въ организмахъ—также странно было бы подъ угломъ ихъ разсматривать организмы, какъ грозу, бурю, дуновеніе вѣтра, вращеніе земли около оси—было бы странно разсматривать подъ угломъ зрѣнія органическимъ только потому, что грозу испытываетъ человѣкъ, что буря разражается надъ лѣсомъ и зеленѣющимъ полемъ и, наконецъ, на вертящейся землѣ обитаетъ весь органическій міръ. Мы сводимъ заблужденія наукъ къ простымъ, понятнымъ истинамъ; и поздній потомокъ нашъ будетъ удивленъ, какимъ образомъ эти понятныя истины, нарушая которыя умъ человѣческій долженъ бы стыдливо затаиваться, — въ вѣкъ странный, въ годы неповторимые не только нарушались, но нарушались съ торжествомъ, съ упоеніемъ успѣхомъ, съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ годамъ, когда эти истины помнились, къ людямъ, которые объ этихъ истинахъ напоминали.

---

[1]) Мы хотимъ сказать, что такія ученія, какъ о механикѣ кровообращенія, какъ объ окисленіи тканей и крови, какъ о химической сторонѣ питанія,—не составляютъ никакой части собственно физіологіи, а являются къ ней добавочными необходимыми главами.

III.

Мы снова возвращаемся къ писателю, который, не сознавая значенія историческаго момента, въ который онъ родился, такъ неудачно, такъ напрасно пытался помѣшать установленію и торжеству нѣкоторыхъ теорій, — такъ къ счастью, прибавимъ, не помѣшалъ имъ установиться. Отсюда чувство скорби и легкаго раздраженія, которое проникаетъ всѣ его труды, отсутствіе довѣрія къ ходу исторіи, полу-негодованіе, полу-презрѣніе къ тому, что люди зовутъ прогрессомъ; объединяя это, скажемъ — ропотъ на Промыслъ Божій. Конечно, въ этомъ онъ былъ не правъ; конечно, исторія въ изъянахъ своихъ и просвѣтлѣніяхъ, въ паденіяхъ и высокомъ торжествѣ, въ рытвинахъ, низинахъ, прогалинахъ, шумящемъ борѣ есть чудо творенія Божія, передъ которымъ мы можемъ трепетать, дивиться, уразумѣвать, и никогда — негодовать, высказывать ропотъ, еще менѣе — имъ пренебрегать. Въ сущности, она есть тоже, что жизнь организма, который тоже болѣетъ, имѣетъ несовершенства, старѣется, умираетъ и, однако, пока въ немъ длится жизнь — мы считаемъ святотатственнымъ къ нему прикоснуться и эту жизнь въ немъ погасить или въ чемъ-нибудь рѣзко нарушить ея законы. Въ организмѣ есть, мы сказали, своя химія и физика, но не она составляетъ его сущность; въ исторіи есть также физика нашихъ дѣлъ, химія нашихъ замысловъ, но не въ нихъ ея смыслъ: этотъ смыслъ — въ великомъ, странномъ, не постигаемомъ нами сочетаніи этихъ дѣлъ и замысловъ, изъ котораго выходитъ всякій разъ не то, что человѣкъ ожидалъ, къ чему стремился, на что надѣялся. Быть вѣчно удивленнымъ въ своей исторіи — это, повидимому, навсегда останется его удѣломъ на землѣ.

Зрителемъ одного изъ такихъ историческихъ удивленій сдѣлался на склонѣ лѣтъ писатель, котораго мы разбираемъ. Безъ всякихъ видимыхъ причинъ, безъ рѣзкаго будящаго колокола, безъ сильнаго толчка, и только по истеченіи лѣтъ, достаточныхъ для отдыха, полу-вѣковой сонъ наукъ и философіи оканчивается. Отъ сердца, въ которомъ загорѣлась снова вѣра, кровь гонится къ периферіи великаго дремлющаго организма, наполняетъ анемичный мозгъ, и безъ спора, безъ противодѣйствія, безъ борьбы и страданія, призраки, владѣвшіе имъ, отлетаютъ прочь. Гдѣ эти умственные сумерки? гдѣ эта вѣрующая логика? гдѣ дѣтская метафизика, говорящая «нѣтъ» о томъ, что не испытано; объ областяхъ, куда не заглянулъ никто? Гдѣ это знаніе о неизвѣстномъ, предвидѣніе о непредвидимомъ, и всѣ «позитивные» сны, которыми грезило человѣчество и отъ которыхъ, повторяемъ, безъ причинъ, — всюду пробуждается. Они забыты — тѣ сны; они передаются еще и имъ не вѣрятъ; немногіе сателлиты еще на нихъ настаиваютъ и ихъ никто

не хочетъ слушать. Міръ со своими таинствами, природа со своей неисчерпаемой глубиной снова стоитъ передъ человѣческой любознательностью. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, чуденъ онъ, какъ священна она! молиться, познавать—это въ самомъ дѣлѣ одно и то же, потому что и такъ, и этакъ мы прикасаемся къ Богу.

Но мы все отвлекаемся отъ писателя, который пробудилъ въ насъ невольно эти мысли. По крайней мѣрѣ, излагая ихъ, мы объясняемъ его особенную судьбу въ нашей литературѣ, его начинающійся успѣхъ послѣ долговременнаго невниманія. Намъ хочется, однако, показать хоть какъ-нибудь, хоть на какомъ-нибудь примѣрѣ, привлекательность книги, которая ожидаетъ вниманія читателя. Вотъ, почти безъ выбора, одна въ ней мысль, и мы думаемъ—она въ высшей степени способна пояснить то, что мы назвали въ природѣ ея глубиной, ея священнымъ смысломъ:

...«Человѣкъ есть зритель міра. Самая удивительная загадка заключается не въ томъ, что міръ существуетъ, а въ томъ, что у него есть зритель. Какъ бы чудесенъ ни казался намъ міръ, какъ бы поразительны ни были для насъ его порядокъ, стройность, красота, могущество, разнообразіе,—наиболѣе чудесное и наиболѣе поразительное явленіе состоитъ въ томъ, что мы можемъ это видѣть и этому удивляться. Великолѣпенъ свѣтъ солнца; «эти могучіе лучи дышатъ вѣчностью», говоритъ одинъ поэтъ. Но этотъ свѣтъ получаетъ свое великолѣпіе отъ насъ; самъ себя онъ не видитъ и ничего не знаетъ о своемъ великолѣпіи. Картина міра сама себя не видитъ и сама для себя не существуетъ; но есть зритель, который видитъ эту картину, для котораго она существуетъ и который самъ для себя существуетъ. Вотъ самое большое чудо міра.

«Если мы скажемъ, что человѣкъ самъ породилъ этотъ міръ, что его мысль создала эту видимость, внесла въ нее свѣтъ, красоту, порядокъ, то это можетъ показаться страннымъ; но не будетъ ли казаться еще болѣе страннымъ, если мы скажемъ, что міръ породилъ человѣка, что мысль человѣческая есть произведеніе природы, и что, слѣдовательно, слѣпая картина породила изъ себя зрителя, для того, чтобы онъ ее видѣлъ, и ею любовался?

«Во всякомъ случаѣ, только здѣсь, только въ этой точкѣ мы прикасаемся къ истинной загадкѣ бытія и мышленія. Что бы ни существовало и какъ бы ни существовало, бытіе должно быть таково, чтобы возможно было мышленіе. И обратно—нельзя ничего понять, если мы не понимаемъ мышленія» [1]).

Не правда ли, какъ это просто и вмѣстѣ какъ значительно? Читатель чувствуетъ, что это слова не занимающагося философіей, но философа. Мы хотимъ сказать, что этотъ тонъ и это отношеніе

---

[1]) Философскіе очерки. Спб. 1895. Статья: «Главная черта мышленія», стр. 119—120.

къ міру доступны тому только, для кого мышленіе не есть профессія, нужда, развлеченіе, но потребность, вытекающая изъ первичнаго сложенія духа. Такой человѣкъ въ эпохи ранняго развитія исторіи становится поэтомъ, поздняго — философомъ. Ибо тотъ и другой имѣютъ въ основѣ нѣкоторое удивленіе къ міру, отражающееся въ первомъ какъ безотчетный восторгъ и во-второмъ—какъ возвышенное мышленіе.

Въ дняхъ лучшихъ, которые не могутъ не настать для философіи послѣ пробужденія, о которомъ мы упомянули выше, не забудется имя писателя, книгу котораго мы хотѣли и такъ мало съумѣли разобрать. Правда, онъ не изобрѣлъ ничего новаго въ мышленіи, не соединилъ своего имени съ какимъ-нибудь сильнымъ и оригинальнымъ движеніемъ мысли. Но еще можетъ быть вопросомъ: развѣ не оригинально въ вѣкъ, который истощался въ изобрѣтеніяхъ нелѣпаго, сохранить полную трезвость ума и обладаніе своими чувствами, не принять никакого участія въ общей вакханаліи? Въ годы, когда всякій засыпалъ для прошлаго и исторію міра начиналъ съ минуты ему грезившагося сна, не оригинально развѣ, какъ бы уединившись на моментъ отъ исторіи, похоронить свое *я* подъ высокимъ культомъ къ забытому и дѣйствительному?

Двѣ философіи.

(Критическая замѣтка).

Ѳедоръ Шперкъ. Діалектика бытія. Аргументы и выводы моей философіи. С.-Петербургъ. 1897.

Его-же. О страхѣ смерти и принципѣ жизни. Спб. 1895.

Его-же. Мысль и рефлексія. Афоризмы. Спб. 1895.

Его-же. Книга о духѣ моемъ. Поэма. Спб. 1896.

Мы, русскіе, имѣемъ двѣ формы выраженія философскихъ интересовъ: оффиціальную, по службѣ, т. е. должностную. Это—«философія» нашихъ университетскихъ каѳедръ. И мы имѣемъ какъ-бы философское сектантство: темныя, бродящія философскія исканія, которыя давно начавшись, продолжаются до настоящихъ минутъ. Въ обѣихъ формахъ своихъ «философія» наша движется безъ всякаго взаимодѣйствія; онѣ почти не знаютъ другъ друга, явно другъ друга игнорируя.

Первая философія не только подтверждаетъ содержаніемъ своимъ, но и усиливается поддержать идею, что у насъ «все отъ варягъ быша, еже бысть». Не только народнаго чего-нибудь, или чего-нибудь идущаго изъ живого общества нѣтъ въ ней; но всякій трудъ, въ которомъ это народное или вообще живое оказалось-бы, тѣмъ самымъ очутился-бы внѣ служебной философіи. Если внимательно присмотрѣться, въ ней нѣтъ вообще *книги*, какъ живого и цѣлаго явленія, несущаго на себѣ печать лица; это всегда есть *работа*, безличная въ такой степени, что имя «Иванова» или «Семенова», на ней написанное, такъ-же ничего не выражаетъ, какъ если-бы на ней не было вовсе никакого имени. Она выражаетъ нужду каѳедры, свидѣтельствуетъ о знаніяхъ автора и, такъ сказать, составляетъ «литературное прибавленіе» къ устному магистерскому или докторскому экзамену, болѣе документальное и прочное, а слѣдовательно оффиціально болѣе вѣское, чѣмъ изустные вопросы и отвѣты, на экзаменѣ заданные и выслушанные.

Несчастіе книгъ второго порядка, «сектантскихъ», составляетъ отсутствіе научнаго декорума и иногда, привычной для читателя, а можетъ быть и дѣйствительно нужной, правильности изложенія. Однако, мы должны вспомнить, что знаменитое сочиненіе Бэкона «Instauratio magna» («Великое возстановленіе», т.-е. наукъ) представляетъ невыразимый хаосъ изложенія, бѣгучесть, порывистость во всѣ стороны, отсутствіе спокойствія и плана; и въ главной части своей — Novum Organon, это «Instauratio» переходитъ прямо въ афоризмы. Вообще существо рождается не похожимъ на то, какимъ оно бываетъ въ старости: теперешняя форма западной науки есть по пріемамъ и системѣ изложенія форма старости, и оттого новые труды такъ не походятъ на бурно-неустроенные труды Бэкона, и также, прибавимъ, Декарта или Лейбница.

Наша «философія» пошла двумя путями: одна, заимствовавъ форму старости, не рождаетъ въ ней содержанія. Напротивъ, вторая вѣтвь нашей «философіи», не имѣя научнаго декорума и даже часто плана, въ высшей степени полна «жизненнаго пороха»: этой взрывчатости, самогорѣнія, порыва мысли, и всегда около дѣйствительности, около naturam rerum. Мы рѣшаемся сказать, что она, не будучи нисколько «изъ варягъ», однако близко подошла къ «варяжской» наукѣ въ ея существѣ, въ «дыханіи жизни», въ ея, такъ сказать, вѣчномъ мотивѣ. и только не отвѣчаетъ текущимъ и, можетъ быть, минутнымъ, а во всякомъ случаѣ внѣшнимъ пріемамъ изложенія, плана, «декорума». Въ психологической части она дѣйствительно интересуется «коготкомъ», который «увязъ» и заставляетъ «всю птичку пропасть»; въ логической—она въ самомъ дѣлѣ пытаетъ запутанности человѣческой мысли; въ метафизической—пытаетъ тайны бытія, «сѣмя бытія», какъ говоритъ интересный философъ, заглавія маленькихъ книжекъ котораго мы выписали. Эта философія тѣсно связана съ нашею литературой; тогда какъ первая связана исключительно съ учебными нуждами, съ задачами преподаванія старинной педагогической дисциплины, которая на Западѣ больше терпится, нежели растетъ, и по примѣру Запада введена у насъ. И. намъ думается, насколько именно литература, а не школа и все школярное, есть дѣятельно просвѣщающая сила въ нашей странѣ,—русская «философія», насколько она есть, есть не въ патентованной «Наукѣ о человѣческомъ духѣ», гдѣ кромѣ «антиципаціи идей», «относительности и соотносительности» психическихъ фактовъ вы ничего не находите, но вотъ въ этихъ и подобныхъ имъ маленькихъ, безформенныхъ, но полныхъ «взрывчатости» книжкахъ, которыя лежатъ теперь передъ нами.

Очень небольшая часть ихъ представляетъ стихотворенія; все остальное—проза. То и другое—философично. Авторъ прибѣгаетъ къ стихотворной формѣ, гдѣ мысль его переходитъ въ чувство, гдѣ стремленіе къ истинѣ или тому, что кажется ему истиною,

превращается въ любовь къ ней, восторженное ей поклоненіе. И тогда онъ начинаетъ пѣть, а не говорить. Все это понятно, естественно; все это можетъ только нравиться по прихотливой свободѣ своей.

Печальная сторона г. Шперка, печальная для него, какъ мыслителя, состоитъ въ томъ, что онъ не умѣетъ развивать мыслей. Въ немъ какъ будто недостаетъ силы *ращенія*, выращиванія; но сила *рожденія*, и могучая сила, въ немъ положительно есть. Вы начинаете его понимать ясно и раздѣльно только тамъ, гдѣ мысль его совпадаетъ уже съ вашею, бродитъ около того. Тогда вы поражаетесь его пронизывающимъ вниманіемъ къ міру и многимъ таинственнымъ догадкамъ, до которыхъ онъ дошелъ или къ которымъ близокъ. Вы съ любопытствомъ перебираете афоризмъ за афоризмомъ; вы видите, что онъ глубоко заинтересованъ тайнами бытія, человѣческой психологіей, особымъ характеромъ и судьбою великихъ историческихъ племенъ. И мѣста, которыя въ его книгахъ стали вамъ понятны, становятся вамъ дороги; а, наконецъ, дорогъ и самъ писатель, этотъ, очевидно, уединенный и глубоко въ себя погрузившійся мыслитель, который «возлюбилъ истину паче всякой красоты міра».

Большая и главная часть его трудовъ, между прочимъ, послѣдняя брошюра, представляетъ чистую діалектику понятій, алгебру природы, если можно такъ выразиться. Она вращается въ элементарнѣйшихъ понятіяхъ, поэтому именно не передаваемыхъ и крайне трудныхъ для усвоенія. Это—абстрактные знаки усложненія человѣческихъ понятій; выводъ изъ понятія бытія — понятія тожества, изъ тожества—единства, изъ единства—множества и т. д.—все то, что со временъ Платонова «Парменида» и до діалектики Гегеля составляло душу логической обработки нашихъ отношеній къ Космосу. Очевидно, въ собственныхъ воззрѣніяхъ автора здѣсь—центръ его философствованія. Но и внѣ діалектики, какъ моралистъ и историкъ, какъ наблюдатель, онъ даетъ чрезвычайно много любопытнаго, оставаясь, однако, вездѣ крайне абстрактнымъ, обобщающимъ умомъ.

Ясно, что тайна организма, тайна бытія органическаго, есть для него узелъ, изъ котораго онъ хотѣлъ-бы разгадать въ одну сторону—законы механическіе, и въ другую — законы психическіе и историческіе. Но эту узловую тайну, если позволительно такъ выразиться, онъ разсматриваетъ въ свѣтѣ мистическомъ и религіозномъ, какой, конечно, и присущъ ей болѣе всего. Отсюда—мистическій свѣтъ, который разливается у него на всю природу. Повторяемъ, среди его прекрасныхъ афоризмовъ истинный любитель философіи будетъ чувствовать величайшее удовольствіе, нигдѣ не видя фольги и мишуры такъ часто набивающей философскія книги, многаго не понимая, но что понимая—тамъ находя цѣнныя жемчужины.

Замѣтки объ исторіи.

1. О государствѣ въ древнемъ и новомъ мірѣ.

Знаменитыя и немногія формы политическаго устройства: *монархія* и *республика*, *аристократія* и *демократія*, съ ихъ типичными извращеніями, *охлократіей* и *тираніей*,—все это, завѣщанное для политической науки еще изъ древности, есть результатъ абстракціи, въ которой не сохранено главнаго: индивидуальности историческихъ народовъ. Когда люди боролись только за форму правленія въ городѣ или въ небольшой странѣ, когда дѣло шло о преобладаніи того или иного класса населенія,—можно было думать, что въ этомъ преобладаніи или въ этой формѣ правительства сосредоточивался весь интересъ исторической жизни, и онѣ же должны служить постояннымъ предметомъ мысли для всякаго теоретическаго политика. Но съ тѣхъ поръ, какъ поле историческаго наблюденія такъ расширилось, когда вопросъ идетъ о существованіи или разрушеніи цѣлыхъ культурныхъ міровъ—рамки древняго политическаго созерцанія должны быть оставлены. Нельзя обобщать въ одномъ имени монархію Кира, Тиверія или Карла Великаго, и еще нелѣпѣе было бы подводить сюда же «единовластіе» какого-нибудь деспотическаго царька изъ внутренней Африки. Равнымъ образомъ, Венеція или Новгородъ, Флоренція или Римъ, несмотря на отсутствіе во всѣхъ нихъ единоличной власти, не имѣютъ ничего общаго въ строѣ и въ духѣ своей политической жизни.

Историческіе народы исходятъ всѣ равно изъ безличной массы человѣчества, въ которой первоначально они бываютъ уравнены единствомъ немногихъ и простыхъ потребностей и отсутствіемъ всего, что, возвышаясь надъ этими потребностями, вмѣстѣ обособляло бы народы другъ отъ друга. Но по мѣрѣ того, какъ, покинувъ эту безличную массу, единичныя страны и племена начи-

нютъ восходить въ исторіи—ихъ лицо въ ней проясняется, индивидуализируется. Можно думать, что именно выработка индивидуальныхъ чертъ составляетъ главный смыслъ исторіи: до такой степени восхожденія или нисхожденія въ ней народовъ всегда и всюду сопровождаютъ только выясненіе или затемненіе этихъ чертъ. Все другое въ исторіи имѣетъ то одно направленіе, то другое; все не вѣчно въ ней, уклончиво и измѣнчиво; и вѣчно только это одно—проясненіе лица своего собирательнымъ человѣчествомъ, что́ выражается въ формированіи народовъ, государствъ, наконецъ цѣлыхъ культурныхъ міровъ.

I.

На утренней зарѣ европейской исторіи мы встрѣчаемъ цвѣтущую Грецію съ ея міромъ маленькихъ автономныхъ государствъ, слабо соединенныхъ единствомъ общаго происхожденія, нѣкоторыхъ учрежденій, но, главное, языкомъ и религіею. Городской характеръ этихъ государствъ, полное безучастіе сельскаго люда въ историческомъ движеніи—вотъ общая и въ высшей степени характерная черта всѣхъ ихъ безъ исключенія. Городъ πόλις, и среди него площадь, вѣчно шумящая народомъ—вотъ что́ постоянно рисуется передъ глазами историка, который занятъ событіями этихъ крошечныхъ общинъ. Рѣчи ораторовъ, негодующая или ликующая толпа, и воины поспѣшно выходящіе изъ нея и идущіе къ недалекимъ границамъ или садящіеся на корабли въ близъ лежащей гавани—таковы обычныя сцены, повторяющіяся на всемъ протяженіи Греціи и во все время ея недолгаго существованія. Все какъ-то дробно въ ней, и все—человѣчно. Нѣтъ величія огромныхъ массовыхъ передвиженій, нѣтъ темныхъ влеченій и неясныхъ мистическихъ созерцаній; все въ высшей степени отчетливо и ясно какъ въ мышленіи, какъ въ чувствѣ, такъ и въ теченіи историческихъ событій.

Мы замѣтили о мѣрной красотѣ, разлитой во всей этой жизни, такъ краткой и, однако, такъ привлекательной для всѣхъ послѣдующихъ народовъ, гораздо болѣе углубленныхъ. Слѣдуетъ прибавить, что красота эта была исключительно объективнаго характера. Вся жизнь Греціи, какъ и все душевное содержаніе грековъ, какъ-то удивительно выпукло выразилось наружу, не оставивъ въ себѣ ничего затаеннаго, что́ они не смогли бы, или не захотѣли, или не успѣли высказать. Скульптура была любимымъ искусствомъ ихъ, и это есть именно то искусство, гдѣ за выраженною, ясною чертою ничего не скрывается, нѣтъ никакой тѣни, оставляющей въ живописи мѣсто для воображенія, и нѣтъ неуловимыхъ переливовъ, какіе есть въ музыкѣ. Она дѣйствуетъ исключительно на зрѣніе, на способность внѣшняго созерцанія, тогда какъ столь родственная ей живопись, вслѣдствіе присутствія въ ней

полутѣней, незамѣтно начинающихся и оканчивающихся линій, дѣйствуетъ главнымъ образомъ на внутренній міръ нашей души: зрѣніе является здѣсь, какъ и въ музыкѣ слухъ, не только воспріемникомъ впечатлѣнія, но главнымъ образомъ его проводникомъ и затѣмъ будителемъ внутреннихъ нѣдръ души. Но даже и въ статуѣ или въ изваяніи греки избѣгали изображать то, что сколько-нибудь отражало бы въ себѣ состояніе человѣческой души: безстрастное, не страдающее и не радующееся, но только прекрасное лицо было вѣчнымъ предметомъ воплощенія ихъ великихъ художниковъ. Въ этихъ воплощеніяхъ, къ позднѣйшему удивленію людей, никогда не было изображенія глазъ, т. е. по нашему представленію—главной красоты человѣка, которая сообщаетъ его лицу осмысленность, внутреннее выраженіе. Глаза по справедливости называются зеркаломъ души, и греки не хотѣли смотрѣть въ это зеркало, они набрасывали на него покровъ. Въ преобладаніи эпоса и трагедіи надъ лирикой такъ же высказывается объективный характеръ ихъ творчества, болѣе направленнаго къ воспроизведенію внѣшняго, нежели къ выраженію внутренняго. И что́ бы другое мы ни взяли, всюду мы отмѣтимъ этотъ же внѣшній характеръ ихъ созерцанія или ихъ чувства. Въ религіи, самомъ сокровенномъ содержаніи человѣческой души, они не оставили послѣ себя никакихъ молитвъ, т. е. никакого уединеннаго обращенія къ Богу, какъ бы они его ни понимали. Торжественныя церемоніи, общественныя процессіи, наконецъ жертвоприношенія, совершаемыя отъ лица народа государственнымъ сановникомъ—вотъ въ чемъ выразилась у нихъ потребность религіи: красиво, но и холодно. Отъ этого такъ легко перешли ихъ религіозныя торжества въ трагическое и комическое искусство, которому они придали серьезность, а отъ него получили въ замѣнъ красоту и пластичность. Искусство было у нихъ религіозно, потому что и религія ихъ была только наиболѣе глубокимъ искусствомъ.

Слабость, безсодержательность и безъинтересность семейной жизни уже сама собою вытекала изъ этого объективнаго склада ихъ души. Домъ, какъ мѣсто сна и даже не всегда мѣсто обѣда (Спарта) и, наоборотъ, общественныя зданія, какъ мѣсто постояннаго времяпрепровожденія—вотъ бросающіяся черты городскаго устройства грековъ. Всегда окруженный толпою, съ дѣтства и до глубокой старости, грекъ среди нея воспитывался, развивался, для нея творилъ подвиги и отъ нея только желалъ и добивался удивленія—этой особенной и поверхностной формы любви, къ какой одной только, повидимому, онъ былъ способенъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ дружба [1]), такъ даже и бракъ имѣлъ всегда у нихъ собственно

[1]) Какъ на особенно знаменитыя подтвержденія этого можно бы указать на разсказъ о паденіи Пизистратидовъ у *Геродота* и на многія указанія въ діалогѣ «Федръ» *Платона*.

чувственную основу, съ очень сильною примѣсью эстетическаго, но нисколько не нравственнаго влеченія. Такъ что не очень удивляетъ насъ мысль Платона, что семьи должны бы быть устраиваемы, пары сводимы—государствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, именно государство есть истинная семья аѳинянина или спартанца, и отсюда—такая возвышенная любовь къ нему, такая привязанность къ его интересамъ братская любовь между собою всѣхъ гражданъ, открытость всѣхъ ихъ отношеній, и также—ихъ простота, безъискусственность, внутренняя непринужденность. Мудрѣйшіе, поучающіе среди рынка юношей; бесѣды въ тѣнистыхъ садахъ Академіи и въ Лицеѣ; и это всегдашнее «ты» при обращеніи, эта неизмѣнная примѣсь комизма и веселой шутливости при самомъ серьезномъ содержаніи рѣчей—есть уже невольное и естественное проявленіе широко развившейся семьи—государства.

Слишкомъ понятенъ и типъ политическаго сложенія, который развился отсюда. Такъ тѣсно, такъ близко примыкая къ государству, каждый грекъ являлся какъ бы кусочкомъ одной кожи, которая, состоя изъ нихъ—ихъ же и стягивала, и единила. Каждый изъ нихъ уже отъ природы былъ носителемъ и воплощеніемъ государства, и только малолѣтство или безуміе могло помѣшать всякому вмѣшиваться въ судьбу родины, въ свою судьбу. Отсюда взглядъ ихъ на единовластіе, на всякое возвышеніе, на тираннію. Это было нѣчто *противоестественное* въ греческой общинѣ, и именно какъ противоестественное—возбуждало къ себѣ смѣшанное чувство отвращенія, ненависти, почти ужаса. Ни соображенія пользы, ни экономическія выгоды, ни внѣшняя слава не искупали того позора, который налагалъ «тиранъ» на городъ, надъ которымъ онъ господствовалъ. На время тираніи община какъ бы замирала,—и хотя событія, иногда даже великія, происходили,—исторія ея, какъ біеніе внутренней жизни, останавливалась. Отсюда всегдашнее сочувствіе грековъ къ героямъ, которые возставали противъ тирана и какимъ бы ни было путемъ—свергали его. Среди несчастій или внѣшняго униженія, при невообразимыхъ внутреннихъ раздорахъ—все равно была *жизнь* послѣ тираніи, тогда какъ при ней ея не было. Отсюда—остракизмъ, изгнаніе всякаго слишкомъ выдающагося по дарованіямъ, какъ предупрежденіе тираніи; отсюда—предпочтеніе ей даже внѣшняго порабощенія, какъ послѣдняго средства отъ нея освободиться. Властитель во всякомъ другомъ государствѣ есть распорядитель абстрактныхъ функцій, лишь *задѣвающихъ* отдѣльное лицо; въ Греціи онъ былъ *присвоителемъ* того, что составляло неотъемлемое внутреннее содержаніе каждаго,—онъ былъ врагомъ и оскорбителемъ всякаго отдѣльнаго человѣка. Отсюда раннее исчезновеніе неясныхъ тѣней монархизма на всемъ протяженіи Греціи; и самоуправляющаяся община, которою поглощена, сдавлена, но и опредѣлена въ достоинствахъ своихъ, воспитана и увѣнчана лич-

ность. Всѣ государственныя функціи здѣсь поручались, какъ равными равному, и, конечно, не оплачивались, какъ не оплачивается украшающее и возвышающее довѣріе, которое оказывается другу. Вспомнимъ—чтобы лучше понять это явленіе—отвращеніе и негодованіе, которое вызвали къ себѣ софисты тѣмъ, что стали брать плату за обученіе. Они были представителями начинающейся розни, распаденія слитой нѣкогда общины на міръ индивидуальностей, изъ которыхъ у каждой есть *свои* заботы, нужды и интересы. Ничего подобнаго, уходящаго внутрь себя, не было въ первоначальномъ, не пошатнувшемся греческомъ мірѣ. Ясное обращеніе къ внѣшнему, открытость каждаго ко всѣмъ сказывались во всякой чертѣ ихъ жизни, во всякомъ движеніи. Ихъ душа, какъ и ихъ боги, всегда была обнажена, и среди шумящаго народа, въ Экклезіи или въ Буле, ихъ ораторы такъ же состязались, какъ борцы на Олимпійскихъ играхъ. Одинъ взглядъ на ясную Афродиту уже могъ бы для всякаго чужестранца объяснить ихъ государственное устройство; какъ, понимая послѣднее, безъ труда можно было бы опредѣлить ихъ манеру воплощенія красоты въ зодчествѣ, въ скульптурѣ, въ трагедіи и въ лирикѣ.

Въ высшей степени замѣчательно чувство отчужденія грековъ отъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ, напр. гораздо сильнѣйшее, чѣмъ какое было у древнихъ персовъ. Оно находится въ тѣсной связи съ глубокою общностью между собой всѣхъ гражданъ города, всѣхъ городовъ Греціи. Война международная—это все-таки симптомъ связности народовъ, хотя и отрицательной, и греки никогда не вели войны съ «варварами», пока они не напали на нихъ. Всѣ войны грековъ—внутреннія, между собою, и замѣчательно, что никогда поводомъ къ войнѣ не было желаніе для себя территоріальнаго расширенія на счетъ сосѣдей. Завоевательныхъ войнъ, гдѣ одно политическое тѣло поглощаетъ или тѣснитъ другія, мы въ собственно греческомъ періодѣ исторіи почти не знаемъ: и это есть признакъ отсутствія въ Греціи политическаго индивидуализма, рѣзкой разграниченности между собою отдѣльныхъ государствъ. Обычнымъ поводомъ къ войнѣ была здѣсь борьба «за гегемонію», или точнѣе *противъ* гегемона, т. е. противъ выдающагося какого-нибудь города, который, обособляясь отъ прочихъ, силился стать надъ ними тираномъ. Таковы пелопонезская война противъ Аѳинъ, коринѳская и ливанскія войны противъ Спарты. Другимъ поводомъ, столь же обнаруживающимъ тѣсную связь между собою греческихъ городовъ, служило оскорбленіе какого-нибудь святилища, равно для всѣхъ драгоцѣннаго (такъ называемыя «священныя войны»), или помощь городу противъ овладѣвшаго имъ тирана (напр. Спарты—Аѳинамъ противъ Гиппія). Такимъ образомъ и внѣшнія отношенія, и внутренній строй обнаруживаютъ въ мірѣ греческихъ государствъ особый типъ политическаго сложенія, который не наблюдается раньше и не повторялся потомъ.

II.

Черта психической объективности и вытекающей отсюда гражданской связности наблюдается также и въ Римѣ, гдѣ открытость отношеній, общность интересовъ (res publica), поручаемость и безвозмездность государственныхъ функцій господствуютъ надъ всѣмъ остальнымъ, какъ и въ Греціи. Но взамѣнъ конкретности въ способности представленій, какую мы находимъ у грековъ, мы встрѣчаемъ у римлянъ абстрактность ума, болѣе способнаго къ образованію понятій, нежели къ созданію образовъ. Неразвитая миѳологія, божества какъ символы понятій или отношеній (напр. божество границъ—«Терминъ», или храмъ Согласія); слабость всѣхъ образныхъ искусствъ и великое развитіе права есть послѣдствіе этого абстрактнаго склада ума, направленнаго, какъ сказано уже было, на полезную сторону во всемъ. Образцы *чередуются*, тогда какъ понятія *развиваются*, т. е. растутъ и усложняются, захватывая все болѣе въ себя содержанія, но не разрываясь, не утрачивая при этомъ своей истинности или приложимости,—и эта разница въ отношеніи двухъ продуктовъ человѣческаго духа къ внѣшнему матеріалу есть не послѣдняя причина великой разницы, которую мы находимъ въ судьбахъ Греціи и Рима, столь родственныхъ, столь близкихъ по происхожденію и всему внѣшнему облику жизни. И въ самомъ дѣлѣ—все растетъ въ Римѣ, все растягивается, послѣдовательно захватывая въ свои политическія формы древній Лаціумъ, потомъ Италію, наконецъ все побережье Средиземнаго моря, весь дотолѣ извѣстный міръ. Любопытно, что междугосударственныя отношенія, какія мы наблюдаемъ въ Греціи, одною чертою своею отсутствуютъ въ Римѣ, другою же повторяются. Въ противоположность греческимъ государствамъ, Римъ есть община, постоянно силящаяся разрушить или поглотить сосѣднія, но не территоріально, а собственно политически. Римъ не столько расширяетъ свою государственную территорію, сколько отнимаетъ самостоятельную политическую жизнь у сосѣднихъ общинъ, подавляетъ у нихъ волю, независимое проявленіе своего «я», подчиняя и сливая все это со своимъ могучимъ желаніемъ: это выражается въ рядѣ союзныхъ договоровъ, которыми была связана Италія, но вовсе не *присоединена* къ Риму передъ пуническими войнами. И даже послѣ этихъ послѣднихъ, когда Римъ выступилъ за предѣлы Италіи и сталъ собственно завоевательнымъ государствомъ, онъ постоянно завоевывалъ собственно право, а не территорію, искалъ болѣе подчиненія, нежели земельнаго увеличенія для себя: всѣ отношенія напр. къ Нумидіи, къ Македоніи, къ Египту, и наконецъ, къ азіатскому Востоку ясно показываютъ это преобладаніе чисто юридической стороны надъ грубо физическою. Границъ государ-

ственныхъ въ томъ смыслѣ, какъ были всегда и есть теперь границы у Франціи, у Россіи—мы не знаемъ у Рима; и, очерчивая на картѣ пространство римскаго государства, мы собственно очерчиваемъ сферу его мощи, кругъ народовъ и странъ, жизнь которыхъ текла уже не по собственному желанію, но по указаніямъ изъ Рима. Отъ этого самое опредѣленіе времени, когда какая нибудь страна стала *частью* римскаго государства, всегда такъ затруднительно. Римъ лишь послѣдовательно и очень медленно придвигалъ къ себѣ, присасывалъ и, наконецъ, вбиралъ въ себя ту или иную страну, тотъ или иной народъ. Конечно, во времена Нерона вся Италія уже *была* Римъ—но когда это *сдѣлалось*, послѣ какого событія или въ какомъ году? или когда была поглощена Іудея: при Помпеѣ, при Клавдіи, при Веспасіанѣ? Эта медленность ассимилированія со своимъ организмомъ внѣшнихъ національныхъ тѣлъ была одною изъ существенныхъ причинъ неудержимаго роста Рима: ни въ какой моментъ поглощаемый народъ не зналъ, что собственно онъ уже поглощается. Было незначительное умаленіе правъ, снятіе нѣсколькихъ лишнихъ штриховъ, которыми обозначалось его существованіе въ мірѣ, выражалась его личность въ исторіи,—и не казалось необходимымъ напрягать всѣ силы, чтобы во что бы то ни стало удержать эти штрихи, безъ которыхъ существованіе продолжалось и только нѣсколько тускнѣло. Всѣ войны, имѣвшія цѣлью отстоять свое существованіе, какія велись противъ Рима, были уже внутреннею борьбою, безсильнымъ біеніемъ живого тѣла, вошедшаго, но упорствовавшаго раствориться въ римскомъ тѣлѣ (напр. борьба съ умбро-сабельскими племенами при Суллѣ, окончившаяся въ 88 г. до Р. Х., начало же поглощенія ихъ относится приблизительно къ 305 г. до Р. Х.).

Въ соотвѣтствіе съ этимъ процессомъ урегулированія отношеній къ себѣ всего внѣшняго шло въ Римѣ и урегулированіе взаимныхъ отношеній всего внутренняго—что выразилось въ развитіи права. Направленіе созерцанія въ сторону полезнаго; абстрактный характеръ этого созерцанія, безсознательно извлекающій изъ частныхъ случаевъ ихъ общую и постоянную основу; наконецъ объективность всего душевнаго склада—вотъ психическіе задатки, изъ которыхъ выросло римское право. Исторія, ея нужды и задачи, ею поставляемыя, были только возбуждающимъ стимуломъ къ этому развитію, но не его основою.

Всѣ указанныя особенности античнаго міра, отразившіяся и на его политическомъ сложеніи, сообщаютъ ему двѣ черты: красоты и холодности. Въ его несложномъ устройствѣ, въ его внѣшнемъ религіозномъ культѣ, въ его историческомъ возрастаніи и самой смерти—все правильно и ясно, все просто,—какъ красиво и просто все въ сочетаніи линій, которому мы удивляемся въ Парѳенонѣ. Почти все, къ чему бы ни обратились мы здѣсь, привлекаетъ и удержи-

ваетъ долго наше созерцаніе, давая ему наслажденіе умственное или художественное. Но нѣтъ ничего почти, что насъ и трогало бы. Въ своемъ геройствѣ, въ своей борьбѣ, въ самомъ даже страданіи и смерти греки и римляне остаются какъ-то чужды для насъ, не вызываютъ сожалѣнія къ себѣ, какъ почти не жалѣли они и другъ друга. Нѣтъ *нравственнаго* момента въ ихъ жизни и исторіи,—и это отъ того, что есть великій недостатокъ въ ней *субъективнаго*. Они близки были другъ къ другу, но лишь извнѣ, какъ граждане, но не какъ люди, и какъ гражданамъ мы удивляемся имъ, но вовсе не любимъ ихъ, какъ людей.

III.

Средніе вѣка представляютъ собою антитезу этому міру: все въ нихъ неправильно, все хаотично; невыразимо грубъ ихъ бытъ, какъ и первобытно искусство, понятія о природѣ и отношенія государственныя. Но если послѣ великолѣпныхъ страницъ Ѳукидида или Тацита мы обратимся къ какому-нибудь безвѣстному хроникеру, мы испытаемъ невольное облегченіе—удовольствіе, похожее на радость: наконецъ мы опять видимъ людей, а не скованныя холодною красотой ихъ подобія—статуи. Все опять просто и естественно вокругъ насъ, въ этомъ первобытномъ хаосѣ разрушенія и созиданія, который мы называемъ средними вѣками. Люди говорятъ, а не произносятъ рѣчи; воюютъ, а не совершаютъ только подвиги; они несправедливы и жестоки, всегда грубы и никогда не геніальны—и, однако, мы непреодолимо привязываемся къ нимъ, заинтересовываемся въ высшей степени ихъ судьбой и, ничему не удивляясь, очень многое въ нихъ любимъ.

Если мы станемъ искать источника этой разницы, которую наблюдаемъ, не въ степени только развитія, но въ самомъ сложеніи всей жизни, въ самыхъ чертахъ *лика человѣческаго* на протяженіи полутысячелѣтія послѣ паденія античной цивилизаціи, то должны будемъ обратиться прежде всего къ христіанству. Изъ всѣхъ религій, какія знаетъ исторія, христіанство есть самая внутренняя, говорящая совѣсти человѣка въ уединеніи, т. е. она наиболѣе запечатлѣна *индивидуализмомъ*. Въ то время какъ даже Моисей давалъ заповѣди цѣлому народу, и къ народу же обращены были увѣщанія израильскихъ пророковъ, Христосъ—и это впервые было въ исторіи—обратился къ одному человѣку, къ лицу: его бесѣды съ Самарянкой и съ Никодимомъ, его притчи, высказанныя ученикамъ,—все это уходитъ куда-то далеко, далеко отъ тревогъ окружающаго міра и какъ будто даже отъ самой исторіи. Гдѣ-то въ сторонѣ отъ всего, что́ знали раньше люди и что́ занимало ихъ, что́ они считали главнымъ интересомъ своей души и главной цѣлью существованія своего, вскрылась иная цѣль, иной интересъ; и исторія, ко-

торая долго еще шла мимо всего этого съ шумомъ и трескомъ, все изсякая и изсякая, все теряя силы, впала, какъ бы подсѣченная въ корнѣ, въ кругъ этихъ стоявшихъ въ сторонѣ интересовъ и съ тѣхъ поръ идетъ, вотъ уже второе тысячелѣтіе, силами, которыя были заложены тамъ и въ тотъ мигъ. Эта особенная неистощимость, эта странная неувядаемость христіанской цивилизаціи вся вытекаетъ изъ того, къ чему обратился Христосъ: какъ-бы снимая съ человѣка его оболочку, онъ раскрылъ въ исторіи его душу, которая постоянно до тѣхъ поръ скрывалась за племенемъ, за государствомъ, за общественною жизнью и общепринятыми обычаями,—и судьбу души этой въ ея паденіяхъ и просвѣтлѣніяхъ сдѣлалъ всемірной исторіей, которая, конечно, стала также вѣчна и неувядаема, какъ неувядаема въ вѣчныхъ возрожденіяхъ своихъ человѣческая совѣсть.

Личность стала поэтому центромъ новой исторіи, какъ прежде центромъ такимъ была *городская* или *родовая община*. Тамъ за предѣлами государства все тусклѣе становилось то, что непосредственно примыкало къ человѣку и, наконецъ, онъ самъ—совершенно неясный образъ, только менѣе или болѣе удачный носитель общихъ чертъ и общихъ же интересовъ, которые налагались на него государствомъ. Напротивъ, самое ясное и самое твердое теперь становится именно то, что непосредственно слѣдуетъ за внутреннимъ міромъ человѣческой души, что имъ согрѣвается и его освѣщаетъ—*семья*. Послѣ религіи, послѣ отношенія къ Богу, первой святыни среднихъ вѣковъ,—второю святынею становится семейный кругъ. Классическое «съ нимъ или на немъ», которое обратила спартанка къ рожденному отъ нея воину, подавая щитъ,—не имѣетъ никакого смысла въ средніе вѣка; и, напротивъ, получили смыслъ уединенныя молитвы, которыя неустанно шлются за сына, гдѣ бы онъ ни былъ, что бы ни сдѣлалъ, какъ бы ни былъ осуждаемъ всѣми и даже дѣйствительно дуренъ. Все перемѣнило характеръ отъ этого перемѣщенія интересовъ человѣка: нѣтъ торжественныхъ хоровъ, нѣтъ великолѣпія холодныхъ процессій и всей скульптурности бытовыхъ формъ, какъ и изваянныхъ характеровъ. Все ушло куда-то внутрь, за стѣны роднаго дома, къ скрытому очагу, гдѣ человѣкъ живетъ, не наблюдаемый болѣе никѣмъ, и откуда онъ выходитъ съ лицомъ, осѣненнымъ свѣтомъ, который никогда не согрѣвалъ античнаго міра. Оттуда, изъ этой скрытой отъ всѣхъ, уединенной жизни, выходитъ новая поэзія и новая философія, которая такъ много сказала человѣческому сердцу и такъ многому научила человѣческій умъ.

Понятно видоизмѣненіе общественныхъ и политическихъ формъ, которое все текло отсюда: государство уже не прилегаетъ болѣе непосредственно къ человѣку, оно удалено отъ него и даже не такъ строго необходимо. Только непріятное сосѣдство грубыхъ народовъ,

всегда готовыхъ напасть и разорить страну, да неизбѣжность присутствія злыхъ людей и безродныхъ бродягъ въ нѣдрахъ самого общества заставляетъ отрывать каждаго свое вниманіе отъ семьи и часть его посвящать той внѣшней оболочкѣ надъ всѣми, которую мы называемъ государствомъ. Такимъ образомъ, отношеніе къ государству въ новой исторіи становится внѣшнимъ и холоднымъ, вынужденнымъ; тогда какъ въ древнемъ мірѣ оно было внутреннимъ и интимнымъ, ему одному отдавалась не сдержанная страсть. Съ этимъ измѣненіемъ отношенія къ политической формѣ измѣнилось и отношеніе къ ея элементамъ: монархія есть естественная форма христіанскаго государства, какъ республика — античнаго, языческаго. Общій интересъ, дѣла касающіяся до всѣхъ, каждое *res publica*—есть только бремя, которое никто теперь не хочетъ взять на себя и въ которое чтобы вникнуть только—нужно забыть на время самые дорогіе и близкіе интересы, тѣмъ пренебречь съ чѣмъ слита жизнь. Тотъ, кто беретъ на себя это бремя, кто за каждымъ сохраняетъ самое драгоцѣнное для него—уединеніе и заботы о близкихъ,—каждому оказываетъ благодѣяніе, котораго онъ не получаетъ даже отъ друга. Отсюда взглядъ на царскую власть, какъ на источникъ благодѣянія, — поэзія и любовь, которою она окружена. Въ античномъ мірѣ ставшій одинъ надъ всѣми, даже когда онъ для всѣхъ благодѣтель, есть τύραννος, похититель власти, всѣхъ и каждаго врагъ; въ новомъ мірѣ—это заботливый устроитель общихъ дѣлъ, охранитель надъ всѣми, который отказался отъ лучшихъ даровъ счастья, чтобы за каждымъ сохранить его дары. Его личность неприкосновенна, почти свята; его характеру удивляются; хотятъ знать его частную жизнь, которую любятъ почти какъ собственную. Разсказы о Теодолиндѣ, легенды о Карлѣ Великомъ или объ Альфредѣ англійскомъ, всѣ эти трогательныя чувства и воспоминанія, обращенныя къ государю и его памяти,— какъ далеко отошли они отъ образовъ Тиверія, Діонисія Сиракузскаго или хитраго и жаднаго къ власти Пизистрата и двухъ сыновей его. Мы говоримъ не о разницѣ, которая была между этими людьми, но о разницѣ чувствъ, которыми они окружены были, съ которыми ихъ встрѣтили на тронѣ и проводили въ могилу. А чувства эти, вся психическая атмосфера, которою дышетъ человѣкъ, на котораго обращены милліоны глазъ, по неистребимой связности каждаго въ родѣ людскомъ со всѣми, ранѣе или позже налагаетъ свою печать на его духовный образъ, дѣла и тайныя мысли. Конечно съ индивидуальными измѣненіями, но каждый становится тѣмъ, чего отъ него ожидаютъ; и это не менѣе тогда, когда онъ отвѣчаетъ на ненависть ненавистью, чѣмъ когда на привязанность—любовью. Но въ средніе вѣка (и вообще въ христіанской исторіи) даже и положительно слабые государи, не успѣвшіе ни утрсоить подданныхъ, ни защитить ихъ, пользовались однако ихъ

добрымъ чувствомъ: объ ихъ несчастіяхъ на войнѣ, объ ихъ паденіи съ престола вспоминали съ бо̀льшимъ участіемъ, чѣмъ даже о собственныхъ бѣдахъ, о разореніи цѣлой страны,—факты неизвѣстные въ античномъ мірѣ, непонятные въ Римѣ, въ Аѳинахъ, въ Спартѣ (судьба Цезаря, подозрительное отношеніе даже къ Периклу). Отсюда сліяніе всей новой исторіи съ личною исторіею государей, съ разсказами о судьбахъ династій,—какъ въ древности сліяніе ея съ форумомъ, съ ἀγορά, сенатомъ, экклезіей. Замѣчательно, что до послѣднихъ десятилѣтій нашего вѣка это не понималось какъ ошибка, не чувствовалось тутъ какой-либо неправды: Мишле и Маколей одинаково писали свою исторію. И въ томъ, что никто не чувствовалъ здѣсь чего-либо ложнаго, находится оправданіе и объясненіе гордыхъ словъ о себѣ новаго государя: «государство—это я». Въ совершенно строгомъ смыслѣ эти слова могъ примѣнить къ себѣ и самый скромный изъ предшественниковъ Людовика XIV: въ Европѣ послѣ паденія античнаго міра, еще отъ временъ Хлодвига, Генриха-Птицелова и Альфреда Великаго, государь былъ носителемъ государства, т. е. совокупности общихъ заботъ о всякомъ дѣлѣ, организаторомъ всѣхъ этихъ дѣлъ, ихъ начинателемъ и руководителемъ. Онъ былъ вождь на войнѣ, организаторъ въ мирѣ, и когда еще оставался досугъ отъ всего этого, личный досугъ, учредитель формъ быта, строитель наукъ, литературы и искусства (Людовикъ IX). Только уже позднѣе, въ наше время, когда все стало измѣняться, историками былъ придуманъ для словъ Людовика XIV смыслъ, котораго онъ вовсе не имѣлъ въ виду, отъ котораго онъ гордо и презрительно отказался-бы, какъ отъ недостаточнаго, еслибъ можно было какъ-нибудь объяснить ему этотъ смыслъ.

IV.

И второстепенныя подробности политическаго сложенія христіанскихъ народовъ также вытекаютъ всѣ изъ начала индивидуальности, обращенія человѣка внутрь себя, которое принесла міру новая религія. Руководительство общихъ дѣлъ въ античномъ мірѣ поручалось по довѣрію нѣкоторымъ и было, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ-бы добровольнымъ сложеніемъ власти многихъ на одного: это высокое право—принять хоть временно на себя власть другихъ—пріобрѣталось не только выдающимися достоинствами въ частности, но и общимъ, постояннымъ несеніемъ на себѣ бремени бо̀льшаго, нежели какое несли другіе. Отсюда раздѣленіе гражданъ на классы въ Римѣ, въ Аѳинахъ, и несеніе почти всего бремени налоговъ тѣми, которые могли быть избираемы на государственныя должности: за право получить власть отъ бѣдныхъ богатые принимали уплату повинностей за нихъ. И они несли также и всю тя-

жесть военной службы, что́ было, впрочемъ, лишь самою общею и, для каждаго отдѣльнаго лица, низшею формою государственной власти: правомъ, которое принималось отъ народа войскомъ. Безвозмездность всякаго государственнаго служенія и простое выраженіе признательности за государственныя услуги, лавровый или дубовый вѣнокъ, наконецъ—тріумфъ, это все естественно вытекало изъ античнаго взгляда на государство, изъ чрезмѣрной близости къ нему—къ его идеѣ и выраженію—всякаго живого индивидуума И все это стало непонятно и невозможно въ новомъ мірѣ· какъ только центръ жизни, вниманія и заботъ перемѣстился въ частную жизнь — для общей можно было найти служителей только за особыя выгоды, имъ предоставляемыя сравнительно съ прочими. *Тамъ* эта служба покупалась, какъ право; *здѣсь* она оплачивается, какъ обязанность.

Отсюда вытекли два великія послѣдствія: перемѣщеніе государственныхъ тягостей сверху внизъ и развитіе бюрократической системы управленія, взамѣнъ древней, по поручительству. И въ самомъ дѣлѣ, съ торжествомъ христіанства и какъ-бы вопреки его свѣтлымъ завѣтамъ, мы видимъ, что повсюду, и даже до нашихъ временъ, бремя уплаты государственныхъ повинностей, какъ и линейной службы въ войскахъ, всею тягостью своею лежитъ по преимуществу на крестьянствѣ и мелкихъ горожанахъ, изъ которыхъ не выходятъ люди, пекущіеся о государствѣ; и отъ этой тяжести свободны, совсѣмъ или отчасти, классы обезпеченные и свободные. Ubi ementum—ibi emolumentum. Эта правовая формула античнаго міра читается въ новомъ наоборотъ. Нужна была особенно сильная и постоянно дѣйствующая причина, которая могла бы породить столь общій фактъ, столь рѣзкое отклоненіе отъ самой основы христіанства. И эта причина лежитъ въ томъ, что именно вслѣдствіе христіанства государство далеко отодвинулось отъ индивидуума. Для церкви или по предписанію нравственнаго долга онъ можетъ взять на себя тяжелое бремя, можетъ посвятить всю свою жизнь заботѣ о ближнемъ, о неимущихъ, о страждущихъ. И факты заботы этой, неизвѣстные въ древности, продолжаются до нашихъ временъ вотъ уже девятнадцать вѣковъ. Но для государства, для совершенія дѣйствій, *индивидуально никому не нужныхъ*,—что́ можетъ заставить христіанина отнимать заботы отъ своей семьи и иногда даже отъ церкви, о своемъ личномъ загробномъ спасеніи? Ради чего онъ погрузится въ весь этотъ мелочный, непріятный и часто не чистый водоворотъ текущихъ или особыхъ дѣлъ, гдѣ такъ часто нужно притѣснить или наказать, подчиниться слѣпо или гнѣвно приказать? Для его свободной души, которая хотѣла-бы жить только съ Богомъ, съ подателемъ жизни и грознымъ судьей, передъ которымъ онъ долженъ дать отчетъ не только за одну свою душу, но и за дѣтей своихъ,—оставить эти высокія и чистыя за-

боты для разбирательства вздорныхъ дѣлъ между дурными людьми, для вымогательства подати съ послѣдняго бѣдняка было нѣчто отвратительное и тягостное. Вотъ почему, вплоть до начала XV вѣка, когда во всей Европѣ совершился великій упадокъ религіозныхъ чувствъ, самое возникновеніе отчетливо организованнаго государства было невозможно. Только съ этого времени, взамѣнъ феодальнаго строя, гдѣ вовсе не было этой удушливо-грязной административности, возникаетъ новое государство. Но одна общая черта сохраняется какъ въ феодальномъ, такъ и въ новомъ государствѣ: та сословная масса, изъ которой выходятъ оберегатели общихъ интересовъ, — будетъ-ли то воинъ или чиновникъ, въ шлемѣ или въ мундирѣ. Эта масса, одинаково во всѣ эпохи, религіозныя и атеистическія, просвѣщенныя и грубыя, свободна отъ денежныхъ и всякихъ физическихъ повинностей, кромѣ одной— обязанности давать изъ себя людей, пекущихся объ общемъ благѣ, какъ внѣшнемъ, такъ и внутреннемъ. Но въ феодальномъ строѣ это обязательное попеченіе было болѣе свободно по формѣ, строго индивидуально по выраженію—что́ вполнѣ согласовалось и съ религіознымъ духомъ эпохи: рыцарь повсюду и членъ феодальной іерархіи въ своемъ районѣ были оберегателями справедливости и свободы, которые дѣйствовали по личному убѣжденію и лишь въ слабой зависимости отъ своего сюзерена. По мѣрѣ того, какъ изъ хаоса феодальныхъ отношеній возникло новое государство, эта независимость въ проявленіи заботъ о всѣхъ стала уступать мѣсто принудительности и безличности: возникла бюрократія, какъ посредствующее звено между государемъ и страною, какъ орудіе дѣятельности перваго, которая могла-бы достать всюду и коснуться всего.

Въ силу той безъинтересности государства для каждаго индивидуума, о которой мы говорили какъ о характерной чертѣ новыхъ временъ,—орудія дѣятельности этой, т. е. звенья бюрократической системы, могли быть привлечены къ работѣ на общую пользу не иначе какъ платою. Отсюда — оплаченный чиновникъ, какъ непремѣнная принадлежность новаго государства, будетъ-ли то монархическая Австрія или республика Соединенныхъ Штатовъ. Всюду за тѣ заботы, которыя отнимаетъ онъ отъ семьи своей, чтобы передать ихъ безличнымъ и далекимъ для него массамъ людей, онъ требуетъ и получаетъ особенныя выгоды, которыя передаетъ своей семьѣ. Съ возникновеніемъ бюрократіи, набираемой изъ всѣхъ классовъ, куда идутъ, по выше объясненнымъ причинамъ, лишь наиболѣе грубые элементы общества, наименѣе цѣнящіе себя и въ себѣ все высокочеловѣчное,—самое существованіе особыхъ облегченныхъ классовъ утратило всякое основаніе: они опустились туда, гдѣ всегда лежало бремя государственныхъ тягостей, сохраняя одно лишь преимущество — избытокъ матеріальныхъ

средствъ. Безличная, не расчлененная масса народа и управляющій классъ надъ нею, какъ единственное и новое сословіе, есть общая черта государствъ современнаго типа. Но купленная забота всегда обращена къ тому, кто ее купилъ, а не къ тому, для кого она куплена. Отсюда — развитіе въ новомъ государствѣ наружной стороны дѣятельности: отсутствіе на периферіи его, въ послѣднихъ звеньяхъ системы, какой-либо жизни, устремленности, достиганія, и такъ какъ лишь этою периферіей система касается реальныхъ явленій текущей исторіи, то отсюда-же вытекло вѣчное убѣганіе этой исторіи отъ руководительства системы, которая напряженно силится изъ центра овладѣть ею, но не можетъ. Изощреніе и изощреніе контроля, прибавка къ сдѣланной уплатѣ (жалованье) обѣщанія прибавить еще (награды, повышенія, знаки отличія)—все это есть рядъ усилій, дѣлаемыхъ изъ центра для того, чтобы передать свою жизнь и устремленность далекимъ периферіямъ, не знающимъ и не хотящимъ, *не чувствующимъ* въ самихъ себѣ какихъ-либо цѣлей. Такимъ образомъ, за безучастіемъ въ новомъ государствѣ хорошихъ сторонъ человѣческой природы, является печальная и сознанная необходимость дѣйствовать, возбуждая ихъ, на дурныя: на чувство робости въ человѣкѣ, на его алчность, на какое-то иллюзорное тщеславіе. Но, какъ само собою ясно, не задѣвая сущности дѣла, всѣ эти средства были и останутся безплодны: какая-бы цѣль дѣятельности ни была поставлена и какая-бы награда возлѣ нея ни стояла, вниманіе достигающаго ея въ новомъ государствѣ неизмѣнно будетъ направлено на того, кто поставилъ ее и держитъ награду, а не туда, гдѣ стоитъ она и чего должна коснуться ея дѣятельность. Безжизненность, глубокое безсиліе есть неизмѣнная черта новыхъ политическихъ тѣлъ, возникшихъ повсюду въ Европѣ съ конца XV вѣка, и вытекающая изъ самой психической структуры ихъ. При этомъ мы говоримъ, конечно, о нормѣ, а не объ исключеніяхъ: но рвеніе, но героизмъ, но подвигъ для родного города въ античномъ мірѣ былъ нормою, а равнодушіе—исключеніемъ. Въ христіанскомъ мірѣ, гдѣ государство есть второстепенное для человѣка, а не первое, это стало наоборотъ—при всѣхъ формахъ правленія, при всѣхъ степеняхъ образованія, въ вѣка минувшей исторіи и ожидаемой.

Въ цѣляхъ удобства, возможности какого-нибудь дѣйствія, это управленіе не могло не пріобрѣсти всюду одного вида: всеоживляющій центръ и пробѣгающая отъ него дѣятельность, которая, распредѣляясь по безчисленнымъ нитямъ все утончающейся администраціи, завязывается на оконечности ихъ съ фактами реальной жизни, силясь овладѣть этими фактами. Восхожденіе движенія обратно къ центру отъ фактовъ хотя возможно и есть, но всюду затруднено, какъ бы мѣшая главному движенію. Нѣкоторая абстрактность жизни въ центрѣ, абстрактность идей его и даже страстей,

и затруднительность движенія для фактовъ на периферіи системы, гдѣ они проскользаютъ сквозь рѣдкую уже и слабую сѣть административной паутины и текутъ по своему особому руслу, никѣмъ не направляемому — вотъ общая картина этой системы, почти безъ видоизмѣненій установившейся во всей Европѣ. Ей отвѣчаетъ повсюду картина самой территоріи европейскихъ государствъ. Утопленная жизнь бьетъ въ центрѣ каждаго государства, но жизнь крайне абстрактная, безъ ярко выпуклыхъ особенностей, которыя были бы наложены исторіей, національностью, ея особыми бытовыми условіями и даже климатомъ. Всѣ столицы Европы становятся чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе схожи между собою, какъ фотографіи снятыя съ одного лица. И до самой периферіи, начиная отъ этихъ центровъ, всюду — поблеклая жизнь, медленно движущаяся, безъ какого-либо значительнаго интереса въ себѣ для наблюдателя, безъ какого-либо счастья кромѣ покоя, безъ другихъ заботъ кромѣ насущнаго пропитанія. Всѣ высшіе интересы, тревоги, замыслы сосредоточиваются въ центрѣ, лихорадочно дѣятельномъ, ни на минуту не успокаивающемся, — и это безпокойство есть главная печать, налагаемая этими центрами на высшіе интересы человѣческаго существованія, сюда стянувшіеся.

Таковы рѣзкія, бьющія въ глаза особенности новой исторіи, вытекшія всѣ изъ незамѣтнаго уклона, который получило девятнадцать вѣковъ назадъ развитіе человѣческаго духа въ новой религіи. Съ этого времени, повинуясь этому уклону, всѣ дѣла человѣческія текутъ въ сторону, діаметрально противоположную той, куда они двигались ранѣе, въ античномъ мірѣ. Намъ остается добавить еще немного словъ, чтобы докончить картину этой исторіи, и именно— выяснивъ особый характеръ, какой имѣетъ здѣсь участіе собственно народныхъ массъ въ государственной жизни.

V.

Древнему міру вовсе неизвѣстна была противоположность между государствомъ и обществомъ: въ Спартѣ, въ Аѳинахъ или въ Римѣ общество, т.-е. совокупность гражданъ, было вѣчно дѣятельнымъ носителемъ задачъ, формъ и традицій государства. И кто врагъ былъ этому государству былъ врагъ и обществу этому, его интересамъ. Отъ этого борьба тамъ всегда была борьбою въ предѣлахъ самого государства одного элемента его противъ другихъ—т.-е. она носила строго внутренній характеръ, была вполнѣ законна, и ея вліяніе на развитіе государства всегда было плодотворно. Напротивъ, въ новой исторіи, съ возникновеніемъ христіанской семьи, съ строгимъ и возвышеннымъ развитіемъ церкви, общество отдѣлилось отъ государства и вообще исторія его не укладывается въ исторію политическую и не всегда даже совпадаетъ съ ней въ

своемъ теченіи: бывали моменты, и ихъ всегда можно ожидать въ будущемъ, когда принципы, задачи и вся установившаяся практика государства вызывали строгую критику и даже осужденіе со стороны общества—фактъ неизвѣстный въ лѣтописяхъ исторіи до появленія христіанства. Въ античномъ обществѣ, слитомъ съ государствомъ, только къ концу его, съ возникновеніемъ философіи, могли появиться, въ ея особыхъ понятіяхъ, опорные пункты для критическаго отношенія къ политической практикѣ. И это еще разъ, но съ новой стороны, показываетъ, какъ мало гармонировали Академія, Лицей и Стоя съ Акрополемъ и Форумомъ, со всей этой свѣтлой, связной, въ высшей степени цѣльной жизнью: и насколько сказался въ ихъ возникновеніи скрытый переломъ исторіи къ чему-то новому, совершенно отличному отъ прежняго. Но философскія понятія никогда не могутъ быть достояніемъ многихъ—и изгнаніе Анаксагора, смерть Сократа, добровольное удаленіе изъ Аѳинъ Аристотеля были несложными фактами, въ которыхъ выразилось это разъединеніе личности и государства. Напротивъ, съ появленіемъ христіанства этотъ фактъ сталъ всеобщимъ и постояннымъ: въ завѣтахъ Евангелія, въ пробужденныхъ тревогахъ своей совѣсти всякій имѣлъ постоянный критеріумъ, который онъ не колеблясь примѣнялъ и ко всякому поступку своему, и къ каждому государственному акту, котораго былъ зрителемъ. Слитность между индивидуумомъ и политическимъ строемъ стала болѣе невозможною: стала возможна особая исторія общества и всего того, что изъ него свободно выростало — религіозныхъ движеній, искусства, науки и философіи. Все это, развиваясь внѣ воздѣйствія государства и будучи дорого человѣку не менѣе, чѣмъ оно, открывало новыя и новыя точки опоры для индивидуальнаго сужденія, для общественной критики государственной дѣятельности. И мы видѣли нерѣдко въ исторіи Европы моменты, когда государство съ сѣтью развившихся въ немъ учрежденій, и общество съ великимъ духовнымъ міромъ, имъ созданнымъ, становились другъ противъ друга, чтобы побѣдить или умереть. Таковъ былъ, между прочимъ, смыслъ французской революціи, столь враждебной христіанству и, однако, возможной только въ христіанской странѣ—по своему основанію, по точкѣ опоры, какой она никогда не получила бы для себя въ языческой странѣ [1]).

Но здѣсь общество и государство стояли другъ противъ друга; разъединены же и обособлены они были постоянно въ новой исторіи. Этимъ объясняется особый характеръ какъ важнѣйшихъ чисто европейскихъ законодательствъ (т. е. возникшихъ безъ участія рим-

[1]) Сравни судьбу Тиверія и Кая Гракховъ, боровшихся за ясные для всѣхъ матеріальные интересы, съ судьбой Мирабо и послѣдующихъ вождей революціи, боровшихся за гораздо болѣе отвлеченные принципы.

скаго права и не на романизованной почвѣ), такъ и характеръ въ новой исторіи представительныхъ собраній. «Magna charta libertatum», «Habeas corpus», «Билль о правахъ»—эти знаменитые юридическіе акты всѣ имѣютъ одну цѣль: охранить личность отъ посягательствъ государства, провести вокругъ каждаго черту, за которой съ семьей своей, со своими высшими духовными интересами, онъ какъ бы не чувствовалъ государства и его ежеминутной дѣятельности. Такимъ образомъ печать глубокаго индивидуализма лежитъ на этихъ государственныхъ актахъ — въ противоположность античному міру, гдѣ всякій государственный актъ расширялъ сферу общей дѣятельности (res publica) на счетъ индивидуальной свободы. И далѣе (въ глубокой аналогіи со всѣмъ сказаннымъ) тогда какъ въ древнемъ мірѣ всякое представительное собраніе (сенатъ, комиціи, буле и экклезія, герусія) имѣло характеръ ведущій исторію— въ новой исторіи всякое подобное собраніе имѣло характеръ только ограничивающій это веденіе. Въ началѣ, когда государь стоялъ одинъ надъ народомъ и еще не имѣлъ вокругъ себя сложной администраціи, черезъ которую могъ бы дѣйствовать, онъ созывалъ лучшихъ людей изъ подвластнаго народа въ помощь себѣ, для совѣта или содѣйствія. И понятно, что собранія эти всюду прекратились, замѣняясь болѣе дѣятельною и удобною администраціей. Въ одной Англіи, гдѣ не возникло бюрократіи, эти собранія сохранились благодаря ряду дурныхъ королей, которыхъ, представляя собою общество, они стали ограничивать. Но въ высшей степени замѣчательно, что гдѣ бы ни возникали подобныя собранія и въ позднѣйшее время, они всюду имѣютъ тотъ же ограничивающій характеръ, выражаютъ критику стоящаго въ сторонѣ общества, но не его дѣятельность. Такъ сдѣлался удаленъ, со временъ христіанства, міръ индивидуальныхъ желаній и даже мыслей отъ общаго интереса всѣхъ, что, собираясь даже во имя этого интереса, отдѣльныя личности не могутъ найти способа *осуществлять* его, но лишь смотрятъ и критикуютъ то, что передъ ними осуществляется,— и это одинаково въ республикахъ, какъ и въ *ограниченныхъ* монархіяхъ. Поэтому, въ строгомъ смыслѣ, rei *publicae* не существуетъ въ Европѣ и не можетъ существовать; есть только монархіи, но мѣстами такія, гдѣ власть монарха, его скипетръ, держится многими руками, скрытыми за спиною остальныхъ необозримыхъ народныхъ массъ, которыя покорны и безучастны къ власти столько же, какъ и въ монархіяхъ не затемненныхъ. Вѣнецъ царскій не сорванъ нигдѣ, но онъ разорванъ на лепестки, которые, однако, сіяютъ на головахъ нѣсколькихъ людей—для большаго удобства (говорятъ они) народа, которому, однако, предоставляется лишь смотрѣть на это, безсильно желать этого, вѣчно завидовать и умирать съ чувствами, какихъ онъ не имѣлъ прежде.

Таковы различія въ политическомъ сложеніи древняго государ-

ства и всѣхъ новыхъ. Въ безсмертной формулѣ своей, Аристотель выразилъ сущность перваго: ἄνθρωπος ζῶον πολιτικόν ἐστιν, сказалъ онъ, думая о современномъ ему мірѣ; высказывая, *какъ* этотъ міръ чувствовалъ себя. Величіе, поразительная красота, обиліе жизненности въ государствѣ и гражданинѣ было простымъ слѣдствіемъ только этого факта. Былъ удивительный періодъ въ исторіи, когда человѣкъ не только ощущалъ, но и дышалъ, но и желалъ только внѣшними покровами своего существа — подобно тѣмъ страннымъ, еще неразвитымъ животнымъ, которыя живутъ только кожею. И этотъ періодъ окончился навсегда, какъ только принесено было на землю Евангеліе. Съ нимъ и черезъ него выросъ внутренній человѣкъ, вскрылось глубокое содержаніе его природы, вовсе не укладывающееся въ рамки какой-либо политической формы или дѣятельности. Человѣкъ, не хочетъ и не можетъ быть только гражданиномъ; онъ уже давно сперва христіанинъ, потомъ отецъ семьи, на которомъ лежитъ высшая отвѣтственность, наконецъ онъ—художникъ или мыслитель и уже послѣ всего этого гражданинъ. Но съ тѣмъ прекраснымъ и до сихъ поръ не померкающимъ свѣтомъ, какимъ озарилась въ силу этой перемѣны исторія, неотдѣлимо и нѣкоторое искаженіе государства: нѣтъ прежней красоты въ его формахъ, болѣе безжизненно оно, узко и какъ-то несимпатично. Всего этого перемѣнить нельзя и не слѣдуетъ. И не подавляя остальное все, какъ это было въ древности, но, напротивъ, примыкая ко всему, что̀ выросло въ новыхъ обществахъ изъ христіанства, проникаясь началами религіозными, семейными, всюду будя въ себѣ внутренній смыслъ, а не установляя внѣшнія формы, новое государство можетъ достигнуть высшихъ проявленій своего типа — менѣе красивыхъ, чѣмъ античныя, но гораздо болѣе дорогихъ человѣку и, быть можетъ, болѣе его достойныхъ [1]).

---

[1]) Намъ могутъ замѣтить, что 1) зародыши централизаціи и бюрократіи появились еще въ языческой римской имперіи, и 2) что въ нѣкоторыя эпохи новой исторіи у тѣхъ или иныхъ народовъ отсутствовали черты этой бюрократіи и централизаціи. На это отвѣтимъ, что 1) насколько уже въ языческомъ мірѣ (однако, не ранѣе появленія христіанства) стало подготовляться выясненное нами политическое сложеніе—въ немъ, въ этомъ фактѣ, съ новой стороны обнаружилось подготовленіе къ принятію христіанства: формы перерождались въ направленіи строго отвѣчающемъ характеру содержанія, которое только подготовлялось въ это время на дальнемъ Востокѣ. Замѣчательно, однако, что окончательное установленіе централизаціи и бюрократіи произошло въ Римѣ лишь при Константинѣ Великомъ, при которомъ и новая религія отъ потаенныхъ путей перешла къ ясному выраженію себя въ исторіи; 2) изъ новыхъ народовъ у всѣхъ и во всѣ эпохи есть болѣе или менѣе ясно выраженный уклонъ въ указанную сторону; но, скользя по этому уклону, многіе изъ нихъ задерживались въ движеніи своемъ разными историческими обстоятельствами. Во всякомъ случаѣ, въ каждомъ единичномъ народѣ послѣдующая фаза развитія всегда была обильнѣе, чѣмъ ей предшествующая, общими чертами бюрократизма и централизаціи (сравни, напр., Испанію при Карлѣ V и

2. Объ эпохахъ русской исторіи.

I.

Андрей Боголюбскій съ образомъ Богоматери бѣгущій вопреки волѣ отца на сѣверъ и закладывающій тамъ новый городъ — вотъ лучшій символъ нашей исторіи, выраженіе коренной черты нашего характера и всемірно-исторической судьбы. Подобнымъ же образомъ, но уже съ рубанкомъ и пушками, бѣжалъ Петръ еще далѣе къ сѣверу, за самую грань своего царства, на только-что отнятый у сосѣда клокъ земли. Въ страстяхъ, въ характерѣ, въ привязанностяхъ и ненависти этихъ двухъ государей совершились два сгиба нашей духовной исторіи, послѣ которыхъ все становилось въ ней иначе, для другихъ цѣлей и по новымъ основаніямъ. Было-бы напрасно въ ихъ *дѣятельности* видѣть ихъ главное значеніе: не какъ законодатели, политики, воины велики они—они велики какъ творцы новаго историческаго настроенія. Ихъ войны, предпріятія, неудачи или успѣхи, даже въ результатахъ своихъ, прошли уже скоро послѣ ихъ смерти, но не прошло въ теченіе вѣковъ ихъ особое *отношеніе* ко всякому дѣлу—тотъ способъ думать, желать, оцѣнивать, какой они внесли съ собою и распространили, передавъ ихъ порожденіямъ своимъ и цѣлому народу. Угрюмый Андрей явился живымъ и личнымъ отрицаніемъ всего кіевскаго цикла нашей исторіи, свѣтлаго среди всѣхъ печалей, не озабоченнаго никакими помыслами, отдававшаго каждому дню столько силъ, сколько ихъ оставалось отъ прошлаго. Ни Мономахомъ, ни мудрымъ Ярославомъ, ни самимъ Владиміромъ, никѣмъ изъ свѣтлаго среди всѣхъ бѣдъ гнѣзда Рюриковичей, о которомъ сказываетъ «Слово о Полку Игоревѣ», не могъ и не хотѣлъ стать Боголюбскій — отшельникъ, готовый сжечь все это гнѣздо, изъ котораго, однако, самъ вышелъ, но не любилъ и не уважалъ его. Уединяясь въ церковь, въ долгіе часы ночнаго бдѣнія, онъ молился, неизвѣстно о чемъ, какъ молились потомъ государи наши и весь народъ, впредь до шумнаго карнавала при молодомъ царѣ новой эпохи. И такъ молившійся князь, строитель церквей и городовъ, «опалъ въ лицѣ» при одной вѣсти, что тамъ, на югѣ, его повелѣнію осмѣлились насмѣяться какіе-то его родственники князья. Въ этомъ гордомъ властительствѣ, въ

Филиппѣ II); и, по истеченіи достаточнаго времени, всѣ страны Европы приняли видъ, нами очерченный. Но (и это главное) имѣя задачею высказать лишь схему новаго государства, мы указали, что отдѣльныя черты этой схемы должны корениться въ особенностяхъ духовнаго сложенія новыхъ народовъ; а это послѣднее возникло, главнымъ образомъ, изъ христіанства, въ которомъ, именно индивидуализмъ и субъективность могли дать основу для особаго строя общественной и государственной организаціи.

этомъ уединеніи въ себя, но безъ какого-либо просвѣтлѣнія и углубленія душевнаго, въ этой медлительности движеній и недостаткѣ словъ сказалась уже вся Москва съ ея великой миссіей, съ ея исторической озабоченностью, съ ея дальнозоркими святителями и монашествующими, угрюмыми царями. На пять вѣковъ замолкла въ нашей землѣ поэзія, принизилась мысль, все сжалось и вытянулось по одному направленію — государственнаго строительства. Въ фактахъ, и лишь по нерѣчистости не въ книгахъ, въ эти пять вѣковъ было создано все, чѣмъ въ сущности и до сихъ поръ безсознательно живемъ мы въ сферѣ политической мудрости, успѣвая лишь на столько, на сколько вѣрны традиціямъ этого цикла, безспльные что-либо придумать здѣсь новое и оригинальное. Идеи царя и подданнаго; служенія и правъ, на немъ основанныхъ; сознаніе общихъ нуждъ, за которыми не видны личные интересы; наконецъ, связь быта, церкви и всего царства между собою до неразъединимости, и безчисленныя другія понятія — все это создано было въ то время и отъ всего этого мы едва-ли уже когда нибудь высвободимся. Ни бурное въ беззавѣтности своей XVIII-е столѣтіе, ни нашъ мелко-ученый вѣкъ ни въ чемъ не имѣли силы разстроить эти понятія, лишь порой обезсмысливая ихъ въ приложеніи или передѣлкахъ.

Въ цвѣтущемъ отрокѣ тихаго и богобоязненнаго царя, на свободѣ и безъ призора выросшаго, Россія сбросила прежнее свое одѣяніе, слишкомъ монотонное, хотя и важное,—чтобы расцвѣтиться всею яркостью самыхъ разнообразныхъ и свѣжихъ красокъ. Въ свободѣ движенія этого, въ его прихотливости и непреднамѣренности, и вмѣстѣ въ глубокой естественности и простотѣ, и сказался переломъ нашей исторіи— гораздо болѣе чѣмъ въ Великой Сѣверной войнѣ, чѣмъ въ воинскихъ и морскихъ артикулахъ, въ законѣ о майоратѣ и табели о рангахъ. И въ самомъ дѣлѣ, можно представить себѣ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ русскіе побѣдили-бы шведовъ, какъ они побѣждали поляковъ, что его намѣренія исполнились и мы имѣли флотъ, что Нѣмецкая слобода разрослась и русскіе научились, наконецъ, сами стрѣлять изъ пушекъ, — совершился-ли бы отъ этого тотъ переломъ въ нашей исторіи, который мы всѣ живо чувствуемъ, такъ неясно понимаемъ и не умѣемъ сколько-нибудь опредѣлить? Ясно, что все текло-бы тогда дальше, чѣмъ при Алексѣѣ Михайловичѣ—какъ при немъ текло уже дальше, нежели при Іоаннѣ III, — но въ томъ-же направленіи, также тихо и не менѣе однообразно. Итакъ, если несомнѣнно *не въ успѣхахъ* Петра заключалась тайна его историческаго значенія, то въ чемъ-же она лежала?

Въ *способѣ*, какимъ совершились всѣ эти дѣла; въ той новой складкѣ духа, откуда выросъ каждый его нетерпѣливый замыселъ и въ той несвязанности его мысли чѣмъ-либо, что́ прямо не отно-

силось къ дѣлу,—несвязанности, которую у него впервые мы наблюдаемъ въ нашей исторіи и съ тѣхъ поръ сами стремимся всегда сохранять ее. И въ самомъ дѣлѣ, на протяженіи пяти вѣковъ вся жизнь наша какъ будто носила какіе-то внутренніе путы, связывавшіе каждый нашъ замыселъ, всякое дѣйствіе, стѣснявшіе непреодолимой оградой всякій порывъ мысли и личное чувство. Нельзя сказать, чтобы эта связанность вытекала изъ какого-нибудь внѣшняго требованія: скорѣе она была слѣдствіемъ внутренняго расположенія, уже сказавшагося впервые въ Андреѣ Боголюбскомъ и продолжавшагося у всѣхъ преемниковъ его исторической миссіи. Никогда и никакой утопленности мы не замѣчаемъ въ нихъ, и это вовсе не оттого, что никогда въ ней не было потребности; но, пренебрегая всякой потребностью, русскіе люди въ теченіи вѣковъ ни разу не ускорили своего шагу, который ранѣе и по малѣйшему требованію дѣла они ускоряли легко, свободно и даже капризно. Мы знаемъ, какъ религіозно было то время; но замѣчательно, что мы вовсе не знаемъ ни одного религіознаго порыва изъ того времени, ни одной умиленной молитвы, ни одной пламенной проповѣди. Святые въ лѣсахъ дремучихъ также молчаливо, безъ словъ молились,—какъ безъ словъ, молчаливо, въ стѣнахъ Московскаго Кремля, цари вершили свою политику. Даже въ страшные годы царенья Грознаго мы больше видимъ крови, видимъ судороги жертвъ, какъ и судороги ихъ мучителя; но очень мало слышимъ криковъ негодованія, мольбы о помощи или требованія пощады. Только Курбскій, измѣнникъ царю, народу и вѣковымъ завѣтамъ жить и умирать, вмѣсто того, чтобы войти молчаливою полустрокой въ «Синодикъ», предпочелъ написать нѣсколько длинныхъ писемъ. И такъ же, какъ не знаемъ мы слезъ и отчаянія у людей этого времени, не знаемъ мы въ нихъ и радости и веселья; ни одного смѣющагося лица не видимъ мы на протяженіи пяти столѣтій, которое нарушало-бы собою монотонную угрюмость всѣхъ и молчаніе. Въ совѣтѣ царскомъ, въ молитвѣ, передъ людьми и даже Богомъ эти странные люди какъ будто боялись вѣчно за свое достоинство, за эту безпредметную серьезность, которую не хотѣли, не могли и, наконецъ, не умѣли они оставить. И если мы подумаемъ, что этотъ складъ жизни установился у народа молодаго, еще не испытавшаго всего богатства жизни,—мы поймемъ, какъ много во всемъ этомъ искусственнаго, неестественнаго и ложнаго. Здѣсь была какая-то придуманная стыдливость, напрасный страхъ проявить свои силы,—и онъ выработалъ общія формы, подъ которыя укрывалось все индивидуальное, все частное и особенное въ человѣкѣ и въ жизни. Ничего не выдавалось изъ-подъ этихъ общихъ формъ, заботливо хранимыхъ въ войнѣ и мирѣ, въ чистой семейной радости и среди государственныхъ бѣдствій. Никакая поэзія, никакое проявленіе любознательности, ни даже простой успѣхъ во всякомъ живомъ

дѣлѣ не былъ возможенъ при этихъ общихъ формахъ, придавшихъ печать преждевременной старости народу, у котораго все еще было въ будущемъ, ни одинъ изъ даровъ духа не былъ обнаруженъ и проявленъ.

Этотъ покровъ общихъ формъ, скрывавшихъ живую индивидуальность, эту искусственную условность жизни, и разбилъ Петръ силою своей богатой личности. Полный неизсякаемой энергіи и жизни, противъ воли неудержимый во всѣхъ движеніяхъ, онъ одною натурою своей перервалъ и перепуталъ всѣ установившіяся отношенія, весь хитро сплетенный узоръ нашего стараго быта, и, самъ вѣчно свободный, далъ внутреннюю свободу и своему народу. Въ великомъ и незначительномъ, на поляхъ битвъ и въ веселыхъ пиршествахъ онъ научилъ своихъ современниковъ простому и естественному и этимъ открылъ новую эру въ нашей исторіи, сдѣлавъ возможнымъ въ ней проявленіе всѣхъ даровъ духа, всякихъ способностей человѣка, геніальнаго, какъ и уродливаго. Съ нимъ и послѣ него, впервые послѣ вѣковаго молчанія, мы наконецъ слышимъ въ нашей исторіи живые голоса, крики радости и гнѣва, гордости и униженія—звуки человѣческой души, болѣе всего прекрасные. Необузданность, борьба страстей, безстыдство и героизмъ на плахѣ и въ походахъ наполняютъ волненіемъ нашу исторію, дотолѣ столь тихую, и то, что болѣе всего въ ней поражаетъ насъ—это именно богатство *индивидуальности*. Съ нею возможна стала поэзія, сперва дикая, какъ и весь хаосъ перемѣшавшейся жизни, но потомъ отстоявшаяся и нашедшая звуки, столь чудные, чарующіе не для одного нашего уха. Съ ней возможна стала любознательность—и бѣгство бѣднаго мальчика съ береговъ Ледовитаго моря въ Москву, на берега Невы, къ германскимъ натуралистамъ, уже не представляло чего-либо необыкновеннаго. Каждый и прежде всего хотѣлъ удовлетворить свою нагую человѣчность, и лишь въ примѣненіи къ ней разсматривалъ церковь, государство, поэзію, университетъ,—или находя въ нихъ все, что ей было нужно, или, въ противномъ случаѣ, усиливаясь создать новое. И съ тѣхъ поръ и до нашего времени эта непокорная индивидуальность и приводитъ въ отчаяніе, и умиляетъ насъ, то внушая за будущее самыя страшныя опасенія, то наполняя сердце великими надеждами. Гдѣ еще конецъ этому своевольству творчества, этому отрицанію вѣковаго и священнаго, неудержимому порыву духа изъ всякихъ твердыхъ формъ?

II.

Но вотъ это богатство творчества видимо изсякаетъ, и эта безбрежность ничѣмъ не ограниченной мысли наконецъ для всѣхъ становится утомительна. Это сказывается оскудѣніемъ поэзіи и художества, упадкомъ воображенія и чувства,—и, съ другой стороны,

въ хаосѣ, обезображеніи всей жизни личной, общественной, политической, котораго мы всѣ свидѣтели. Веселость и красота двухъвѣковаго карнавала прошла, а то, что остается отъ него—дымящіеся факелы и безобразно-уродливыя маски, разбросанные тамъ и здѣсь, не есть, не могутъ быть ни для кого привлекательны и дороги. Въ подобномъ положеніи, полномъ отвращенія къ только-что совершившемуся, стоитъ наше общество теперь—очевидно на рубежѣ двухъ цикловъ своей исторіи, изъ которыхъ одинъ уже заканчивается, а другой еще не наступилъ. Появленіе славянофиловъ, намъ думается, есть именно симптомъ, глубоко выражающій это историческое положеніе. Но кто больше придалъ-бы значенія ихъ чаяніямъ, нежели критикѣ и отрицаніямъ,—мы думаемъ, глубоко-бы ошибся.

Недостаточностью и необоснованностью отмѣчены ихъ синтетическія построенія будущаго. Они слишкомъ много вносятъ въ это будущее изъ второй фазы нашего историческаго развитія, почти думая, что мы лишь воскресимъ ее снова,—опять переживемъ, что было уже пережито. *Этого никогда не происходитъ въ исторіи,* и въ древѣ жизни человѣческой, что̀ разъ вскрылось и выразилось,—никогда не выразится снова, перейдя за черту бытія въ иную сферу, которая лежитъ по ту сторону смерти.

Одно можно предугадать въ этомъ будущемъ — второстепенное, незначущее; и предугадать, основываясь на томъ, что̀ уже совершилось въ нашей исторіи. И въ самомъ дѣлѣ, въ трехъ уже пройденныхъ фазахъ нашего развитія было не одно отрицаніе, но и сохраненіе. Главное, что̀ создавалось въ каждой фазѣ, уносилось и въ слѣдующую; но оно становилось тамъ несознаваемой опорой жизни, а не предметомъ желанія, не цѣлью достигаемой, не главнымъ интересомъ заботъ и дѣятельности. Въ первый періодъ нашей исторіи мы просвѣтились христіанствомъ—и въ этомъ заключался его смыслъ, вся значительность его, не умершая и не имѣющая когда-либо умереть. Удивительно, какъ характеръ народности нашей за это время отвѣчалъ *уже раньше* принятія христіанства той миссіи, которая ему выпала въ исторіи черезъ это принятіе: духъ открытости, ясности и неозабоченность какими-нибудь особенными земными нуждами и интересами—все это дѣлало вступленіе юнаго народа въ лоно новой религіи легкимъ, безболѣзненнымъ, исполненнымъ радости. И какъ свободно и легко онъ ее принялъ въ одной незамѣтной частицѣ своей, такъ же легко и почти безъ принужденія передалъ и другимъ безчисленнымъ частямъ своимъ, и даже иноплеменнымъ сосѣдямъ. Странно: мы почти не знаемъ *какъ* и знаемъ лишь *насколько далеко* распространилось христіанство въ первые два-три вѣка послѣ просвѣщенія имъ кіевлянъ; безъ помощи сколько-нибудь организованной силы, безъ всякихъ средствъ умственнаго убѣжденія, одною силою своей простоты и чистосерде-

чія монахи и священники того времени сдѣлали гораздо болѣе, чѣмъ сколько могло сдѣлать при всей политической мощи Московское государство, или при всѣхъ средствахъ науки новѣйшіе миссіонеры. Собственно, гдѣ остановилось тогда религіозное просвѣщеніе—оно остается и до сихъ поръ, не будучи въ силахъ преодолѣть даже языческой косности многихъ финско-монгольскихъ племенъ, живущихъ среди русскаго народа или о бокъ съ нимъ, и тѣмъ менѣе преодолѣвая магометанскій или еврейскій фанатизмъ.

Въ богобоязненномъ, церковномъ, второмъ періодѣ нашей исторіи это принятое ранѣе христіанство вовсе не было главнымъ, хотя и выставлялось такимъ. Оно было опорою дѣятельности, въ своихъ цѣляхъ не имѣвшей ничего общаго съ завѣтами Евангелія, торжественно и неподвижно лежавшаго на аналояхъ, но не жившаго въ совѣсти и сердцахъ людей. Цѣлью, главною заботой въ этомъ второмъ фазисѣ было объединеніе и высвобожденіе земли своей и потомъ ея сложеніе въ могущественный и правильный организмъ. И здѣсь, по отношенію къ этой миссіи, мы также наблюдаемъ предварительное установленіе психическаго строя, при которомъ она наилучше могла бы выполниться: эту способность къ преемственному достиганію одной цѣли; глубокое сознаніе себя и всѣхъ участниковъ своей дѣятельности лишь какъ части, которая должна покоряться цѣлому, только какъ орудія идеальныхъ требованій и стремленій, которымъ суждено осуществиться въ будущемъ,—что̀ все и слило безчисленное множество людей, отъ государя и до раба его, въ одну компактную массу, гдѣ мы едва различаемъ образы, но видимъ могучія силы и совершеніе великихъ фактовъ.

Государственная организація, созданная въ этомъ періодѣ, перенесена была и въ слѣдующій и, повидимому, ради укрѣпленія этой организаціи, совершился самый переходъ нашего историческаго развитія въ новый фазисъ. Но это было лишь повидимому: по отсутствію оригинальнаго творчества въ политической сферѣ, мы живо угадываемъ ея второстепенное теперь значеніе, ея пособляющую, способствующую роль около чего-то другаго, что̀ и было въ дѣйствительности главнымъ. Какъ мы уже замѣтили, это главное состояло въ раскрытіи индивидуальныхъ силъ, вовсе не связанныхъ непремѣнно съ государствомъ и его нуждами, и еще менѣе—съ религіею. Эти силы обратились къ сферамъ творчества, которыя никогда ранѣе не влекли къ себѣ нашего народа и, однако, для души человѣческой, для ея просвѣтлѣнія и развитія, необходимы болѣе, чѣмъ что-либо другое. Поэзія, искусство и также наука и философія составили предметъ заботъ, любви, влеченія, около которыхъ государство было только оберегателемъ, и религія—лишь общимъ, очень далекимъ органомъ, который все же бросалъ свою тѣнь на прихотливыя созданія фантазіи. Всѣмъ извѣстно, до какой степени

наше общество, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе удалялось, теряя связи, какъ отъ государства своего, такъ и отъ церкви [1]). И, будто безсознательно чувствуя свою лишь охраняющую миссію, и государство, и церковь бережно щадили эту странную свободу, столь несовмѣстную, по сущности, съ ихъ принципами. Для будущаго историка это отношеніе государства и церкви къ независимо развивающемуся обществу представится какъ очень любопытное явленіе,— и привлекательное. Мы, правда, вѣчно жаловались все-таки на недостатокъ свободы; но это было лишь по недоразумѣнію, лишь слѣдствіемъ чрезмѣрной нашей жажды свободы, опасавшейся даже *возможнаго* стѣсненія. Мы указывали обыкновенно при этомъ на западныя страны, но это указаніе было совершенно ошибочное: ни церковь, ни государство тамъ уже не имѣютъ такого живаго значенія, такой ничѣмъ не нарушенной вѣры въ свою абсолютность, какая продолжала сохраняться и сохраняется у насъ. Тамъ стѣсненіе было невозможно—за умираніемъ, за истощеніемъ силъ въ томъ, что хотѣли бы стѣснить; у насъ оно было бережно удалено—со стороны того, что́ было полно силъ и могло бы, и даже должно по своимъ принципамъ стѣснить, но этого не хотѣло.

Такимъ образомъ христіанство, политическая организація и индивидуальное творчество, являясь каждое главнымъ въ одномъ изъ трехъ періодовъ нашего историческаго возростанія, въ каждомъ послѣдующемъ періодѣ являлись какъ вторичное, какъ его опора, но не цѣль. Что станетъ новою цѣлью въ четвертой фазѣ нашего развитія, ея главной заботой и интересомъ—это было бы напрасно усиливаться отгадать. Какъ можно было, среди битвъ съ половцами и печенѣгами, веселыхъ княжескихъ съѣздовъ и шумнаго вѣча—угадать характеръ Андрея Боголюбскаго, дѣянія Грознаго, особый оттѣнокъ благочестія его больнаго сына и Алексѣя Михайловича? Развѣ въ Печерскихъ угодникахъ были тѣ черты, которыя мы находимъ въ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ, въ Александрѣ Невскомъ, въ св. Сергіи или, наконецъ, въ Василіи Блаженномъ? Самый характеръ христіанства какъ будто измѣнился въ круто повернувшемся складѣ исторической жизни. И съ другой стороны, уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ его царской думѣ, въ Морозовѣ и Матвѣевѣ—какъ можно было отгадать всеоживляющій образъ

[1]) Это удаленіе до такой степени очевидно, что въ монархической и православной Россіи едва-ли былъ даже одинъ сколько-нибудь значительный писатель, поэтъ, художникъ или композиторъ и монархистомъ, и православнымъ—безъ оговорокъ. И это до такой степени обычно, общество такъ уже привыкло къ этому, что всякія слова въ строго монархическомъ и православномъ духѣ, какому бы авторитету они ни принадлежали, встрѣчались читающимъ обществомъ съ несказаннымъ изумленіемъ, иногда принимались даже какъ признакъ помѣшательства. Ср. исторію съ «Переписки» Гоголя, также съ нѣкоторыми стихотвореніями Пушкина. Можно ли представить себѣ подобное отношеніе къ протестантизму въ Германіи, или къ католицизму—въ романскихъ странахъ!

Петра, его Меншикова и Остермана, его баталіи и похожденія, его мощь, забавы, труды и смѣхъ, которые два вѣка отдаются въ нашихъ ушахъ? И такъ же точно въ кругу, въ влеченіяхъ и въ интересахъ нашей жизни... что̀ можемъ мы угадать о будущемъ? Куда и что̀ понесетъ съ собою новый избранникъ нашей исторіи, ни на кого въ ней не похожій, обремененный новою мыслью, все прошлое ея ненавидящій, бѣгущій въ новыя мѣста,—какъ Боголюбскій бѣжалъ изъ Кіева, Петръ—изъ Москвы,—какъ, повторяя исторію въ лицѣ своемъ, каждый изъ насъ бѣжалъ отъ преданій своего дѣтства, и всякое поколѣніе—отъ поколѣнія предъидущаго?..

Но одна черта въ представленіяхъ славянофиловъ намъ кажется вѣроятной: это — уклоненіе нашей исторіи къ юго-востоку, какъ естественное слѣдствіе ея отрицательнаго отношенія къ прошлому. Во всякомъ періодѣ нашей исторіи мы разрывали съ предъидущимъ—и разрывъ, который намъ предстоитъ теперь, есть, безъ сомнѣнія, разрывъ съ Западомъ. Сомнѣніе въ прочности и въ абсолютномъ достоинствѣ европейской культуры, которое является теперь общераспространеннымъ, послужитъ для новаго поворота нашей исторіи такой же исходной точкой, какъ вѣчныя неудачи и пораженія русскихъ послужили, два вѣка тому назадъ, исходной точкой идей и стремленій Петра. Историческій поворотъ, намъ предстоящій, можно думать, будетъ еще болѣе рѣзокъ и глубокъ, нежели какой произошелъ въ то время: тамъ было только ощущеніе какихъ-то техническихъ недостатковъ, подробностей; теперь является чувство *общей неудовлетворенности*, при полномъ довольствѣ подробностями,—живое сознаніе недостаточности цѣлаго.

Судя по этому сознанію, можно думать, что характеръ четвертой фазы нашего историческаго развитія будетъ именно *синтетическій*; созданіе общей концепціи жизни, какое-то цѣльное воззрѣніе, изъ котораго могли бы развиться безчисленныя ея подробности и частности—всѣ по иному типу, нежели по какому развивались онѣ въ новой исторіи—вотъ, думается, задача, которая предстоитъ нашему будущему. Не съ рубанкомъ и пушками, и не съ замысломъ только государственной идеи, но съ какимъ-то новымъ чувствомъ, выросшимъ въ глубинахъ совѣсти, будущій вождь нашего народа, отряхнувъ прахъ прошлаго съ своихъ ногъ, поведетъ его къ новой задачѣ историческаго созиданія.

III.

К. Н. Леонтьевъ, повидимому, думалъ, что этимъ возсоздаваемымъ будутъ византійскія начала. Онъ вообще не высоко смотрѣлъ на творческія силы русскаго народа и съ совершеннымъ уже пренебреженіемъ глядѣлъ на другихъ славянъ, западныхъ и южныхъ, которые никогда и ничего, кромѣ подражательности, не обнаружи-

вали въ исторіи. Этихъ послѣднихъ онъ считалъ совершенно пустыми отъ какихъ-либо мистическихъ задатковъ, которымъ принадлежитъ все истинно творческое, оригинальное въ исторіи.

Но для глубокаго и продолжительнаго историческаго созиданія, для выполненія великихъ и своеобразныхъ задачъ культуры — и русское племя представлялось ему недостаточно творческимъ; или, точнѣе, русское творчество казалось безформеннымъ, слишкомъ не архитектурнымъ и онъ полагалъ, что эта недостающая оформленность можетъ быть придана намъ византизмомъ. Онъ съ удивительной чуткостью подмѣтилъ, что византійскія начала залегли у насъ и тамъ, гдѣ мы ихъ нисколько не подозрѣваемъ—въ поэзіи, въ семейномъ бытѣ, не говоря уже о государственномъ и религіозномъ складѣ жизни. Эти указанія вѣрны и многозначительны; но есть и односторонность въ нихъ, которую нельзя пройти мимо.

Когда, въ какую эпоху мы болѣе всего были проникнуты византійскими началами? Не всѣ ли скажутъ, что въ періодъ государственнаго созиданія Москвою? Но если такъ, почему не въ пору своей дѣтской воспріимчивости, не при живой Византіи и близости отъ нея мы проникались этими началами, но въ пору недовѣрчивой замкнутости и уже павшей Византіи, раздѣленные къ тому же отъ нея громадными пространствами и враждебными племенами? Не есть ли византійское происхожденіе московскаго склада жизни явленіе гораздо болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное?

Намъ не кажется, чтобы Владиміръ Св. и его дѣти, Мстиславы Храбрый и Удалой, Романъ и Даніилъ Галицкіе, Олегъ «Гориславичъ»—носили особенно византійскій обликъ. Въ эту пору горячей связи, только-что воспринявъ христіанство, впечатлительные до переимчивости многаго у половцевъ—мы сохранили, однако, общеславянскія черты характера, добраго, уступчиваго, нѣсколько безпорядочнаго и слабаго. И вотъ когда Византія изъ могущественной и привлекательной имперіи стала рабыней мусульманства, выпрашивавшей у насъ денегъ,—при гордыхъ Іоаннахъ, при Годуновѣ, при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, мы хотимъ видѣть Россію проникнутой византійскими началами. Не обманъ ли это, не приписываемъ ли мы чертъ глубоко оригинальныхъ и самобытныхъ—заимствованію? По крайней мѣрѣ, даже теперь, послѣ двухъ вѣковаго постояннаго и тѣснаго общенія съ европейцами, обликъ европейскій лежитъ на насъ не такъ прочно, его легче отодрать,— нежели какъ лежалъ особенный, *будто бы византійскій*, обликъ на людяхъ Московскаго государства.

Утонченная и порочная Византія, мѣшавшая отвлеченные споры богословско-философскаго содержанія съ оргіями, шумомъ и развратомъ цирка; Византія столь жестокая и лукавая, такъ надругавшаяся надъ многими своими императорами, едва-ли серьезно можетъ быть поставлена какъ оригиналъ и прототипъ Москвы—угрю-

мо-молчаливой, упорно-настойчивой, гораздо болѣе насильственной, чѣмъ коварной, такъ во всемъ не утонченной по мысли, по вкусамъ, по сердечнымъ влеченіямъ, и вмѣстѣ такъ преданной крови своихъ царей—только въ этомъ одномъ, кажется, нѣжной и утонченной.

По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что всѣ черты этого особеннаго типа возникли въ нашемъ народѣ совершенно оригинально и самобытно, какъ предуготовительныя для особой миссіи государственнаго созиданія, какую ему предстояло тогда выполнить. И, во всякомъ случаѣ, разъ несомнѣнно, что въ исторіи народъ нашъ не является все съ однимъ и тѣмъ же душевнымъ и жизненнымъ складомъ (а этотъ складъ не измѣнялся у Византіи)—не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо его заимствованіи. Мы уже высказывали ранѣе и снова настаиваемъ, что одна и та же основа, напримѣръ одинаковая догматика и весь ритуалъ христіанства, будучи переносимы въ разныя народности и въ разныя эпохи—даютъ неодинаковую имъ окраску. Такъ нельзя приписать и вліянію византійской церкви и государства весь складъ нашего государства, быта, нравственныхъ и другихъ понятій. Въ нѣкоторыя эпохи здѣсь было сходство, но не было заимствованія, подчиненія,—или не было его въ очень значительной степени.

И, однако, въ объемѣ христіанской догматики и всего церковнаго склада, безъ передачи болѣе утонченныхъ чертъ быта,—Византія залегла въ нашу историческую жизнь. Выработка этой догматики и всего церковнаго устройства составляетъ особенную, великую, всемірно-историческую миссію Византіи. Мы никакъ не должны забывать, что именно Восточной имперіи принадлежитъ этотъ трудъ, и на Западѣ онъ былъ только принятъ и усвоенъ [1]). Здѣсь еще разъ сказалось вѣчное стремленіе историческихъ процессовъ къ разнообразію, къ расхожденію задачъ своихъ, продуктовъ своего творчества. Въ особенномъ трудѣ, который приняла на себя Византія, и выполнивъ который она умерла, погибла,—заклю-

[1]) Вообще, намъ думается, судьба Византіи отъ Константина Великаго, ея основателя, до паденія ея въ 1453 г., представляетъ интересъ и значительность исторіи особаго и совершенно оригинальнаго культурно-историческаго организма, и съ нею ни въ какое сравненіе не можетъ идти по значительности и интересу исторія собственно Итальянской имперіи, отъ Августа до Ромула—Августула. Только нужно при этомъ помнить, что центръ исторіи византійской лежитъ во Вселенскихъ Соборахъ, въ дѣятельности Отцовъ церкви и еретическихъ волненіяхъ, наконецъ въ жизни и трудахъ отшельниковъ-анахоретовъ,—и гораздо менѣе въ императорскомъ дворцѣ и вообще въ самомъ Константинополѣ. Съ этой точки зрѣнія, т. е. не съ отрицательной, а съ положительной, которая выясняла бы историческій трудъ Византіи,—исторія ея не написана; но для ума глубокаго и свободнаго нѣтъ эпохи во всемірной исторіи столь мало исчерпанной и такъ интересной. Добавимъ, что разработать въ подробностяхъ и, наконецъ, возсоздать въ цѣломъ эту исторію составляетъ прямую образовательную задачу науки всеобщей исторіи у насъ, въ Россіи.

чено столько же абсолютной красоты, совершенно и неизъяснимо оригинальной, сколько заключено ея въ продуктахъ творчества другихъ историческихъ народовъ: въ искусствѣ и философіи древней Греціи, въ правѣ Рима, и проч.,—и это съ точки зрѣнія общечеловѣческой, вовсе не православной только. Оригинальная черта Византіи состоитъ въ томъ, что, взявъ важнѣйшіе моменты бытія человѣческаго—рожденіе, смерть, обращеніе души къ Богу, — она окружила ихъ такой высокой поэзіей, возвела къ такому великому смыслу, къ какому они никогда дотолѣ не возводились въ исторіи. Литургія Іоанна Златоустаго или пѣснопѣнія Іоанна Дамаскина—это въ своемъ родѣ историческій Капитолій или Парѳенонъ, это такъ же глубоко, прекрасно и правильно отвѣчаетъ нѣкоторому предмету своему, какъ только-что названные памятники отвѣчаютъ своему особому смыслу.

А если мы подумаемъ, что все-таки навсегда человѣкъ останется прежде всего человѣкомъ, что его отношеніе къ Богу, судьба души его за гробомъ важнѣе для него всякихъ отношеній, государственныхъ, правовыхъ и пр.,—то особый трудъ Византіи представится даже для историка-язычника едва-ли не важнѣйшимъ во всемірной дѣятельности народовъ. Такому историку предстоитъ обнять своимъ умомъ тѣ неисчислимые милліоны человѣческихъ сердецъ, которыя всѣ были согрѣты, вразумлены, наполнены этими пѣснопѣніями, этими общими молитвами «о страждущихъ, недугующихъ, о мирѣ всего міра», согрѣты повсюду, гдѣ свѣтитъ солнце, гдѣ люди болѣютъ и скорбятъ,—чтобы понять все ничтожество въ сравненіи съ этимъ эпикурейскаго наслажденія искусствомъ немногихъ избранныхъ или кропотливыхъ изысканій надъ римскимъ правомъ толпы муміе-образныхъ юристовъ. Обычно принято считать Византію чѣмъ-то сухимъ, отъ юности старообразнымъ; быть можетъ, это и такъ. Но несомнѣнно, что въ старости своей, быть можетъ глубже всѣхъ народовъ, почувствовавъ близость къ себѣ великаго момента смерти—она высказала слова неизъяснимой глубины, создала вѣчно живой цвѣтъ, который вотъ уже тысячелѣтіе наполняетъ исторію своимъ благоуханіемъ и даетъ народамъ силу къ жизни, безъ которой они не могли бы, не захотѣли и не съумѣли иногда вынести тяжесть судьбы своей на землѣ.

Книга особенно замѣчательной судьбы.

Habent sua fata libelli...

I.

Неутомимый г. Павленковъ, издавъ opera omnia—«quae supersunt»—Шелгунова, Скабичевскаго, необозримое множество «біографій великихъ людей» и серіи книгъ по всѣмъ наукамъ, выпустилъ еще одно изданіе: «Исторію цивилизаціи въ Англіи», сочиненную «Генрихомъ Томасомъ Боклемъ». Безъ какой-либо ироніи и, напротивъ, не безъ величайшаго удивленія и почтенія, мы разсмотрѣли на зеленой обложкѣ этой книги большого формата вереницы его издательскихъ трудовъ; это—дѣятельность, достойная Новикова; это лучшій примѣръ того, насколько частная предпріимчивость, движимая любовью къ предмету, мощнѣе и зорче дѣятельности оффиціально-государственной, которая повинуется лишь обязанности. И въ самомъ дѣлѣ, если собрать все, что̀ было издано нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для образованія и направленія русскаго юношества, и сравнить *его* усилія и *плоды* этихъ усилій съ тѣмъ, что̀ сдѣлалъ *одинъ* г. Павленковъ, при средствахъ самыхъ скудныхъ, для введенія мысли и чувствъ нашего общества въ русло *ему* желаемое, — мы убѣдимся безъ труда, что онъ единолично сто̀итъ цѣлаго министерства, что наше маленькое, подростающее общество учится, думаетъ, занимается, уважаетъ и ненавидитъ скорѣе «по-Павленкову» и уже никакъ не «по-министерству народнаго просвѣщенія». Г-нъ Павленковъ заслужилъ вѣнка; и, повторяемъ безъ какой-либо ироніи, мы этотъ вѣнокъ ему, эту въ своемъ родѣ монтіоновскую премію за добродѣтель—воздаемъ.

Сколько есть мудрыхъ профессоровъ на каѳедрахъ; сколько самыхъ остроумныхъ писателей, великихъ сердцевѣдцевъ, прозорливыхъ политиковъ трудится въ журналистикѣ... Но вотъ, среди всѣхъ

этихъ блистающихъ умомъ и эрудиціей людей, скромный отставной офицеръ становитъ свой жертвенникъ; онъ говоритъ, что изъ всего, что́ создала всемірная культура, изъ всѣхъ этихъ Платоновъ, Виргиліевъ. Рафаэлей, Декартовъ, Лейбницевъ — ему нравится болѣе всѣхъ Шелгуновъ; что между критиками отъ Свиды и Фотія до С.-Бева и Брандеса, онъ не находитъ такого остроумнаго, какъ г. Скабичевскій; что г. Михайловскій значительно превосходитъ самого Прудона и нѣсколько узкаго Конта. Вокругъ раздается смѣхъ, негодованіе—онъ этого не слышитъ; онъ сыплетъ и сыплетъ благовонія на жертвенникъ, и дымъ отъ его огня, свѣтъ отъ его любящаго сердца совершенно затмеваетъ негодующихъ.

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой...
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму...

«Велика Діана Ефесская»,—и богатство натуры человѣческой по-истинѣ неисчерпаемо: благородная черта одного вѣка переносится въ другой, казалось-бы совершенно ему противоположный и неспособный вовсе принять что-нибудь изъ эпохи давно разрушенной и даже забытой. Типъ испанскаго гидальго повторился на холодномъ сѣверѣ, полу-образованномъ востокѣ, въ отставномъ артиллерійскомъ офицерѣ, который проклялъ мечъ и возлюбилъ книги, казалось-бы—въ торгашѣ. Въ иную, нежели та умершая, эпоху, въ вѣкъ совершенно противоположной вѣры, новый гидальго «сложилъ въ сердцѣ своемъ», что, пока онъ не умеръ, такъ называемые «60-е годы» нашей исторіи не умрутъ въ нашемъ обществѣ. Пусть политика идетъ своимъ путемъ, измѣняется законодательство, мѣняются нравы, и всѣ идутъ поклониться инымъ богамъ,—«смиренный» и «простой» рыцарь-типографъ выбрасываетъ на книжный рынокъ томъ за томомъ, автора за авторомъ изъ тѣхъ полуумершихъ лѣтъ; онъ, наконецъ, окружаетъ себя писателями, почти подростками, давая имъ заработокъ и воспитывая въ нихъ направленіе; и, такимъ образымъ, одинъ, почти одинъ, создаетъ «вторую молодость» для идей, казалось-бы навсегда похороненныхъ, для страстей уже совершенно погасавшихъ... Конечно, онъ заслуживаетъ монтіоновской преміи. И даже сталкивая его съ историческаго пути,—если-бы намъ могла придти эта фантазія или если-бы мы имѣли къ этому силу,—мы предварительно глубоко поклонились-бы ему.

II.

«Исторія цивилизаціи въ Англіи Бокля, переводъ А. И. Буйницкаго; въ 2-хъ томахъ, съ портретомъ автора и вступительною

статьей Е. Соловьева» — есть одна изъ послѣднихъ, выкинутыхъ имъ на рынокъ книгъ.—«Мнѣ рѣдко», писалъ извѣстный путешественникъ по Россіи въ 60-е годы, Уоллесъ, «мнѣ рѣдко приходилось раскрывать въ Россіи нумеръ журнала и даже газеты безъ того, чтобы не встрѣтить имени Бокля; образованная русская молодежь зачитывается «Исторіей цивилизаціи» и на многія мысли, въ этой книгѣ высказанныя, смотритъ, какъ на нѣкоторое новое Откровеніе». И отъ другихъ, туземныхъ уже писателей, мы знаемъ, и, наконецъ, помнимъ изъ собственныхъ личныхъ воспоминаній, что, въ самомъ дѣлѣ, успѣхи этой книги въ 60—70-е годы въ нашемъ обществѣ имѣли что-то сверхъ-литературное: это была какая-то новая реформа — еще Петръ, покоряющій капризу своему «варварскую Россію», еще Омаръ, завоевывающій Сирію и Египетъ для только-что принесеннаго на землю Ислама. Нельзя было не читать ея; нельзя было на ряду съ нею или приблизительно съ такимъ-же почтеніемъ читать другія книги; рѣшительно, грозное: «если въ нихъ написано то-же—онѣ не нужны, если другое—онѣ вредны»,— этотъ приговоръ Омара надъ Александрійскою библіотекой рвался изъ устъ тысячъ маленькихъ Омаровъ того времени, не выпускавшихъ изъ рукъ новаго аль-Корана и говорившихъ изъ него обширными текстами.

Можетъ быть, иллюзія превосходныхъ качествъ этой книги такъ и сохранилась-бы на вѣкъ, если-бы сама книга, никѣмъ болѣе и уже давно не читаемая, замерла въ неподвижной своей славѣ, подобно тѣмъ ископаемымъ насѣкомымъ, которыхъ мы иногда находимъ замурованными въ геологическихъ пластахъ земли, и удивляемся, какъ могли быть сохранены въ цѣлости столь хрупкія формы. Но г. Павленковъ извлекъ ее на свѣжій воздухъ и захотѣлъ сдѣлать изъ нея практическое употребленіе; подобно древней Медеѣ, въ окостенѣлыя жилы своего, почти уже умирающаго поколѣнія онъ вздумалъ влить кровь молодаго козленка—когда-то бывшаго молодымъ. Онъ пригласилъ, для помощи въ операціи, г. Евг. Соловьева—писателя, если не по лѣтамъ, то по языку и составу идей, отроческаго возраста. И вотъ этотъ отрокъ, въ предисловіи къ изданной книгѣ, разсказалъ вслухъ всѣхъ ея читателей, кто былъ «герой его времени» и какъ написалъ онъ знаменитую книгу. Подражая Ла-Брюйеру и другимъ, онъ составилъ и помѣстилъ передъ «Исторіей цивилизаціи въ Англіи» статью: «Генри Томасъ Бокль; характеристика», перепечатавъ въ ней, почти безъ пропусковъ, автобіографическія данныя, оставленныя о себѣ нѣкогда знаменитымъ мужемъ, и которыя, онъ былъ увѣренъ, произведутъ на всѣхъ то-же неизгладимое и волнующее впечатлѣніе, какое, очевидно, онъ испыталъ самъ, читая ихъ.

«Я родился», записалъ о себѣ Бокль, «въ Ли, графствѣ Кентъ, 24 ноября 1821 года. Мой отецъ былъ купцомъ. Звали его Тома-

сомъ Генри Боклемъ и онъ происходилъ изъ рода, одинъ изъ членовъ котораго пользовался большою извѣстностью какъ лондонскій лордъ-меръ, въ царствованіе Елизаветы».

Какъ припомнитъ читатель, кромѣ монументальной «Исторіи цивилизаціи», у Бокля есть маленькій и недоконченный «Очеркъ царствованія королевы Елизаветы». Мы можемъ теперь догадываться, что представленіе о «лордъ-мерѣ» Лондона, который въ то же время былъ его «предкомъ», съ воспоминанія о чемъ онъ начинаетъ свою автобіографію, сдѣлало это царствованіе любимѣйшимъ для него во всей исторіи Англіи. Мы отмѣчаемъ эту маленькую слабость его самолюбія, имѣя въ виду демократическую его пренебрежительность къ чужимъ родовымъ и фамильнымъ воспоминаніямъ.

«Отецъ мой умеръ въ 1840 г. Мать моя въ дѣвичествѣ носила фамилію Миддельтонъ. Въ дѣтствѣ я обладалъ слабымъ здоровьемъ, и мои родители, по совѣту одного доктора, м-ра Биркбека, рѣшились не давать мнѣ обычнаго образованія, опасаясь вызвать имъ переутомленіе мозга».

Ниже мы увидимъ, что Бокль обладалъ удивительною природною памятью, и, слѣдовательно, утомленіе въ немъ вызывало не запоминаніе фактическаго содержанія уроковъ, но ихъ остальная часть, т. е. только разсужденіе, размышленіе.

«Благодаря этому, я не пошелъ по пути школьной науки и никогда не посѣщалъ колледжа. Когда мнѣ исполнилось 18 лѣтъ, мой отецъ умеръ, оставивъ мнѣ независимое состояніе. До этого времени я читалъ очень мало, преимущественно Шекспира, арабскія сказки и Путешествіе Пиллигрима,—книги, постоянно приводившія меня въ восторгъ. Въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ я задумалъ,—разумѣется, въ смутной формѣ,—планъ моего сочиненія и принялся разрабатывать его»...

Такимъ образомъ—вотъ эмбріонъ, изъ котораго выросъ удивительный планъ «Исторіи цивилизаціи». Мальчикъ, для котораго докторъ нашелъ опаснымъ продолжать первоначальное ученье,—оставшись по смерти отца на свободѣ и съ состояніемъ, задумалъ переработку науки, которой ему извѣстно было въ то время только имя.

«Я сталъ», пишетъ онъ, «работать по 9 или 10 часовъ ежедневно. Методъ моихъ занятій былъ таковъ: утромъ я изучалъ естественныя науки, послѣ завтрака—языки, юриспруденцію и всемірную литературу. Я никогда не писалъ ни для газетъ, ни для журналовъ, твердо рѣшившись посвятить свою жизнь болѣе крупному труду».

То, что̀ ему казалось серьезно «методомъ», было обычное школьное чередованіе уроковъ, съ тою-же несвязанностью между собою чередующихся часовъ по предметамъ вниманія, и вообще со всѣми

недостатками школьнаго ученія, въ которыхъ онъ не нашелъ ничего поправить, хотя и могъ-бы это сдѣлать при его свободѣ и обезпеченности. Списокъ наукъ, которыя онъ такимъ «методомъ» не столько проходилъ, сколько просто читалъ по книгамъ,—вѣроятно, былъ имъ узнанъ изъ слуховъ объ университетскихъ чтеніяхъ или гдѣ-нибудь попался въ книгѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ уже въ эти 18—20 лѣтъ въ немъ, еще только начинающемъ учиться, уже пробуждается чванливость, внѣшняя занятость собой: «я никогда не писалъ для журналовъ», оговаривается онъ, забывъ или не зная, что для нихъ, безъ ущерба своему достоинству, писали Маколэй, Бэнтамъ и Д. С. Милль.

Приведя эти строки, г. Евг. Соловьевъ растерянно и удивленно пишетъ:

«Простота и скромность, которыми дышутъ эти строки, не могутъ, однако, удовлетворить нашей любознательности. Намъ-бы хотѣлось знать, напримѣръ: какимъ путемъ грандіозный планъ «Исторіи цивилизаціи» зародился въ головѣ 18-ти-лѣтняго юноши, незнакомаго ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ, и не читавшаго ничего систематически? Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ долженъ остаться безъ отвѣта: обстоятельнѣйшіе біографы Бокля обходятъ его молчаніемъ, и предъ нами голый фактъ во всей своей загадочности. «Какъ-бы то ни было»,—разсказываетъ и комментируетъ онъ далѣе,—«сочиненіе задумано, и дальнѣйшая жизнь Бокля оказывается вытянутою въ одну линію. Преслѣдуя свою цѣль, онъ занимается 9 или 10 часовъ ежедневно, не желая даже слушать предостереженій со стороны своего слабаго здоровья; онъ отказывается отъ соблазновъ честолюбія, не желая выступать передъ публикой ни съ единою строчкой; цѣлые годы и даже десятки лѣтъ онъ проводитъ въ стѣнахъ своей библіотеки, которую составляетъ самъ, изо дня въ день обходя букинистовъ. Ничто не нарушаетъ его однообразной, постоянно повторяющей себя жизни. Матеріальныя затрудненія неизвѣстны; твердая воля, преобразившаяся въ трогательную преданность поставленной себѣ огромной задачѣ, легко справляется съ искушеніями юности (ихъ не было, см. ниже); работа завлекаетъ все больше, здоровье скрипитъ, но не отказывается пока служить. А рядомъ съ этимъ горячая честолюбивая голова рисуетъ привлекательную картину, какъ онъ въ одномъ сочиненіи нарисуетъ полную картину «*Исторіи всемірной цивилизаціи*» (таковъ былъ первоначальный планъ) и представитъ жизнь человѣчества въ свѣтѣ обширной и мощной идеи».

Такъ пишетъ восточный энтузіастъ свой критико-біографическій акаѳистъ, далекій отъ подозрѣнія его истиннаго значенія; главное, онъ не переиначиваетъ фактовъ, не утаиваетъ ихъ.

Однажды встрѣтившись съ Ч. Дарвиномъ, Бокль разсказалъ ему методъ самого подготовленія своего труда, и Дарвинъ отмѣтилъ его

въ своей «Автобіографіи» (Спб. 1896 г., стр. 35): «Я очень былъ доволенъ», пишетъ онъ, «узнавъ отъ Бокля, встрѣченнаго мною однажды въ Генслэй, у Уэрдвидовъ, способъ его собиранія фактическаго матеріала. Онъ сказалъ мнѣ, что покупалъ всѣ книги, которыя прочелъ, и составлялъ къ каждой полный указатель фактовъ, если они, по его мнѣнію, могли оказаться для него пригодными. По его словамъ, онъ всегда могъ вспомнить въ какой книгѣ прочелъ что-либо, такъ какъ обладалъ удивительною памятью. Я спросилъ его, какимъ-же образомъ онъ могъ сразу судить, какіе именно факты ему пригодятся? Онъ отвѣтилъ, что не знаетъ, и что имъ руководитъ родъ инстинкта. Привычка составлять указатели привела къ тому, что онъ былъ въ состояніи привести, по всѣмъ вопросамъ, чудовищное количество цитатъ, которыя можно найти въ его «*Исторіи цивилизаціи*».

Интересно взаимное впечатлѣніе, съ которымъ, поговоривъ, разошлись эти два авгура новаго просвѣщенія. «Его книгу», пишетъ Дарвинъ, «я счелъ очень интересною и прочелъ два раза; сомнѣваюсь, однако, стоятъ-ли чего нибудь его обобщенія»; и далѣе лично о немъ: «Бокль любилъ много говорить; я слушалъ его, едва проронивъ слово, да и не могъ-бы заговорить, потому что онъ продолжалъ безъ передышки». Только когда начала пѣть,—читатель помнитъ, что это было въ гостяхъ, — знаменитая г-жа Фарретъ, Дарвинъ прервалъ собесѣдника и, извинившись, вышелъ въ другую комнату. Оставшись одинъ, Бокль обернулся къ стоявшему вблизи пріятелю и сказалъ: «ну, книги Дарвина лучше, чѣмъ его разговоръ». Слова эти случайно услышалъ братъ знаменитаго натуралиста, и такимъ образомъ они попали въ его «Автобіографію».

По предварительной подготовкѣ, состоявшей почти въ ея отсутствіи, и также по самому способу занятій, изъ Бокля складывался любитель-букинистъ, освѣдомленный о колоссальномъ множествѣ книгъ, случайно накупленныхъ, и содержаніе которыхъ онъ безъ разбора суммировалъ въ вереницахъ такъ-называемыхъ index'овъ rerum. Онъ инстинктомъ предугадывалъ, да наконецъ и ясно зналъ, что всякій фактъ въ исторіи есть фактъ, и если (какъ онъ задумалъ) писать «Исторію всемірной цивилизаціи», то всѣ имъ внесенные въ index'ы факты размѣстятся гдѣ-нибудь и когда-нибудь въ томахъ этого труда, какъ и кирпичъ разобраннаго зданія войдетъ весь въ его стѣны, если ихъ вновь начать обратно складывать. Здѣсь заключается мысль и основаніе отвѣта, какой отъ него услышалъ,—и удивился ему Дарвинъ. По безразличію ко всякимъ книгамъ и отсутствію руководящей мысли при ихъ чтеніи, онъ былъ начетчикъ-торговецъ, — и сталъ-бы имъ дѣйствительно, еслибы былъ бѣденъ и вынужденъ былъ искать работы. Но огромный досугъ всей жизни, передъ нимъ лежавшей, и, вѣроятно, глубокое одиночество, по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ лѣтъ

«занятій» (въ связи съ чѣмъ находится и то, что онъ «не хотѣлъ» ничего писать для газетъ и журналовъ)—наконецъ, его полная необразованность,—все это въ сложности своей дало почву, на которой зародилось и окрѣпло представленіе, что въ index'ахъ registr его уже заключается нѣкоторая мысль, что это уже есть начало чего-то, какого-то духовнаго труда, умственнаго созиданія; что это есть борозды и линіи фундамента, намекающія на очеркъ такой грандіозной—это-то онъ видѣлъ—постройки, самая мысль которой никогда и никому ранѣе его не приходила на умъ. Мы не должны забывать, что онъ собиралъ факты изъ *всей* исторіи, у *всѣхъ* народовъ и изъ *всѣхъ* эпохъ: именно эти регистры, безпланно собранные, и были зерномъ, откуда выросъ чудовищный его планъ.

«Чтобы проникнуть въ жизнь Бокля». пишетъ удивленный комментаторъ его краткихъ автобіографическихъ замѣтокъ,—«чтобы въ нее проникнуть, мы должны перенестись мысленно въ обстановку его громаднаго рабочаго кабинета, съ окномъ на верху, съ безконечными полками книгъ, всегда аккуратно стоящихъ на своемъ мѣстѣ, заботливо переплетенныхъ рукой самого хозяина и любовно охраняемыхъ отъ пыли. Утромъ-ли или вечеромъ, мы всегда застанемъ здѣсь Бокля. Онъ выходитъ только на прогулку и лишь изрѣдка, чтобы навѣстить своихъ немногочисленныхъ друзей. Кабинетъ устроенъ такъ, что шумъ лондонскихъ улицъ не долетаетъ до него; груды аккуратно сложенныхъ газетъ говорятъ, что историкъ интересуется современностью; однако, отчеты о театрахъ, концертахъ, выставкахъ остаются непрочитанными. Бокль не интересуется изящными искусствами, онъ не умѣетъ отличить Бетховена отъ Моцарта, никогда не посѣщаетъ спектаклей, не находитъ наслажденія ни въ картинахъ, ни въ статуяхъ. Только наука пользуется его вниманіемъ и любовью, и ей отдаетъ онъ всѣ свои силы. Онъ изучаетъ»—т. е., поправимъ мы, читаетъ по книгамъ—«анатомію, физіологію, ботанику, физику, химію, право; онъ не видитъ конца и даже не ставитъ предѣла своимъ занятіямъ, онъ хочетъ быть первымъ историкомъ новаго типа, и понимаетъ, что такой историкъ долженъ знать все. Читая и перечитывая груды книгъ, онъ убѣждается, что его излюбленная исторія не вышла еще изъ своего хаотическаго состоянія, что это не болѣе, какъ безпорядочный лепетъ ребенка. Онъ изумляется невѣжеству своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ одинъ, говоря словами его, ничего не знаетъ по части политической экономіи, другой—права, третій—церковныхъ дѣлъ и развитія убѣжденій, четвертый пренебрегаетъ теоріей статистики или естественными науками, хотя все это вопросы существенные, обнимающіе всѣ главнѣйшія обстоятельства, дѣйствующія на темпераментъ и характеръ рода человѣческаго».

Предположеніе, что историки въ самомъ дѣлѣ не знали и не

изучали всѣхъ этихъ наукъ, образовалось у Бокля вслѣдствіе того, что онъ не проходилъ ни средней, ни высшей школы, и не зналъ вовсе, что всѣ названныя науки входятъ въ ихъ курсъ, а любознательные люди пополняютъ потомъ этотъ курсъ чтеніемъ. Но онъ не встрѣчалъ цитатъ изъ книгъ экономическихъ, анатомическихъ, статистическихъ, напр., у Гизо или Маколэя, и отсюда умозаключилъ, «что они и не могли-бы» сдѣлать этихъ цитатъ, еслибы даже захотѣли, что они «вовсе не были ознакомлены» съ этими науками.

«Все это»,—поучительно продолжаетъ его русскій біографъ,—«историкъ обязанъ знать; и Бокль работаетъ. Доктора находятъ, что онъ переутомляетъ себя. Онъ отказывается отъ любимой шахматной игры, отъ чтенія романовъ, лишь бы имѣть возможность посвящать своей будущей книгѣ 9—10 часовъ ежедневно [1]). Параллельно»—т. е. по системѣ задаванія себѣ уроковъ—«имъ изучаются исторія, естествознаніе, 19 языковъ, параллельно же идетъ и другая подготовительная работа: Бокль учится писать. Книга плохо или недоступно написанная имѣетъ, въ его глазахъ, лишь половину цѣны: онъ хочетъ», т. е. ему хочется,—«чтобы его рѣчь проникла въ массы, и больше всего онъ боится, что ее замѣтятъ лишь въ кружкѣ ученыхъ. Съ этою цѣлью онъ выучиваетъ наизусть цѣлыя страницы изъ Борка и Питта и переписываетъ по нѣсколько разъ уже законченныя имъ главы. Выступить передъ публикой во всеоружіи точнаго знанія, заковать свои выводы въ броню сотенъ примѣчаній и вмѣстѣ съ тѣмъ не остаться непонятымъ массой, этимъ лучшимъ судьей, по сужденію самого Бокля, во всемъ, что́ касается практическихъ выводовъ и примѣненія мыслей къ жизни — такова была грандіозная утопія, на которую онъ употребилъ 20 лѣтъ».

Судя по портрету Бокля, онъ представлялъ изъ себя массивную фигуру, но, въ тѣхъ-же біографическихъ свѣдѣніяхъ, приводимыхъ г. Е. Соловьевымъ, указывается, что онъ былъ маленькаго роста; итакъ, онъ былъ только одутловатъ, съ нависшимъ, широко раз-

---

[1]) Это вовсе не много. Знаменитый математикъ Буняковскій разсказывалъ о себѣ, что со времени юной возмужалости и до глубокой старости онъ работалъ по 14 часовъ въ сутки; и изъ жизни другихъ очень даровитыхъ людей мы знаемъ, что они занимаются все время своего бодрствованія, вовсе никогда не отдыхаютъ, и не испытываютъ переутомленія,—понимая, и радостно понимая смыслъ своей работы. Извѣстно, что Аристотель, откидываясь на спинку кресла для минутнаго отдыха, держалъ шаръ надъ металлическимъ тазомъ; едва дремота касалась его, какъ шаръ падалъ и пробуждалъ его къ новымъ умственнымъ и очевидно никогда его не утомлявшимъ усиліямъ. Но, собственно, безъ учителя Бокль задавалъ самъ себѣ уроки и не понималъ вовсе мысли своего труда, смысла своего трудолюбія иначе, какъ въ неясной и общей формѣ—что изъ него должно выйти что-то огромное, какая-то реформа науки. Отсюда мозговое, и, вѣроятнѣе только нервное, истощеніе.

давшимся подбородкомъ и лбомъ безъ всякихъ изгибовъ и линій; почти самое характерное въ его фигурѣ—положеніе головы и выраженіе глазъ; въ глазахъ нѣтъ устремленія, тихая задумчивость; видно, что онъ постоянно о чемъ-то размышляетъ, что-то соображаетъ или отдыхаетъ послѣ соображенія; вообще-же пренебрегаетъ взглянуть на міръ; брови короткія и небольшія; на губахъ почти улыбка и во всякомъ случаѣ самодовольство; есть нескрываемая иронія въ сложеніи губъ, какъ-то безпредметно, неопредѣленно отнесенная ко всему внѣшнему, à priori уже иронія, и вотъ въ этомъ сложеніи что-то невыразимо-упорное: ясно, что его нельзя было въ чемъ-нибудь переубѣдить, какъ-бы продолжительны и очевидны ни были ваши доводы. Отзывъ о Дарвинѣ: «я болѣе ожидалъ отъ него, судя по его книгамъ», какъ-бы звучитъ съ этихъ губъ. Но самое характерное, я сказалъ—въ положеніи его головы: она какъ-то царственно покоится, сѣвъ въ туловище, почти безъ посредства короткой шеи; видно, что онъ бережетъ ее, лелѣетъ, и не столько имѣетъ ее у себя, сколько носитъ ее на себѣ, какъ нѣкоторый тронъ, какъ сѣдалище важной и даже единственной мысли. Въ общемъ—выраженіе того покоя и тихаго, внутренняго счастья, которое рѣдко достается въ удѣлъ смертнымъ. Около него чувствовался Олимпъ; и мы не удивляемся — да проститъ читатель, что мы все возвращаемся къ мимолетному, но характерному воспоминанію Дарвина, — что онъ «безъ передышки» стоялъ и говорилъ передъ нимъ; что онъ не замѣтилъ вовсе, что Дарвинъ ничего не говорилъ; а когда знаменитый натуралистъ, судя по важности говорящаго, невольно счелъ долгомъ поблагодарить его, и отошелъ—высказалъ о немъ классическое и вовсе ни на чемъ, ни на одномъ дарвиновскомъ словѣ не основанное сужденіе.

«Но неужели-же», спрашиваетъ проницательно г. Е. Соловьевъ, «за весь этотъ долгій промежутокъ жизни Бокль не зналъ ничего романическаго, не любилъ женщины, не страдалъ и не радовался? Чтеніе можетъ наполнить часы, бездну часовъ, но не бездну человѣческихъ чувствъ и вожделѣній. Сохранившіеся до насъ отрывки изъ дневника Бокля и его обширная переписка даютъ намъ отвѣтъ на поставленный вопросъ. На первыхъ порахъ»,—мы отмѣтимъ, что только на первыхъ,—«слѣды романическихъ увлеченій несомнѣнны. Бокль влюбляется въ одну кузину, потомъ въ другую; дерется даже на дуэли со своимъ счастливымъ соперникомъ (женщины, значитъ, *ничего* къ нему не испытывали, не имѣли къ его крови *органическаго тяготѣнія*), и страстно мечтаетъ о поѣздкѣ въ Дамаскъ, рисующейся его воображенію во всемъ блескѣ яркихъ красокъ *Тысячи и одной ночи* (въ возрастѣ, см. выше, 18—20 лѣтъ). Но скоро это внѣшне-романическое исчезаетъ. Любовь и нѣжность, преданность и даже самоотверженіе, страстныя мечты и даже муки безсонныхъ ночей, повторяющихся все чаще, сосре-

доточиваются возлѣ одного центра—будущей *Исторіи цивилизаціи*. Только неизмѣнная привязанность и дружба къ матери освѣщаетъ ровнымъ свѣтомъ эту замкнутую трудовую жизнь, эту сосредоточенную кропотливую работу».

Такимъ образомъ, по словамъ біографа, планъ удивительной книги, которую мы ниже будемъ разбирать, зародился въ непосредственной близости съ усиліями полюбить,—которыя были напрасны, потому что онъ никому не нравился, и съ разгоряченными мечтами о мѣстностяхъ, въ которыхъ Аладинъ, обладатель чудесной лампы, испыталъ столько опасныхъ и всегда занимательныхъ приключеній. Это былъ возрастъ, когда онъ не могъ привести въ исполненіе намѣреніе свое лично видѣть эти мѣста,—что онъ сдѣлалъ позднѣе; и одновременно, когда ему пришлось утѣшиться въ «тихой» любви къ матери.

«Характеръ Бокля», продолжаетъ біографъ, «былъ хорошо приспособленъ къ подвигу, возложенному имъ на себя. Бокль обладалъ горячею головой и холодною кровью. Первая создала проектъ, вторая позволила осуществить хотя и одну только часть его. Несмотря на всю грандіозность предпринятаго, Бокль не растерялся въ необозримомъ матеріалѣ, не отступилъ ни на шагъ въ сторону отъ задуманнаго: не его вина, что онъ умеръ, едва доживъ до 40 лѣтъ»,—возраста, замѣтимъ, когда Декартъ, Ньютонъ и Бэконъ совершили уже всѣ свои открытія,—«не успѣвъ, выражаясь метафорически, переписать на бѣло своего черняка. Лично онъ вѣрилъ, что это возможно; вѣрили и всѣ, знавшіе его. На самомъ дѣлѣ, онъ удивительно умѣлъ работать «ohne Hast ohne Rast», т. е. безъ торопливости и безъ остановки; онъ не скучалъ однообразіемъ дѣла, не утомлялся его прямолинейностью. Въ немъ не было и слѣда диллетантизма. Тѣ, кто думаетъ, что онъ только «перелистывалъ» естественныя науки, сильно ошибаются [1]). Онъ доводитъ свою серьезность въ отношеніи къ дѣлу до того, что изучаетъ спеціальныя медицинскія работы. Говоря, что онъ знаетъ 19 языковъ, онъ нисколько не преувеличивалъ факта и дѣйствительно зналъ ихъ настолько, насколько это нужно было для его работы, т. е. понимая безъ словаря иностранныя книги. Въ большемъ онъ не чувствовалъ необходимости и считалъ безполезнымъ тратить время на усовершенствованіе, напр. въ произношеніи. Онъ экономно распоряжался своимъ временемъ и дорожилъ каждою минутой. Его мысль работала неустанно и отдыхала лишь при перемѣнѣ предметовъ изученія. Онъ ненавидѣлъ пустыя свѣтскія бесѣды и, по-

[1]) Что, однако, можно думать объ огромномъ множествѣ медицинскихъ, имъ прочитанныхъ, книгъ, къ коимъ онъ приступилъ, никогда не разсѣкавъ трупа, не обращавшись съ микроскопомъ и, наконецъ, не посѣщая, т. е. не наблюдая, больныхъ. Это могло быть только полу-понимающимъ чтеніемъ,—и въ лучшемъ, точнѣе худшемъ случаѣ, это было заучиваніемъ книгъ напзусть.

сѣщая знакомыхъ, всегда говорилъ о томъ, что̀ его интересовало. Въ его небольшомъ тѣлѣ, облеченномъ обыкновенно въ старомодный сюртукъ толстаго сукна, во всей его прозаической фигурѣ скрывался фанатикъ, но фанатикъ дисциплинированный, неспособный ни на одинъ обдуманный шагъ, исполненный, если хотите, благоразумія во всѣхъ своихъ отношеніяхъ ко внѣшнему міру.

«Это благоразуміе жизни, одинаково характерное для Бокля, какъ для Дарвина или Спенсера,—особенно поражаетъ русскаго человѣка... Читая дневникъ и переписку Бокля, вы готовы даже воскликнуть подчасъ не безъ досады: «это на самомъ дѣлѣ купеческій сынъ». Бокль аккуратенъ до педантизма: его дневникъ—это приходо-расходная книга его занятій и жизни. Онъ не скрываетъ своей любви къ комфорту, привязанъ къ хорошимъ сигарамъ, сердится, когда неумѣло завариваютъ чай или подаютъ къ столу пережаренныя тартинки, даетъ своимъ друзьямъ подробныя наставленія, какъ выгоднѣе помѣщать деньги, хвалитъ экономію... Все равно, какъ въ Колумбѣ рядомъ и мирно существовали и геніальный прозорливецъ, увидѣвшій черезъ океанъ Америку, и превосходный капитанъ корабля, входившій въ каждую мелочь обихода, пачкавшійся въ дегтѣ и грошевыхъ разсчетахъ, — такъ и Бокль, несмотря на всю творческую экзальтацію, къ которой былъ способенъ,—никогда, по собственнымъ словамъ, не вынималъ изъ кармана шиллинга, не обдумавъ предварительно, можетъ-ли онъ истратить его и на что̀; и это несмотря на крупное состояніе. Лирическій безпорядокъ и распущенность онъ презиралъ и въ жизни, и въ научной работѣ. Онъ хозяйственно распоряжался своими деньгами, временемъ, своими занятіями; безъ этого мы имѣли-бы не «Исторію цивилизаціи»—эту художественно-стройную и строго выдержанную работу, а, быть-можетъ, нѣсколько талантливыхъ статей,—словомъ, не большое сраженіе, данное тайнамъ исторіи, а десятокъ-другой блестящихъ партизанскихъ стычекъ, обыкновенно безрезультатныхъ».

Впечатлѣніе, производимое на другихъ Боклемъ, такъ-же важно, какъ и онъ самъ; или, точнѣе, это впечатлѣніе есть единственное основаніе интереса, который мы къ нему питаемъ: вотъ почему колоритъ біографіи его, написанной русскимъ энтузіастомъ, такъ же многозначителенъ, какъ и приводимые имъ факты. «Въ одномъ,—продолжаетъ онъ,—не зналъ Бокль благоразумія и сдержанности: въ наложенныхъ имъ на себя занятіяхъ; но онъ все повторялъ слова Писанія: *иго Мое благо и бремя Мое легко*. Здѣсь-то—въ противорѣчіи между слабымъ здоровьемъ и умственно безустанною работой, имъ насильственно налагаемой на себя,—и скрывается драма существованія Бокля. Сознаніе этой драмы проходитъ красною нитью черезъ всю его переписку, хотя онъ какъ нельзя болѣе сдержанъ насчетъ интимной своей жизни и лишь въ немно-

гихъ, обыкновенно грустныхъ словахъ, касается ея. Послѣ цѣлыхъ страницъ, посвященныхъ какому-нибудь отвлеченному вопросу или характеристикѣ тѣхъ книгъ, «которыя необходимо нужно прочесть», послѣ длинныхъ цитатъ изъ Конта или Милля, мы нѣтъ-нѣтъ наталкиваемся на фразу: «мое здоровье слабо», или: «мнѣ посовѣтовали оставить шахматную игру, такъ какъ она сильно утомляетъ меня», или: «докторъ нашелъ у меня слѣды переутомленія» и т. д. Но беречь себя, подчиниться строгому режиму, примириться съ полною, необходимою бездѣятельностью Бокль не хотѣлъ и не могъ. Для него это значило-бы отказаться отъ самого себя и утерять всякую цѣль въ жизни. Неутомимая жажда познанія (т. е., собственно, сознаніе долга «читать»), любознательность, не знающая насыщенія, таилась подъ его благоразуміемъ и сдержанностью. Онъ долженъ былъ читать, думать, писать или говорить ежеминутно. Онъ, какъ монахъ, постоянно перебиралъ *свои* четки и шепталъ *свои* молитвы, читалъ *свое* писаніе и клалъ *свои* поклоны. Онъ соглашался лишь на незначительныя уступки и то съ болью въ сердцѣ. Болѣзнь одолѣвала: «Исторія цивилизаціи человѣчества» свелась мало-по-малу на «Исторію цивилизаціи Европы», потомъ—«Англіи», наконецъ—ко «Введенію», и того удалось написать лишь два тома изъ предположенныхъ пятнадцати».

Трагическій конецъ приближался: «Прошли три года; пересиливая самъ себя и напрягая до послѣдней степени и такъ уже напряженные нервы, Бокль закончилъ наконецъ первый томъ своего труда. Рукопись, старательно переписанная рукой самого автора [1]), была готова къ печати. Никто не хотѣлъ рисковать, выпуская въ свѣтъ произведеніе совершенно неизвѣстнаго писателя. Къ счастью, Бокль былъ настолько богатъ, что расходъ въ нѣсколько тысячъ рублей не остановилъ его, и онъ взялъ на себя издержки перваго изданія—и не раскаялся. Успѣхъ книги даже въ денежномъ отношеніи былъ великъ. Не было ни одного журнала или газеты, которыя не дали бы своего отзыва, если не всегда лестнаго, то все же поощрительнаго. Особенно смущала рецензентовъ громадность задуманной работы, и они не совсѣмъ деликатно предсказывали Боклю, что онъ никогда не закончитъ начатаго, тревожа этимъ уже гноившуюся рану. Бокль старался подбадривать себя. «Они,—говорилъ онъ,—«не знаютъ, сколько матеріала у меня наготовлено... 15—20 лѣтъ жизни, вотъ все, что нужно мнѣ. Неужели я не проживу 15—20 лѣтъ?» Скептики, однако, оказались правы. Энергіи, взвинченной успѣхомъ, достало еще на одинъ томъ и нѣсколько журнальныхъ статей о Миллѣ, о женскомъ вопросѣ, о вѣротерпи-

---

[1]) Это—замѣчательная и глубоко типичная въ Боклѣ черта: онъ вѣчно «перебѣляетъ» свои мысли; онъ любитъ самый процессъ «писанія своихъ словъ».

мости,—и она изсякла. Это ежедневное, ежеминутное изсякновеніе было настолько очевидно, что Бокль уже не обманывалъ себя. Слава, поэтому, радовала его только на половину; къ тому же она возлагала на него такія обязательства, которыя онъ могъ исполнять только съ трудомъ. Посѣщенія почитателей, сразу возросшая до невѣроятныхъ размѣровъ корреспонденція, уколы самолюбію со стороны критики, публичныя рѣчи, которыя онъ теперь сталъ произносить—все это утомляло его. Онъ боролся, впрочемъ, до конца. Когда приговоромъ какого-то судьи Кольриджа въ Корнвалисѣ нѣкто полусумасшедшій рабочій Пули за свои яко бы ересическіе взгляды былъ приговоренъ къ полуторагодовому аресту,—Бокль почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ самомъ священномъ своемъ убѣжденіи и въ рѣзкомъ памфлетѣ, напоминающемъ памфлеты Мильтона или «Письма съ горы» Руссо, выступилъ въ защиту вѣротерпимости. Но дни его были уже сочтены. Все возраставшая слабость заставила его предпринять путешествіе»...

Несмотря на обширную корреспонденію, «которую онъ принужденъ былъ теперь поддерживать», и на произносимыя публично рѣчи,—сладкая мечта дѣтства увидѣть мѣсто похожденій знаменитаго Аладина и его чудесной лампы одна выговорилась ясно въ послѣднюю минуту его жизненнаго заката. Онъ выбралъ для путешествія Востокъ, и именно Дамаскъ, за воротами котораго начинается таинственная, фантастическая пустыня,—и «здѣсь», разсказываетъ біографъ, «разыгрался эпилогъ драмы его жизни». Послѣдніе часы не столько его жизни, какъ его существованія, описаны однимъ его спутникомъ, г. Гибсономъ: «мы поѣхали болѣе покойною, хотя и менѣе интересною дорогой въ Дамаскъ. Когда при выходѣ изъ горнаго ущелья восточнаго склона Антиливана предъ нами открылась великолѣпная картина знаменитой долины, Бокль воскликнулъ: «для этого стоило бы перенести болѣе страданій и усталости!» Увы, онъ не зналъ, какою цѣной придется ему заплатить за это удовольствіе. Излишняя усталость»,—странная это была усталость: ни чахотки, ни болѣзни сердца у Бокля не было,—«снова вызвала у него припадокъ діареи. Докторъ, сопровождавшій его, прописалъ пріемъ опіума. Какъ ни малъ былъ пріемъ этотъ, Бокль по слабости своего организма впалъ въ безпамятство и пролежалъ съ четверть часа. Грустно и тяжело было слышать, какъ въ его бреду между несвязными словами слышались восклицанія: «*Книга! моя книга! Я никогда не кончу моей книги!*»—«Дни его», замѣчаетъ нашъ біографъ, «были уже сочтены. Онъ умеръ 26 мая 1862 года, 41 года отъ роду, и былъ погребенъ въ Дамаскѣ—городѣ, который ему такъ хотѣлось увидѣть еще въ дѣтствѣ... Небольшая кучка англичанъ проводила его тѣло до могилы, куда оно и было опущено подъ горячими прямыми лучами сирійскаго солнца»...

III.

Такъ умеръ несчастный мальчикъ, никѣмъ не остановленный въ странной, засушающей и безплодной мечтѣ, которую образовалъ у себя въ возрастѣ 14—15 (см. выше) лѣтъ, и всей суетности и фантастичности которой никогда не могъ понять, потому что никогда не жилъ жизнью взрослаго, созрѣвшаго человѣка, и ничему въ сущности не былъ наученъ. То, что г. Соловьеву представляется разсудительностью и экономностью его, было именно размѣренностью каждаго шага, разсчетомъ каждаго дѣйствія дѣтей, на завтра собравшихся тайно бѣжать въ саванны Америки: онъ «несъ» идею, онъ несъ великую «идею» 15-томнаго Введенія, и, конечно, не могъ истратить лишняго шиллинга, ибо онъ могъ потребоваться на изданіе чудовищнаго труда. Онъ курилъ хорошія сигары, какія безъ сомнѣнія курилъ министръ Гизо, тоже историкъ, но меньшаго, чѣмъ онъ, значенія, и о которомъ онъ слышалъ, но книги его пренебрежительно оставлялъ въ сторонѣ, прочитавъ одну и не понявъ [1]). Онъ не могъ не произносить публичныхъ рѣчей, когда ихъ произносили Фоксъ и Питтъ, и особенно философичный Боркъ; не могъ не поддерживать обширнѣйшей корреспонденціи, потому что теперь взоры всего міра начинали устремляться на него, и жемчужина, такъ долго таившаяся и зрѣвшая въ библіотекѣ-кабинетѣ съ двойнымъ свѣтомъ, какъ бы при его павшихъ стѣнахъ открылась для любованія и изумленія народовъ, для «населенія» всѣхъ странъ—«этого лучшаго судьи», замѣчаетъ онъ снисходительно и робко, «во всемъ, что касается (дальше смутно, по связи съ книгой его) практическихъ выводовъ и примѣненія мыслей къ жизни».—«Книга, моя книга! Я никогда не кончу моей книги!»—какой страшный трагизмъ для того, кто могъ понять это восклицаніе. Онъ похоронилъ себя въ этой печальной книгѣ, какъ иногда, сорвавъ цвѣтокъ, мы его кладемъ среди ея страницъ и засушиваемъ, забывъ потомъ черезъ день, черезъ недѣлю. Что-то безжалостное къ себѣ, къ лицу своему, есть въ немъ; или, быть можетъ, это безжалостное къ лицу его было въ его судьбѣ: онъ именно *забылъ* себя въ книгѣ, какъ мечтательная дѣвушка забываетъ въ альбомѣ, полученномъ отъ любимаго человѣка, случайно сорванный на ходу, въ волненіи, лепестокъ ненужнаго ей и для нея неинтереснаго растенія. Жива, растетъ, увеличивается, растягивается на цѣлую печатную милю, на «пятнадцать томовъ одного Введенія» только эта ученая, отвратительная, облѣзлая, старчески-беззубая Шехерезада, которая по совершенной безпамятливости не можетъ ни остановиться, ни поставить точки, ни вспомнить, что она говорила вчера и слѣдовало

[1]) См. ниже наше изслѣдованіе.

бы говорить завтра, и отнимаетъ у насъ вечеръ за вечеромъ, за оконченною главой начиная непремѣнно новую главу. Изъ-подъ этой груды печатнаго мусора, изъ-подъ этой ужасной, одновременно какъ-то и мертвой, и таинственно живой, сосущей, одолѣвающей, овладѣвающей вѣдьмы мы едва слышимъ крикъ задушеннаго мальчика—дѣтскій крикъ о милой, поэтической Аравіи и юномъ Аладинѣ, который съ лампой своею вырываетъ какія-то необыкновенныя сокровища изъ земли, несомнѣнно болѣе реальныя, чѣмъ переворотъ въ наукѣ, совершенный или имѣющій совершиться отъ чудной, имъ выдуманной, книги. Этотъ крикъ—предсмертное желаніе Бокля поѣхать и взглянуть на Дамаскъ—есть единственная серьезная, потому что единственно живая строка его печальной жизни; жизни, правдоподобію которой мы никогда не повѣрили бы, если бы она не была засвидѣтельствована его собственными словами и, наконецъ, не была просто всемірно извѣстнымъ, удостовѣреннымъ фактомъ.

Природный и исключительный букинистъ, Бокль въ такой мѣрѣ не любилъ живой жизни, что однажды, рѣшившись оставить Англію, чтобы взглянуть на другія страны, цивилизацію которыхъ онъ собирался объяснить, онъ не могъ преодолѣть отвращенія къ непосредственному ихъ созерцанію и, какъ пишетъ его біографъ, «не разставался съ книгой ни въ гостиницахъ, въ которыхъ останавливался, ни въ почтовой каретѣ» (Евг. Сол., стр. I), въ которой онъ не столько самъ ѣхалъ, сколько везли его. У него не было никакой любви, никакого интереса къ факту въ его внутреннемъ содержаніи; никакого интереса и любви къ самому предмету задуманнаго труда—человѣку; и даже едва ли онъ догадывался, едва ли выпукло представлялъ себѣ, что этимъ предметомъ служитъ человѣкъ: ему скорѣе казалось и онъ дѣйствительно писалъ о *книгахъ* въ исторіи человѣчества—о книгахъ въ эпоху шотландской реформаціи, французскаго абсолютизма, испанской инквизиціи, но не о человѣкѣ реформирующемся, человѣкѣ-абсолютистѣ, человѣкѣ-инквизиторѣ. Проѣзжая по городамъ континентальной Европы, онъ закрывался отъ нихъ читаемою книгой: что тутъ, на улицѣ, по которой везутъ его, на площади передъ окномъ его гостиницы—страннымъ образомъ совершается дѣйствительная исторія, что тутъ играютъ всѣ элементы ея и что, не понимая этихъ элементовъ, ничего нельзя понять и въ большихъ циклахъ исторіи—этого ему никогда не приходило на умъ. Его представленіе объ исторіи было именно представленіемъ о ней, какъ о нѣкоторой напечатанной по предмету исторіи книгѣ; скорѣе всего—это было представленіе нѣкотораго обширнаго и неудовлетворительнаго «по исторіи» учебника: крестовые походы вырисовывались какъ глава о крестовыхъ походахъ; обдумывалась ли революція — это обдумывалась глава «о ближайшихъ причинахъ французской революціи»; стояла ли въ

воображеніи реформація — это перелистывались мысленно 20—30 страничекъ о ней, съ мыслью написать дополнительныхъ 200—300 или 2.000—3.000. Всѣ главы прототипическаго учебника стояли въ порядкѣ, не перемѣшивались, не перевивались между собой; и ему естественно было думать, что эта шумливая улица, на которой не было надписано никакого историческаго заголовка, не стояло «глава VII—Демократія въ Европѣ»,—ему казалось, что она и не входитъ ни въ какую главу исторіи, такъ что онъ напрасно отнялъ бы у труда своего нѣсколько драгоцѣнныхъ часовъ, если бы вышелъ, и посмотрѣлъ, и прислушался, чѣмъ и какъ шумитъ она. Для 15-томнаго распространенія каждой изъ этихъ главъ, «собственною рукой съ любовью переписанныхъ», конечно нужно было читать и читать, читать торопливо и гораздо болѣе, чѣмъ по 10 часовъ въ сутки; и только особеннымъ, чисто блаженнымъ ощущеніемъ при держаніи въ рукахъ книги—можно объяснить, что, покупая, онъ, при богатствѣ, еще и своеручно переплеталъ ихъ. Но совершенно ясно, что какъ бы ни обѣщалъ его трудъ раздвинуться въ сотни, даже тысячи томовъ (15 томовъ составляли одно *Введеніе*)—въ нихъ не было и не обѣщало быть ни одной крупицы *новаго*, ни одной черты факта, *вновь* подмѣченной — имъ самимъ, Боклемъ, подмѣченной: ибо не факты, не памятники исторіи, не лѣтописи, языкъ и прочее—по чему прозорливцы разгадываютъ ея факты—было имъ положено въ основаніе труда, но этимъ основаніемъ и, такъ сказать, самою фактурой сочиненія сдѣлались безчисленныя книги, имъ скупаемыя у неустанно посѣщаемыхъ букинистовъ. «Внѣ ихъ», — замѣчаетъ восторженный біографъ (стр. XIII), — «Бокль былъ какъ рыба на берегу; нравственныхъ коллизій ему лично не пришлось разрѣшать ни разу; его темпераментъ всегда удерживалъ его отъ всего, что́ ведетъ за собой угрызенія и муки совѣсти; жить для него значило читать и думать о читанномъ: *какая чудная вещь хорошая книга!* — восклицаетъ онъ постоянно въ своихъ письмахъ».

Неудержимая, огромная мечтательность лежитъ въ основѣ его характера и судьбы; онъ зналъ, онъ не могъ не знать, и не узнать очень рано, хотя бы изъ прочитываемыхъ ежедневно и «откладываемыхъ аккуратно въ сторону» газетъ, что книга, что напечатанная въ типографіи книга почти также наполняетъ, насыщаетъ атмосферу каждаго дня въ XIX вѣкѣ, какъ въ эпоху «Божьяго мира», въ XI—XIV столѣтіи, всѣ дни недѣли, кромѣ пятницы, субботы и воскресенья, были наполнены въ цѣлой Европѣ неумолчнымъ лязгомъ оружія, сѣченіемъ мечей о латы. Ему осталось непонятнымъ и, по необразованности, онъ не могъ догадаться, что въ фундаментѣ этого колоссальнаго книжнаго кругооборота, этого крутящагося вихря печатныхъ строкъ, есть лишь очень немного, лишь нѣсколько десятковъ точекъ *реальнаго, дѣйствительнаго*

значенія: нѣсколько десятковъ загорѣвшихся таинственнымъ огнемъ головъ, которыя, неудержимо поглощая факты, столь же неудержимо возсоздавали изъ себя освѣщающія ихъ идеи. Декартъ или Бэконъ, эти истинныя Сивиллы новаго знанія; аналогичные имъ въ древности Платонъ и Аристотель,—но, повторяемъ, во всей исторіи лишь нѣсколько десятковъ головъ,—они какъ бы отъ лица и имени всего человѣчества, движимые темною силой, продвинувшись далеко впередъ, слушаютъ небесныя тайны, внимаютъ чудной «музыкѣ сферъ», чтобы что-нибудь въ ней разгадать, какую-нибудь о ней мысль сложить; и, опустившись, невнимательно, уже никакъ не «переписывая на-чисто», передаютъ эту мысль землѣ. Замѣчательно, что всѣ великаго творчества сочиненія какъ-то неубраны, хаотичны, иногда не кончены, оборваны... Этотъ инстинктъ *знанія*, инстинктъ *разгадки* міра, съ гораздо болѣе темными основаніями и гораздо труднѣйшій по осуществленію, чѣмъ борьба народовъ, войны, распри и всяческое вообще соперничество человѣка съ человѣкомъ, не такъ породилъ изъ себя, какъ возбудилъ вокругъ себя огромный вихрь движенія, который со временъ печальнаго изобрѣтенія Гуттенберга рѣшительно обволокъ землю и насытилъ всю атмосферу исторіи. Инстинктъ *факта*, инстинктъ *событія*, *дѣланія*, самой *жизни*,—этотъ главный инстинктъ исторіи, родникъ новаго и новаго въ ней рожденія, которое единственно и значуще для человѣка,—засорился, замутился, заволокся этою темною фотосферой книгъ, гдѣ всякая крупица истины имѣетъ тысячу стеклянныхъ для себя отображеній, и среди нихъ мы не имѣемъ болѣе средствъ найти ее самоё въ первоначальномъ и не искаженномъ ея образѣ.

Во всякомъ случаѣ, не имѣя никакой идеи о наукѣ, ни объ истинѣ, ни объ истинно нужной и новой книгѣ, Бокль былъ увлеченъ представленіемъ книги въ ея внѣшнихъ чертахъ, и это скорѣе переплетное, нежели даже книжное чувство, этотъ мелькающій и манящій образъ тысячъ корешковъ съ золотящимися надписями на нихъ, повліялъ на его бѣдное воображеніе. Въ новой и неизмѣримо болѣе жалкой формѣ, въ формѣ неизмѣримо болѣе грустной, ибо она соединена была съ лишеніемъ свѣжаго воздуха и общенія людей,—онъ воплотилъ въ себѣ паладина эпохи, раба слѣпого и покорнаго по отношенію къ господствующему вихрю времени. И какъ безъ компаса, безъ знанія географіи, безъ мысли о предлежащихъ моряхъ, мальчикъ XIII вѣка пускался «освобождать отъ турокъ Іерусалимъ»,—этотъ мальчикъ, едва поучившись въ элементарной школѣ, пустился въ дебри писанія книги, совершенно фантастической и смѣшной—о цивилизаціи сперва человѣчества, потомъ—«только Европы», наконецъ—«одной Англіи»; и такъ какъ книга была безбрежна какъ Средиземное море или какъ Тріестскій заливъ—это было все равно для силъ и знанія 12 лѣтняго пилигримма

среднихъ вѣковъ,—онъ, наконецъ, остановился на мысли написать только «Введеніе въ 15 томахъ», но и изъ него успѣлъ издать только первые два.

Мы уже замѣтили, — и на этомъ настаиваетъ его біографъ — что сильно развитое библіотечное чувство было единственное, какое онъ имѣлъ, т. е. что онъ не зналъ вовсе, въ себѣ не пережилъ, не наблюдалъ въ окружающихъ и не пытался — объ этомъ нѣтъ слѣдовъ въ перепискѣ и біографіи—возстановить въ воображеніи своемъ по «пыли хартій» ни одного изъ тѣхъ чувствъ, влеченій, представленій, которыя, взволновавъ человѣчество, вызвали великій фактъ его исторіи. Самый предметъ такимъ образомъ, о которомъ онъ писалъ, дѣйствительный человѣкъ и дѣйствительный съ нимъ фактъ, не былъ ему извѣстенъ иначе, какъ по имени; ему были извѣстны имена: «религія», «секта», «политика», «абсолютизмъ королевскій» и «фанатизмъ республиканскій», но даже для того, чтобы имѣть или составить о нихъ какое-нибудь представленіе, ему, при недостаткѣ живыхъ впечатлѣній, по крайней мѣрѣ слѣдовало бы вынуть изъ библіотеки папку съ портретами папъ, полководцевъ, королей и хоть въ нихъ всмотрѣться; но, къ несчастію, онъ такъ пренебрегалъ отдѣльнымъ человѣческимъ лицомъ, такъ упорно въ книгѣ своей провелъ это пренебреженіе, что, безъ сомнѣнія, никогда не догадался даже этого сдѣлать. Онъ никогда не поѣхалъ на сходку квакеровъ, на митингъ рабочихъ; никогда не видѣлъ ни одного двора, хотя много написалъ о «ничтожествѣ придворныхъ интригъ». Но все это для него, одутловатаго маленькаго джентльмена «въ старомодномъ поношенномъ сюртукѣ», съ idée fixe, въ которую онъ былъ погруженъ, оставалось тѣмъ, о чемъ можно было бы повторить съ поэтомъ нашихъ дней:

Это—на льду олеандры,
Это—обложка романсовъ безъ словъ....

Т. е. «злыя придворныя интриги», «невѣжественные споры» сектаторовъ—на что онъ гнѣвался или чему сочувствовалъ, чему хотѣлъ сочувствовать въ книгѣ своей и на что намѣренъ былъ излить желчь, — были въ дѣйствительности не тѣ самыя интриги, какія велись, и не тѣ самые споры, которые фактически происходили, но лишь игра ихъ, книжная игра въ пустомъ стеклѣ его воображенія, нѣчто въ родѣ тѣхъ фата-моргана, о которыхъ онъ любилъ читать въ занимательныхъ путешествіяхъ по Аравіи. Объ этой игрѣ собственнаго его воображенія, а не о дѣйствительности, ему вовсе неизвѣстной, написана его книга. Ему однажды предложено было поѣхать во Францію, но онъ только чванливо замѣтилъ, имѣя въ виду сидѣвшаго тамъ Наполеона III: «мнѣ было бы слишкомъ обидно смотрѣть на униженіе французовъ». Онъ не подумалъ, что и французамъ *больно* сидѣть подъ Наполеономъ;

онъ думалъ только, что этому Наполеону онъ косвенно оказалъ бы вниманіе, если бы, переплывъ Па-де-Кале, ступилъ на почву Франціи и «посмотрѣлъ на нее». И онъ не «посмотрѣлъ» на нее, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не увидѣлъ того, что̀ по задачамъ его труда ему въ высшей степени важно было бы увидѣть. И никогда потомъ, какъ и ни разу прежде, онъ не видалъ *лица* человѣческаго, мятущагося, восхищеннаго, взволнованнаго, негодующаго, угнетеннаго—того прекраснаго и мучительнаго лица, исторію котораго въ самомалѣйшихъ подробностяхъ мы такъ любимъ.

IV.

Если, обратившись къ труду Бокля, мы всмотримся въ знаменитый «перечень книгъ, послужившихъ автору къ написанію его сочиненія», эту безмолвную интродукцію къ его исторической поэмѣ, такъ изумившую Европу обиліемъ перечитаннаго матеріала и положившую первый камень въ высокомъ и непрочномъ зданіи его славы,—мы увидимъ не безъ удивленія, что онъ вовсе не зналъ элементарныхъ и классическихъ произведеній по исторіи. Такъ имя Нибура отсутствуетъ въ спискѣ; есть Нибуръ, но это не авторъ знаменитыхъ изслѣдованій классической древности, а путешественникъ по Востоку, авторъ «Description de l'Arabie. Amsterdam, 1774, t. 4—to», гдѣ впервые даны были европейской публикѣ снимки клинообразныхъ надписей, тогда еще неразобранныхъ, и исторіей или содержаніемъ которыхъ, впрочемъ, Бокль не занимался. Замѣчательно вообще, что *памятники*, *лѣтописи*—все, по чему мы открываемъ психологію данной мѣстности, страны, эпохи,—вовсе отсутствуютъ среди прочитаннаго имъ матеріала, и послѣдній составили исключительно старопечатныя, но не очень старыя, скорѣе «прежнія», «вышедшія изъ употребленія» книги. Но вотъ, мы разбираемся среди нихъ, и у историка естественно ищемъ имени историка, который впервые научилъ Европу разбирать памятники и понимать исторію. Еслибы на минуту намъ показалось, что труды Нибура не упомянуты, какъ слишкомъ общеизвѣстные и вѣроятно настольные у Бокля, мы разубѣдились бы въ этомъ, съ удивленіемъ встрѣтивъ, среди «источниковъ», Прескотта: «History of Ferdinand and Isabella», «History of the Conquest of Mexico» и «History of the Conquest of Peru»—книги столь любимыя и обильно читаемыя въ юношескомъ и отроческомъ возрастѣ, и привлекательная, манящая «награда за прилежаніе и вниманіе» достойнѣйшимъ. Нѣтъ Гумбольдта, т. е. Вильгельма, столь необходимаго для историка; и есть Александръ Гумбольдтъ, для историка почти излишній, но слишкомъ популярный, чтобы, встрѣтивъ его томы въ книжномъ магазинѣ, каждый любитель печати и книгъ не схватился за нихъ съ жаднымъ любопытствомъ неофита въ естество-

знаніи. Печать удивительной случайности царитъ въ «Спискѣ»: это не каталогъ библіотеки первоклассиаго ученаго, даже не каталогъ хорошо организованнаго книжнаго магазина, но каталогъ обширной лавки совершенно необразованнаго букиниста. Такъ, въ немъ есть всѣ почти знаменитые отрицатели-скептики XVIII и XVII вѣковъ — Гельвецій: «De l'esprit», Amst. 2 vols., Д. Юмъ: «Philosophical works», 4 vols., Кондильякъ: «Traité des sensations», Кондорсэ, — но почему-то нѣтъ Бэйля, не только его «Pensées diverses, écrites à l'occasion de la Comète de décembre 1680», но и знаменитаго «Dictionnaire historique et critique», составившихъ эпоху въ умственномъ развитіи Западной Европы, въ движеніи тѣхъ самыхъ скептическихъ идей, объ «установленіи» и «распространеніи» которыхъ, и именно даже во Франціи, Бокль написалъ столько краснорѣчивыхъ страницъ. Нѣтъ филологическихъ трудовъ Боппа и Гримма, давшихъ дѣйствительно «битву тайнамъ исторіи» (выраженіе о Боклѣ г. Евг. Соловьева); но вотъ Рокитанскій написалъ въ 4-хъ томахъ «Руководство къ патологической анатоміи», и какъ не проблематична ихъ связь съ историческою жизнью народовъ, эти томы значатся у Бокля прочитанными. Есть Бурдаха, устарѣлая и, очевидно, ошибочная для конца 50-хъ годовъ, «Traité de phisiologie, considerée comme science d'observation», Paris. 1834—41, 9 vols—и она была куплена, вѣроятно, за интересные рисунки и по довѣрію къ пространности изложенія, и внимательно прочитана. Кантъ значится, но нѣтъ ни Лейбница, ни Спинозы, и, очевидно, Кантъ взятъ какъ примѣръ или экземпляръ философіи, а не какъ ея живой членъ, необъяснимый безъ связи съ прочими. Отсутствіе университета и вообще школы, исключительно домашнее и *собственное* самоуглубленіе въ книги «по девяти часовъ въ сутки», въ высшей степени въ этомъ сказывается. Нѣтъ имени Винкельмана, и очевидно древнею скульптурой Бокль также не интересовался, какъ и новою музыкой; но Вильямсъ написалъ «Principles of medicine», Мурчисонъ—о силурійской формаціи въ составѣ пластовъ земной коры («Siluria», London, 1854), Тэйлоръ—о судебной медицинѣ («Manual of Medical Jurisprudence». Lond. 1846),—и все это есть. Особенно его занимала почему-то патологическая анатомія, и сочиненія по ней, то-есть все обыкновенныя учебныя руководства, «manuels», и все тѣхъ-же 40-хъ годовъ, пестрятъ его списокъ: очевидно, все это были книги, какъ наиболѣе нужныя въ самой распространенной практикѣ—медицинской, попадавшіяся въ маленькихъ лавочкахъ старыхъ книгъ, и онъ ихъ скупалъ, дома прочитывалъ, и занесъ потомъ въ списокъ книгъ какъ матеріалъ для историческихъ размышленій и возсозданія исторіи. Можно было-бы подумать, судя по тексту его книги, что онъ презиралъ мелочи придворной жизни и все напоминающее частную или общественную

сплетню: но, къ удивленію, мы находимъ у него прочитанными всѣ четыре тома переписки m-me de Maintenon «avec la Princesse des Ursins». Нѣтъ конца путешествіямъ, въ Америку-ли, на Востокъ-ли; но вся такъ-называемая «историческая школа» въ правѣ, т. е. въ развитіи политическихъ и частью бытовыхъ формъ,—отсутствуетъ, и имена Пухты и Савиньи, повидимому, также остались незнакомы его слуху, какъ и имена Винкельмана и Бонпа. Но вотъ частный предметъ: шотландская реформація и кальвинизмъ, о коемъ написаны у него не только длинныя страницы, но и цѣлыя главы; мы отыскиваемъ Guizot и съ удивленіемъ не находимъ ни его «Исторіи англійской революціи», ни замѣчательной его біографіи Кальвина, основанной на частной перепискѣ этого человѣка, очевидно, болѣе многозначительнаго въ судьбахъ Европы, нежели г-жа de Maintenon; въ раздраженіи, и все еще недоумѣвая, мы бѣжимъ по колонкѣ книгъ, и тамъ-же, съ «G», всего восемью строками выше, читаемъ: Grant R. E.: «Comparative Anatomy. Lond. 1841», Grant. R.: «History of Physical Astronomy. Lond. 1852»,—и чуть-чуть пониже: Grieve: «The history of Kamtchatka, translated from the Russian. Gloucester. 1764. 4-to»,—той Камчатки, объ исторіи которой онъ не написалъ и не собирался написать ни главъ, ни страницъ, ни строкъ. Онъ похожъ въ этомъ странномъ и очевидно случайномъ выборѣ, точнѣе—наборѣ книгъ, на человѣка, который, пожелавъ «писать» объ археологіи, но не зная, что это такое, попросилъ бы свести себя за матеріаломъ въ анатомическій театръ; или — ближе къ его матеріалу, къ «прочитаннымъ» имъ «книгамъ»,—пожелавъ «сочинять» анатомію, и именно «паталогическую анатомію», попросился-бы «для матеріала» въ отдѣлъ Ассиро-Вавилонскихъ древностей Британскаго Музеума. Исторія была такъ несчастна, что почему-то сдѣлалась предметомъ выбора для написанія по такому странному способу,—и мы болѣе не удивляемся, ничему не удивляемся, читая слѣдующія строки, которыми несчастный мальчикъ открылъ великолѣпное теченіе своей и «своею собственною рукой» переписанной рѣчи:

Между всѣми главными отраслями человѣческаго знанія наиболѣе было написано по отдѣлу исторіи, которая всегда пользовалась самою большою популярностью. И всѣ, повидимому, того мнѣнія, что успѣхъ историковъ соотвѣтствовалъ вообще ихъ трудолюбію и что если много изучали этотъ предметъ, то многое и разгадали въ немъ.

Эта увѣренность въ достоинствѣ исторіи чрезвычайно распространена, что мы видимъ изъ того, какъ много ее читаютъ и какое мѣсто она занимаетъ во всѣхъ системахъ воспитанія. И нельзя не согласиться, что съ извѣстной точки зрѣнія такая увѣренность совершенно извинительна; нельзя не согласиться, что собраны такіе матеріалы, которые, разсматриваемые въ совокупности, представляютъ зрѣлище богатое и внушающее уваженіе. Политическія и военныя лѣтописи всѣхъ значительныхъ странъ Европы и большей части странъ, лежащихъ внѣ Европы, тщательно собраны, слиты въ приличную форму и довольно хорошо изслѣдованы относительно лежащей въ основаніи

ихъ достовѣрности. Большое обращено вниманіе на исторію законодательства, а также на исторію религій: въ то же время употребленъ значительный, хотя меньшій, трудъ на изслѣдованіе успѣховъ науки, литературы, изящныхъ искусствъ, полезныхъ изобрѣтеній и, наконецъ, нравовъ и удобствъ жизни народа. Для большаго ознакомленія насъ съ прошедшимъ, разсмотрѣны всякаго рода древности, разрыты мѣстности древнихъ городовъ, открыты и разобраны монеты, списаны надписи, возобновлены алфавиты, разгаданы іероглифы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ возсозданы и возстановлены давно забытые языки. Открыты нѣкоторые изъ законовъ, управляющихъ измѣненіями человѣческой рѣчи, и открытіе это въ рукахъ филологовъ послужило къ уясненію самыхъ темныхъ періодовъ раннихъ переселеній народовъ. Политическая экономія, возведенная на степень науки, пролила значительный свѣтъ на причины того неравномѣрнаго распредѣленія богатства, которое служитъ самымъ обильнымъ источникомъ общественнаго неустройства. Статистика такъ тщательно разработана, что мы имѣемъ самыя обширныя свѣдѣнія не только о матеріальныхъ интересахъ людей, но и объ ихъ нравственныхъ особенностяхъ, какъ-то: объ итогѣ различныхъ преступленій, о пропорціи, въ какой они находятся одни къ другимъ, и о вліяніи на нихъ возраста, пола, воспитанія и т. п.

По тону этихъ строкъ, у читателя, не всмотрѣвшагося въ составъ «Списка» и незнакомаго съ біографическими данными о жизни и воспитаніи автора, — а таковы именно и были въ цѣлой Европѣ читатели первыхъ изданій книги, опредѣлявшіе съ вниманіемъ ея достоинство и затѣмъ прочно установившіе ея авторитетъ,— у этихъ читателей изъ этого тона не могло не возникнуть представленія, что они имѣютъ предъ собою старца, до крайности истомленнаго всяческимъ историческимъ изученіемъ и отъ этого чуть-чуть роняющаго слова. У нихъ не могло быть никакого подозрѣнія, что онъ все это «своею рукой переписалъ на-бѣло»,—маленькое сообщеніе, которое сразу опредѣлило-бы для нихъ возрастъ «писателя» и, понудивъ вслушаться въ его тонъ и всмотрѣться въ «Списокъ книгъ», дало-бы нить догадаться, что это не озираніе трудностей пройденнаго «ученымъ» пути, а простое и чисто катологическое припоминаніе темъ, надъ которыми трудились другіе и дѣйствительные ученые, безъ всякаго, однако, свидѣтельства знакомства съ этими темами, и даже, по безошибочному свидѣтельству «Списка», при безспорномъ незнакомствѣ съ большею ихъ частью. Нѣсколько торопливый переходъ въ концѣ къ политической экономіи, не нужное пока удивленное вниманіе къ успѣхамъ статистики дастъ, т. е. могло-бы дать — но чуть-чуть и мглисто—просвѣтъ къ догадкѣ о лѣтахъ и образованіи «автора», и тогда тотчасъ понятно стало-бы и торжественно великолѣпное, а вмѣстѣ какъ бы и «усталое» теченіе его рѣчи. Но это такъ мало въ общемъ, и, наконецъ, печальная дѣйствительность, какую имѣли предъ собой читатели, была такъ невѣроятна, что мимолетные признаки соскользнули у нихъ съ вниманія и, ничего не подозрѣвая, т. е. не подозрѣвая, что передъ ними простое перечисленіе рубрикъ каталога, они съ довѣріемъ читали далѣе:

Отъ этого великаго движенія не отстала и физическая географія; записаны

климатическія явленія, измѣрены горы, начерчено теченіе рѣкъ, которыя изслѣдованы до истоковъ; всякаго рода естественныя произведенія тщательно изучены и раскрыты ихъ сокровенныя свойства, между тѣмъ химически разложены всѣ роды пищи, поддерживающей жизнь, сочтены и свѣшены ея составныя части и во многихъ случаяхъ приведено въ достаточную извѣстность свойство связи, въ которой они находятся съ человѣческимъ организмомъ. Въ то же время, чтобы ничего не упустить изъ виду, что только можетъ расширить познанія наши во всемъ, касающемся человѣка, начаты обстоятельныя изысканія и по многимъ другимъ отраслямъ. Такъ, относительно самыхъ образованныхъ народовъ намъ извѣстны въ настоящее время пропорціи смертности, браковъ, рожденій, роды занятій, колебанія въ задѣльной платѣ и въ цѣнахъ на необходимыя жизненныя потребности. Эти и подобные имъ факты собраны, приведены въ систему и готовы для употребленія. Наконецъ, записаны дѣйствія и характеристическія черты великихъ народовъ, и также огромное число различныхъ племенъ, во всѣхъ частяхъ извѣстнаго свѣта, посѣщены и описаны путешественниками, такъ что мы можемъ сравнивать состояніе рода человѣческаго на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи и при всевозможныхъ обстоятельствахъ...

Мы видимъ снова, что здѣсь онъ путаетъ и торопится, не будучи въ силахъ переступить за границы каталога, ибо не знаетъ въ сущности внутренности ни одной науки; и, между тѣмъ еще болѣе вырастаетъ у читателя мысль, что онъ имѣетъ предъ собою старца, знанія котораго далеко переступили за предѣлы нужнаго и должнаго для историка; и предположеніе это, результатъ слухового ощущенія, поддерживается тотчасъ и зрительнымъ при бѣгломъ взглядѣ на «Списокъ книгъ», гдѣ мелькаютъ заголовки многотомныхъ трудовъ по всѣмъ рѣшительно существующимъ наукамъ. Никому не могло придти на умъ, что именно и спеціально исторіи, о которой онъ «пока не упоминаетъ», онъ и не знаетъ вовсе; что, при многотомныхъ чтеніяхъ, онъ не учился и всѣмъ другимъ предметамъ и что, сбиваясь изъ науки въ науку и усложняя рѣчь мыслью, что «начертаны теченія рѣкъ», а пища «поддерживаетъ жизнь человѣка», онъ течетъ словами безъ нужнаго и вопреки должнаго. Но ничего рѣшительно въ этомъ абзацѣ не задерживаетъ, не зацѣпляетъ вниманія читателя; ничего еще важнаго, «настоящаго», не началось; и, при строкахъ соскальзывающихъ, сплывающихъ одна за другою, вовсе не вырисовывается предъ этимъ читателемъ, въ сущности уже запутавшійся въ своихъ словахъ, мальчикъ, смертельно боящійся (предъ первымъ изданіемъ книги), чтобы объ его невѣжествѣ и спеціально «домашнемъ приготовленіи» не догадались,—а, напротивъ, получается впечатлѣніе ученаго, которому и въ самомъ дѣлѣ интересна (какъ онъ выражается еще въ томъ же абзацѣ) «анатомія народа, какъ-бы построенная изъ выводовъ перечисленныхъ наукъ, и замѣчательная по своей крайней точности». И вотъ онъ переходитъ, а читателю кажется, что это Фаустъ переходитъ, отъ утомившихъ его знаній къ новымъ дерзновеннымъ исканіямъ о человѣкѣ:

Но еслибы съ другой стороны мы стали описывать употребленіе, сдѣлан-

ное изъ этихъ матеріаловъ, то намъ пришлось-бы изобразить совсѣмъ другую картину. Печальная особенность исторіи человѣка заключается въ томъ, что хотя ея отдѣльныя части разсмотрѣны съ значительнымъ умѣньемъ, но едва ли кто пытался слить ихъ въ одно цѣлое [1]) и привести въ извѣстность существующую между ними связь. Во всѣхъ другихъ великихъ отрасляхъ изслѣдованія необходимость обобщенія допускается всѣми, и дѣлаются благородныя усилія возвыситься надъ частными фактами съ цѣлью открыть законы, которыми факты эти управляются. Но историки такъ далеки отъ усвоенія себѣ этого воззрѣнія, что между ними преобладаетъ странное понятіе, будто ихъ дѣло только разсказывать факты (это Нибуръ-то, или Вико или Винкельманъ и Савиньи «разсказывали» факты!), по временамъ оживляя ихъ такими политическими и нравственными разсужденіями, какія имъ кажутся наиболѣе полезными (точно послѣ Плутарха ничего не писалось, или и писалось, но все въ родѣ Ламе-Флери). По такой теоріи (по *какой* теоріи, кѣмъ написанной, гдѣ изложенной?), любому писателю, который, по лѣности мысли или по врожденной неспособности, не въ силахъ совладать съ высшими отраслями знанія, стоитъ только употребить нѣсколько лѣтъ на прочтеніе извѣстнаго числа книгъ—и онъ сдѣлается историкомъ, и онъ въ состояніи будетъ написать исторію великаго народа, и сочиненіе его станетъ авторитетомъ по тому предмету, на изложеніе котораго оно будетъ имѣть притязаніе.

Такимъ образомъ подозрѣніе, что *именно этимъ* наивнымъ способомъ и по этимъ недостаточнымъ причинамъ (см. біографію) возникла сама «Исторіи цивилизаціи въ Англіи», еслибы даже и закралось, вытолкнулось-бы невольно при чтеніи этихъ строкъ изъ ума читателя. Бокль, говоря «о прочтеніи нѣсколькихъ и даже многихъ книгъ», какъ о фундаментѣ для написанія новой исторической книги, разумѣлъ конечно приведенныхъ у него въ «Спискѣ» историковъ-повѣствователей, какъ Прескоттъ, Маколей, Тьерри; и уединенность мысли, отсутствіе знакомствъ, отсутствіе вообще всякаго ознакомленія съ внѣшними даже пріемами ученой работы скрало отъ него ту истину, что всѣ эти историки, «повѣствованія» которыхъ такъ «просты», въ дѣйствительности работали надъ огромнымъ и новымъ для науки рукописнымъ матеріаломъ; что они въ архивахъ работали, а не въ читальныхъ залахъ библіотекъ, какъ это онъ наивно предположилъ. Напротивъ, та мысль, которую Бокль выразилъ въ приведенныхъ строкахъ и которая, очевидно, и возбудила въ немъ «зудъ отрастающихъ» литературныхъ «крыльевъ», не принадлежа ему нисколько, могла быть вычитана, и была дѣйствительно имъ прочитана (см. «Списокъ» и подстрочныя примѣчанія, разбросанныя въ текстѣ его книги) частью въ «Курсѣ положительной философіи» Конта, но еще болѣе и уже въ совершенно готовомъ, оформленномъ видѣ—въ «Исторіи индуктивныхъ наукъ» Уэвелля. Въ исторіи европейской науки Контъ первый смѣшалъ, пересталъ различать специфическія начала каждой науки, и, принявъ ему единственно хорошо знакомыя науки (онъ былъ

[1]) Мы просимъ читателя внимательнѣе слѣдить: отсюда начинается «мысль» книги.

инженеръ) — механическія, за типъ всѣхъ наукъ и прототипъ вообще науки, подчинилъ въ своемъ «курсѣ» требованіямъ этого типа задачи всѣхъ остальныхъ наукъ, не имѣющихъ въ структурѣ своей ничего съ механикой общаго. «Планъ» Бокля и былъ мѣстнымъ и временнымъ, минутнымъ и географическимъ повтореніемъ этой ошибки: въ примѣненіи къ исторіи онъ захотѣлъ исполнить требованіе Конта, или, точнѣе, онъ захотѣлъ въ «судьбахъ» и строѣ историческаго человѣчества «индуктивнымъ путемъ» найти нѣкоторые «общіе законы», какіе, по указанію Уэвелля, были своевременно найдены въ астрономіи, статикѣ и динамикѣ, въ химіи и органическихъ наукахъ. И эта попытка или «планъ» Бокля былъ такъ простъ, что литературные его источники могли быть дѣйствительно найдены въ первой попавшейся читальной залѣ посредственной библіотеки, такъ какъ труды Уэвелля и Конта, всегда широко распространенные, въ тѣ именно годы гладко читались и производили обаятельное впечатлѣніе на всѣ средніе и даже рабочіе, но съ «выучкой», классы «населенія», къ которымъ по образованію Бокль и принадлежалъ—заранѣе (см. выше) апеллируя къ ихъ «сужденію» противъ внушавшихъ ему робость собственно ученыхъ, робость «неизвѣстности» и «тайны», коими для него былъ окруженъ ихъ трудъ. Наивное предположеніе, что до него историки читали только въ читальняхъ, и въ гораздо меньшемъ объемѣ, нежели читалъ онъ, равно какъ и торопливое указаніе въ «Спискѣ» «свойствъ и объема матеріала», коимъ «онъ пользовался», съ помѣщеніемъ туда необозримыхъ «патологій»—есть только самозащита, есть жестъ литературной испуганности человѣка, который не можетъ для себя опредѣлить, дѣлаетъ ли онъ великое или невообразимо смѣшное. Но, во всякомъ случаѣ, мы и далѣе понимаемъ тонъ его словъ и родникъ его неопредѣленной раздражительности:

„Установленіе такого узкаго мѣрила повело къ послѣдствіямъ весьма вреднымъ для успѣховъ нашего знанія. Благодаря этому обстоятельству, историки, какъ корпорація, никогда не признавали необходимости такого обширнаго предварительнаго изученія, которое давало бы имъ возможность охватить свой предметъ во всей цѣлости его естественныхъ отношеній. Отсюда странное явленіе, что одинъ историкъ—невѣжда въ политической экономіи, другой не имѣетъ понятія о правѣ, третій ничего не знаетъ о дѣлахъ церковныхъ и перемѣнахъ въ убѣжденіяхъ, четвертый пренебрегаетъ философіей статистики, пятый—естественными науками, между тѣмъ какъ эти предметы имѣютъ самую существенную важность въ томъ отношеніи, что они объемлютъ главныя обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на нравъ и характеръ человѣчества и въ которыхъ проявляются этотъ нравъ и этотъ характеръ. Эти важные предметы, будучи разрабатываемы однимъ однимъ, другой другимъ человѣкомъ, скорѣе разъединялись, чѣмъ соединялись; помощь которую могли бы оказать аналогія и взаимное уясненіе одного предмета другимъ, терялась, и не было видно ни малѣйшаго побужденія сосредоточить всѣ эти предметы въ исторіи, которой, собственно говоря, они составляютъ необходимые элементы“.

Никто при появленіи книги Бокля не зналъ, что онъ не былъ въ университетѣ и просто лишенъ былъ свѣдѣнія, что на историко-филологическихъ факультетахъ читаются всѣ, перечисленныя имъ, науки, кромѣ естественныхъ, и что образованные историки обыкновенно молча сообразуютъ свои работы съ данными тѣхъ наукъ, но выдержками и ссылками на нихъ не загромождаютъ свои книги, ибо это было бы въ нихъ побочно и затрудняло бы читателя, который (если онъ образованъ) для ознакомленія съ финансами или правомъ въ тотъ или иной вѣкъ и беретъ книгу финансовую или юридическую, а не открываетъ въ исторіи юридическую или финансовую главу,—и еще менѣе анатомическую или геологическую главу, какія встрѣчаются у Бокля.

При столь неполномъ,— продолжаетъ онъ нѣсколько далѣе.— знакомствѣ нашемъ съ исторіей, несмотря на такое изобиліе матеріала слѣдуетъ, кажется, желать, чтобы что-нибудь было предпринято въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ предпринималось до сихъ поръ, и чтобы сдѣлано было энергическое усиліе поднять эту великую отрасль изслѣдованія на одинъ уровень съ другими и дать намъ возможность удержать равновѣсіе и гармонію въ нашемъ знаніи. Въ этомъ духѣ и было задумано настоящее сочиненіе. Совершенное выполненіе задуманнаго невозможно, тѣмъ не менѣе я надѣюсь сдѣлать для исторіи человѣка что-нибудь равносильное или по крайней мѣрѣ сходное съ тѣмъ, что было сдѣлано другими изслѣдователями для разныхъ отраслей естественныхъ наукъ [1])...

Здѣсь мы не можемъ не видѣть нѣкоторый просвѣтъ на то, почему онъ такъ много, и по самымъ различнымъ отраслямъ, читалъ книгъ по естествознанію, притомъ бо́льшею частью «руководствъ», «manuels»: онъ просто знакомился съ *устройствомъ* книгъ по естествознанію, о которомъ изъ Уэвелля, да и вообще отъ ученыхъ *не*-гуманистовъ, почерпнулъ предположеніе, что оно одно есть подлинная наука. Онъ въ этихъ книгахъ не міръ учился понимать, къ коему въ его богатствѣ, силѣ и красотѣ остался также тусклъ и безчувственъ, какъ къ живой народной исторіи,—но онъ подсматривалъ въ нихъ, какъ онѣ дѣлятся на главы и отдѣлы, какъ въ нихъ группируется матеріалъ и въ какомъ онѣ «духѣ», а можетъ быть и какимъ слогомъ пишутся. Отсюда понятно, почему большинство значащихся у него, напр., анатомій — 20-лѣтней и 30-лѣтней давности: новизна не имѣла рѣшающаго значенія при этихъ тайныхъ задачахъ чтенія. Теперь посмотримъ, что́ главное нашелъ онъ во всѣхъ этихъ книгахъ и что́ будетъ пытаться, мы предполагаемъ, перенести въ свою:

---

[1]) Слогъ Бокля вообще вездѣ напоминаетъ знаменитый „приступъ“ къ работѣ и новому „историческому созданію“ Бѣлкина, даже больно какъ то назвать—какой эпохи и мѣстности: такъ много иронiи получается отъ сопоставленія съ трудомъ англійскаго мыслителя легкаго и поэтическаго абриса, какой на поученіе вѣкамъ далъ Пушкинъ.

Въ природѣ (т.-е. физической, о которой трактовало большинство имъ читанныхъ книгъ) явленія, повидимому самыя неправильныя и случайныя, были объяснены и подведены подъ извѣстные, неизмѣнные и общіе законы. Это произошло оттого, что люди съ дарованіями и, что важнѣе всего, терпѣливые и неутомимые мыслители изучали физическія явленія съ цѣлью открыть въ нихъ правильность. Если бы было обращено такое же вниманіе и на явленія въ жизни людей, то мы были бы въ полномъ правѣ ожидать подобныхъ же результатовъ; ибо ясно, что тѣ, которые утверждаютъ, будто историческіе факты неспособны къ обобщенію, принимаютъ за рѣшенное дѣло то, что составляетъ еще вопросъ. Они дѣлаютъ еще лучше: они утверждаютъ то, чего не въ силахъ доказать и что, при настоящемъ состояніи знаній, даже въ высшей степени неправдоподобно. Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ тѣмъ, что было сдѣлано въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, долженъ былъ замѣтить, что каждое поколѣніе открывало правильность и возможность предсказанія какихъ-нибудь событій, почитавшихся въ предшествовавшемъ столѣтіи неправильными и непредвидимыми. Итакъ, успѣхи цивилизаціи ведутъ явнымъ образомъ къ подкрѣпленію нашего вѣрованія въ существованіе во всемъ порядка, метода и закона. Изъ этого слѣдуетъ, что если какіе-нибудь факты или разряды фактовъ еще не были подведены подъ правило, то мы далеко не можемъ объявлять ихъ неподходящими подъ правило, а должны скорѣе допустить, руководствуясь предшествующими опытами, что то, что мы называемъ теперь необъяснимымъ, будетъ по всей вѣроятности объяснено современемъ. Это ожиданіе—открыть правильность среди безпорядка—до такой степени сродно людямъ ученымъ, что у замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ оно переходитъ въ вѣрованіе, и если мы не встрѣчаемъ того же вообще у историковъ, то должны приписать это частью ихъ меньшему знанію дѣла, сравнительно съ естествоиспытателями, частью же большею сложностью общественныхъ явленій, составляющихъ предметъ ихъ изученія.

Бокль не подозрѣвалъ, что его попытка изучать людей какъ камни и открыть въ ихъ жизни и дѣятельности законы, аналогичные тѣмъ, какіе управляютъ паденіемъ камней, вытекала именно изъ совершеннаго невѣдѣнія имъ какъ внѣшней природы—съ одной стороны, такъ и людей — съ другой. Но отъ этихъ именно словъ, нами приведенныхъ и которыя чрезвычайно ярко запомнились [1]), пошла легенда о «сложности явленій, составляющихъ предметъ изученія историковъ», что будто бы служило прежде и навсегда останется специфическою трудностью исторіи и главнымъ препятствіемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ препятствіемъ единственнымъ, къ открытію въ ней «законовъ» какъ «единообразій» и «постоянствъ» или какъ «повтореній» одного и того же (типъ астрономіи во второмъ случаѣ, типъ механики — въ первомъ). Между тѣмъ «препятствіе» это, или, точнѣй, обстоятельство, которое дѣлаетъ не только навсегда невозможнымъ, но и вовсе ни для чего ненужнымъ открытіе «законовъ» какъ «единообразій» въ жизни человѣческой, заключается въ *индивидуализмѣ* всѣхъ феноменовъ бытія человѣческаго, текущемъ изъ того, что здѣсь центръ и движитель явленій есть не *предметъ*, то-есть существо *общее*, но *лицо*, то-есть суще-

[1]) Т.-е., собственно говоря, изъ идеи Конта объ относительной сложности науки объ обществѣ („соціологіи“), которая послужила основаніемъ и для приводимыхъ разсужденій Бокля.

ство абсолютно обособленное, своеобразное, своекачественное, единичное въ высочайшей степени. Прочія науки успѣшно находятъ «общій законъ», какъ только въ предметѣ своемъ онѣ отбрасываютъ «частное», что въ то же время непремѣнно есть въ этомъ безличномъ предметѣ «случайное» и «второстепенное»: таковъ цвѣтъ въ рисуемой геометрической фигурѣ, которую мы чертимъ мѣломъ или углемъ; качества артиллерійскаго орудія для свойствъ параболы, которую описываетъ артиллерійскій снарядъ. Стирая частное, мы здѣсь находимъ «общее» или «законъ»: напримѣръ, находимъ «единообразіе» свойствъ параболы, «единообразіе» большихъ и малыхъ круговъ, черныхъ или бѣлыхъ треугольниковъ. Но едва, руководясь этимъ методомъ и слѣдуя указаніямъ Бокля (или Конта) мы тронули бы въ человѣкѣ «частное»—мы уничтожимъ въ немъ главное и вѣчное, откуда все исходитъ, текутъ всѣ темы, всѣ задачи, предлежащія исторіи и историку, тронемъ «двоюродную сестру», «кабинетъ въ два свѣта» и «патологію» у Бокля— и мы ничего въ немъ не поймемъ; передъ нами вообще останется «историкъ Бокль», сливающійся съ «Тьерри», «Гизо», «Маколеемъ»; и эти страницы, которыя я пишу, которыя есть безспорно страницы нѣкоторой исторіи и даже—страницы именно изъ «исторіи цивилизаціи въ Европѣ», потеряютъ самую тему свою, предметъ, какъ и вообще какой либо raison d'etre. Но пойдемъ далѣе въ «обобщеніи»: сотремъ «Бокль», «Гизо», «Маколей» и даже сотремъ вообще «историкъ»; передъ нами останется вообще «ученый», «книжный человѣкъ»: предметъ изученія и размышленій почти исчезъ, мы ничего болѣе не умѣемъ и не найдемъ сказать о немъ; «исторія» собственно исчезла и осталась почти только физіологія, напримѣръ эта «общая» истина, что «всѣ ученые съѣдаютъ въ сутки отъ 3 до 7 фунтовъ твердыхъ и жидкихъ веществъ и около половины ихъ обратно выдѣляютъ въ твердыхъ и жидкихъ экскрементахъ, равно черезъ испарину кожи и въ углеродѣ и парахъ выдыхаемыхъ». Мы видимъ, какъ мало тутъ осталось «исторіи», какъ мучительно возсталъ бы Бокль, если бы даже его печальную и смѣшную судьбу мы свели къ этимъ «единообразіямъ», не находя въ немъ и его трудѣ ничего другого любопытнаго:

„Но не хочу, о, други, умирать;
„Я жить хочу...

— страдать или наслаждаться, сказалъ бы онъ. Да, наслаждаться даже издѣвательствомъ надъ моимъ именемъ; пусть даже это: но только не холодное и не ужасное молчаніе «общихъ законовъ», подъ могилой которыхъ погребенъ *я*, нѣтъ болѣе моего *я*, и никогда, никогда изъ этой ужасной могилы не вырвется мой, пусть истерическій и глупый, но именно ничей еще, а *мой* крикъ, во *мнѣ* родившійся и когда-то *меня* утѣшившій: «книга, моя книга! я

никогда не окончу моей книги!» Такимъ образомъ исторія человѣка въ самомъ предметѣ и существѣ своемъ исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ ней съ требованіемъ или ожиданіемъ «общихъ законовъ»; подобно тому какъ, наоборотъ, естественныя науки въ самомъ существѣ и предметѣ своемъ исчезли-бы, какъ только мы подошли-бы къ нимъ со специфически историческимъ требованіемъ «частнаго» и «индивидуальнаго»: напримѣръ, разсматривая геометрическія фигуры, спрашивали-бы, чѣмъ и на какого состава доскѣ, деревянной или каменной, онѣ начерчены, или относительно физіологіи пищи: изъ чашки или изъ тарелки съѣдаетъ, и кто именно съѣдаетъ, историкъ или естественникъ, свой бульонъ. Какъ ни трудно повѣрить, но изъ только что приведенныхъ выдержекъ видно, что именно эта галиматья, основная въ позитивизмѣ и характерная («индивидуальная») для Конта, но необыкновенно серьезнымъ и торжественнымъ тономъ высказанная, рано потревожила Бокля и пробудила въ немъ «зудъ отростающихъ крыльевъ». Она именно и составила энтелехію, жизнь и душу, «пафосъ» и «поэзію» начатой имъ книги; и мы уже заранѣе предвидимъ, что онъ на всемъ ея протяженіи станетъ усиленно набрасывать покровъ на «лицо» человѣка и съ достаточнымъ «терпѣніемъ и неутомимостью» смотрѣть, переворачивать, описывать и записывать остающіяся ему затѣмъ «пятки», «щиколки» и вообще все безлично-«общее» у человѣка, гдѣ, правда, есть и «открываются» «единообразія» — анатоміи и способовъ ступанія. И это все до окончательной подробности познавъ, «собравъ», онъ будетъ питать надежду, что болѣе, нежели кто-либо до него, понялъ или «приблизился къ пониманію» «главныхъ законовъ исторіи». Та χοιρά въ человѣкѣ, не любопытное, не значущее, о чемъ онъ не болитъ и чѣмъ въ себѣ не дорожитъ, на что никогда и ничье не обращалось вниманіе — сюда-то, къ этому отбросу лица и выбросу исторіи и устремится Бокль, на каждомъ шагу здѣсь находя «новое» для себя и новое, какъ онъ думалъ, и для человѣчества, въ книгахъ котораго онъ ничего такого еще не читалъ. Ибо — намъ хочется объяснить на примѣрѣ центръ и периферію исторіи — вотъ пусть Востокъ, «любимый» Боклемъ Востокъ, однако сѣвернѣе манившей его Аравіи. Предъ нами—евреи: и, сосѣди финикіянъ, они, однако, не торговали. Можно долго, глубокомысленно, съ огромнымъ подборомъ цитатъ, объяснять, «почему они не стали», какъ финикіяне или аѳиняне, «мореплавателями». И, пользуясь богатствомъ представляемыхъ исторіею аналогій, можно вывести нѣсколько «единообразій» о томъ, въ какихъ условіяхъ «климата», «почвы», «состава пищи» и «общаго вида страны» — рубрики, внимательно Боклемъ разсмотрѣнныя, — мореплаваніе не зарождается у народа. Но вѣдь оно не зародилось въ данномъ случаѣ, его нѣтъ,— и всѣ эти «единообразія» не имѣютъ самого предмета объясняемаго, и поэтому

являются нѣкоторымъ non sans въ наукѣ исторіи. Но вотъ въ исторіи ихъ *есть* фактъ: какъ онъ *не* общъ, какъ *индивидуаленъ*— это Рахиль, «красивая станомъ и лицомъ», и «больная глазами» сестра ея Лія:

«И увидѣла Рахиль, что она не рождаетъ дѣтей и сказала Іакову: дай мнѣ дѣтей: а если не такъ—я умираю.

«Онъ-же разгнѣвался на нее и сказалъ: что-же, я Богъ развѣ? Это Онъ не далъ тебѣ плода чрева.

«Тогда Рахиль сказала: вотъ служанка моя, Валла: войди къ ней; и пусть она родитъ въ колѣна мои, чтобы хоть отъ нея я имѣла дѣтей»...

Какъ это индивидуально и исключительно! Частный крикъ, можетъ быть шепотъ въ спальнѣ или ссора у ея порога. Какая цѣна въ этомъ для исторіи? Съ точки зрѣнія считаемыхъ, усчитываемыхъ и собираемыхъ «единообразій»—никакой. Тайна исторіи, ея «святая святыхъ» — въ дѣйствительности. Этотъ шепотъ, неповторимый еще нигдѣ и никогда, а потому, казалось-бы, и никому ненужный, для «науки» же не интересный, проливаетъ огромный объясняющій свѣтъ на характеръ и судьбу народа, въ мѣру того, какъ и самая судьба эта нова и не сливается съ траэкторіями судебъ всѣхъ остальныхъ народовъ. Исторія, и чуткіе среди историковъ, и слушаютъ эти «шепоты» въ мглѣ вѣковъ. Въ нихъ они ловятъ не «общее», κοινόν, но именно обособленное. И вся исторія, чѣмъ болѣе этихъ шепотовъ уловлено, пестрѣе и ярче выдавливается въ узорѣ своемъ, т. е. въ своемъ существѣ и предметѣ, который не только не разгадывался-бы, но и померкъ-бы въ совершенной темнотѣ, какъ только, ища κοινόν, мы стали-бы «сближать» Рахиль съ Навзикаей-гречанкой, съ Лукреціей Римской или съ нашею Анастасіей Романовной; или, руководствуясь методомъ Бокля, начали-бы отыскивать «причины» этого крика и діалога въ «почвѣ», на которой стоялъ шатеръ Іакова, или въ «пищѣ», которою питались сестры: или—и такъ чаще всего поступалъ Бокль—найдя этотъ фактъ мелочнымъ и случайнымъ, сосредоточили-бы вниманіе на той сторонѣ его, которою онъ характеризуетъ «общія условія своего времени», напримѣръ, ту чрезвычайную степень рабства, при которой рабыни обязаны были даже и рожать за своихъ госпожъ. Но мы нѣсколько предупреждаемъ методъ частныхъ объясненій Бокля, между тѣмъ какъ предъ нами лежитъ пока его общее воззрѣніе на предметъ:

Объ эти причины замедлили зарожденіе науки исторіи. Знаменитѣйшіе историки стоятъ очевидно ниже искуснѣйшихъ естествоиспытателей: никто изъ людей, посвящавшихъ себя исторіи, не можетъ быть сравненъ по уму съ Кеплеромъ, Ньютономъ и др. Между тѣмъ, со стороны большей сложности изучаемыхъ явленій, историкъ-философъ встрѣчаетъ трудности гораздо страшнѣе тѣхъ, съ которыми борется естествоиспытатель, потому что, съ одной стороны, въ его наблюденіяхъ болѣе возможны ошибки, происходящія отъ предубѣжденія и страсти, съ другой-же—онъ не располагаетъ великимъ физи-

ческимъ пособіемъ опыта, съ помощью котораго мы часто бываемъ въ состояніи упростить самыя запутанныя задачи въ области внѣшняго міра.

Поэтому не удивительно, что изученіе явленій въ жизни человѣка находится еще въ младенчествѣ, сравнительно съ успѣхами изученія явленій природы. И въ самомъ дѣлѣ, различіе между успѣхами этихъ двухъ изученій такъ велико, что въ естественныхъ наукахъ правильность явленій и возможность предсказанія ихъ [1]) часто признаются несомнѣнными даже въ случаяхъ, еще не подвергавшихся повѣркѣ, между тѣмъ какъ въ исторіи подобная правильность не только не признается впередъ доказанною, но положительнымъ образомъ отвергается. Отсюда происходитъ, что всякій, кто желалъ-бы поднять исторію на одинъ уровень съ другими отраслями знанія, встрѣчаетъ препятствія въ томъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ есть будто бы нѣчто таинственное и предустановленное, что̀ дѣлаетъ ихъ недоступными для нашего изслѣдованія и постоянно будетъ скрывать ихъ будущій ходъ. На это достаточно отвѣтить, что подобное утвержденіе неосновательно; что, по самой сущности своей, оно не можетъ быть доказано [2]) и что, сверхъ того, ему противорѣчитъ тотъ извѣстный фактъ, что повсюду увеличеніе знаній сопровождалось усиленіемъ вѣры въ единообразіе, съ которымъ, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, одни и тѣ же событія слѣдовали одно за другимъ. Но мы вникнемъ поглубже въ это затрудненіе и прямо изслѣдуемъ основаніе обыкновенно высказываемаго мнѣнія, будто исторія должна остаться въ своемъ теперешнемъ эмпирическомъ состояніи и никогда не можетъ быть возведена на степень науки. Мы придемъ, такимъ образомъ, къ одному важному вопросу, лежащему въ основаніи всего этого дѣла, а именно: управляются ли дѣйствія людей, а слѣдовательно и обществъ, неизмѣнными законами, или же они составляютъ результатъ случая или сверхъ-естественнаго вмѣшательства? Обсужденіе этого вопроса можетъ повести къ нѣкоторымъ чрезвычайно любопытнымъ соображеніямъ.

По отношенію къ этому предмету существуютъ два ученія, представляющія повидимому двѣ различныя ступени цивилизаціи. Согласно съ первымъ ученіемъ, каждое событіе есть нѣчто единокое и особенное, и разсматривается какъ результатъ слѣпого случая [3]). Это мнѣніе, самое естественное для невѣжественнаго народа, рано ослабляется расширеніемъ опытности, приносящимъ познаніе того единообразія въ послѣдовательности и совмѣстности явленій, которое постоянно замѣчается въ природѣ. Бродячія племена, нисколько не затронутыя цивилизаціей, живутъ исключительно звѣроловствомъ и рыболовствомъ и потому легко могутъ предположить, что необходимая для нихъ пища доставляется имъ случаемъ, не допускающимъ никакого объясненія [4]).

---

[1]) Формула Конта, данная для науки—savoir pour prévoir, конечно обнимаетъ лишь вѣточки науки; ибо трудно понять, что̀ могъ-бы «prévoir» человѣкъ, занявшійся изученіемъ статуй или законодательства Моисея, и, между тѣмъ, онъ ихъ можетъ «savoir». И т. п.

[2]) Доказуемо же съ точки зрѣнія индивидуализма, какъ сущности исторіи.

[3]) Тутъ есть двѣ неправильности въ передачѣ воззрѣній историковъ: они не *уравниваютъ* всѣхъ событій, не разсказываютъ *все сплошь подъ рядъ, что было*, и слѣдовательно Бокль не могъ сказать: «согласно съ первымъ ученіемъ *каждое* событіе», и т. д. Историки «выбираютъ» — для нихъ есть «нѣкоторыя» событія, важнѣйшія, чѣмъ прочія, и, очевидно, есть въ ихъ воззрѣніяхъ фундаментъ для отличенія этихъ «нѣкоторыхъ» отъ всѣхъ остальныхъ. И этимъ фундаментомъ служитъ то, что выбранное именно не «случайно» — второе ошибочное указаніе Бокля—но многозначительно: какъ шопотъ Рахили и Іакова (что бы, кажется, случайнѣе?) собственно лишь варіируется и во всей остальной еврейской исторіи, есть выявленный крикъ молчаливой думы даже до Маріи Дѣвы съ ея: «се раба Господня—буди Мнѣ по глаголу Твоему».

[4]) Такъ вотъ съ какими «историками» вступаетъ въ полемикум Бокль на

Неправильность добыванія пищи и кажущаяся прихотливость, выражающаяся то въ обиліи, то въ недостаткѣ ея, препятствуетъ этимъ племенамъ предположить что-либо похожее на систему въ дѣйствіяхъ природы; умъ ихъ не можетъ даже представить себѣ существованія тѣхъ важныхъ началъ, которыя управляютъ порядкомъ событій и при знаніи которыхъ мы часто можемъ предсказать будущій ходъ этихъ событій ..

Нужно нѣсколько разъ перечитать эти первыя страницы «Исторіи цивилизаціи въ Англіи», чтобы понять ея духъ, тенденціи и надежды. Все разсужденіе, нами приведенное, движется какъ бы въ пустынѣ, и это есть самая замѣчательная его черта: оно вовсе не задѣваетъ науки исторіи и, очевидно, написано внѣ всякаго вѣдѣнія о ея дѣйствительномъ существованіи (что подтверждаетъ и «Списокъ прочитанныхъ книгъ»). Предъ умомъ автора, вовсе не раскрывавшаго Нибура, Савиньи, Гримма, Винкельмана, очевидно предносились, въ длинной вереницѣ, обильно перечитанныя имъ исторіи-повѣствованія какъ «History of Ferdinand and Isabella» Прескотта; и сравнивая ихъ, сравнивая прекрасную художественную картину, нарисованную рукой американскаго историка, онъ былъ удивленъ и раздраженъ ея великимъ несходствомъ и очевидною безплодностью сравнительно съ «Курсомъ физики», съ многочисленными «Курсами физики», которыя растерянно держалъ въ рукахъ, накупивъ ихъ у букинистовъ. Это удивленіе, эта первоначальная глубокая ἀπορία, плодъ «домашнихъ занятій», но только «домашнихъ», и послужила толчкомъ, послужила источникомъ страстнаго порыва, съ коимъ онъ устремился на «необработанное поле исторіи», — въ оправданіе стариннаго Аристотелевскаго изреченія: «отъ удивленія люди какъ нынѣ, такъ и прежде всегда начинали философствовать». Онъ въ самомъ дѣлѣ представилъ себѣ, что Прескотъ не могъ бы теоретизировать и разсуждать, еслибы даже и захотѣлъ; онъ думалъ—историки въ самомъ дѣлѣ и всѣ не умѣютъ разсуждать,—что предъ физиками и вообще натуралистами, у которыхъ есть «законъ Ома» и «опыты Гримальди», филологи есть только безсловесныя животныя, безсловесныя всякій разъ, какъ, оставляя въ сторонѣ «придворныя сплетни», коими они занимаются,—занимались до сихъ поръ,—переведешь съ ними рѣчь на сухіе и серьезные вопросы знанія. И ему казалось, что если среди этихъ «imbeciles» онъ начнетъ разсуждать, онъ станетъ или по крайней мѣрѣ намекнетъ собой Кеплера и Ньютона исторіи, что онъ и вообще потянетъ за собой науку и, такимъ образомъ, (см. выше) «приведетъ къ нѣкоторому равновѣсію», «возстановитъ до нѣкоторой степени гармонію» въ человѣческихъ знаніяхъ.

Этимъ гипнозомъ, незамѣтно заснувъ имъ съ отрочества, онъ въ силу глубины его и силы загипнотизировалъ всю Европу.

4-й страницѣ «перваго тома моего труда» — «пятнадцатитомнаго Введенія» въ «Исторію цивилизаціи въ Англіи»

V.

Мы ожидаемъ чего-нибудь необыкновенно страннаго и дѣтскаго въ самыхъ, если позволительно такъ выразиться, магистраляхъ мышленія Бокля; въ томъ основномъ планѣ и въ тѣхъ руководящихъ идеяхъ, которыя на протяженіи книги онъ станетъ унизывать необозримыми фактами, вычитанными имъ изъ необозримаго сброда книгъ, безпорядочно скупавшихся у букинистовъ. Въ предыдущей главѣ мы подвели читателя къ коренному его понятію: что такое наука и что такое не наука. Наука—это знаніе «законовъ», это возможность «предвидѣть и предсказывать» явленія; ея необработанное преддверіе есть все, что до этого вѣдѣнія не доразвилось. Самый же законъ есть постоянство явленій, ихъ подмѣченная устойчивость, «единообразіе» въ текущемъ времени. Мысль его труда, великая битва съ «imbeciles historiens» была бы выиграна, если бы имъ, никогда даже не пытавшимся искать эти законы, онъ съ очевидностью математическаго рѣшенія показалъ, что въ фактахъ жизни человѣческой, «какъ они ни сложны», дѣйствительно, *есть* это постоянство и устойчивость. И онъ это доказываетъ.

По всей Европѣ зашумѣли, смущая общества Англіи, Россіи, Франціи, поразительные примѣры «единообразій», которыя онъ дѣйствительно привелъ. Такое явленіе, какъ преступное убійство, все обставленное страстями и случайностью, обусловленное въ самой выполнимости своей совпаденіемъ множества мельчайшихъ и для самого преступника непредвидимыхъ обстоятельствъ,—казалось бы, не представляетъ возможности предвидѣнія для наблюдателя-ученаго и не допускаетъ никакой повторяемости: между тѣмъ цифра убійствъ, по даннымъ статистики, изъ года въ годъ повторяется для каждой страны, слабо варьируя, «съ правильностью движенія морскихъ теченій и смѣны временъ года» (стр. 11). Но вотъ самоубійство, чисто субъективный актъ, куда не можетъ замѣшаться регулирующее законодательство и администрація,—актъ, казалось бы, свободной воли: оказывается, по изслѣдованіямъ, что не только цифра ихъ, но и распредѣленіе по возрастамъ и, наконецъ, по способамъ и орудіямъ совершенія почти постоянны изъ года въ годъ, колеблясь, напр., въ Лондонѣ между 213 и 266. Это постоянство вскрываетъ для насъ «общій законъ; частный же вопросъ о томъ, кто именно совершитъ надъ собою самоубійство, зависитъ отъ дѣйствія болѣе частныхъ законовъ, которые, однако, въ совокупномъ дѣйствіи своемъ, должны подчиниться главному общественному закону, очевидно находясь отъ него въ зависимости» (стр. 12). Наконецъ, Бокль беретъ браки, т. е. актъ, въ которомъ все играетъ страстью и огнемъ, гдѣ все неуловимо и даже, относительно заключительнаго момента, непредугадываемо для самихъ любящихъ,

которыхъ надежды такъ часто разбиваются: та же неумолимая, безстрастная, неподкупная статистика показываетъ, что и ихъ число почти одинаково изъ года въ годъ. Наконецъ, онъ беретъ мелочь, смѣшную въ незначительности своей вещь: число опускаемыхъ въ почтовые ящики писемъ безъ адреса; это—простая забывчивость лицъ, пишущихъ письма, совершенно случайная и въ общемъ рѣдкая: однако, изъ года въ годъ въ Соединенномъ королевствѣ правительственными чиновниками вынимается изъ ящиковъ то же число конвертовъ, на которыхъ адресъ отсутствуетъ.

Приведя эти поразившіе его примѣры, которые онъ всѣ заимствовалъ у Кетле, Бокль разсуждаетъ о параллелограммѣ силъ въ механикѣ—«прекрасной теоріи, по которой силы относятся однѣ къ другимъ, какъ діагонали ихъ параллелограммовъ». «Этотъ великій законъ, столь богатый послѣдствіями», указываетъ онъ, «не возбуждаетъ никакого сомнѣнія у всѣхъ, кто знакомъ съ его основаніями, и однако, всякій разъ, какъ мы наблюдаемъ его дѣйствіе въ практическомъ приложеніи, мы наблюдаемъ въ немъ малыя отступленія, зависящія отъ сопротивленія среды, расположенія атомовъ въ движущемся тѣлѣ и отъ другихъ обстоятельствъ движенія; такъ, но не въ большей степени и не отъ другихъ причинъ, строгіе законы общественныхъ явленій, обнаруженные въ указанныхъ единообразіяхъ, представляютъ нѣкоторыя колебанія между предѣльными величинами, а не повтореніе одной величины изъ года въ годъ, безъ всякой варіаціи»... Коренная мысль его объ аналогіи жизни человѣческой и жизни природы, а слѣдовательно и объ аналогіи исторіи съ науками естественными—доказана. Но какъ? и что именно онъ доказалъ? что такое все приведенное нами разсужденіе?

Никѣмъ, въ цѣлой Европѣ никѣмъ не было замѣчено, что всѣ имъ приведенные факты не суть вовсе законы, а только иллюстраціи давно и всякому извѣстной логической аксіомы: «когда причина A производитъ слѣдствіе a, и A—сохраняется, сохраняется и a». Мнѣ ничего фактически неизвѣстно о Китаѣ, кромѣ того, что онъ обширенъ, люденъ, производитъ чай и что тамъ за проступки бьютъ мандариновъ по пятамъ, какъ и обыкновенныхъ смертныхъ; и хотя новый Кетле не обогатилъ насъ свѣдѣніями о внутренней жизни этой страны,—а, главное: я лично о ней ничего не знаю,—но я знаю тотъ, удивившій бы Бокля, фактъ, что въ 1801 году тамъ было дано столько же,—«почти столько же»,—ударовъ бамбуковою палкой, сколько и въ 1799 году Бьютъ за проступокъ обнаруженный; и если средства обнаруженія остались тѣ же, порочность конечно та же, и статьи закона не измѣнились,—какъ можетъ число даваемыхъ палокъ, плодъ этихъ неизмѣнившихся условій, стать меньше или больше! Зачѣмъ Бокль рылся у Кетле? Если бы онъ открылъ первую страницу логики, или если бы

въ школѣ, преждевременно имъ оставленной, онъ перешелъ въ слѣдующій классъ,—и, не выходя изъ кабинета, онъ могъ бы исписать еще болѣе поразительными примѣрами «единообразій» столько же страницъ, сколько ихъ есть въ его книгѣ. Не удивительно ли: подброшенный кверху камень въ Греціи, но также и «въ Римѣ позднихъ эпохъ развитія», падалъ, «отъ чего бы это ни происходило», опять обратно книзу; и всякій разъ мебель, толкнутая съ достаточною силой, если выходила изъ равновѣсія—въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, а по документамъ «даже въ эпоху Инковъ»,—падала и разбивалась при хрупкости; а если изъ равновѣсія не выходила, возвращалась въ прежнее положеніе. Аналогичны этимъ, и только этимъ примѣрамъ, всѣ, какіе онъ записалъ. Забывчивость въ Англіи, т. е. число людей забывчивыхъ и мѣра ихъ забывчивости, конечно, въ 1846 и въ 1847 году были тѣ же: и то, что течетъ изъ этой причины какъ слѣдствіе—число безъ адреса опущенныхъ писемъ, конечно, течетъ безъ варіацій. Можно было бы, не считая, сказать, что число невѣрно даваемыхъ сдачъ въ мелочныхъ лавочкахъ повторяется въ Англіи, а также впрочемъ и въ Европѣ, одинаково изъ года въ годъ. Это—монотонная сторона исторіи ли, физической ли природы; ея калейдоскопическій моментъ; и міръ былъ бы невозможенъ, невозможно было бы бытіе въ немъ, если бы одна и та же причина, или комплексъ причинъ, произведя сегодня это, производилъ завтра совсѣмъ иное. Но кто съ указанія на это начиналъ науку? и въ любимыхъ имъ книгахъ по естествознанію гдѣ находилъ онъ разсужденія этой степени наивности и простоты?

Между тѣмъ его полумысль, полуоткрытіе, что число самоубійствъ изъ года въ годъ повторяется, и что свободѣ человѣка принадлежитъ лишь выбрать имя того, кто приметъ на себя «исполненіе закона»,—породила на всемъ протяженіи Европы нѣкоторую меланхолію, заставивъ безъ возраженій, безъ ропота отказаться отъ представленій о свободѣ воли. Но свобода именно относится къ имени, къ дню; къ тому, что эта Татьяна, несмотря на тѣснящій ее голодъ, или несмотря на обманъ любимаго человѣка, сегодня какъ вчера и завтра какъ сегодня борется съ мыслью о самоубійствѣ, которое одно ей осталось. Но вотъ, она убилась и «пополнила число», къ удовольствію Кетле и удивленію Бокля: что это значитъ, что новаго дала она намъ?—Да ничего, кромѣ того, что и Сципіонъ Африканскій, еслибъ ему 21 день не давать хлѣба и никакой пищи, умеръ бы совершенно такъ, какъ и его рабъ или моя кухарка, «при тѣхъ же обстоятельствахъ». Неизмѣнны здѣсь, повторяются изъ года въ годъ давящія на человѣка, тѣснящія его грудь условія существованія, повторяется физика его бытія, механика условій и среды; и изъ года въ годъ онъ задыхается въ той же цифрѣ, изъ года въ годъ—борясь, страдая, побѣждаясь. Но какъ побѣжденный, издыхая, въ послѣдній мигъ сопротивленія и сознанія

онъ былъ свободенъ въ 1846 году, такъ останется свободенъ въ 1847 г., останется вѣчно. Въ примѣрахъ, какъ письмо безъ адреса, понужденіе мягко, ласкающе, не грубо: оно состоитъ въ недостаточномъ воспитаніи вниманія, но и мягкое или отрицательное—оно есть; и никто никогда, защищая свободную волю человѣка, не защищалъ тотъ тезисъ, что человѣкъ не уступаетъ никакому понужденію, что онъ вообще и абсолютно отъ всего кромѣ себя независимъ. Сократъ или Кантъ знали, какъ и Бокль, что послѣ 18 часовъ бодрствованія человѣкъ неудержимо засыпаетъ, и что рѣшительно никто, никакой святой или мудрецъ, будь это самый «свободный» стоикъ, не удержался бы отъ сна послѣ 72 часовъ бодрствованія. Евангеліе также говоритъ намъ о свободѣ человѣка; оно говоритъ о его свободѣ черезъ Бога; но и оно разсказываетъ, что Спасителевы ученики спали въ тотъ самый часъ, какъ Учителя брала стража. Не въ этомъ вовсе состоитъ человѣческая свобода, но въ акціи, въ усиліи; не въ побѣдѣ—это есть вопросъ его *силы*, а въ борьбѣ—ибо здѣсь только начинается *свобода*. Что «ежегодно 213 человѣкъ въ Лондонѣ кончаютъ самоубійствомъ»—и значитъ только, что 213 человѣкъ въ Лондонѣ были пересилены обстоятельствами этого, того, третьяго года, постоянными въ каждомъ году; пали какъ гладіаторы, и не оплаканные, на аренѣ цирка. Но каждый, борясь, свободенъ въ «волѣ» своей до издыханія; и не отъ увеличенія «духовной свободы», не отъ факта «свободы воли», а отъ укрѣпленія ихъ мускуловъ при той же совершенно «не свободѣ» или «свободѣ воли» могла бы измѣниться цифра павшихъ: какъ она измѣнялась бы, если бы въ одномъ году бросали на арену дѣтей, и въ другомъ — взрослыхъ, равныхъ однако въ существѣ своей психической природы. Или эта цифра измѣнилась бы, если бы въ этомъ году выпускались на нихъ шакалы, и въ другомъ—медвѣди: т. е. измѣнились-бы качества звѣря, или «окружающихъ обстоятельствъ», равно лежащія внѣ граней человѣческой свободы и снова ничего не затрогивающія въ существѣ ея, не рѣшающія о человѣкѣ никакого вопроса.

Это — относительно метода доказыванія, и еще хуже обстоитъ дѣло относительно предмета доказываемаго. Тема Бокля была не отыскать постоянство «жизненныхъ явленій», но постоянство «и слѣдовательно закономѣрность» явленій именно и только «исторіи». Между тѣмъ—гдѣ она? гдѣ она среди этихъ иллюстрацій, которыя онъ наивно принялъ за «законы»; и пусть даже это будутъ дѣйствительно «законы»,—но чего? Убійствъ въ 1847 году столько же, сколько въ 1846,—но почему это исторія? Гдѣ здѣсь Рахиль, только однажды сказавшая слово, — и оно было такъ замѣчательно, что занесено на страницы вѣчной книги? Исторія есть *новое*, есть *рождающееся*; исторія есть *генезисъ*; ея предметъ есть не фактъ, не событіе, не калейдоскопическая перемѣна,—но варіація, если позво-

лительно такъ выразиться, въ условіяхъ устройства, вращенія, бытія или небытія самого калейдоскопа. Народы воевали, но они всегда воевали и порознь въ этой или той войнѣ еще нѣтъ исторической перемѣны, и слѣдовательно предмета для размышленій историка: есть факты для записи хроникера или «лѣтописца»; но вотъ съ изобрѣтенія пороха народы стали воевать иначе,—и продолжается хроника, но рядомъ съ нею начинается и исторія. Генезисъ въ самомъ генезисѣ, смѣна калейдоскопа стереоскопомъ—вотъ ея настоящій и вмѣстѣ единственный предметъ. Мы сказали, что евреи не были мореплавателями—и это не входитъ въ исторію; но аѳиняне были ими—и это также не входитъ въ исторію, пока они не доплыли до Египта и не вступили и не завязали съ нимъ сношеній: это—не то, что было за годъ раньше, и исторія вписываетъ этотъ *новый* фактъ, изучаетъ его подробности, слѣдитъ за его послѣдствіями—все за *новымъ*, что онъ открываетъ собою въ будничной вереницѣ событій, въ «трудахъ и дняхъ», которые съ этого момента потекутъ нѣсколько иначе, чѣмъ до него. *Нарастающее* въ потокѣ вѣчности «сегодня», *выплеснувшееся* изъ границъ «вчера» и «завтра»—греки уже не похожіе на Востокъ, Римъ отбѣжавшій отъ Греціи въ сторону, Галилея во всемъ имъ обоимъ противоположная и, наконецъ, «дикарь»—Шекспиръ, такъ не похожій ни на Софокла, ни на Плавта,—вотъ таинственный и нигдѣ еще въ природѣ не наблюдаемый циклъ явленій, узоръ фактовъ и, конечно, узелъ законовъ и силъ, который испытуетъ исторія. И замѣнить этотъ таинственный, непостижимый, или очень трудно разгадываемый узоръ счетомъ просчитывающихся въ мелочныхъ лавкахъ кухарокъ, опущенныхъ безъ адреса и даже безъ писемъ конвертовъ, и, наконецъ, убійствъ и самоубійствъ,—значило не только не возвести «бѣдную заброшенную вѣтвь знаній» къ состоянію Кеплеро-Ньютоніанской космографіи, но и просто ничего въ ней не понять, не замѣтить самаго ея предмета.

VI.

Отъ этой фундаментальной магистрали его мышленія побѣжали боковыя линіи: это—знаменитыя, ставшія знаменитыми, его разсужденія «о вліяніи природы на человѣка». Снова вся Европа была удивлена; тщетно опять «imbeciles historiens» увѣряли, что аналогичныя этому разсужденія есть уже у Геродота; что они встрѣчаются у Бодэна, Монтескье; у насъ, — что они есть у С. М. Соловьева; и, я думаю, что есть у всякаго рыбака на берегу Ладожскаго озера, который понимаетъ, почему онъ занимается рыбною ловлей, а не разводитъ мериносовъ. Но и кромѣ того, всѣ эти разсужденія—у Геродота, Монтескье, Соловьева, нашего рыбака—смѣшны и не нужны, всегда невѣрны, и, наконецъ, вовсе не за-

трогиваютъ *исторіи*, варіацій, а только объясняютъ *бытъ*—сегодня, насколько оно *не* всплескивается надъ вчера. Моммзенъ, необъятный ученый и мѣстами геніальный изобразитель судебъ Рима, объясняетъ въ исторіи вѣчнаго города «причины», какъ онъ думаетъ, «начальнаго возвышенія его»; и мы читаемъ у него, что Тибръ былъ не глубокъ и безъ пороговъ, почему плаваніе, «а слѣдовательно и торговля», были возможны, «если бы онъ былъ,—разсуждаетъ знаменитый историкъ,—построенъ около самого устья Тибра,—онъ въ самомъ же началѣ былъ бы разоренъ и разрушенъ морскими пиратами, или, по крайней мѣрѣ, ихъ нападенія задержали бы его развитіе; напротивъ, находясь очень далеко отъ устьевъ,—онъ не зналъ бы моря и не имѣлъ бы всѣхъ выгодъ этого знанія». Историку-физіократу, какимъ на этотъ разъ захотѣлъ стать Моммзенъ, чтобы хоть сколько-нибудь выйти изъ этой дѣтской, а, главное, ненужной ни для чего логики, необходимо было бы указать на что-нибудь такое, что было особеннаго и исключительнаго, единственнаго на землѣ, въ условіяхъ мѣстности, гдѣ возникъ единственный по судьбамъ и значенію городъ; или, напротивъ, хоть доказать, что на протяженіи всего западнаго побережья Аппенинскаго полуострова не было ни одного поселка «не очень близкаго и не очень далекаго отъ устья не глубокой и безъ пороговъ рѣки». Но оставимъ это и перейдемъ къ другимъ народамъ, гдѣ эта спорная сторона исторіи яснѣе. Въ тысячѣ мѣстъ Аравіи могла сложиться судьба Израиля; даже племя семитическое — было тамъ; и не сложилась она нигдѣ, но только въ благословенномъ сѣмени Авраама. Въ первой главѣ евангелиста Матѳея, въ этой для невнимательнаго читателя утомительной главѣ, данъ въ сущности прототипъ исторіи и сложена альфа ея пониманія: «Іосафатъ роди Іорама... Матѳанъ роди Іакова, Іаковъ роди Іосифа, мужа Маріи, изъ дома Давидова, отъ нея же, въ тридцатый годъ правленія кесаря Августа, родился Іисусъ, называемый Христомъ». И только—и больше ничего нѣтъ, а главное—не нужно; или все остальное за этимъ — неизслѣдимо вовсе, не услѣдимо никогда, и мы лишь закрываемъ отъ себя истину, маскируемъ словами честное непониманіе, какое намъ оставлено, когда пытаемся изъ «вида страны», «качествъ почвы», «близости моря» вывести то, что отсюда ясно не выводимо. На плоской равнинѣ Лаціума, въ маленькой Альба-Лонгѣ,—пусть фабула о братьяхъ-близнецахъ достовѣрна,—чередовались reges — пастухи, самыя имена коихъ не занесены ни въ какую хартію, пока... «Нумиторъ роди Рею Сильвію, Рея Сильвія роди Ромула и брата его...»—и «зачалась», таинственно—это во-первыхъ, и неудержимо — это во-вторыхъ, новая вѣтвь исторіи: совершенно новая, ни съ какою изъ предыдущихъ не сходная. Да, лоно матери, а не климатъ и почва, есть точка новыхъ въ исторіи рожденій: отъ этого они такъ живы, неустранимы, и, собственно,

они потому и начинаютъ исторію, нарушая калейдоскопъ, что преодолѣваютъ прежде всего калейдоскопическую сторону «трудовъ и дней», лежащую въ климатѣ и почвѣ. Никогда на землѣ не было двухъ Римовъ; нигдѣ—двухъ Аѳинъ; одинъ— Сіонъ; нигдѣ аналогій, ни въ чемъ—повтореній, при повторяющейся въ сущности «почвѣ», «климатѣ», «общемъ видѣ страны», какъ трудолюбиво записывалъ и, съ надеждой что-то въ этомъ найти, обдумывалъ Бокль. Въ фактѣ, намъ близкомъ и совершенно достовѣрномъ, яснѣе чѣмъ во всѣхъ аналогичныхъ, видно проявленіе этихъ таинственныхъ «зачалъ» исторіи: Мономахъ роди Юрія, Юрій роди Андрея и помре въ Кіевѣ. Андрей же, получа Кіевъ, возненавидѣлъ землю свою, родъ свой и, бѣжавъ съ образомъ Богоматери на сѣверъ, въ холодные лѣса, срубилъ село и дерзко назвалъ его «Боголюбовымъ», т. е. «возлюбленнымъ отъ Бога», и еще болѣе дерзостно повѣрилъ, что отнынѣ изъ него, а не изъ стараго и священнаго Кіева, будетъ расти стволъ нашей исторіи: «и повелѣ, взявъ, разорить Кіевъ». Вотъ фактъ во всѣхъ его чертахъ извѣстный, въ каждой чертѣ своей таинственный. Ясно, что движущій имъ пульсъ исторіи, ея тайна, лежитъ не въ волнахъ моря, которыя плещутся о берегъ, и тогда «возникаетъ мореплаваніе»: онѣ плещутся о Китай—и ничего тамъ не вызываютъ, тогда какъ Петръ, «рожденный отъ Натальи», дотянулся до моря и «зачалъ мореплаваніе». Т. е. тайна лежитъ въ *человѣкѣ*, который глядитъ на море и или пугливо отпрядываетъ отъ него назадъ, или мужественно и съ любопытствомъ въ него бросается; не въ горахъ, но въ *человѣкѣ*, который на нихъ или съ съ нихъ смотритъ: и то, какъ самнитяне, устрояетъ въ нихъ прочный бытъ, устойчивый общественный строй, «священную Весту», то, какъ кавказцы, не устраиваетъ вовсе никакого строя и живетъ полу-разбоемъ, полу-войной; *не* въ почвѣ, которую воздѣлываютъ «братья», и вотъ одинъ изъ нихъ «убиваетъ брата своего»: онъ—Каинъ и имѣетъ свою исторію; другой же «бѣ угоденъ Богу»: онъ Авель и имѣетъ особую для себя исторію.

Но и помимо этого, «страна», «природа», «море», «цвѣтъ неба», «качества земли»—все это есть *постоянный* фактъ, причина постояннаго же *быта*, и, между тѣмъ, историку предлежитъ объяснять *перемѣнное*. Цвѣтъ неба и почва при Ромулѣ и Тиверіи остались тѣ же, а историку нужно объяснить неисчерпаемый рядъ фактовъ, включенныхъ между Ромуломъ и Тиверіемъ; были пунические войны—и никакого вліянія почвы; была борьба патриціевъ и плебеевъ—и опять при чемъ цвѣтъ неба? Власть царская отмѣнена, она раздвоилась въ собратьевъ-консуловъ и сохранилась только въ странномъ учрежденіи interrex'овъ—и опять при чемъ тутъ, что устье Тибра лежало за нѣсколько верстъ отъ Капитолія?

Даже если мы возьмемъ *общій* колоритъ исторіи, повидимому уже объясняющійся изъ общихъ условій мѣстности, мы увидимъ,

что и здѣсь связь объясняющаго и объясняемаго проблематична и даже прямо отсутствуетъ. Не подъ однимъ ли и тѣмъ же «сладострастнымъ куполомъ» неба выросъ «желѣзный» Римъ и Римъ Петрарки, Боккаччіо, Рафаэля, Тиціана? Мы говоримъ объ Италіи XIII—XV вв., объ этомъ скопищѣ несвязанныхъ городовъ, выглядывавшихъ себѣ изъ-за Альпъ, гдѣ среди нѣги и слабости вдругъ задышали чудный рѣзецъ, чудная кисть, чудный стихъ, — послѣ того какъ тысячелѣтіе передвигались тупые легіоны и жаднымъ глазомъ, мускулистою рукой не хотѣли и не умѣли оставить ничего независимымъ отъ себя. Двѣ Италіи—и одно небо: двѣ цивилизаціи—и одинъ полуостровъ; все новое — при вѣчно старыхъ условіяхъ, новое уже въ *общемъ* колоритѣ своемъ. Что будемъ искать мы въ этихъ условіяхъ? Какое скудоуміе понудитъ насъ еще и еще, день за днемъ и годъ за годомъ, перебирать эти условія, это «небо», «почву», «море», «рѣки», «видъ отдаленныхъ горъ», когда они такъ бѣдны, понятны, не многочисленны,—и выросшее среди нихъ такъ таинственно, глубоко, необозримо? «Геній земли», ψυχὴ τῆς γῆς, сказали бы мы, если бы терминологія неоплатониковъ была еще жива; часть «міровой души» есть этотъ темный духъ нашей планеты, и брызги, дыханія его есть этотъ геній Рима, этотъ геній новой Италіи, геній и вообще эпохъ, культуръ, народовъ. Мы дѣлаемъ археологическое припоминаніе, совершенно обратное новѣйшей гипотезѣ, которую разбираемъ, — не для иныхъ цѣлей, однако, какъ чтобы твердо указать, что между этою гипотезой, столь дѣтскою, и болѣе серьезнымъ по конструкціи древнимъ предположеніемъ есть огромная не заполненная пустота, гдѣ любопытство человѣческое никогда не перестанетъ играть блестками воображенія, но никогда они не начнутъ собою науки; войдутъ въ исторію, какъ новый предметъ для ея размышленій, и ничѣмъ ей самой, въ ея задачахъ, не помогутъ. «Іосафатъ роди Іорама», «Рея—Ромула», «Юрій—Андрея»...

VII.

Отъ внѣшнихъ формирующихъ исторію «причинъ». Бокль переходитъ къ внутреннему ея существу и дыханію ея, и, обозрѣвая нескончаемые ряды книгъ, имъ скупленныхъ и разставленныхъ на полкахъ обширнаго, «въ два свѣта», кабинета, задумался: не составляло-ли написаніе этихъ, столь нѣжно любимыхъ имъ, книгъ— главный нервъ исторіи, къ которому, въ такомъ случаѣ, его собственная книга прибавила-бы новое развѣтвленіе, и такимъ образомъ въ поступательномъ движеніи человѣчества составила-бы нѣкоторый, если даже не большой, фазисъ. Это былъ знаменитый— и опять смутившій цѣлую Европу — вопросъ: исторія зависитъ-ли отъ прогресса, т. е. пріобрѣтенія и расширенія человѣческихъ зна-

ній? или она также зависитъ, хотя-бы въ нѣкоторой степени, и отъ совершающихся въ человѣкѣ нравственныхъ перемѣнъ?—и отрицательный отвѣтъ, который онъ далъ на послѣдній вопросъ. Дѣлая сравнительный анализъ «успѣховъ ума» и «успѣховъ нравственности», Бокль совершенно упустилъ изъ виду существованіе *настроеній*—настроеній, обнимающихъ цѣлые циклы исторіи, какъ «реформаціонное», въ теченіе приблизительно двухъ вѣковъ, и «революціонное», въ какомъ уже столѣтіе дышетъ европейская часть человѣчества; настроеніе Брута, или, напротивъ—Антонія; Лукреціи—древне-римской и Лукреціи—папской. Онъ предположилъ, изъ кабинета «въ два свѣта» и не захотѣвъ «посмотрѣть» на Францію, что есть только «нравственность», какъ regula поведенія и тѣснѣе—какъ знаніе, и еще лучше—какъ чтеніе по книгѣ этихъ regula. То, что онъ называлъ «нравственными законами», ничего впрочемъ опредѣленнаго подъ этимъ не разумѣя, онъ неясно и неопредѣленно, но все-таки понималъ, именно какъ видъ знанія и почти какъ видъ нравственной науки, и зная, что Спаситель, Сенека, Моисей и онъ самъ, Бокль, знаютъ все то же въ этой области,—умозаключилъ, что нѣтъ никакой разницы между Спасителемъ, Сенекой, Моисеемъ и имъ, еще только обдумывавшимъ тогда планъ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи». «Не убій»—и они всѣ не убивали; «не укради»—и они не знали за собой этого грѣха: «не прелюбодѣйствуй»—и попытка Бокля влюбиться, кончившаяся дуэлью, вообще еще не могла быть зачтена какъ нарушеніе этой заповѣди. Никакой разницы—на разстояніи четырехъ тысячелѣтій, у людей семитическаго и арійскаго корня, въ Ханаанѣ, Италіи и Великобританіи. Полная неподвижность этого элемента исторіи; совершенная скудость самыхъ правилъ, regulorum, и также скудость изобрѣтательности въ этой сферѣ, которою, очевидно, человѣкъ скучалъ, принимая ее за ненужную и маловажную всякій разъ, какъ только онъ «сколько-нибудь возвышался надъ обыкновеннымъ уровнемъ знаній» [1]). Но вотъ эти «знанія»—истинный предметъ книгъ съ золотистыми корешками, которыя онъ «самъ переплеталъ» и вѣрно между переплетенными съ особенной любовью стояла позднѣе «Ист. цив. въ Англіи»,—какая бездна въ этой сферѣ раздѣляетъ людей! Рыбаки Іисуса говорили на одномъ только еврейскомъ языкѣ, когда чрезъ 19 вѣковъ непрерывнаго прогресса Бокль смогъ начать изученіе 14 языковъ, «по два часа въ день». Сенека зналъ два языка—римскій и греческій: степень культуры промежуточная, но далекая еще отъ средней, между Палестиною

[1]) Вообще, чванство Бокля передъ человѣчествомъ, «не возвышавшимся сколько-нибудь надъ уровнемъ знаній», и менѣе его скупавшимъ по бѣдности книгъ у букинистовъ, есть неумолчная нота его «Цивилизаціи» и едва-ли не одна изъ самыхъ главныхъ причинъ ея успѣха: кроткое человѣчество такъ все и приняло, какъ онъ говорилъ.

временъ Августа и Англіею временъ Викторіи и Бокля. Онъ съ удовольствіемъ оглядывался на бездны книгъ, его окружавшихъ; съ удовлетвореніемъ протекалъ воспоминаніемъ жизнь, проведенную за перерывами только сна—въ непрестанномъ изученіи наукъ. Англія, пріявшая эту удивительную жизнь, взростившая этотъ феноменъ трудолюбія и умственной добропорядочности, есть, правда, кульминаціонная точка историческаго восхожденія: ψυχή τῆς γῆς особенно здѣсь свѣтится; и мы не изумляемся нисколько, что мысль освѣтить судьбы человѣчества съ высоты судебъ своего отечества и, собственно, съ высоты своихъ судебъ и удивительной своей автобіографіи, возникла естественно у Бокля. Онъ не предложилъ никогда себѣ вопроса: почему люди спорятъ, даже выйдя изъ одной школы; почему они не соглашаются, когда стоило-бы, дойдя до ближайшей библіотеки, тамъ открыть книгу и прочесть что-нибудь одно и «общее» о занимающей темѣ; отчего они ссорятся, будучи приблизительно одинаково просвѣщены; отчего одинъ иногда человѣкъ въ разныя фазы своего возраста имѣетъ не ступени все одного убѣжденія, «непрерывно» возрастающаго «по мѣрѣ того, какъ у него накопляются—конечно, вѣдь накопляются-же—знанія»,—но иногда страстно и мучительно отвергаетъ во вторую половину все, чему онъ поклонялся и что страстно любилъ въ первую половину? Онъ не разсмотрѣлъ, никогда почти не выходя изъ кабинета, не замѣшиваясь въ человѣческую толпу, что моральныя различія, что тѣни и полу-тѣни человѣческихъ настроеній не только не блѣднѣе, но онѣ богаче и неисчерпаемѣе всѣхъ различій знанія, всего богатства вмѣстѣ точныхъ наукъ; что здѣсь-то и лежитъ міръ не повторяющагося, безконечнаго въ исторіи, и съ тѣмъ глубоко въ ней личнаго; что тутъ именно питающій и движущій нервъ исторіи фактической, ибо отъ самой малой разницы въ подобныхъ настроеніяхъ текутъ огромныя событія, какъ отъ колебанія въ одномъ и томъ-же настроеніи человѣка, отъ колебанія въ его оттѣнкахъ текутъ вереницы совершенно противоположныхъ его поступковъ. Здѣсь собственно, а не въ прочитанныхъ книгахъ—узелъ «различія въ убѣжденіяхъ», непримиренности и непримиримости въ «мысляхъ», и того наконецъ, что одинъ становится священникомъ, другой—живописцемъ и третій—членомъ парламента; что изъ двухъ живописцевъ кисть одного—натуралистична, а другого—созерцательно-религіозна; а изъ двухъ членовъ парламента одинъ становится тори, и тогда требуетъ однихъ законовъ, а другой—вигъ, и тогда требуетъ законовъ противоположныхъ. По аналогіи съ личною жизнью, если-бы онъ испыталъ ее въ сколько-нибудь богатыхъ формахъ, онъ догадался-бы, что въ историческихъ-же настроеніяхъ—этомъ главномъ родникѣ и книгъ, которыя «пишутся».—скрытъ также и корень волненій, пробѣгающихъ по человѣчеству—судорогъ, которыя сжимаютъ и не устанутъ сжимать

землю. Рѣшая великую проблему о сравнительномъ значеніи «успѣховъ ума» и «успѣховъ» или, точнѣй, «безуспѣшности» нравственности, онъ не предложилъ себѣ самаго простого вопроса: какую-же новую книгу выучилъ Лютеръ, когда началъ реформацію? почему, если онъ не доучилъ какой-то книги, и въ этомъ было все дѣло, ему не подали ея на Вормскомъ сеймѣ, чтобы онъ дочиталъ ее до конца и пересталъ волновать Германію? И, между тѣмъ, вѣдь реформація — историческій фактъ; вѣдь ее историку предлежитъ объяснить; или, если выключить ее, такъ какъ, очевидно, она родилась не изъ «успѣховъ ума»—выключить изъ исторіи «Савла», возрождающагося въ «Павла», и все подобное, и оставить только тихихъ ученыхъ, трудолюбиво пишущихъ книги... то неужели человѣчество признаетъ это *своею* исторіей, исторіей *себя?* Гдѣ-же *оно*, *его* страданія, гнѣвъ, муки?.. Онѣ—опущены; просто онѣ забыты, вынесены за скобку, отнесены куда-то въ подстрочное примѣчаніе къ страницѣ, на которой есть только исторія написанія знаменитыхъ книгъ. Здѣсь передъ нами открываются тѣ бездны ученаго эгоизма, которыя однозначительны съ артистическимъ эгоизмомъ другого маніака, который зажегъ Римъ и въ великолѣпномъ гекзаметрѣ Гомера запѣлъ пѣсню о пожарѣ Трои—въ то самое время, какъ трудящаяся сволочь города завыла на грубомъ нарѣчіи Лаціума, выхватывая изъ огня свои пожитки. Апоѳеозъ сладкопѣвчества и книгопечатанія: тамъ уже въ фактѣ, однако и здѣсь лишь по безсилію—въ умственной концепціи. Царемъ забыто царство, но историкомъ неменьшее—исторія...

VIII.

Еще среди руководящихъ идей «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» остается одна: недовѣріе, граничащее съ презрѣніемъ, ко всякому теоретическому построенію, и увѣренность, что зерно науки есть фактъ. Или какъ пишетъ Бокль, называя вообще всякое разсужденіе видомъ «метафизики» и всякое загребаніе факта руками «точнымъ научнымъ методомъ»:

«Метафизическій методъ, хотя онъ необходимо раздѣляется на двѣ отрасли [1]), въ существѣ своемъ всегда одинъ и тотъ же: онъ заключается въ томъ, что каждый наблюдатель изучаетъ процессъ дѣятельности только собственнаго ума. Это составляетъ прямую противоположность съ историческимъ методомъ, который состоитъ въ наблюденіи дѣйствія множественныхъ умовъ. Сдѣлавши

[1]) Эти таинственныя умолчанія, какъ въ данномъ случаѣ умолчаніе о томъ, о какихъ двухъ отрасляхъ метафизики» онъ говоритъ—характерны во всемъ изложеніи Бокля: онъ собственно постоянно наивенъ, но начиная теоретизировать, онъ усиленно боится показаться наивнымъ, и избѣгая трюизмовъ, сгущая напыщенность—становится непонятенъ.

такое опредѣленіе, мы должны прежде всего замѣтить, что по метафизическому методу никогда не было сдѣлано никакого открытія ни въ какой отрасли наукъ. Все, что мы въ настоящее время знаемъ, приведено въ извѣстность посредствомъ изученія явленій, отъ которыхъ стоитъ только откинуть случайныя помѣхи, и въ остаткѣ, очевидно, получится законъ...» (стр. 61).

Такъ пишетъ этотъ мальчикъ, отрубая отъ фактовъ—«путемъ отстраненія случайныхъ помѣхъ»—«законы» съ такой-же почти легкостью, какъ деревенскіе мальчики отрубаютъ у собакъ хвосты, и даже въ этомъ случаѣ безъ крови и мученій для экспериментируемой природы. Но, великій экспериментаторъ исторіи, онъ почему-то не замѣтилъ смысла фактовъ въ своихъ общихъ историческихъ построеніяхъ: онъ упустилъ изъ вниманія реформацію и революцію, да и вообще всю почти исторію упустилъ: *отчего*, мы спрашиваемъ? Что помѣшало ему ощущая не ощущать, видя не видѣть? Бѣдный homo sapiens, онъ не замѣтилъ, какъ при всѣхъ усиліяхъ убѣжать впередъ своей тѣни, онъ въ дѣйствительности бѣжитъ все въ этой тѣни—въ той тѣни априорій, которая за всѣми нами слѣдуетъ, съ тою лишь разницей, что видя и признавая ихъ—мы ихъ изучаемъ, принимаемъ во вниманіе, вносимъ на основаніи этого изученія поправки въ свои умозаключенія; между тѣмъ какъ онъ, «игнорировавъ» ихъ, имъ довѣрчиво въ сущности отдался и въ утлой ладьѣ своего полнаго и во всемъ невѣжества поплылъ черезъ океанъ темноты окружающій человѣка. Забавный, онъ не замѣтилъ на протяженіи всего труда своего, что это онъ, преимущественно онъ и есть тотъ «метафизикъ», который «изучаетъ процессъ дѣятельности одного собственнаго ума»: ибо какой же еще чудовищный историкъ, погребя себя въ пыль хартій, умозаключилъ бы отсюда, что и «весь прогрессъ человѣчества, насколько онъ уже совершился», заключался именно въ таковомъ погруженіи въ хартіи. Всѣ историки, кромѣ этого исключительнаго метафизика, видѣли войны, слышали лязгъ оружія, знали, что въ одномъ вѣкѣ была готика, а въ другомъ renaissance; но никто, рѣшительно никто, кромѣ этого одного, не смѣшалъ всемірную исторію съ ветхою лачугой букиниста, подъ кровомъ которой онъ сидѣлъ и вечеръ за вечеромъ, уже многіе годы, пока даже состарѣлся, перелистывалъ страницы ветхихъ, вышедшихъ изъ употребленія изданій. Онъ ничего не замѣтилъ: и реформація, какъ революція—весь трепетъ бившихся тогда чувствъ, были для него неосязаемы, неуловимы, внѣ Кондорсэ, написавшаго книгу, и еще внѣ Меланхтона, тоже написавшаго книгу. Міръ «безъ вкуса, запаха и цвѣта»—какъ выражаются химики о многихъ жидкостяхъ: таковымъ сталъ онъ, въ исторической своей части, подъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ изсушающихъ и всемогущихъ, потому что онѣ никогда не были провѣрены, априорій, которыя образовалъ у себя Бокль, и главнѣйшія изъ ко-

торыхъ мы привели и разобрали. Историческія настроенія и аберраціи ума—исключивъ ихъ, мы въ самомъ дѣлѣ получимъ исторію, какъ непрерывный «прогрессъ знаній» и почти какъ «прогрессъ» только написанія книгъ,—тема, т. е. необозримая библіографія, къ которой тайно и безотчетно для себя пробирался Бокль, и для того собственно, чтобы смѣшать «исторію» съ «библіографіей»—построилъ всѣ предварительныя свои гипотезы. «Геній земли» или «міровой духъ» сдѣлалъ здѣсь одну изъ самыхъ лукавыхъ своихъ улыбокъ надъ бѣднымъ человѣкомъ; и чрезъ него—надъ человѣчествомъ.

IX.

Около основныхъ изложенныхъ идей, какъ-бы устроившихъ книгу Бокля, бѣгутъ мелкая, взгляды афористическіе, тѣ благочестивыя «апофегматы», которыя такъ тонко отмѣтилъ Пушкинъ у Карамзина и безъ коихъ не обходится никакая серьезная книга. Читатель вѣрно не знаетъ, почему свадьбы справляются весело; или если думалъ, что зналъ—онъ ошибся:

«И не на однѣ крестины, но также и на свадьбы были распространены подобнаго рода распоряженія шотландскимъ духовенствомъ. Во всѣхъ странахъ искони заведено весело справлять свадьбы, отчасти по естественному чувству радости, отчасти же можетъ быть вслѣдствіе невольнаго размышленія, что при союзѣ, столь часто сопровождаемомъ одними страданіями, желательно, чтобы хоть начало было радостно (стр. 531).

И вообще, Бокль думаетъ, что не одни богословы, но и философы, какъ-бы взаимно согласившись, стали преднамѣренно на порогѣ человѣческаго счастья и этимъ въ значительной степени объясняются придуманныя и придумываемыя ими системы:

«Но если философамъ и не удалось отнять у человѣчества часть его радостей, то есть за то другой классъ людей, который принялся за ту же задачу съ большимъ успѣхомъ. Я разумѣю конечно теологовъ. Взятые въ цѣломъ, какъ сословіе, они во всѣхъ странахъ и во всѣ времена обдуманно ратовали противъ такихъ удовольствій, которыя для огромнаго большинства людей составляютъ существенное условіе счастья. Поставивъ Бога собственнаго своего изобрѣтенія, котораго они представляютъ любящимъ только наказаніе, жертвы и самоумерщвленія, они подъ этимъ предлогомъ запрещаютъ наслажденія не только невинныя, но даже похвальныя». (Стр. 535).

Если въ новой цивилизаціи такова тенденція и происхожденіе религіозной догмы, то въ древности она объясняется проще—отсутствіемъ самой цивилизаціи:

«Подобно всѣмъ другимъ варварамъ, евреи жаждали религіи, которая бы питала ихъ легковѣріе безпрестанными чудесами, которая, вмѣсто отвлеченнаго возведенія Божества къ одной сущности, умножала бы ихъ боговъ до того, чтобы ими были покрыты всѣ поля и переполнены лѣса. Это и есть идолопоклонство, естественный плодъ невѣжества; вотъ къ чему евреи безпрестанно возвращались. Не смотря на самыя строгія и безпощадныя наказанія,

они, при всякомъ удобномъ случаѣ, оставляли чистый теизмъ, для воспріятія котораго умы ихъ были слишкомъ незрѣлы, и впадали въ суевѣріе, болѣе доступное ихъ пониманію,—поклонялись золотому тельцу и обожали мѣднаго змія. Теперь, въ настоящемъ вѣкѣ, они давно ужъ перестали все это дѣлать. А почему? Не потому, чтобы легче возбуждалось въ нихъ религіозное чувство или чаще дѣйствовалъ на нихъ религіозный страхъ. Напротивъ того, они отторгнуты отъ прежней обстановки, они навсегда потеряли изъ виду тѣ сцены, которыя легко могли потрясать умы людей. Не существуютъ уже для нихъ причины, возбуждавшія въ сердцахъ—одинъ ужасъ, другія—благодарность. Не является имъ болѣе облако днемъ и огненный столбъ ночью; не видятъ они болѣе, какъ дается завѣтъ съ высоты Синая, и не слышатъ раскатовъ грома, раздающихся съ Хорива. Въ виду этихъ великихъ явленій, они оставались идолопоклонниками въ душѣ, и при всякой возможности становились идолопоклонниками на дѣлѣ: и поступали они такъ потому, что находились въ состояніи варварства, котораго естественный продуктъ—идолопоклонство. (Стр. 107).

Вообще сфера религіозныхъ объясненій есть любимая сфера Бокля, и здѣсь онъ,—выражаясь словами его русскаго панегириста,—«даетъ истинную битву тайнамъ исторіи»:

«Первое, что должно поразить насъ, это то обстоятельство, что кальвинизмъ есть ученіе для бѣднаго, а арминіанизмъ—для богатаго. Ученіе, настаивающее на необходимости одной вѣры, должно обходиться дешевле, чѣмъ то, которое настаиваетъ на необходимости дѣлъ. Въ первомъ случаѣ грѣшникъ ищетъ спасенія въ силѣ своей вѣры: въ послѣднемъ—онъ ищетъ его въ изобиліи своихъ приношеній. А какъ эти приношенія, вездѣ гдѣ духовенство имѣетъ много власти, всегда получаютъ одно и то же назначеніе, то мы видимъ, что въ странахъ, благопріятствующихъ арминіанскому ученію о дѣлахъ, духовенство получаетъ большую плату и церкви богаче украшаются, чѣмъ тамъ, гдѣ одержалъ верхъ кальвинизмъ. Дѣйствительно, даже при самомъ простомъ вычисленіи становится очевиднымъ, что религія сосредоточивающая нашу благотворительность на насъ самихъ, дешевле той, которая направляетъ ее на другихъ».

«Вотъ первое важное практическое различіе двухъ вѣрованій,—различіе, которое можетъ быть провѣрено всякимъ, кто знакомъ съ исторіей христіанскихъ народовъ, или даже кто путешествовалъ въ странахъ, гдѣ есть послѣдователи различныхъ исповѣданій. Должно также замѣтить, что римская церковь, богослуженіе которой преимущественно обращается къ чувствамъ и которая любитъ великолѣпные соборы и пышныя церемоніи, всегда выказывала гораздо болѣе ожесточенія противъ кальвинистовъ, чѣмъ противъ какой либо другой протестантской секты».

Иногда отъ этихъ философскихъ обобщеній его изложеніе переходитъ къ тонкой ироніи:

Въ 1682 году одна женщина осмѣлилась разбранить знаменитаго проповѣдника Педена, который справедливо былъ признаваемъ за одно изъ свѣтилъ шотландской церкви. «Удивляюсь—сказалъ этотъ достойный мужъ—тому, какъ у васъ языкъ не заболитъ отъ такого количества пустой болтовни». Она съ негодованіемъ отвѣчала, что у нея никогда не болѣлъ ни языкъ, ни ротъ. Тогда онъ сказалъ, что скоро будутъ болѣть, и вслѣдствіе этихъ словъ языкъ и десна распухли у нея до такой степени, что впродолженіи нѣсколькихъ дней она была не въ состояніи принимать свою обыкновенную пищу». (Стр. 518).

То, что мы называемъ въ исторіи нравственною стороною, онъ не только не цѣнитъ, но испытываетъ къ этому родъ ужаса... мы

вынуждены сказать: родъ нравственнаго ужаса, такъ какъ во всякомъ случаѣ это не есть страхъ умственный или вообще теоретическій:

„Умственное начало не только гораздо прогрессивнѣе нравственнаго, но и дастъ болѣе прочные результаты. Во всякой цивилизованной странѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя умомъ, тщательно сохраняются, выраженныя въ извѣстныхъ общественныхъ формулахъ и огражденныя употребленіемъ техническаго, научнаго языка. Они удобно передаются отъ одного поколѣнія къ другому и принимаютъ такую доступную, такъ сказать осязательную форму, что часто имѣютъ вліяніе на самое отдаленное потомство. Они становятся наслѣдственнымъ богатствомъ человѣчества, какъ безсмертное завѣщаніе тѣхъ великихъ умовъ, которымъ они обязаны своимъ бытіемъ Добрыя же дѣла, совершаемыя подъ вліяніемъ нашихъ нравственныхъ побужденій, несравненно менѣе подлежатъ такой передачѣ; они имѣютъ болѣе частный, скрытый характеръ. Такъ какъ побужденія, изъ которыхъ они вытекаютъ, составляютъ обыкновенно результатъ самоотверженія и самообладанія, то, каждый долженъ самъ совершать ихъ; каждый начинаетъ эти дѣла съ начала, и потому они весьма мало выигрываютъ отъ предшествовавшаго опыта, и не легко могутъ быть сохраняемы для руководства будущихъ моралистовъ“.

Повидимому, какъ и безсмертный Пикквикъ, Бокль посѣщалъ иногда филантропическія учрежденія, но, болѣе проницательный, чѣмъ президентъ знаменитаго клуба, вывелъ изъ осмотра этихъ заведеній болѣе прискорбныя умозаключенія, и развилъ ихъ въ книгѣ своей какъ особую и многозначительную главу. Онъ продолжаетъ, о томъ-же предметѣ:

„Чѣмъ глубже будемъ мы вникать въ этотъ вопросъ, тѣмъ явственнѣе представится намъ преимущество умственнаго развитія передъ нравственными чувствами. Нельзя привести ни одного примѣра, чтобы неразвитый человѣкъ, имѣя добрыя намѣренія и неограниченную власть для приведенія ихъ въ дѣйствіе не сдѣлалъ гораздо болѣе зла, чѣмъ добра. И каждый разъ, когда намѣренія такого человѣка бывали особенно искренни и власть особенно обширна, проя исходило громадное зло. Но если бы ослабить его добрую волю, если бы исказить его побужденія нечистой примѣсью, то уменьшилось бы и дѣлаемое имъ зло. Если такой человѣкъ столько же эгоистъ, сколько и невѣжда, то часто бываетъ возможно поставить его порокъ въ противодѣйствіе его невѣжеству и ограничить производимое имъ зло, возбудивъ въ немъ страхъ. Если же онъ безстрашенъ и совершенно чуждъ эгоизма, если единственная цѣль его есть благо ближнихъ, если онъ преслѣдуетъ эту цѣль съ увлеченіемъ, съ обширными планами и съ совершенно безкорыстнымъ усердіемъ, тогда уже нѣтъ никакой возможности обуздать его и предупредить тѣ бѣдствія, которыя долженъ неизбѣжно причинить невѣжда въ вѣкъ невѣжества“ (стр. 71).

И, наконецъ, вотъ примѣръ конкретнаго пониманія имъ народовъ, странъ, эпохъ: дѣло идетъ о нашемъ отечествѣ, и на образцѣ пониманія его мы можемъ предугадать степень точности его представленій объ Аравіи, Мексикѣ, Египтѣ, и вообще странахъ, болѣе удаленныхъ отъ Англіи, чѣмъ Россія:

„По мѣрѣ того какъ цивилизація подвигается впередъ,—устанавливается равновѣсіе; воинственные порывы нейтрализуются такими побужденіями, которыя свойственны только образованному народу. Но въ народѣ, чуждомъ ум-

ственнаго развитія, такого равновѣсія существовать не можетъ. На это мы находимъ прекрасный примѣръ въ исторіи Севастопольской кампаніи. Особенность великой борьбы, въ которую мы вступили (книга Бокля писалась во время крымской войны), заключается въ томъ, что она вызвана не столкновеніемъ интересовъ цивилизованныхъ странъ, но столкновеніемъ между двумя наименѣе образованными государствами въ Европѣ (т.-е. Россіи и Турціи). Это фактъ весьма замѣчательный. Настоящее состояніе общества превосходно характеризуется тѣмъ, что безпримѣрно продолжительный миръ нарушенъ не такъ, какъ нарушался миръ въ прежнее время, т.-е. не распрей между двумя цивилизованными народами, а взаимными притязаніями двухъ наименѣе цивилизованныхъ націй. Въ прежнее время вліяніе привычки къ умственнымъ и слѣдовательно мирнымъ занятіямъ хотя увеличивалось мало по малу, но все еще было слишкомъ слабо, даже въ самыхъ передовыхъ націяхъ, чтобы взять верхъ надъ прежними воинственными привычками; отъ этого происходило стремленіе къ завоеваніямъ, которое часто перевѣшивало всѣ другія чувства и побуждало великія націи — такія, какъ французская и англійская — нападать другъ на друга подъ самыми ничтожными предлогами и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для удовлетворенія мстительной ненависти, съ которой каждая изъ нихъ смотрѣла на благосостояніе своей сосѣдки. Между тѣмъ въ настоящее время ходъ дѣлъ таковъ, что объ націи (дѣло идетъ объ Англіи и Франціи, согласно напавшихъ, съ Турціей, на Россію), отложивъ злобную и раздражительную зависть, которую онѣ нѣкогда питали другъ къ другу, соединились въ общемъ дѣлѣ и обнажили мечъ, не для своекорыстныхъ цѣлей, а для защиты образованнаго міра (но, вѣль, для защиты собственно Турціи?) отъ нападеній невѣжественныхъ враговъ (т.-е. Россіи).

«Такова главная черта, отличающая эту войну отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Что миръ продолжался втеченіи почти сорока лѣтъ и наконецъ нарушенъ не столкновеніями между образованными націями, какъ это бывало прежде, а властолюбіемъ единственнаго могущественнаго и въ то-же время мало образованнаго государства. — это составляетъ одно изъ многихъ доказательствъ того, что отвращеніе къ войнѣ есть признакъ утонченности, свойственной только умственно-развитому народу. Конечно, никто не станетъ утверждать, что воинственное развитіе Россіи происходитъ отъ низкаго уровня нравственности или отъ пренебреженія къ религіознымъ обязанностямъ; напротивъ того, всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ, доказываютъ, что порочный образъ жизни въ Россіи встрѣчается не чаще, чѣмъ во Франціи и въ Англіи, и то достовѣрно, что русскіе слѣдуютъ наставленіямъ церкви съ большей покорностью, чѣмъ ихъ образованные противники. Ясно, стало-быть, что Россія — страна воинственная не потому, чтобы жители ея были безнравственны, но потому, что они мало развиты. Недостатокъ заключается не въ сердцѣ, а въ головѣ. Такъ какъ умственныя способности русскаго народа мало развиты, то на него мало имѣютъ вліянія люди, занимающіеся умственнымъ трудомъ, и потому въ немъ безусловно преобладаетъ классъ военный. Въ такой ранній періодъ развитія общества еще нѣтъ средняго класса и слѣдовательно нѣтъ и того мирнаго, осмысленнаго склада жизни, который вырабатывается въ среднихъ классахъ. Умы людей, лишенныхъ умственной дѣятельности, естественно обращаются къ военному поприщу, какъ единственному для нихъ исходу» (стр. 77).

И вотъ главный мотивъ, по которому императоръ Николай объявилъ войну Турціи, Турція эту войну приняла; и двѣ націи, англійская и французская, возмущенныя варварствомъ этихъ воюющихъ народовъ, бросились на нихъ, т. е. бросились на одну изъ нихъ, случайно выбравъ для этого Россію; случайно, но, можетъ быть—о чемъ Бокль не догадывался—еще и изъ отвращенія къ

ея набожности—набожности при всѣхъ средствахъ просвѣщенія, которыми внѣшнимъ образомъ она обладаетъ и коихъ нѣтъ, у болѣе невинныхъ поэтому, османлисовъ.

X.

То, что намъ остается еще изслѣдовать въ книгѣ Бокля, это—ея фактура, ея составъ; т. е. уже не руководящія идеи, но распредѣленіе научнаго матерьяла подъ этими идеями—тѣхъ разнообразныхъ и, конечно, обильныхъ свѣдѣній, какія онъ почерпалъ изъ покупаемыхъ имъ обильно у букинистовъ книгъ. Мы читаемъ, не безъ удивленія, не безъ досады, но и не безъ наученія:

«Желѣза, существующая у наибольшаго числа разныхъ породъ животныхъ, есть печень, и главное назначеніе ея состоитъ въ освобожденіи организма отъ избытка углерода, что она и исполняетъ, отдѣляя желчь—жидкость, весьма богатую углеродомъ. Но между этимъ процессомъ и процессомъ дыханія существуетъ весьма любопытная связь. Бросивъ общій взглядъ на все царство животныхъ, мы найдемъ, что почти всегда печень и легкія взаимно восполняются, то есть, когда одинъ изъ этихъ органовъ малъ и недѣятеленъ, то другой—великъ и силенъ. Такъ у пресмыкающихся слабыя легкія, но значительная печень; также у рыбъ, которыя вовсе не имѣютъ легкихъ, въ обыкновенномъ значеніи этого слова, печень бываетъ не рѣдко огромнаго размѣра. Съ другой стороны, насѣкомыя имѣютъ обширную и весьма сложную систему дыхательныхъ трубокъ, но печень у нихъ очень мала, и отправленія ея обыкновенно слабы. Если мы, вмѣсто того, чтобы сравнивать различныя породы животныхъ, будемъ сравнивать различныя состоянія, чрезъ которыя проходитъ одно и то-же животное, то мы найдемъ еще дальнѣйшее подкрѣпленіе этого общаго и разительно вѣрнаго положенія. Выведенный нами законъ вѣренъ даже и до рожденія,—такъ какъ у ребенка, находящагося въ утробѣ, легкія не имѣютъ почти никакой дѣятельности, но у него есть огромная печень, полная силъ и изливающая желчь въ изобиліи. И отношеніе это такъ неизмѣнно, что въ человѣкѣ печень образуется раньше всѣхъ другихъ органовъ; она преобладаетъ во все время нахожденія младенца въ утробѣ, но быстро уменьшается, когда послѣ рожденія легкія приходятъ въ дѣйствіе и во всемъ организмѣ установляется другая система восполненія» (стр. 23).

Читая этотъ отрывокъ изъ элементарной физіологіи на первыхъ-же страницахъ собственно еще не начавшагося «историческаго изслѣдованія», мы не можемъ себѣ объяснить его появленіе здѣсь иначе, какъ предположивъ, что «изслѣдованіе» это есть вовсе не изслѣдованіе и «историческое» въ немъ не содержитъ ничего историческаго. Ясно, во всякомъ случаѣ, что изложеніе соотношенія между легкими и печенью не могло войти звеномъ въ ходъ мысли, устанавливающей законы исторіи; что связь здѣсь не съ мыслью, но съ именемъ «печени» или «легкихъ», упомянутыхъ въ изложеніи мысли, имѣющей другой предметъ; но вотъ—предметъ этотъ забытъ, пусть на минуту, и послѣ имени начинается изложеніе всего любопытнаго, или самого любопытнаго, что о немъ зналъ авторъ, какъ-бы работающій надъ энциклопедическимъ словаремъ, но только не въ алфавитномъ его порядкѣ. У насъ обра-

зуется странное подозрѣніе, для книги—подозрѣніе страшное, что авторъ вовсе не думаетъ, о чемъ онъ пишетъ, не знаетъ и просто даже не назвалъ для себя темы книги, главы, отдѣла; или, назвавъ и надписавъ въ заголовкѣ—сейчасъ-же забылъ о немъ. Обширное мѣсто въ книгѣ занялъ эпизодъ изъ жизни англійскаго государственнаго дѣятеля Эдм. Борка; но жизнь его вовсе не излагается въ ходѣ книги: Боркъ и его отношенія къ королю Георгу III—только характеризующая черта ничтожества этого царствованія (Георгъ не оцѣнилъ замѣчательныхъ дарованій Борка); однако, отвертывая нѣсколько страницъ назадъ, мы видимъ съ удивленіемъ, что и царствованіе Георга вовсе не начиналось въ изложеніи, и оно попало въ него и заняло страницы 178—194 такъ-же случайно и непредвидимо для читателя, какъ печень заняла страницы 23—24. Изъ мелькающихъ цитатъ, которыхъ мы привели много въ предшествующей главѣ, читатель видѣлъ, какъ перемѣшиваются въ нихъ предметы, очевидно не связуемые никакимъ воображаемымъ порядкомъ или системой. Методъ философствованія Бокля, методъ этого универсальнаго философствованія уподобляется тому, какъ если-бы составитель ариѳметическаго задачника, одушевляемый любовью къ наукѣ или заботой объ образованіи ученика, задавая для рѣшенія:

«Купецъ купилъ 3 четв. и 5 гарнцевъ ржи»...

—прерывалъ-бы этотъ нами написанный, но у него недописанный текстъ на словѣ «купецъ» и объяснялъ-бы подробно: что купецъ—это членъ сословія, и какія бываютъ еще сословія; что первыми купцами были финикіяне, и какъ шло движеніе всемірной торговли; а продолжая затѣмъ мирно текстъ задачи до встрѣчи новаго слова «рожь»—объяснялъ-бы, что это злакъ, растеніе односемянодольное, по интересной классификаціи Линнея, скромнаго ученаго, который въ XVIII вѣкѣ прославилъ свою не богатую и не могущественную, но благородную родину, такъ много сдѣлавшую въ эпоху религіозной борьбы для умственнаго освобожденія человѣчества. Рожь-же растетъ къ сѣверу до 63° широты и южнѣе, на протяженіи всего умѣренно-холоднаго пояса. И уже тогда, когда отдѣлы ботаники, географіи, а въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ—фортификаціи и дипломатики были-бы пространно изложены ученику, авторъ ариѳметическаго задачника сказалъ-бы...

Но Бокль умеръ, такъ и не сказавъ въ чемъ дѣло; составителю-же ариѳметическаго задачника, если-бы ему Богъ послалъ болѣе долгій срокъ жизни, въ третьемъ томѣ своей универсально-всеобъемлющей «книги» сказалъ бы, что прилежному ученику, который тоже къ тому времени постарѣлъ-бы, слѣдуетъ раздѣлить три четверика и 5 гарнцевъ на отвлеченное число 7. Вотъ «методъ», и онъ—методъ Бокля. Отсюда «печень» съ 23-й страницы и «Боркъ»—нѣсколько далѣе; чуть-чуть въ сторонѣ—«Биша» и изложеніе его

«замѣчательныхъ физіологическихъ изслѣдованій» перерѣзываетъ нить разсужденій о Ришилье. Все это – въ первомъ изъ 15 томовъ «Введенія въ исторію цивилизаціи въ Англіи...» Если, наконецъ, мы разсмотримъ распорядокъ самыхъ главъ, т. е. сцѣпленіе частей всего организма книги, мы увидимъ тотъ-же методъ «гарнцевъ» и «финикіянъ», не образующій вовсе никакого организма, какъ напр. въ *первомъ* томѣ:

Гл. I. Доказательство правильности въ человѣческихъ дѣйствіяхъ.—Этими дѣйствіями управляютъ духовные и физическіе законы.—Вотъ почему исторія не можетъ существовать безъ естественныхъ наукъ.

Гл II. Вліяніе физическихъ законовъ на организацію общества и характеръ отдѣльныхъ лицъ.

Гл. III. Разборъ метода, употребляемаго метафизиками для открытія законовъ духа.

Гл. IV. Законы духа человѣческаго раздѣляются на нравственные и умственные; сравненіе ихъ.

Гл. V О вліяніи религіи, литературы и правительства.

Гл. VI. Начало исторіи и состояніе исторической литературы въ средніе вѣка.

Гл. VII. Очеркъ исторіи умственнаго движенія въ Англіи съ XVI до конца XVIII столѣтія.

Гл. VIII. Очеркъ исторіи умственнаго движенія во Франціи съ половины XVI вѣка до вступленія на престолъ Людовика XIV.

Гл. IX. Исторія духа покровительства и сравненіе проявленій его во Франціи и въ Англіи.

Гл. X. Сила, которою обладалъ духъ покровительства во Франціи, служитъ объясненіемъ неуспѣха Фронды. Сравненіе Фронды съ современнымъ ей англійскимъ возстаніемъ.

Гл. XI. Духъ покровительства, перенесенный Людовикомъ XIV въ литературу. Обзоръ послѣдствій этого союза умственно-трудящагося сословія съ правительствующимъ.

Гл. XII. Смерть Людовика XIV. Реакція противъ духа покровительства и подготовленіе французской революціи.

Гл. XIII. Состояніе исторической литературы во Франціи съ конца XVI до конца XVIII столѣтія.

Гл. XIV. Ближайшія причины французской революціи, начиная съ половины XVIII столѣтія.

Какъ читатель видитъ, здѣсь вовсе нѣтъ «Введенія въ исторію цивилизаціи Англіи», нѣтъ ничего почти даже объ Англіи, хотя сюда именно включены «Боркъ» и «печенка». Рядъ главъ этихъ есть хрестоматія этюдовъ на темы, источникъ которыхъ мы поймемъ, припомнивъ, какъ, скучая различать Моцарта и Бетховена, авторъ ихъ ежедневно прочитывалъ утреннія газеты Англіи, и не бросалъ ихъ, но внимательно складывалъ въ сторонѣ: главы и от-

дѣлы его книги суть философско-историческія оправданія повсюду ему попадавшихся и намъ попадающихся повсюду въ газетахъ мыслей, какъ напр.: что «меценатство вредно въ литературѣ, и лучше—ея нравственная независимость» (главы IX, X и XI); что «дворы королей часто бываютъ переполнены интригами» (глава VII), и что «короли не всегда бываютъ хорошіе люди»; что «они часто не бываютъ проницательны»; что «не бываютъ проницательны и вельможи»; но «что ученые бываютъ проницательны и вообще это есть лучшій родъ людей». Мы говоримъ о темахъ главъ, т. е. идеяхъ, не входящихъ въ тѣ магистрали мышленія, которыя разобраны выше. Томъ второй, къ удивленію, переходитъ въ исторію Шотландіи, со вставочнымъ этюдомъ объ Испаніи. Это такъ странно, что читатель можетъ не повѣрить.

Гл. I. Очеркъ исторіи умственнаго движенія въ Испаніи съ V-го до половины XIX-го столѣтія.

Гл. II. Состояніе Шотландіи до конца XIV столѣтія.—Глава III. Состояніе Шотландіи въ XV и XVI вв. — Глава IV. Состояніе Шотландіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Гл. V. Изслѣдованіе умственнаго движенія въ Шотландіи въ теченіе XVII столѣтія.—Гл. VI. Изслѣдованіе умственнаго движенія въ Шотландіи въ теченіе XVIII столѣтія.

На этомъ Бокль умеръ: далѣе слѣдуетъ (т. е. въ оглавленіи) «Подробный указатель содержанія» и «Списокъ источниковъ къ 1-му и 2-му тому», изъ коего мы и узнаемъ, что такъ подробно изложивъ исторію Шотландіи, бурлившую религіозными и политическими смутами, онъ вовсе не зналъ или по крайней мѣрѣ не прочелъ (не попалось у букинистовъ) то, что о нихъ написалъ, т. е. что думалъ и что зналъ просвѣщенный Гизо. Казалось-бы, это больше относилось къ предмету книгу, чѣмъ «Simon (J). Lectures on Pathology. London 1850» и «Owen (R). Lectures on the Comparative Anatomy and Physiology of the Invertebrate Animals. 2 ed. Lond. 1855» — откуда онъ и почерпнулъ разсказанныя имъ свѣдѣнія о печени. Но, если бы у читателя сохранилось еще подозрѣніе, что, не содержа мысли въ цѣломъ, книга можетъ быть имѣетъ правильное теченіе мысли въ отдѣльныхъ главахъ, какъ не связанныхъ между собою этюдахъ, то вотъ подробный перечень содержанія на удачу выбранной главы, откуда видно, что мысль автора дѣйствительно движется не къ доказательству, не къ темѣ, но исходитъ отъ имени, собственнаго или нарицательнаго, и его объясняетъ (методъ энциклопедическаго словаря):

«Различіе между достовѣрностью и точностью.—Мыслящая часть Франціи стала нападать на правительство около 1750 года.—Начинаются изслѣдованія по части политической экономіи. — Вліяніе Руссо...[1]).—Кальвинизмъ имѣетъ

[1]) Тамъ, гдѣ мы ставимъ многоточіе, мы выпускаемъ части перечня, имѣющія отношеніе къ темѣ главы («Причины французской революціи»), оставляя тѣ только части, которыя очевидно къ этой темѣ не имѣютъ отношенія и объясняютъ слова.

демократическій характеръ, а аріанізмъ—аристократическій характеръ...—Послѣдствія этого (умственнаго движенія Франціи) для наукъ о теплотѣ, свѣтѣ и электричествѣ.—А также для химіи и геологіи... — Воззрѣнія Биша относительно тканей.—Связь между этими воззрѣніями и послѣдующими открытіями.—Отношеніе между изобрѣтеніями, открытіями и методомъ; огромная важность метода Биша.—Сочиненія Биша о жизни. — Великія и удачныя попытки, сдѣланныя французами въ ботаникѣ.—Заслуги Де-Лиля и Гаюи по части минералогіи.—Аналогія между воззрѣніями Гаюи и сочиненіемъ Пинэля о сумасшествіи.—Всѣ эти громадные результаты входили въ число причинъ французской революціи»...

И, дѣйствительно, этотъ удивительный перечень содержанія помѣщенъ въ XIV-й главѣ: «Ближайшія причины французской революціи, начиная съ половины XVIII-го столѣтія», о которой мы не знаемъ, ни почему она попала въ «Исторію цивилизаціи въ Англіи», какъ тематическая, ни какъ въ нее попало сочиненіе Пинэля о сумасшествіи, между тѣмъ какъ вовсе выпущены изъ этихъ «причинъ»: 1) обнищаніе населенія, особенно начавшееся послѣ продолжительныхъ войнъ Людовика XIV; 2) злоупотребленія и безсиліе администраціи; 3) паденіе или, точнѣе, перерожденіе всѣхъ феодальныхъ учрежденій и вообще всѣхъ органовъ средневѣковой жизни. Ничего изъ собственно соціальнаго, и это въ перечнѣ «причинъ» глубочайшаго соціальнаго переворота новой исторіи, положившаго грань въ развитіи и строѣ человѣчества. Наконецъ, есть главы въ книгѣ, которыя, упуская собственную тему, прямо переходятъ въ конспектъ ряда книгъ, и, если нужно выразить всю тайну книги Бокля, мы скажемъ, что именно эти-то конспекты, еще въ отрочествѣ вѣроятно составленные, и образуютъ всю почти ея фактуру; и самыя темы главъ, отъ этого странно и чередующихся, равно какъ всѣ связующія и побочныя въ нихъ мысли, суть только грамматическая почти форма перехода отъ конспекта къ конспекту—связка, не имѣющая въ себѣ самостоятельнаго и свободнаго значенія, Вотъ примѣръ, взятый изъ перечня содержанія послѣдней главы 2-го тома:

«Перечень важнѣйшихъ различій между индукціею и дедукціею. — Шотландская философія во всей совокупности своей, какъ физическая, такъ и метафизическая, есть философія дедуктивная. — Философія Гётчесона. — Ея выводы и направленіе.—Ея методъ.– Философія Адама Смита.—Его «*Теорія нравственныхъ чувствованій*» и его «*Богатство народовъ*» суть различныя части изслѣдованія одного и того же предмета. Чтобы понять которое либо изъ этихъ сочиненій, мы должны изучить оба.—Его дедуктивный методъ основывается на упущеніи нѣкоторыхъ посылокъ. — Разборъ его «*Теоріи нравственныхъ чувствованій*».—Разборъ его «*Богатства народовъ*».—Философія Юма.—Недостатокъ въ немъ воображенія.— Важность и новость его ученій.—Методъ его былъ по преимуществу дедуктивный. Онъ, какъ и Адамъ Смитъ, мало заботился объ опытѣ.—Этимъ объясняется его несправедливость къ Бэкону, методъ котораго былъ діаметрально противоположенъ методу Юма.—Его «*Естественная исторія религіи*». – Сравненіе метода этой книги съ методомъ, которому слѣдовалъ Кедвортъ. – Философія Рида.—Его робость заставляла его обращать вниманіе на практическую сторону умозрительныхъ ученій, вмѣсто того чтобы исключительно ограничиваться изслѣдованіемъ, истинны они, или ложны ихъ выводы.—

Но философъ долженъ поставить себѣ задачею доискиваться новыхъ истинъ, не обращая никакого вниманія на вытекающія изъ нихъ послѣдствія. — Ридъ нападалъ на методъ Юма, потому что ему не нравились тѣ результаты, къ которымъ приводилъ этотъ путь умозаключенія.—А между тѣмъ, строя свою собственную философскую систему, онъ самъ слѣдовалъ именно этому методу.—Оцѣнка того, что дѣйствительно сдѣлалъ Ридъ.—Противоположность между методомъ Рида и методомъ Бэкона. — По отрасли естественной философіи въ Шотландіи одинаково преобладалъ методъ дедуктивный. — Законы теплоты.—Неуничтожаемость силы.—Замѣна силъ одной другою. — Философія Блекка.—Его теорія скрытой теплоты проложила путь къ послѣдующимъ открытіямъ.—Методъ его былъ дедуктивный; онъ не подходитъ ни подъ одно изъ правилъ Бэконовской философіи.—Тому-же плану слѣдовалъ и его преемникъ Лесли.—Теорія теплоты Лесли.—Онъ извлекъ большую пользу изъ поэзіи.—Онъ былъ несправедливъ къ Бэкону, индуктивные взгляды котораго не нравились ему.—Геологическія умозрѣнія Гёттона etc. etc.

Такъ составлена эта глава: такъ составлялись не всѣ, но большинство главъ. И живой интересъ, съ которымъ глаза читателя бѣжали по множеству предметовъ, поименованныхъ въ этой главѣ, скрылъ отъ него истину, что они бѣгутъ по зрѣлищу міра, передъ ними открывшагося, а вовсе не по связи мыслей, составляющихъ книгу; т.-е. передъ нимъ коллекція, энциклопедія, хрестоматія, и нѣтъ вовсе книги, какъ живого и цѣльнаго созданія, движущагося отъ опредѣленнаго начала къ концу, въ нѣкоторыхъ граняхъ, въ руслѣ нѣкоторой опредѣленной мысли.

XI.

Аристотель, въ одной изъ книгъ своей «Метафизики», среди ряда другихъ понятій, съ которыми позднѣе въ ея текстѣ предполагалъ обращаться, развилъ понятіе στέρησις. Это—нѣкоторая пустота, однако наблюдаемая нами не какъ нѣчто положительное: «пустая» комната, «пустое» мѣсто, торричеліева «пустота»; такимъ образомъ—не какъ видимое, ощущаемое, присутствіе чего можетъ быть указано. Στέρησις—это нѣкоторый «недостатокъ», который мы только прозрѣваемъ умомъ около чего-нибудь положительнаго; понятіе «лишенія», но именно въ дѣйствительномъ, при кажущейся полнотѣ частей этого дѣйствительнаго. Продуктъ какого-то недоразвитія вещей, или, напротивъ, ихъ обратнаго развитія, умаленія, упадка, разрушенія. Этотъ στέρησις можетъ простираться на побочное, несущественное,—и тогда существованіе предмета сохраняетъ прочность, лишаясь только идеальной гармоніи и полноты. Но можетъ случиться или мы можемъ представить себѣ, что, напротивъ, среди полноты побочныхъ сторонъ, στέρησις постигаетъ ихъ общій пентръ,—и тогда бытіе ихъ становится фантомомъ, призракомъ, оно длится лишь моментъ и даже собственно длится лишь впечатлѣніе на сѣтчатой оболочкѣ нашего глаза отъ этихъ исчезнувшихъ обломковъ бытія, которыя за минуту были реальною дѣйствитель-

ностью. Такъ геній можетъ быть не ученъ,—какъ Лютеръ, какъ Борнсъ; и мы видимъ слѣды изъяновъ въ твореніяхъ, еще прекрасныхъ и великихъ. Или онъ можетъ быть пороченъ, какъ геній Вольтера, и мы видимъ кривой и ложный полетъ его, имъ восхищаемся, на него негодуемъ, съ нимъ боремся,—но удерживая въ себѣ восторгъ. Но вотъ, мы можемъ видѣть другое (начнемъ съ элементарнѣйшей природы): рядъ круговъ, которые—допустимъ въ воображеніи, метафизически,—потеряли, забыли въ себѣ центръ, забыли самое свое опредѣленіе,—и тщетно теперь линіи, за минуту правильныя и дѣйствительно круговыя, ищутъ точекъ, по которымъ имъ нужно протянуться, не знаютъ какъ протянуться, ищутъ и не находятъ, не могутъ понять, куда стать этою и тою вѣточкою протяженія своего. Примѣръ — фантастиченъ, но только потому, что «кругъ» не живъ и не можетъ чего-нибудь «забыть», равно и по существу своему онъ не можетъ потерять свое «опредѣленіе». Но вотъ мы входимъ въ сферу живого, и въ немъ есть части, столь же важныя, какъ въ кругѣ его опредѣленіе. Возьмемъ огромную память; чудную любознательность къ предметамъ, правда немного холодную, но всеобъемлющую; способность къ языкамъ,—и, какъ продуктъ этого всего—дѣйствительное ознакомленіе почти со всѣми вещами міра сего у человѣка, который пораженъ въ глубочайшихъ и темныхъ нѣдрахъ духовнаго бытія своего обыкновеннымъ идіотизмомъ, непониманіемъ. Тогда соотношеніе всѣхъ знаній, какими обладаетъ онъ, и яркая многозначительность каждаго изъ нихъ—потеряютъ для него ясность; употребленіе возможное или, напротивъ, невозможное, какое онъ могъ-бы сдѣлать изъ своихъ способностей и свѣдѣній—станетъ не ясно для него, перестанетъ быть отчетливо, видно; все погрузится въ нѣкоторый сумракъ, въ нѣкоторую сонливость бытія,—какъ полетъ птицы, у которой сохранены органы летанія, но срѣзаны большія полушарія мозга, и вотъ, брошенная на воздухъ, она летитъ по прямой линіи, не можетъ остановиться, не умѣетъ даже упасть на землю, и только ударившись о препятствіе—какъ-бы роняетъ себя, слѣпо и глухо, къ его подножію.

Страннымъ, какъ-то дикимъ показалось-бы это печальное предчувствіе, но мы выскажемъ его: что легкимъ, неуловимо-тонкимъ идіотизмомъ подернута преобладающая часть умовъ, какіе зажглись, точнѣе засвѣтились холоднымъ и страннымъ блескомъ передъ Европой въ среднія десятилѣтія истекающаго вѣка. Мы такъ подробно, такъ утомительно детально разобрали одну книгу, чтобы безспорна и очевидна для всякаго стала эта истина хоть на одномъ явленіи, и явленіи нѣкогда свѣтившемся въ зенитѣ умственной жизни Европы, сосредоточившемъ на себѣ ея вниманіе, покорившемъ ее, увлекшемъ ее. Но вотъ другой, менѣе знаменитый, но также странно возобладавшій надъ всѣми однородными, трудъ —

«Система логики» Милля. Никто не оспоритъ, и мы всего менѣе хотѣли бы это сдѣлать, огромныя достоинства его отдѣльныхъ сторонъ: эту ясность изложенія, это спокойствіе аргументаціи, великую осмотрительность всего хода мышленія, даже нѣкоторую долю открытія въ методахъ элиминаціи причинъ. Подозрительно только, въ нѣкоторыхъ точкахъ, чувство скуки, какъ-бы преждевременной утомленности, какую мы наблюдаемъ въ авторѣ, какъ только онъ подходитъ, въ послѣдовательномъ изложеніи, къ какимъ-нибудь вопросамъ особенно темнымъ и запутаннымъ, но всегда и непзъяснимо волновавшимъ мысль человѣческую отъ Платона и до него, Милля. Если позволительно такъ выразиться, коническія сѣченія ума человѣческаго уже не вовлекаютъ его въ свои таинственныя формулы, и онъ ползетъ около круглаго основанія фигуры, около «образующей» прямой, и чувствуетъ усталость и темноту, какъ только поднимаетъ голову. «Это почти кругъ и при ближайшемъ разсмотрѣніи вѣроятно окажется точнымъ кругомъ», отвѣчаетъ онъ объ эллипсисѣ; «это—только разорванный кругъ, и вѣроятно есть обманъ нашего зрѣнія и недостатокъ нашихъ методовъ изслѣдованія, если онъ представляется овальнымъ»—отвѣчаетъ онъ о параболѣ и гиперболѣ; и не спрашиваетъ себя, не любопытствуетъ уже спросить, не есть ли это, напротивъ, начало новаго міра линій. Таковы очень многія мѣста его «логики»,—таково напр. ученіе объ аксіомахъ. Но это тонкая частность, которая можетъ быть принята не за предъ-опытную усталость ума, его начинающееся ограниченіе, но за капризъ изслѣдователя, наконецъ—за его предразсудокъ. Вотъ нервъ книги, ея мотивъ, который мы слушаемъ въ каждой строкѣ, въ своемъ родѣ «навязчивая идея», очевидно растущая въ авторѣ не изъ прочитанныхъ книгъ, не изъ полученныхъ впечатлѣній, но изъ основаній гораздо болѣе глубокихъ,—мысль, надъ которою онъ очевидно не имѣетъ силы, она-же владычествуетъ надъ нимъ: въ книгѣ предполагается, доказывается, ищется, изслѣдуется, что нѣтъ собственно никакой логичности какъ нудящей, какъ приневоливающей стороны въ понятіяхъ и представленіяхъ, какъ саможивущей и самодвижущейся способности въ теоретической части нашего духа. Какъ рядъ предметовъ, не опредѣляемыхъ болѣе, какъ рядъ именно окружностей съ утраченнымъ центромъ и потерянным опредѣленіемъ, эти понятія и представленія связуются и такъ и этакъ, «сѣкутся сѣкущими» и «касаются касательными» въ нѣкоторой зависимости не отъ себя и своей истины, но отъ побочныхъ и совершенно для нихъ внѣшнихъ обстоятельствъ: «ассоціируются», «сосуществуютъ», «преемственно слѣдуютъ», и никогда не дышатъ, не ищутъ, не страдаютъ и въ страданіи находятъ истину, построяютъ философію, просвѣщаютъ человѣка. Мы живо чувствуемъ, что Миллъ могъ бы отказаться отъ многихъ своихъ идей, перестроить иначе «Логику» и «Политическую экономію», встрѣтивъ тѣ и иныя

указанія, ту и иную критику; и вовсе, и никогда не могъ-бы понять или повѣрить, что умъ человѣческій есть въ точности искрящійся геній, а не тотъ плетущійся слѣпецъ, движенія котораго онъ детально подсматриваетъ и описываетъ въ своей «Логикѣ», не паралитикъ, котораго члены перекладываются, когда ихъ кто-нибудь перекладываетъ. Парализованность духа, анти-логизуемость ума— есть идея, которую мы не рѣшимся назвать въ немъ «врожденною»: она болѣе, чѣмъ врождена въ немъ: это στέρησις его природы, дыханіе его собственнаго бытія, какъ онъ субъективно ощущаетъ его; тоже, что испорченное ощущеніе во рту у человѣка, желудокъ котораго испорченъ, и подъ угломъ этого испортившагося вкуса онъ ощущаетъ вкусъ всѣхъ и всякихъ яствъ, которыя ему подаются. Самое любопытное,—но объ этомъ ниже,—что именно этотъ специфическій вкусъ, изъ длиннаго ряда возможныхъ и дѣйствительныхъ, какъ-то легко былъ понятъ, ощущенъ, легко и быстро усвоился всѣмъ европейскимъ человѣчествомъ.

Или органическій міръ, природа: на «Биглѣ» объѣхавъ этотъ міръ, увидѣвъ его, созерцавъ отъ высшихъ граней и до самыхъ низшихъ, Дарвинъ, вернувшись въ отечество, и еще очень долго потомъ размышляя о видѣнномъ, высказалъ гипотезу, центръ коей именно состоитъ въ томъ, что міръ этотъ никакъ вовсе не построенъ, что строя не было и въ самомъ происхожденіи его, но что, черта къ чертѣ, онъ вылѣпился какъ огромная и очевидно безжизненная и безсмысленная мозаика изъ случайно появлявшихся на немъ наростовъ: что-то въ родѣ работы слабоумнаго или маттоида, въ узоръ которой, иногда красивый, всматриваясь—мы содрогаемся, не видя въ немъ никакой мысли. Работа не генія, не деміурга, — мы говоримъ о мірѣ, какъ его представилъ себѣ Дарвинъ. — но идіота. Снова и здѣсь, въ сердцевинѣ необозримыхъ ученыхъ работъ, счастливыхъ иногда предположеній, богатыхъ частныхъ взглядовъ,—выпавшій центръ, потерянное «опредѣленіе круга», около центра коего не умѣютъ никакъ расположиться его точки. И снова что-то нудящее для автора въ этой мысли; снова мы можемъ предположить, что онъ отказался-бы отъ этой и той частной своей гипотезы, отъ наилучшихъ своихъ фактическихъ открытій, но что живой міръ имѣетъ живую мысль въ себѣ, и даже что этотъ міръ просто живъ, самоорганизуется, исполненъ собственнаго трепетанія—передъ этой мыслью Дарвинъ испуганно отступилъ-бы: онъ никогда, ни при какихъ условіяхъ ея не принялъ-бы. Маленькая деталь, коротенькій текстъ, и читатель не удивится высказываемому нами:

...«Необходимо укрѣпить физическій организмъ въ породѣ человѣческой; для этой цѣли мы должны придумать искусственное средство въ замѣну ослабѣвшей силы естественнаго подбора (natural selection). Только при такомъ условіи возможенъ прогрессъ въ породѣ человѣческой. Mens sana in corpore sano. *Успѣхи врачебнаго искусства служатъ* въ этомъ случаѣ *не къ общей пользу*,

а ко вреду. Нѣтъ сомнѣнія, что въ массѣ нашего цивилизованнаго общества уровень здоровья понизился до тревожныхъ размѣровъ, и что *врачебное искусство, поддерживая слабые организмы, будетъ только увеличивать зло для будущихъ поколѣній.* Въ общемъ, *необходимо сократить число слабыхъ, вступающихъ въ состязаніе съ сильными въ борьбѣ за существованіе».*

Итакъ, атавизмъ, доходящій до возврата къ Спартѣ, гдѣ ребенокъ рожденный осматривался старѣйшинами города, и сильный оставался жить, слабый-же бросался умирать; и даже далѣе, глубже: атавизмъ внѣдряющійся въ глубь Африки, къ незнающимъ болѣзней бушменамъ. Однако, слова эти высказаны человѣкомъ, уже знающимъ Евангеліе, и даже болѣе—изучавшимъ богословіе (Дарвинъ готовился стать священникомъ); наконецъ — они высказаны въ пору разцвѣта медицинскихъ наукъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь не отрицаніе, исходящее изъ невѣдѣнія лучшаго и милосерднаго, но преднамѣренное, «научное» собственно, возвращеніе къ каннибализму. За этимъ атавизмомъ вкуса, мечты ласкаемой, — слѣдуетъ тотчасъ и атавизмъ младенчески дикой-же мысли:

«Сверхъ существующихъ ограниченій брака, законъ долженъ, во-первыхъ, признать рѣшительнымъ поводомъ къ разводу появленіе у одного изъ супруговъ нѣкоторыхъ болѣзней, передаваемыхъ по наслѣдству: желудка, печени, легкихъ; подагру, ревматизмъ, золотуху и другія, если относительно ихъ констатировано или констатируется, что онѣ наслѣдственны. Далѣе, слѣдуетъ ввести общую систему медицинскаго осмотра для удостовѣренія упомянутыхъ болѣзней, по образцу введенной въ Германіи системы осмотра для удостовѣренія способности къ военной службѣ. И. наконецъ, нужно установить въ законодательномъ порядкѣ, что никто не можетъ вступить въ бракъ, не представивъ удостовѣренія въ томъ, что онъ никогда въ жизнь свою не страдалъ припадками безумія, и. сверхъ сего, не предъявивъ чистой родословной (untainted pedigree) съ доказательствами, что его родители и даже дальнѣйшіе, восходящіе и боковые родственники, никогда этихъ припадковъ не имѣли. Всѣ эти мѣры совершенно необходимы для того, чтобы въ массѣ человѣчества значительно умножилась способность къ счастью (capacity for happiness) съ уничтоженіемъ главнаго къ нему препятствія»...

Мысль ползетъ, «навязчивая мысль» (медицинскій терминъ) — къ готтентотамъ, кафрамъ; она вползаетъ въ ихъ конусо-образныя жилища, ласкается у ногъ ихъ, какъ собака у ногъ хозяина, котораго нашла послѣ долгихъ «блужданій». Но, хоть одинъ крикъ изъ этихъ «блужданій»:

— О, Ромео мой.
«Когда меня ты любишь — молви это
«Открыто мнѣ!... Находишь, можетъ быть,
«Ты, милый мой, что отдаюсь я слишкомъ
«Тебѣ легко? Не хочешь-ли, я буду
«Сердиться на тебя? отвѣчу «нѣтъ»
«На всѣ твои мольбы? Нѣтъ, нѣтъ! не надо!
«Нѣжна я слишкомъ, милый мой Монтекки —
«И потому меня ты упрекнешь,
«Пожалуй, въ легкости! Но вѣрь мнѣ, другъ мой.
«Что на меня ты можешь положиться
«Скорѣй, чѣмъ на другихъ, что лгутъ въ глаза

«Изъ ложной скромности. Къ тому-жъ, быть можетъ,
«И я была-бъ скромнѣй, когда бы ты
«Здѣсь не поймалъ меня, помимо воли
«Подслушавши слова мои. Прости-же
«Меня, безцѣнный мой, и не подумай,
«Что преданность моя къ тебѣ, невольно
«Здѣсь выданная ночью, будетъ слабой
«Лишь потому, что скоро такъ рѣшилась
«Тебѣ отдаться я...

Ромео.

«Клянусь луной,
«Сребрящей эти листья на деревьяхъ...

Джульетта.

«Нѣтъ, нѣтъ, луной не надо! Не клянись
«Измѣнчивой луной! Она мѣняетъ
«Свой обликъ каждый мѣсяцъ, точно хочетъ
«Сказать намъ тѣмъ, что минетъ и любовь.

Ромео.

«Такъ чѣмъ-же клясться?

Джульетта.

«Не клянись совсѣмъ.
«А если непремѣнно хочешь клясться —
«Клянись собой! Тебѣ повѣрю я,
«Какъ божеству, которому молюсь я.

Ромео.

«Когда мое все сердце...

Джульетта.

«Вѣрю, вѣрю!
«Не надо клятвъ! Какъ мнѣ ни хорошо
«Съ тобою здѣсь, скажу тебѣ, однако:
«Меня страшитъ невольно этотъ скорый,
«Рѣшительный союзъ нашъ, заключенный
«Такъ быстро, такъ нежданно, темной ночью.
«Онъ кажется похожимъ мнѣ на лучъ,
«Сверкнувшій такъ внезапно, что сіянье
«Его исчезло, прежде чѣмъ глаза
«Успѣли разглядѣть его. Уйди!
«Уйди, прошу! Пускай свиданье это
«Останется похожимъ на цвѣтокъ
«Еще не распустившійся какъ должно,
«Сулящій намъ, однако, разрастись
«Въ прекрасный, пышный цвѣтъ, когда сойдемся
«Съ тобой мы вновь. Прощай, прощай! Спокойно
«Засни теперь! Да осѣнитъ тебя
«Блаженства лучъ, какимъ счастлива я!

Ромео.

«Такъ мало давъ, меня ты покидаешь.

Джульетта.

«Чего-жъ ёще сегодня ты желаешь?

Ромео.

«Чтобъ поклялась любить меня ты также,
«Какъ клялся я.

Джульетта.

«Я въ томъ клялася прежде;
«Теперь-же я готова взять назадъ
«Мое тебѣ признанье.

Ромео.

«Какъ, ты хочешь
«Отнять его? но почему-жъ, другъ милый?

Джульетта.

«Чтобъ вновь отдать его тебѣ и этимъ
«Тебя увѣрить въ искренности словъ.
«Но, впрочемъ, я желаю, вѣдь, того,
«Что ужъ мое. Любовь моя не знаетъ
«Границъ, какъ море. Чѣмъ сильнѣе я
«Тебя люблю, тѣмъ болѣе себя
«Я чувствую охваченной любовью.
«И море, и она равно безбрежны!
«Но, чу! Я слышу шумъ! прощай, прощай!»

Какое счастье даже выписывать... Но наблюдать, но видѣть? друзьямъ, родителямъ? Мы не хотимъ проницать въ таинства сердецъ любящихъ; касаться ароматнаго цвѣтка, взращеннаго въ садахъ Божіихъ, Божіей росой увлажненнаго и который видитъ Провидящее Око, блюдетъ, и намъ дастъ, поэту дало подсмотрѣть. — Но, немножко прозы...

Еслибъ эти мальчикъ и дѣвочка

«Въ Веронѣ, городѣ старинномъ...»

— пали къ ногамъ великаго «махатмы» науки, и, извиваясь въ пыли, цѣловали его ученыя ноги, крича, что у нихъ нѣтъ «untainted pedigree» или что оно не исправно, не засвидѣтельствовано у нотаріуса, но, однако, чтобы онъ ихъ не давалъ свидѣтельствовать участковому врачу съ цѣлью удостовѣриться, что у нихъ нѣтъ наслѣдственныхъ болѣзней...

Но, я думаю, скорѣе засверкалъ-бы тонкій Веронскій стилетъ, и прежде, чѣмъ обезьяно-образный «махатма» «ну»-кнулъ участковому врачу, чтобы онъ не терялъ времени, которое — «деньги», я думаю, великій хлопотунъ прогресса и его полу-ученый «альгвазилъ», оба кусали-бы кровавымъ ртомъ землю, и хватались-бы за нее конвульсивно, и кричали-бы, при смѣющейся землѣ, подъ смѣющимся небомъ: ахъ, этого одного мы не предвидѣли...

XII.

Еще одна черта: мы нигдѣ не встрѣтимъ, на необъятномъ множествѣ страницъ исписанныхъ этими людьми, вспышки страсти, своеобразія генія; нигдѣ—невыразимаго, страннаго, таинственнаго, что поражаетъ насъ равно въ Руссо и Гейне, Дидро и Борнсѣ, въ Моцартѣ или Рафаэлѣ. Нигдѣ—темныхъ уголковъ ума, въ которые намъ такъ хотѣлось-бы и мы не можемъ заглянуть. Печать обыкновеннаго, въ высшей степени обыкновеннаго, лежитъ не только на ихъ мышленіи, но на манерѣ выраженія этого мышленія, языкѣ, слогѣ. Иногда кажется, читая «Соціологію» Спенсера, «Объ умѣ и познаніи» Тэна, «Цивилизацію» Бокля, разныя «Происхожденія» Дарвина, или что-нибудь изъ окружающей и сопровождающей литературы, — что вы читаете собраніе примѣрныхъ упражненій на элементарныя правила логики, на τόποι (общія мѣста) Аристотеля, гдѣ все правильно и все невыразимо скучно. Геній—это феноменъ; это—загадка; тьма, изъ коей до насъ проникаютъ нѣкоторые только лучи и мы за ними, за этими свѣтовыми лучами, воспринимаемыми на экранъ нашего яснаго сужденія, предугадываемъ еще бездну невидныхъ, тепловыхъ и химическихъ лучей, которые также дѣйствуютъ на насъ, но уже не черезъ смыслъ словъ, но въ стилѣ автора, въ его колоритѣ, въ томъ неуловимомъ, къ чему мы относимъ, удивляясь и не понимая, имя: «феноменъ», «тайна», «тьма». Да проститъ читатель грубое физическое сравненіе со спектромъ солнца: но это правда, что всякій геній — солнечнаго, таинственнаго происхожденія; онъ всегда идетъ изъ необъяснимыхъ космическихъ глубинъ, не изъ условій только семьи, только школы, только сословія своего или общественнаго положенія. Но Бокль, но Дарвинъ, или еще Контъ—это ясныя и коротенькія свѣчки, фабрикацію которыхъ мы знаемъ, свѣтъ которыхъ понимаемъ до послѣдняго изгиба,—кои, въ краткихъ автобіографическихъ объясненіяхъ, дали намъ прочесть все о себѣ и все въ себѣ, и разсмѣялись-бы надъ нами сами, еслибъ мы сказали имъ, что чего-нибудь не постигаемъ въ нихъ. Постижимое, скучное—это ихъ всѣхъ специфическая, общая черта. Мы упомянули о Борнсѣ, Моцартѣ, Рафаэлѣ: но мы не имѣемъ въ виду именно ихъ, и настаиваемъ, что печать нѣкоторой необъяснимости, какъ росинка неба, лежитъ непремѣнно и на каждомъ просто оригинальномъ человѣкѣ, которымъ мы сколько-нибудь любуемся, которому хоть разъ въ жизни удивились-бы. Обратимся къ литературѣ—здѣсь примѣры уже подобраны, образы всѣмъ извѣстны: брызгъ жизни лежитъ на Осипѣ (изъ *Ревизора*); на слугѣ Обломова—Захарѣ; и даже той дѣвочкѣ, «съ каплей» около носа, которая молча сидитъ и вяжетъ чулокъ у дверей (*Обрывъ*). Мы не говоримъ о такихъ лицахъ, развитыхъ, раздвинутыхъ во всю вели-

чину нормальнаго человѣческаго роста, какъ Анна или Долли въ большомъ романѣ Толстого: не будучи ни геніальны, ни героичны, онѣ увиты поэзіей и мыслью. Но и обыкновенная жизнь, жизнь совершенно обыкновенныхъ людей, подобно осколкамъ раздробленнаго брилліанта, который имѣетъ въ себѣ, хотя и уменьшенную, но игру брилліанта-же,—имѣетъ въ себѣ нѣчто, нѣкоторую раздробленную росу генія: отъ этого она слагается въ бытъ, нравы, этотъ коллективный геній—въ геніальную, т. е. живую, индивидуальную, характеристическую историчность. Ничего подобнаго (см. автобіографіи) нѣтъ у всѣхъ этихъ писателей; это какіе-то «οἱ τόποι», «общія мѣста» въ человѣчествѣ; что-то спинное, какая-то сѣдалищная въ человѣчествѣ часть, не лицо его, не задумчивые глаза, не играющая улыбка:

Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю

—вотъ милая и граціозная шутка, которой рѣшительно не съумѣлъбы сказать ни который изъ нихъ. Замѣчательно: можно перелистать всего Спенсера, всего Бокля, всего Дарвина, всего Милля — и мы нигдѣ у нихъ не откроемъ смѣха; дѣйствительно—ни одной улыбки на протяженіи всей жизни. Это—конечно идіотизмъ; т. е. это блѣдная его заря, это легкая и тонкая, едва постижимая и уловимая пока пленка, но именно начинающагося идіотизма. «Οἱ τόποι», «общія мѣста» ума; общіе логическіе дары, безъ индивидуальнаго на нихъ сіянія; какая-то первая фигура Аристотелевскаго силлогизма, которая, не умѣя остановиться, плететъ «систему логики», «происхожденіе человѣка и половой подборъ», «соціальную статику» и «динамику»... И, словомъ, потерявъ полушарія большого мозга — голубь летитъ, пока подставивъ руку или доску, вы не задерживаете его полетъ, и тогда онъ неуклюже сваливается, безъ боли, безъ крика, безъ умѣнья боли и крика.

XIII.

Какъ лишено всего мистическаго ихъ лицо, такъ полно мистическаго ихъ вступленіе въ исторію. Тамъ, въ «системѣ логики» и «половомъ подборѣ»—все постижимо и невыразимо скучно; здѣсь, въ ихъ вліяніи на умы, эпоху,—все таинственно, загадочно и полно роковой значительности. Нѣтъ сомнѣнія, ихъ жизнь и дѣятельность совершилась среди умовъ совершенно яркихъ, чувствъ нисколько не потускнѣвшихъ, усилій страстныхъ и энергическихъ. Но все это—вся эта огромная жизнь, волнующаяся и дѣйствительная, съ яркимъ румянцемъ и живымъ выраженіемъ губъ, почему-то не имѣла силъ ни помѣшать тѣмъ соннымъ великанамъ вступить въ себя, ни, въ концѣ концовъ, какъ-то странно задавить и раздавить

себя; и здѣсь трудная и исполненная глубочайшаго интереса сторона явленія. Агассизъ, Келликеръ, Бэръ—они были образованнѣе Дарвина, и онъ противъ этого не спорилъ; знали то въ естествознаніи, именно изъ относившагося къ его темѣ, чего онъ не зналъ; онъ даже наивно—потому что очевидно не нагло—разсказываетъ въ «Автобіографіи», при жизни же его напечатанной, что вовсе былъ необразованъ, не зналъ въ частности естественныхъ наукъ, даже не интересовался ими. Что все поприще его—весь полетъ къ забору—фатально, нисколько имъ не искалось. Богъ исторіи былъ съ нимъ; мысль Божія почила на немъ; Перстъ таинственный указалъ на него—и народы увидѣли его, не замѣчая другихъ. Его «Автобіографія», такая краткая, такая беззастѣнчивая, такая глуповатая въ стилѣ, въ ходѣ, въ невообразимо безстыдныхъ—для ученаго—признаніяхъ («отъ Шекспира меня всегда тошнило»; «отецъ всегда, до возмужалости, считалъ меня глупымъ», «все равно было стать мнѣ врачемъ или священникомъ», «ничѣмъ вовсе не интересовался, кромѣ охоты съ собакою и собиранія жуковъ»; «къ путешествію на *Бигль* меня подвигнулъ дядя Джоссія»)—какъ это ни странно покажется, также важна для познанія міра человѣческаго и хода исторіи, какъ изученіе «Небесной механики» Лапласа—для познанія теченія свѣтилъ небесныхъ: это — мудрость въ простотѣ, таинственное—въ ясномъ, непостижимое—въ чертахъ обыкновеннаго; «мани, факелъ, фаресъ» въ судьбахъ человѣчества, въ судьбахъ уже сбывшихся, и слѣдовательно «мани, факелъ, фаресъ» истинное, небеснаго происхожденія, и которое однако чертится передъ нами рукою, т.-е. черезъ посредство руки комнатнаго лакея, который только что подалъ вычищенные сапоги. Есть мысль въ исторіи, даже тамъ, гдѣ мы видимъ глупое; геній высшій—въ идіотическомъ; и нѣкоторая святость, святое предназначеніе въ преступномъ и грѣховномъ; «идея волоса», какъ объяснилъ Платонъ въ своей идеологіи [1]). Эта «идея», т.-е. вѣчное, идея какъ все переживающее, все собою перетирающее, всякую силу, власть, геній, скорбь человѣческую и ужасъ передъ надвигающимся сумракомъ, почила именно на сонной поступи великановъ, роль и значеніе которыхъ мы теперь изслѣдуемъ; а около тѣхъ, какъ Бэръ, или еще какъ Гизо и столь ему противоположный, но, какъ и онъ,

[1]) У Сократа—въ которомъ изъ Платоновыхъ «Діалоговъ», мы уже не помнимъ,—спросилъ однажды собесѣдникъ: «Что же, Сократъ, развѣ есть идеи и отрицательнаго»?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—«И малаго, даже смѣшного»?—Да.—«Но неужели же, сынъ Софрониска, ты думаешь даже, что есть идея напр. волоса»?—Да, да, также несомнѣнно, какъ идея блага или добродѣтели.—Кстати, мимолетное сопоставленіе: «безъ воли Божіей и волосъ съ головы человѣческой не упадетъ, т.-е. безъ мысли Божіей, которая почила на «волосѣ» и вотъ на томъ, что ему слѣдуетъ «упасть»—онъ не упадетъ. Крошечная подробность, на которой тѣмъ удивительнѣе видѣть совпавшими философію и религію.

не замѣченный Карлейль, да и около всей волнующейся жизни, угасла идея, точнѣе — отлетѣла отъ нихъ, скрылась, стала невидима... Былъ свѣтъ; и онъ названъ ночью—и стала ночь; а ночь, которая названа свѣтомъ — разсвѣла вдругъ для насъ какъ утро. «Да будетъ имя Господне благословенно во вѣки».

XIV.

Намъ предстоитъ еще сказать о средѣ, въ которой распространилась книга Бокля. Я невольно вспомнилъ, при чтеніи эпиграфа къ его книгѣ, этотъ стихъ Пушкина:

Отрокъ нѣжный, отрокъ милый,
Не стыдись, навѣкъ ты мой.

Въ самомъ дѣлѣ, на ея заглавномъ листѣ, сейчасъ послѣ словъ— «Исторія цивилизаціи въ Англіи; Генри Томаса Бокля» стоятъ, какъ путеводная надпись, слѣдующія слова, извлеченныя «нѣжнымъ и милымъ отрокомъ», редактировавшимъ изданіе г. Павленкова, г. Евгеніемъ Соловьевымъ, изъ «opera omnia, quae supersunt», г. Н. Михайловскаго.

«Сопоставленіе Бокля и графа Толстого напрашивается само собою, такъ какъ это прямая противоположность»

—мысль, которая намъ не показалась очень многозначительною. Но какъ благочестивый мусульманинъ помѣщаетъ на самомъ видномъ мѣстѣ храма, шатра или рукоятки кинжала иногда совершенно ничего не значащій стихъ изъ Корана, такъ благочестивый устроитель новаго тріумфа Боклю въ нашемъ отечествѣ помѣстилъ около именъ Бокля. Павленкова и своего собственнаго первую ему попавшуюся строку изъ великаго критика, ролью котораго въ нашей литературѣ вѣроятно поражено его воображеніе. И вотъ мнѣ показалось, что эти два имени, увлеченнаго и увлекающаго—не исключая собою необходимости объясняющихъ трансцендентностей—могутъ объяснить мелочи и подробности великихъ успѣховъ Бокля, показавъ, до нѣкоторой степени, структуру того «обреченнаго зданія», на стѣнѣ коего были написаны «мани, факелъ, фаресъ» людьми, казалось бы ничего цѣннаго неспособными написать. Г. Евг. Соловьевъ, который также точно представляетъ напоминаніе юности г. Павленкова, какъ г. Павленковъ являетъ прообразъ его старости, всему восторженно научается, чему его научаютъ. Типъ экспансивности, безъ опредѣленія къ чему экспансивность, выраженъ въ немъ въ наши дни и въ нашей литературѣ почти также ярко, какъ въ былую пору этотъ типъ былъ выраженъ въ поэтѣ Языковѣ и знаменитомъ критикѣ Писаревѣ; изъ нихъ послѣдній такъ способствовалъ тріумфамъ позитивизма и, помнится, дарвинизма. Это — типъ пропагандатора, живая вода всякаго времени, не вмѣшивающая мучи-

тельнаго вопроса—что́ несетъ въ себѣ время? Въ вѣкъ Канта онъ читалъ бы Канта и былъ восторженнымъ идеалистомъ; въ вѣкъ флогистона—онъ защищалъ бы флогистонъ, и съ Лавуазье боролся бы за кислородъ и окисленіе; въ вѣкъ матерьялизма онъ составляетъ біографіи «знаменитыхъ людей», какихъ только отъ Будды до «Дмитрія Ивановича» Писарева вмѣстилъ въ необозримую и невѣжественную галлерею свою г. Павленковъ. Отсутствіе не столько силы сопротивляться, сколько внутренней къ этому надобности, мотива, жажды; недостатокъ всего цѣпляющагося и составляющаго задержку движенія—его отличительная и характеризующая особенность: это—бульонъ, который течетъ изъ опрокинутой миски, не задерживаясь никакимъ твердымъ или тѣстообразнымъ тѣломъ, какое въ него положено было-бы à priori. Онъ есть сынъ своего вѣка—всякаго вѣка, въ который родился-бы; во всякомъ вѣкѣ онъ былъ-бы безгрѣшенъ, т.-е. неся грѣхъ своего вѣка на себѣ и не неся никакого грѣха собственнаго. Мы не можемъ его представить себѣ бурлящимъ, мутящимся; чтобы онъ отстаивалъ флогистонъ передъ Лавуазье или чтобы въ эпоху Сталя и Бехера онъ сопротивлялся флогистону. Невозможность открытія, иниціативы, своего движенія, и въ томъ числѣ движенія бокового или вспять, всякихъ «цикловъ и эпицикловъ» духовной страды человѣчества,—есть главная его черта. Съ вѣчной подвижностью собственно темперамента (безъ всякой однако силы, потому что и безъ страсти), онъ совершенно пассивенъ въ остальныхъ способностяхъ, и особенно въ умственныхъ, которыя безъ подсказаннаго мотива, безъ указанной извнѣ цѣли не могутъ и просто даже не умѣютъ прійти у него въ движеніе. Отъ этого онъ вѣчно несетъ съ собою обще-вѣковый гулъ; безъ ноты собственно ему лично принадлежащей, и поэтому безъ мѣста своего въ исторіи. Это — нищіе духомъ; та огромная толпа въ реформаціи, которая никогда-бы не поднялась безъ Лютера; но и безъ которой, безъ ея экспансивности, безъ ея заражаемости, Лютеру оставалось-бы «положить свою голову на блюдо» и подать ее Кесарю. «Нищіе духомъ»—коихъ «есть царство небесное», несносные лишь настолько для созерцателя, насколько онъ расходится съ вѣкомъ, и, въ общемъ, каждому вѣку нужные.

Около него мы видимъ два лица, хотя хотѣли-бы говорить объ одномъ, г. Н. Михайловскомъ. Одно лицо — ясное, съ отчетливо и рѣзко проведенными чертами, мы чуть не проговорились: съ рѣзко наложеннымъ гриммомъ. Это—то́ лицо, которое всѣ знаютъ; обыкновенное, всегдашнее лицо, которымъ мы любуемся и ему апплодируемъ, перевертывая страницы почти любимаго критика. Роль его такъ задушевно проведена, что мы можемъ считать себя, безъ принужденія и фальши, счастливѣе — родившись въ тотъ именно моментъ всемірной драмы-ли, комедіи-ли, когда предлежалъ его «выходъ». Что́-то ...«Любимъ Торцовъ», разбросанныя и съ виду

хаотическія рѣчи котораго хватаютъ за́ сердце, припоминаются ночью; съ укорами времени своему, людямъ-«братьямъ», которые такъ мало умѣютъ быть братьями. Мы припоминаемъ знаменитое слово его о «долгѣ народу», которое было брошено искуснымъ критикомъ въ нужное время конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Это именно было длительное, умное слово; слово глубоко обдуманное и долго взвѣшиваемое, которое тысячамъ зрителей изъ «верховъ» всемірнаго театра припомнится ночью, ночью подниметъ съ постели, погонитъ на улицу... И, нѣсколькими годами раньше, другое слово, также во время сказанное: о «разночинцѣ», который пришелъ въ литературѣ и жизни смѣнить умирающаго барина. И много другихъ словъ, во́-время сказанныхъ, часто жестоковыйнаго смысла, но всегда сказанныхъ... «съ задушевнымъ тембромъ».

Роль могла-бы быть великая, еслибъ гриммъ немного не отставалъ; еслибъ около яснаго и съ рѣзко опредѣленными чертами лица «Любима Торцова» въ тѣни не показывалось другое лицо, обращенное къ немногимъ разрозненно сидящимъ въ партерѣ фигурамъ и которое дѣлаетъ какіе-то странные знаки, указывающіе на «Любима Торцова», какъ-то странно киваетъ и вообще двигается и жестикулируетъ нисколько не въ темпъ съ лицомъ, къ которому прикованы взоры зрительнаго зала... Повидимому, г. Михайловскій убѣжденъ, что всѣ писатели—актеры; это убѣжденіе такъ не отдѣлимо отъ его души, оно такъ задушевно и уже авторски-задушевно въ немъ, что отдѣлаться отъ этой мысли онъ не можетъ и не умѣетъ,—какъ мнѣ иногда кажется, Эдиссонъ не умѣетъ говорить иначе какъ по телефону. Онъ дышетъ этой мыслью, не понимаетъ угла зрѣнія иного. И вотъ, отъ этой глубокой субъективной иллюзіи немножко приподнимается гриммъ на его лицѣ, а около перваго лица образуется второе лицо, которое дѣлаетъ знаки, видимые только *писателямъ*-читателямъ. Не правда-ли, вы удивились бы, услышавъ отъ него религіозные мотивы? Но, когда нужно привлечь на свою сторону молодого и еще не опредѣлившагося писателя, съ ясно выраженнымъ религіознымъ настроеніемъ, онъ издаетъ рулада:

...«Устранимъ ссылку на Волю (его большое «В»), вызвавшую народы къ бытію. Безъ этой Воли, какъ сказано [1]), ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человѣка; это—безконечная общая скобка [2]), въ которой совершается все, а потому и нельзя на нее ссылаться въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. А если г-ну Р—ву или кому другому вздумается изъ глубины собственнаго разума извлечь указанія путей народамъ: однимъ — страданіе, другимъ— борьбу, то вовсе не очевидно, что таково же и указаніе высшей Воли. Не намъ съ г-номъ Р—вымъ говорить отъ лица этой Воли, ибо мы ея не знаемъ [3]). Намъ только что въ пору въ своихъ собственныхъ мысляхъ разобраться.

[1]) Рулада не должна быть слышна большой аудиторіи, точнѣе—она должна быть ей не очень внятною, и поэтому онъ не договариваетъ: «сказано Спасителемъ», но такъ именно прочтетъ писатель, къ которому рулада обращена.

[2]) Какое прекрасное выраженіе пантеизма, образное и убѣдительное.

[3]) Хотя она *есть*, implicite сказано—одному, къ кому обращена рѣчь.

Г. Р—въ припишетъ высшей Волѣ одно, я—другое, третій—третье, и всѣ мы будемъ одинаково неправы. И ко всѣмъ намъ могутъ быть примѣнены слова пророка Іереміи: «они обманываютъ васъ, разсказываютъ мечты сердца своего, а не отъ устъ Господнихъ... долго-ли это будетъ въ сердцѣ пророковъ, пророчествующихъ ложь, пророчествующихъ обманъ своего сердца... что общаго у мякины съ зерномъ?» [1]). Намъ—«мякинѣ», простымъ людямъ, не получившимъ непосредственно откровенія [2]).—подобаетъ говорить и дѣйствовать не отъ лица высшей Волп, а отъ своего собственнаго лица, въ упованіи, что эти наши рѣчи и дѣйствія, какъ и все въ мірѣ, не могутъ происходить вопреки высшей Волѣ [3]). Въ вопросѣ объ историческихъ путяхъ, которыми слѣдуютъ или должны слѣдовать народы, не трудно установить», и т. д. («Русск. Мысль», 1892, ноябрь, «Литература и жизнь», стр. 165).

Вы совершенно не повѣрили-бы, что онъ можетъ *полу*-отрекаться отъ 60-хъ годовъ, съ граціей почти Фигнера въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ», и именно въ то самое время, когда другая его половина грубо шаржируетъ безсмертную роль изъ «Свои люди сочтемся». Здѣсь замѣчателенъ стиль, манера: признаніе началомъ и концомъ вплетено въ отрицанія его, и теряется въ клубкѣ совершенно иныхъ утвержденій, усердно катаемомъ на глазахъ большой и (по предположенію автора) недалекой умомъ публики:

.....«Было-бы неумѣстно распространяться объ этомъ по поводу такой книжки, какъ «Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ», однако и она можетъ указать забывшимъ и никогда не знавшимъ, «отжившимъ и нежившимъ» — гдѣ слѣдуетъ искать наслѣдства шестидесятыхъ годовъ. Голословному-же мнѣнію г. Р—ва я могу просто противопоставить столь-же голословное: никогда у васъ человѣкъ не понимался такъ возвышенно и тонко, какъ въ тѣ приснопамятные годы. *Были, разумѣется, увлеченія и ошибки* [4]).

---

[1]) Удивительно. Я говорю, что г. Михайловскаго можно почти полюбить, что онъ почти привязываетъ къ себѣ проницательностью. Слова эти, вовсе непонятныя для читателя и пробѣгаемыя имъ какъ случайныя, есть пятнинѣйшій какъ-бы шопотъ молодому писателю, въ самомъ дѣлѣ нѣсколько «пророчествовавшему», «выкликавшему»: «смотри, не обманываешься-ли ты и не обманываешь-ли? Пророки—тѣ отъ Бога, ты отъ кого? Мечты сердца своего — я не оспариваю ихъ чистоты, идеальности—ты однако принимаешь за что-то высшее. Ты разобьешься, ты погибнешь; силы твои могутъ быть велики, и все-таки безъ Бога – ты «мякина», какъ я и всякій». Конечно, это удивительно, и должно было «пророка» заставить взглянуть на «эволюціониста» Михайловскаго не только какъ на огромную по проницательности силу, но и какъ на тайнаго друга: *и удержать отъ всякихъ враждебныхъ ему Михайловскому дѣйствій*. Удивительно.

[2]) Удивительно. Конечно для читателя все это не замѣтно, мелькаетъ и убѣгаетъ изъ вниманія: но писателю-*оппоненту*, который вдумчиво читаетъ себѣ отвѣтъ, онъ ясно говоритъ, что признаетъ Откровеніе. Ссылка-же на пророка Іеремію (вѣдь не читалъ-же его Михайловскій въ качествѣ гомелетики, готовясь стать публицистомъ), съ малопзвѣстнымъ и такъ многоуказующе выбраннымъ текстомъ, какъ-бы говоритъ тому-же оппоненту: «и я углублялся въ эти матеріи, и я читалъ, и я здѣсь искалъ» —и сошелъ на иные пути, *куда, испытавъ, и тебя маню*...

[3]) Удивительно. Это почти религіозная резигнація.

[4]) То-есть именно въ «пониманіи человѣка», и слѣдовательно ошибки не фактовъ, но самой теоріи, самого міросозерцанія въ 60-е годы. Слова эти сказаны въ отвѣтъ на статью мою: Почему мы отказываемся отъ аслѣдства 60–70-хъ годовъ».

Но если принять въ соображеніе непроглядность той тьмы, въ которую тогда вносился свѣтъ, и упорство того сопротивленія, которое естественно оказывала тьма, *то, право, можно-бы черезъ двадцать-то или тридцать лѣтъ быть поснисходительнѣе*».

«Поснисходительнѣе... Разъ это слово сорвалось съ пера (какой невинный!), такъ пусть оно и остается (совѣмъ Любимъ Торцовъ). Но, собственно, о снисхожденіи не должно-бы быть и рѣчи. Если брюжжащіе старики имѣютъ свои резоны ликовать, то молодые увіаты, отказывающіеся отъ наслѣдства, совершенно напрасно считаютъ себя господами положенія», etc. («Русскія Вѣдомости», 1892 г., № 202, 25 іюня. «Письма о разныхъ разностяхъ»).

Такъ въ самомъ разгарѣ «теплой и задушевной» роли, постоянно играемой, онъ поднимаетъ—но на одну секунду—гриммъ и даетъ видѣть второе въ себѣ лицо, болѣе серьезное, къ которому вы могли-бы отнести уваженіе и вдумчивое отношеніе свое. Мнѣ извѣстна та часть поднятій маски, которая ко мнѣ лично была обращена, и, безъ сомнѣнія, множеству другихъ *писателей*-оппонентовъ извѣстна другая; такъ что въ общемъ это второе тайное лицо вѣроятно разлагается въ длинную галлерею «избранныхъ портретовъ». Отсюда—двѣ версіи о немъ представленія: среди литературы какъ пишущей, вліяющей силы; и среди литературы уже въ самомъ ея «дѣйствіи», т. е. среди внимающей, руководимой массы читателей. Въ первой представленіе это нисколько не сливается съ представленіемъ о гг. Скабичевскомъ, Протопоповѣ, Лесевичѣ и tutti quanti—«малыхъ сихъ», которымъ никакой грѣхъ не будетъ вмѣненъ, «по неразумію»; во второй, т. е. для всей читающей Россіи, онъ представляется горячимъ бойцомъ среди нихъ, какъ «равныхъ», героическимъ Спартакомъ, который убиваетъ передъ рѣшительной битвой коня подъ собою, чтобы «умереть», если не побѣдить, съ «друзьями-рабами» [1]).

[1]) Мнѣ извѣстна (отлично, по внимательности чтенія) только та часть opera omnia г. М—скаго, гдѣ онъ со мной полемизировалъ; и еще въ студенчествѣ прочитанныя, въ нѣсколькихъ томахъ «Отеч. Зап.», «Записки профана»—однако разрозненно. Мелькомъ—въ гостяхъ, на службѣ—открывая томикъ журнала, всегда я открывалъ его статью и бѣжалъ по ней съ любопытствомъ: и удивительно, въ этихъ, совершенно отрывочныхъ, безъ начала и конца, чтеніяхъ, я находилъ всегда несомнѣнные «стигматы» этого критика. Однажды въ литературѣ (утомившись размышлять, *кто* онъ) я рѣшился испытать его, чтобы опредѣлить для себя окончательно: и приписалъ ему какъ *мысль* одну важную славянофильскую идею, коей онъ далъ свою, по правда геніальную формулировку, однако формулировку, не болѣе (о *степеняхъ* и *типахъ* развитія: о томъ, что при высокомъ типѣ—напр. человѣческаго развитія—степень можетъ быть низкой и тогда существо это можетъ намъ представиться слабѣйшимъ и худшимъ, чѣмъ другое, которое стоитъ на высшей степени низшаго типа развитія, какъ взрослая собака напр. представляется одухотвореннѣе новорожденнаго младенца). «Зачѣмъ-же, написалъ я, г. Михайловскій, ради раздраженія сердца, уничтожаетъ, затираетъ плоды своей-же умственной работы»? Я ожидалъ, приметъ-ли онъ ему предложенное, по ему не принадлежащее; къ удивленію, онъ отвѣчалъ: «Г-нъ Р—въ, надо отдать ему справедливость, чуждъ наивности и наглости своихъ единомышленниковъ: онъ прямо указываетъ источникъ своей аргументаціи *въ предложенной мною* (sic) *теоріи типовъ и*

Отсюда объясненіе нѣкоторыхъ подробностей его литературной борьбы; но сперва кончимъ совсѣмъ о гриммахъ. Уже теперь, тамъ и здѣсь, г. Михайловскій обрываетъ слова, которыя не теперь только, но и навсегда въ будущемъ могли-бы отвести глаза отъ единственнаго «слабаго пункта» его игры. Казалось-бы, почему Ренанъ можетъ быть ему особенно непріятенъ? Въ составѣ идей? Но это есть классическій образецъ религіознаго писателя безъ религіи, идеалиста безъ идеала; и въ «тепломъ и задушевномъ» критикѣ онъ вызываетъ отвращеніе, я хочу сказать—*подчеркиваемое* отвращеніе: «самое лицо его, лицо духовнаго сибарита—*для меня по крайней мѣрѣ отвратительно*», писалъ онъ вскорѣ послѣ его смерти; очень обвинялъ бѣднаго Страхова, что онъ есть «русскій Ренанъ: съ верху просторно, съ боковъ—продуваетъ»—и вообще писатель безъ идеала и внутренней религіи; и, наконецъ, менѣе образно, но уже совершенно ясно, и какъ-бы тоже мимоходомъ:

«...индифферентизмъ-же представляетъ собою въ нравственно-политической области подобіе ржавчины, одинаково приводящей въ негодность и мечъ, орудіе войны, и плугъ, орудіе мирнаго труда, и стальное перо, современное орудіе пропаганды войны и мира» (*уже цитированная статья изъ «Русск. Мысли»*).

Такъ заранѣе—бѣдный смертный—онъ убираетъ могилу свою цвѣтами; и принимаетъ мѣры, чтобы когда-нибудь кощунственная рука не осыпала ея земли. Странная жажда посмертной любви къ себѣ людей, которыхъ при жизни онъ такъ не уважалъ. Здѣсь мы входимъ въ его серьезную сторону.

Опять внимательно онъ отмѣтилъ, не забылъ отмѣтить для читателей, какъ покойный Достоевскій, прочитавъ какую-то его статью, еще безъ подписи, въ «Отеч. Зап.», и увлеченный ея искренностью, принесъ въ редакцію этого журнала романъ «Подростокъ». Искренность—вотъ обаяніе г. Михайловскаго: «задушевность и теплота» всякихъ словъ, какія бы онъ ни произносилъ—вотъ его сила. Ложна-ли она? Нѣтъ никогда. Но что такое искренность—это

степенѣй развитія. Онъ очень лестно отзывается объ этой теоріи и кладетъ ее во главу угла своихъ возраженій мнѣ-же. Я очень, конечно, горжусь лестнымъ отзывомъ одного изъ отказывающихся отъ наслѣдства 60-хъ годовъ и отсылаю интересующихся этою моею теоріей къ книжкѣ о гр. Толстомъ, на которую г. Р—въ ссылается, и къ послѣднимъ главамъ «Запросокъ профана», 2-й в. III тома «Сочиненій» моихъ, изд. 1888 г., о которыхъ онъ не упоминаетъ (*почитайте, почитайте!*). Для меня интересенъ здѣсь только самый фактъ запамятованія, вполнѣ сознательнаго и откровеннаго. Значитъ, не все у насъ сплошь слабомысліе и отсутствіе узора въ мышленіи; значитъ, есть-же въ нашемъ наслѣдствѣ нѣчто такое, что представляетъ извѣстную цѣнность и для отказывающихся отъ наслѣдства. Присмотрѣвшись, они найдутъ, быть можетъ, и еще кое-что пригодное. Спрашивается, зачѣмъ-же такъ сплошь, огуломъ отказываться». etc. (*стр. 164 цитированной статьи*); и далѣе, въ тѣсной связи съ этимъ, религіозныя рулады, выше приведенныя, т. е. его впаденія въ колоритъ моей мысли (*читай, читай меня!*). Тутъ риза съ него для меня упала.

даже не начато разгадываніемъ въ нашей литературѣ, такъ ею обильной и гдѣ она играетъ такую многозначительную роль. Слова, мною написанныя выше:

— такъ, бѣдный смертный, онъ заранѣе убираетъ могилу свою цвѣтами...

—конечно искренни, и это не значитъ, чтобы именно о могилѣ и именно разбираемаго критика я что-нибудь усиленно и въ это время подумалъ: это—общее ощущеніе, которое въ этомъ и въ тысячѣ аналогичныхъ случаевъ, какъ только перо подошло-бы къ извѣстнымъ темамъ, мысль къ нимъ приблизилась-бы, сошло съ души моей, какъ ея общее и ни къ чему опредѣленному не относящееся настроеніе, какъ настроеніе постоянное и издавна установившееся. Искренность есть обломокъ когда-то бывшей правды, но не есть непремѣнно правда въ отношеніи къ текущему моменту, не правда даже какъ жизнь сердца въ текущій моментъ, если ее разсматривать подъ угломъ возникновенія отъ реальныхъ *теперь* возбудителей: она есть слѣдъ, не сходящій съ человѣка, не сходящій никогда, до самой могилы, того, что когда-то и чѣмъ-то были тронуты, пошевелены глубокія нѣдра бытія его — чѣмъ-нибудь, однако, идейнымъ. Ароматъ этихъ тронутыхъ нѣдръ, тайниковъ нашего духа, обыкновенно и у всѣхъ скрытыхъ, и есть то, что мы называемъ «искренностью»: это — ощущеніе какой-то незапятнанной чистоты, свѣжести какъ-бы сейчасъ родившагося, чего-то вѣчнаго и святаго. Она можетъ возмутительно обманывать: тотъ, чьи нѣдра тронуты, забылъ и проклялъ то, чѣмъ они тронуты, наконецъ онъ засорился, онъ весь вывалялся въ гриммѣ и лжи—и этотъ вѣчный запахъ уже не отдѣлимъ отъ него и теперь осложняетъ всякую ложь, сопровождаетъ каждое слово, какъ-бы лживо оно ни вилось около этого опредѣленнаго предмета [1]). Здѣсь есть нѣкоторая почти провиденціальная справедливость: истина не умираетъ во лжи, свѣтитъ сквозь нее. Слеза уроненная на подушку, въ долгую ночь размышленій и страданій, въ юности когда-нибудь—она свѣтитъ еще на сморщенныхъ щекахъ старика, совершенно забывшаго эту ночь, тѣ думы, ихъ точное содержаніе; свѣтитъ въ тембрѣ его голоса, болѣе задушевнаго и теплаго и который мы дичась и вздрагивая слушаемъ, принимая во вниманіе его поступки (теперь). Отсюда въ искренности—мучительная опасность, и единственнымъ коррективомъ ей служитъ правда. Она повинуется мотиву *теперь* дѣйствующему и относится къ предмету, здѣсь предлежащему, покрывая его, не переиначивая, любя пол-

[1]) Замѣчательно: искренній писатель не можетъ вовсе, т. е. даже если-бы усиливался, «на споръ», написать не искренно; и нельзя же предположить серьезно, чтобы онъ никогда вовсе, никогда въ самомалѣйшей записочкѣ не «скривилъ». Но ангельскій языкъ данъ уже всему, что-бы онъ ни написалъ данъ—это замѣчательно—одною минутою настоящей правды.

ною, хоть и минутною любовью. Она доступна каждому человѣку и, къ счастью, доступна бываетъ самымъ простымъ и грубымъ людямъ. Собственно, она есть плодъ мужества, мужественнаго отношенія къ вещамъ и особенно людямъ; и поэтому у людей безъ этихъ тайнъ внутренняго опыта, безъ затронутыхъ нѣдръ—цѣльнѣе всего сохраняется. Писатель, соединившій-бы въ себѣ искренность и правду, будетъ великъ, потому что печать святости дѣйствительно почила-бы на немъ. Но по указанному соотношенію это особенно трудно для человѣка, и нужно особенное и рѣдкое совпаденіе даже чисто внѣшнихъ условій роста и потомъ дѣятельности, чтобы два качества эти не разъединились. Но и здѣсь—непоправимое для человѣка исправляется вѣчностью: сила правды, ея значительность ограничивается фактомъ (предлежащимъ) и обыкновенно только на него простирается; но искренность, при всей обволакивающей лжи словъ, вотъ этихъ опредѣленныхъ, объ этихъ опредѣленныхъ предметахъ, несетъ въ себѣ вѣчную правду порыва какъ настроенія, и только въ такомъ видѣ, при всѣхъ опавшихъ словахъ, какъ-бы стволъ среди опавшей листвы — она переходитъ въ жизнь, и именно въ жизнь будущаго [1]).

Тамъ именно, гдѣ мы готовы-бы судить г. Михайловскаго, гдѣ

[1]) Классическій примѣръ этого—Руссо, напр. въ идеяхъ его о воспитаніи, да и въ чисто политическихъ идеяхъ. Въ противоположность правдивому Борку, даже относительно правдивому Вольтеру—онъ не былъ правдивъ, не былъ классическимъ образцомъ ни отца-воспитателя, ни гражданина-патріота. Но обоихъ названныхъ писателей онъ превосходилъ тѣмъ типичнымъ, что мы зовемъ «искренностью». Пока живъ былъ онъ, идеи его имѣли дѣйствіе широкое, но какъ-бы воздушное, эфирное, не концентрирующееся около фактовъ и на факты не вліяющее, въ противоположность идеямъ Борка, да отчасти и Вольтера, дѣйствовавшимъ непосредственно на текущее законодательство и администрацію. Люди такъ вообще разсудительны, что когда имъ приходится перемѣнять фактъ, создавать вновь его или разрушать старый, предпочитаютъ выслушивать о немъ «короткую» правду, и на нее надѣются, опираются Но вотъ Руссо умеръ, умерли и Боркъ и Вольтеръ; оба послѣдніе умерли и во вліяніи своемъ; напротивъ, Руссо только теперь какъ-бы родился для вліянія. Нужно замѣтить: во всѣхъ искреннихъ писателяхъ есть какая-то тайная изнѣженность—плодъ «въ ночи уроненной на подушку слезы» и потомъ забытой, тревогъ, сомнѣній, но обыкновеннѣе—положительной любви, сладко когда-то колыхнувшей нѣдра души; и она, эта нѣга, и образуетъ остріе ихъ вліянія, тотъ ἔρος, часть того ἔρος'α, который и въ Евангеліи названъ «любовью», и сказано тамъ, какъ и у Платона въ «Федрѣ», что это изначальный Богъ и родитель всѣхъ вещей, въ частности—всякихъ событій. Теперь, когда пафосъ Руссо не имѣлъ передъ собою тѣхъ частныхъ предметовъ, какіе вызвали его, да и никто не читалъ его страницъ съ вниманіемъ къ тому и иному практическому требованію; когда смертная оболочка духа пала, спала ложь словъ съ истины настроенія—это настроеніе и получило свою силу, практическое свое приложеніе. *Колоритъ* писателя, тамъ — Руссо, у насъ — Гоголя или Достоевскаго, это и есть въ немъ вѣчное, это только и при жизни его было въ немъ единственною правдою, но тогда онъ не съумѣлъ употребить ее, выходя за предѣлы абстрактныхъ созерцаній и вмѣшивая языкъ свой въ подробности текущихъ дѣлъ, въ подробности «не отъ его міра»...

намъ невольно хочется улыбнуться—въ «отрокахъ нѣжныхъ», имъ уловляемыхъ—и начинается страннымъ образомъ его серьезная сторона. Огромное преобладаніе аналитическихъ способностей надъ синтетическими, критики надъ идеаломъ, и критики острой, проницающей—было причиною, что его развитіе не пошло въ ширь, не получило сложности движеній, многообилія порывовъ. Искренность, которая есть въ немъ, есть искренность вся въ одну линію. Мы упомянули о цвѣтахъ, заботливо имъ приносимыхъ на свою могилу, обманно проносимыхъ туда: казалось-бы отвратительно — но это именно прекрасно; сквозь всѣ гриммы, всѣ изгибы литературной дѣятельности, «вольницу и подвижниковъ», «дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха», «субъективный методъ въ соціологіи» или «соціологію въ субъективномъ методѣ», мы, наконецъ, различаемъ въ бѣдномъ Риголетто неподдѣльную любовь къ своей Джильдѣ—связи съ людьми, даже за гробомъ, вѣчной; съ людьми, какими-бы они ни стали, кто-бы ни были. Безспорно, при отсутствіи вѣры въ свою загробную жизнь — это есть трансформація великой жажды человѣка уже теперь; такъ сказать — упоеніе его дыханіемъ, даже какъ-бы оно ни пахло. Смѣшно—но это сказалось въ 5—6 строкахъ, которыя мы приведемъ:

«Дѣло въ томъ, что Волга очень почтительно относится къ литературѣ. Отъ Нижняго до Астрахани бѣгаетъ прекрасный пароходъ *Пушкинъ*, и въ немъ, въ общемъ залѣ перваго класса, виситъ портретъ Пушкина и лежатъ на этажеркѣ сочиненія Пушкина. Есть пароходъ *Жуковскій*, и въ немъ портретъ и сочиненія Жуковскаго. На этихъ двухъ пароходахъ я ѣздилъ. А есть кромѣ того (*замѣчательно: совершенно наивный, дѣтски чистый языкъ*), кромѣ того есть пароходы *Гоголь*, *Лермонтовъ*, *Некрасовъ*, *Тургеневъ*, *Салтыковъ-Щедринъ*, *Левъ Толстой*» (*не видѣлъ-же онъ ихъ всѣ, значитъ справлялся*). «Въ Саратовѣ есть Радищевскій музей, единственный у насъ музей общаго характера, и онъ посвященъ памяти писателя. Все это очень лестно для литературы...»

И нѣсколько далѣе:

«И вотъ они такъ въ исторіи и остались: нѣтъ парохода *Цензоръ Красовскій*, нѣтъ и *Бирюковскаго музея*, нѣтъ и не будетъ...» (уже цитированная статья изъ «*Русск. Мысли*», стр. 171 и 172).

И вотъ, если мы чуть-чуть одарены представляющими способностями (см. подробности статьи: авторъ описываетъ, какъ ѣхалъ по Волгѣ и какія думы у него текли при чтеніи, во время поѣздки, книги г. Скабичевскаго), мы подсматриваемъ бѣднаго мальчика въ смѣшной фантазіи, чисто солнечной, идиллически прекрасной: что будетъ нѣкогда ходить по Волгѣ пароходъ *Критикъ Михайловскій*,—и мы такъ любимъ его въ этихъ куклахъ, которыми онъ вдругъ, среди скучной соціологіи, заигрался, что — безъ фальши и лицемѣрія—хотѣли-бы, чтобы по Волгѣ ходили два парохода имени знаменитаго критика, такъ чтобы одинъ *Критикъ Михайловскій*—подходилъ къ пристани, въ то время какъ другой *Критикъ Михайловскій* уже отваливаетъ, и изъ глазъ толпы, на берегу ожидающей, никогда не терялось его имя...

Толпа, какова-бы она ни была, пахнущая дегтемъ и потомъ, пахнущая потомъ и дегтемъ даже въ историческомъ смыслѣ — ему интимна болѣе, чѣмъ управляющія ею идеи. Отсюда, можетъ быть, его замѣчательная любовь къ Глѣбу Успенскому, содружество духовное съ нимъ — такимъ типичнымъ и выразителемъ, и любителемъ народнаго пота: да и многія другія частности; *не любовь* ко всему отъ людей отъединяющемуся, и отсюда косвенно, посредственно — ко всему аристократическому въ положеніи, въ идеяхъ, вкусахъ, тенденціяхъ; можетъ быть, отсюда равнодушіе, котораго онъ никакъ не умѣетъ преодолѣть, къ Пушкину, ныряющему только въ народное тѣло, и изъ него выходящему, тамъ не удерживающемуся.

«Но не къ идеямъ, толпой управлявшимъ», мы сказали,—не къ «соціологіи» и «методу». Неуловимо, онъ всѣмъ имъ измѣнялъ и, въ сущности, имъ измѣнилъ всею своею литературною дѣятельностью. Здѣсь входимъ мы въ его слабую сторону—галлерею гримммовъ, тайныя киванія и полу-согласія. Но вотъ фактъ болѣе общій и всѣмъ видимый, въ противоположность киваніямъ. Онъ не уронилъ ни одного цвѣтка изъ вѣнка на гробъ себѣ во имя торжества наилучшей изъ идей. Постоянный полемистъ, онъ никогда не выступалъ противъ людей сильнѣе его. Можно подумать, что Каблицъ и публицисты изъ «Недѣли» сломили силу 60-хъ годовъ, такъ часто на нихъ сыпались его удары; такъ внимательно еще и еще онъ возвращался къ нимъ. Онъ зналъ—въ полемикѣ съ ними лавры его сохранятся цѣлы. Всѣмъ, однако, понятно, что специфическимъ идеямъ тѣхъ лѣтъ, идеямъ позитивизма и матеріализма, наносился первый и дѣйствительно пошатывающій ударъ г. Влад. Соловьевымъ. Друзья—«рабы» Спартака—г.г. Лесевичъ, Оболенскій, Скабичевскій—они бросились на противника и, конечно, не опрокидывая его, затемнили воздухъ, полетѣвшимъ изъ нихъ пухомъ; мудрый Спартакъ все время сражался гдѣ-то въ сторонѣ и, сравнивая Каблица съ жукомъ какого-то вида, каталъ его въ навозѣ (тамъ есть такое выраженіе) своей критики. Ни одной трудной борьбы [1]), множество легкихъ побѣдъ—вотъ изъ чего внимательно

[1]) Замѣчательно еще, что онъ никогда не нападалъ на идеи К. Н. Леонтьева—какъ антипатичны для него онѣ ни были; что способъ оспариванія имъ гр. Л. Толстого, сокрушившаго собственно политическій нигилизмъ—былъ полу-оспариваніемъ, нисколько не могшимъ раздражить множество послѣдователей графа. И только, книжкахъ въ четырехъ «Русской Мысли», возражалъ онъ въ статьѣ съ характернымъ заглавіемъ, выражавшимъ его робкій темпераментъ: «Страшенъ сонъ да милостивъ Богъ», на ироническую критику г. Слонимскаго, сдѣланную однако во вліятельномъ и авторитетномъ «Вѣстникѣ Европы». Всегда когда онъ нападалъ—онъ нападалъ съ толпою; вслѣдъ за толпою—сторонился передъ сильнымъ индивидуумомъ; никогда эту толпу не научилъ, не направилъ, ей не противорѣчилъ. Можетъ быть, въ высшей степени яркое ощущеніе въ себѣ слитности съ толпою навело его и къ любимымъ его темамъ по «психологіи толпы».

и осторожно онъ установилъ свое при-жизненное «genotée» и сплелъ надгробный вѣнокъ. Т. е. отсутствіе жажды побѣды надъ враждебными, истинно опасными идеями; и, слѣдовательно, отсутствіе истинно горячей любви къ своимъ идеямъ. При любви, какъ уже мы сказали, къ человѣческому поту.

Изъ этой интимности съ толпою, почти въ физіологическихъ ея данныхъ, вытекаетъ интимность его къ тому, что въ ней самой есть часть наиболѣе физіологическая, наименѣе увитая пока мыслью и опытомъ—къ ея нѣжнымъ поросляmъ utriusque sexus; пониманіе счастья какъ сліянія человѣка съ человѣкомъ—духовнаго, политическаго, всяческаго; сочувствіе моментамъ и многообразію моментовъ этого сліянія—сюда примыкаютъ представленія его о прогрессѣ и критеріумы исторіи. Въ высшей степени повышенное чувство компактности человѣчества; совершенное отсутствіе идеи служенія высшему, передъ чѣмъ человѣчество было-бы обязано и чѣмъ оно было-бы связано. Къ кругу этихъ мыслей—или, гораздо вѣрнѣе, ощущеній, позывовъ — примыкаетъ такъ частая у него тема женскаго вопроса, при проницательномъ пониманіи его слабыхъ, тревожныхъ сторонъ [1]). Здѣсь, во всемъ этомъ — доброе, простое г. Михайловскаго. Но онъ не такъ вовсе встревоженъ будущимъ человѣчества; онъ увѣренъ—тамъ оно устроится, найдется въ затрудненіяхъ. Главная его тревога—всегдашняя себя-сліянность съ человѣчествомъ, и на идеяхъ собственно онъ играетъ какъ на струнахъ, почему-то, и можетъ быть по простому капризу, нравящихся теперь этому человѣчеству.

XVI.

Вотъ почва, куда пало сѣмя. Если, съ одной стороны, г. Евг. Соловьевъ лучше, живѣе, чище сонныхъ великановъ, этихъ огромныхъ гриффоновъ со снятыми полушаріями большаго мозга, которые полетѣли надъ Европою до недалекаго забора, — то г. Михайловскій тоньше, острѣе, проницательнѣе, и наконецъ онъ сердцемъ конечно глубже ихъ. И оба, въ силу разобранныхъ подробностей, служатъ имъ. Лучшее послужившее худшему, сильнѣйшее давшее себя въ снѣдь слабѣйшему—вотъ характерная и истинно мистическая черта нашей эпохи. Добавимъ эти подробности, точнѣе—окинемъ

[1]) Въ книжкѣ отзывовъ о женщинахъ, собранныхъ г. Ледерле. Взглядъ, здѣсь брошенный («сліяніе половъ тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ противоположнѣе они») не только вѣренъ, но и представляетъ геніальную формулировку всѣхъ отрицаній женскаго вопроса, какъ-то темныхъ и сбивчивыхъ всегда. Вообще г. Михайловскій, бѣдный въ изобрѣтеніи идей, мастеръ въ формулированіи уже изобрѣтенныхъ. При этомъ формулы его—не бѣгучи, не «мимоходомъ», не суть плодъ удачнаго словеснаго выраженія, но сосредоточенно внимательны и явно представляютъ плодъ долгаго аналитическаго обтачиванія вычитанной или услышанной мысли.

ихъ взглядомъ съ другой стороны. Въ вѣкъ «Горя отъ ума», Софьи заслушивавшейся Молчалина и, можетъ быть, заставлявшей его пѣть:

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день, и ночь...

—энтузіастъ, работающій теперь у г. Павленкова и около Бокля, пѣлъ-бы знаменитый романсъ мѣстной Дульцинеѣ. Теперь, въ силу самаго развитія гражданственности и разлитія образованія, онъ стараніемъ родителей и снисхожденіемъ наставниковъ поднятъ на самый верхъ умственной жизни и здѣсь, раскрывъ ротъ, усердно подгоняетъ всякій уже несущійся вѣтеръ. Въ тѣ-же, болѣе молодыя десятилѣтія, въ десятилѣтія еще не утомившихъ умы идей, г. Михайловскій, хорошо понимающій цѣну Бокля и, вѣроятно, даже Дарвина, не полукивалъ-бы въ сторону ихъ, со скрытымъ чувствомъ ко всему идейному міру:

. . . да ну ихъ, говоритъ,
Вотъ, говоритъ, потѣха,

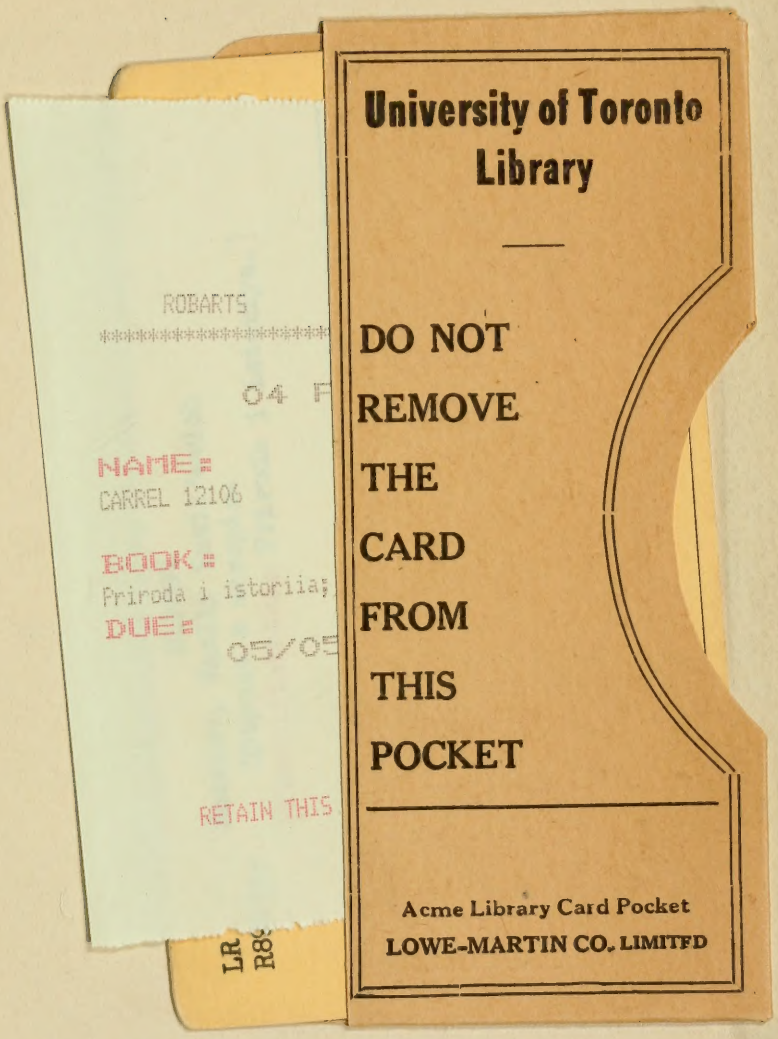
—но, старый циникъ теперь, онъ бросился-бы молодой грудью имъ на встрѣчу; и объ эту грудь, правда поломавъ ее немного, они разбились-бы—у насъ, на нашей территоріи, для нашего сознанія. Ибо въ сочетаніи даровъ его, не глубокихъ, есть нѣчто болѣе цѣнное самой глубины—для данной цѣли То, къ чему безсильны первыя свѣтила науки, тихо горящіе у себя свѣтильники «поставленные подъ спудъ» условіями времени, обстоятельствами печати,—силою этихъ самыхъ обстоятельствъ онъ могъ-бы это сдѣлать, сорвавъ надъ ними покровъ и давъ міру созерцать свѣтъ. Ничего не открылъ-бы онъ—какъ и теперь—но критическою работою, всѣмъ видимою, для всѣхъ понятною, неутомимостью этой работы и, наконецъ, точностью формулъ и постоянно вьющейся ироніей онъ сталъ-бы передъ слѣпою силою того полета немногоцѣннымъ, но необходимымъ заборомъ. Теперь заслоняющимъ заборомъ онъ сталъ около тѣхъ свѣточей, и безъ того безсильныхъ. Мы взяли только одну деталь. Не вступая, съ обычною осторожностью, въ борьбу съ Толстымъ, онъ проницательно указываетъ возвратъ къ Боклю, пониженіе психическаго уровня, какъ лучшее и въ сущности несокрушимое орудіе побѣды надъ духомъ и вообще всякимъ развитіемъ. Лозунгъ понятъ; фирма г. Павленкова работаетъ; трудится г. Евг. Соловьевъ; трудятся и издаютъ «полное собраніе сочиненій» Бокля, Спенсера, Дарвина—и, словомъ, тяжелая, удушливая, сырая атмосфера даетъ опору огромнымъ крыльямъ. И нѣтъ эфира, не видно небесъ...

Мы анализировали тщательно, до утомительности детально, одинъ изъ странныхъ тріумфовъ, и указали ту «землю», ту «матерію», которая послужила для него опорою. Не у насъ только, но и на Западѣ, надъ небосклономъ цѣлой Европы, она именно, въ соче-

-таніи своихъ подробностей, распростерла «тьму бездны», и мы видимъ вновь «духъ Божій носящійся», но уже не «верху водъ», но «подъ водами»; ἄπειρον, поглощающій обратно всякій πέρας.

Единственный, однако, пессимизмъ, оправдывающійся въ себѣ, есть горесть за человѣка, но не горесть за павшія въ человѣкѣ идеи. Пусть онъ какъ-бы перестаетъ видѣть природу; въ разобранномъ примѣрѣ—перестаетъ понимать свою исторію. Но эта исторія совершившаяся есть уже фактъ, непоправимый ни для никакого непониманія; и міръ цвѣтетъ, если даже никто на него не смотритъ. Повидимому, жизнь движется вновь къ съуженію выразительности въ себѣ, къ стѣсненію выражающихъ ее органовъ, частей. Вновь геній замкнется въ немногихъ, стѣсненный на «стогнахъ», гонимый съ «ристалищъ», и не пытаясь вовсе овладѣть колесницами и конями. Будемъ просить судьбу, чтобы въ этомъ уединеніи онъ не пріобрѣлъ жесткости и былъ готовъ со свѣтомъ и теплотой принять къ себѣ ристающихъ, когда время естественнаго утомленія для нихъ настанетъ.

1897 г.


University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED
ROBARTS
04 F
NAME:
CARREL 12106
BOOK:
Priroda i istoriia;
DUE:
05/05
RETAIN THIS
LR
R8